

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

*К 145-летию со дня основания
Томского государственного университета*

*К 125-летию Юридического института
Томского государственного университета*

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Часть 95

Сборник статей

Томск
Издательство Томского государственного университета
2023

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408
П68

Редакторы:

д-р юрид. наук, доцент *О.И. Андреева*,
д-р юрид. наук, доцент *А.С. Князьков*,
канд. юрид. наук, доцент *Н.В. Ольховик*,
д-р юрид. наук, профессор *Л.М. Прокументов*,
д-р юрид. наук, профессор *В.А. Уткин*

П68 Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей / ред. О.И. Андреева, А.С. Князьков, Н.В. Ольховик, Л.М. Прокументов, В.А. Уткин. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2023. – Ч. 95. – 384 с.

ISBN 978-5-94621-672-2

ISBN 978-5-907722-49-1 (отд. кн.)

В сборник включены статьи преподавателей и аспирантов высших учебных заведений, научных и практических работников – участников международной научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности», посвященной 145-летию со дня образования Томского государственного университета и 125-летию юридического образования в Сибири (Юридический институт ТГУ, г. Томск, 26–28 января 2023 г.).

Статьи посвящены актуальным проблемам различных отраслей права и юридической науки, содержат предложения по совершенствованию российского законодательства и правоприменительной практики.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений, а также практических работников, осуществляющих профессиональную деятельность в сфере юриспруденции.

УДК 347.9+343.95+343
ББК 67.692.0+628+67.408

ISBN 978-5-94621-672-2
ISBN 978-5-907722-49-1 (отд. кн.)

© Томский государственный университет, 2023

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

А.Л. Агабекян

ДОБРОВОЛЬНОЕ ВОЗМЕЩЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА И МОРАЛЬНОГО ВРЕДА КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, СМЯГЧАЮЩЕЕ НАКАЗАНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Уголовный закон в п. «к» ч. 1 ст. 61 предусматривает такое смягчающее наказание обстоятельство, как добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления. При этом Верховный Суд Российской Федерации в обзоре судебной практики в 2020 г. отметил, что для установления верхнего предела наказания, когда срок или размер наказания не могут превышать $\frac{2}{3}$ максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, необходимо произвести полное возмещение потерпевшему¹. То есть частичное возмещение не позволит применить правила назначения наказания, основываясь на ч. 1 ст. 62 УК РФ.

В этой связи методом случайной выборки из базы судебных решений ГАС «Правосудие» было отобрано и исследовано 250 судебных решений судов² первой инстанции в Северо-Кавказском и Южном федеральных округах. В 21 приговорах (8% от общего числа изученных решений) учтен факт возмещения имущественного ущерба и морального вреда. Из них в 14 решениях (66%) потерпевшему ущерб был возмещен до суда, при этом гражданский иск по делу не заявлен в таких приговорах.

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 4 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020) // СПС «Консультант-Плюс».

² Изучены и обобщены решения судов по заданным параметрам за 2018–2022 гг., отобранные методом случайной выборки из базы судебных решений ГАС «Правосудие» (дата обращения: 27.12.2022).

Так, в 2021 г. в Республике Ингушетия Сунженский районный суд признал гражданина виновным в умышленном повреждении чужого имущества и угрозе убийством, где имелись основания опасаться осуществления этой угрозы (ч. 1 ст. 119, ч. 2 ст. 167 УК РФ). В приговоре среди обстоятельств, смягчающих наказание, перечислены примирение его с потерпевшим, признание обвиняемым своей вины, совершение преступления впервые, а также добровольное возмещение имущественного вреда, который был возмещен полностью до суда. С учетом этого судом назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года.

Другой приговор был вынесен в 2022 г. Октябрьским районным судом г. Краснодара. Гражданин был признан виновным в хищении чужого имущества с причинением значительного ущерба (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ), за что был приговорен к штрафу в размере 10 000 руб. Такое наказание было обусловлено наличием следующих смягчающих вину обстоятельств: наличие малолетних детей, признание подсудимым своей вины и раскаяние, добровольное возмещение имущественного ущерба, который погашен полностью.

Таким образом, в большинстве случаев, когда суд учитывает добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, обвиняемый полностью и до суда возмещает такой ущерб или вред. Однако из общего массива изученных решений все же меньшая их часть, а именно 8%, содержит указание на какое-либо возмещение потерпевшему. Вместе с тем в 4% из 250 приговоров был заявлен гражданский иск, что позволяет прийти к выводу о низком уровне защиты частных интересов потерпевшего в Северо-Кавказском и Южном федеральных округах.

С.Ю. Алпатова

ИНЫЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА, ПРИМЕНЯЕМЫЕ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

Классификация иных мер уголовно-правового характера, применяемых к несовершеннолетним, представляет собой разделение их на группы в соответствии с тем или иным критерием (критериями), а

также результат такого разделения. Как и любая классификация, классификация иных мер изначально своей целью имеет представление классифицируемых единиц в виде стройной системы. Вместе с тем она способствует более глубокому изучению иных мер уголовно-правового характера и, соответственно, расширению знаний о них в целом.

Иными мерами уголовно-правового характера, не являющимися формами реализации уголовной ответственности, являются те, содержание которых не составляют неблагоприятные последствия, предусмотренные уголовным законом. К их числу относятся, в частности, принудительные меры медицинского характера, применяемые к лицам, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости. В зависимости от их содержания все иные меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним, также можно подразделить на следующие группы:

- превентивно-воспитательные;
- исправительно-предупредительные;
- социально-восстановительные;
- лечебно-профилактические.

Так, превентивно-воспитательными мерами являются условное осуждение (ст. 73 УК РФ), принудительные меры воспитательного воздействия (п. «а», «б», «г» ст. 90 УК РФ). Условное осуждение включает в себе определенный воспитательный потенциал, способный исправить осужденного. Принудительные меры воспитательного воздействия представляют собой поощрение, поскольку применяются в случаях освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности или от наказания. С другой стороны, как это явствует из их названия, они представляют собой воспитательное воздействие.

К исправительно-предупредительным мерам относится помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа органа управления образованием (ч. 2 ст. 92 УК РФ), при ее применении исправление осужденного осуществляется в специфических условиях, которые создаются, в частности, в целях недопущения совершения несовершеннолетним новых преступлений, к лечебно-профилактическим – принудительные меры медицинского характера.

Социально-восстановительные меры также имеют место среди иных мер уголовно-правового характера, применяемых к несовершеннолетним. По сути, они являются аналогом того, что лежит в основе

восстановительного правосудия, которое развито в ряде зарубежных государств, и направлены на восстановление прав и законных интересов потерпевших, нарушенных в результате совершения преступления¹. К числу подобных мер относятся принудительные меры воспитательного воздействия (п. «в» 90 УК РФ) и конфискация имущества.

Таким образом, классификация иных мер уголовно-правового характера, применяемых к несовершеннолетним, позволяет выделить общие и отличительные признаки этой категории уголовного права.

В силу многообразия иных мер уголовно-правового характера, применяемых к несовершеннолетним, целесообразно осуществить их многоуровневую классификацию. В ее основе могут быть положены следующие критерии: субъект принятия решения о применении иной меры уголовно-правового характера; основания применения иных мер уголовно-правового характера; субъекты, к которым применяются иные меры уголовно-правового характера; обязательность применения меры; самостоятельность назначения; содержание мер.

Е.Ю. Антонова

ПРИЗНАКИ ЛИЦА, ЗАНИМАЮЩЕГО ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ

Уголовный закон устанавливает ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210) и за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹). По данным судебной статистики, с 2009 по 2017 г. в России не было осуждено ни одного лица по ч. 4 ст. 210 УК. В 2018 и 2020 гг. по ч. 4 ст. 210 УК было осуждено по одному лицу, в 2021 г. осуждено восемь лиц по ст. 210¹ УК.

Сложность привлечения лиц к ответственности по этим нормам обусловлена законодательной формулировкой субъекта – «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», которая является оценочной.

¹ См.: Специальные доклады Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. М., 2003. С. 376–377.

Если для привлечения лица к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 210 УК обязательно необходимо, чтобы это лицо создало преступное сообщество / организацию или руководило им либо координировало преступные действия; создало устойчивые связи между различными самостоятельно действующими организованными группами; осуществляло раздел сфер преступного влияния и преступных доходов; обладало авторитетом и было лидером в этом сообществе / организации, то из буквального толкования ст. 210¹ УК следует, что достаточным является констатация того факта, что лицо занимает высшее положение в преступной иерархии. Из этого исходят и суды, констатирующие, что преступление, предусмотренное ст. 210¹ УК, считается оконченным в момент занятия лицом высшего положения в преступной иерархии (Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 08.09.2022 № 57-УД22-10-А1 6А3), поэтому «установление конкретных фактов и обстоятельств создания или руководства тем или иным лицом преступными группами фактов координации их действий» не требуется (Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.07.2022 № 5-УД22-82-А1).

Суды при признании лица виновным в преступлении, предусмотренном ст. 210¹ УК, в первую очередь фиксируют факт занятия лицом такого статуса: «А. ... был присвоен статус “вора в законе”, т.е. лица, обладающего авторитетом в преступной среде, воспринимаемого в этом качестве лицами, занимающимися противоправной деятельностью, позволяющего влиять на систему неформальных взаимоотношений, складывающихся в криминальной среде» (Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11.08.2022 № 20-УД22-9А3); «согласно заключению эксперта татуировки, нанесенные на тело Н., подтверждают его статус в преступной иерархии как лица, занимающего высокое положение в преступной элите»¹. Вместе с тем суды не ограничиваются этим фактом, руководствуясь и доказательствами того, что после наделения особым статусом лицо выполняло определенные действия, свидетельствующие о его наличии. К таким действиям относятся, например: контроль различных направлений деятельности криминальных структур, обеспечение их существования

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.09.2022 № 11-УД22-34-А4.

и наполнение общей материальной базы, осуществление покровительства лицам, совершившим преступления¹; распределение сфер влияния в уголовно-преступной среде, присвоение криминальных статусов другим лицам и лишение их этих статусов, выполнение других организационно-распорядительных, регулирующих и дисциплинарных функций (Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.07.2022 № 32-УД22-9-А4).

Таким образом, признаками субъекта преступления, описанного в ст. 210¹ УК, являются наличие соответствующего статуса – лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, и совершение в связи с этим определенных действий.

А.В. Архипов

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ХИЩЕНИЯ

Общественная опасность – это важнейший признак преступления. Она выступает основанием для криминализации деяния, а значит, не может не учитываться в правотворческой деятельности при конструировании уголовно-правовых запретов. От того, почему мы считаем то или иное поведение человека общественно опасным, должно зависеть содержание признаков состава преступления, указанных в законе. Поскольку уголовно-правовой запрет имеет своей целью избежание негативных последствий преступления в виде причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям или постановки их под угрозу причинения вреда, то важнейшим вопросом для правильного конструирования такого запрета является вопрос о том, в чем именно заключается вредоносность запрещаемого деяния. Неверное понимание законодателем общественной опасности криминализируемого деяния может привести к тому, что установленный запрет защищает общественное отношение не от действительного негативного воздействия деяния, а от чего-то совсем другого, или защищает от негатив-

¹ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 21.04.2022 № АПЛ22-135.

ного влияния только отчасти, или является чрезмерным, т.е. запрещающим кроме необходимого, и такие деяния, которые не причиняют в действительности вреда объекту.

Хищение – одно из наиболее древних преступлений, известных человечеству. Наличие общественной опасности у хищений сомнений не вызывает. Видимо, по этой причине о содержании общественной опасности хищения говорится и пишется не так много. Между тем проблема здесь существует и связана она с несоответствием представлений об общественной опасности хищений действительному ее содержанию и как следствие ее некорректному отражению в уголовно-правовых нормах при конструировании составов хищений в действующей редакции УК РФ.

Почему хищения общественно опасны? Ответ на этот вопрос не всегда был одинаковым. Так, в средние века в период принятия первых законодательных актов древнерусского государства общественная опасность хищений определялась не экономическими, а морально-этическими соображениями. Исходя из этого, ответственность за кражу (татьбу) была установлена уже в первой редакции «Русской правды», а вот ответственности за грабеж на Руси не было вплоть до XIV–XV вв. В период становления и укрепления абсолютизма в русском государстве опасность хищений, как и всех иных преступлений, виделась в нарушении царской воли, в поздний имперский период – в нарушении дарованных подданным прав. В советское время сформировалось понимание общественной опасности хищения как незаконного обогащения, нарушающего существующую в советском обществе систему распределения материальных благ и принцип социализма: «от каждого по его способности, каждому по его труду»¹.

С момента распада СССР прошло уже более 30 лет, с тех пор в нашей стране произошли глобальные политические, экономические и идеологические изменения. Наиболее важными для определения общественной опасности хищений чертами имущественных отношений в наши дни являются:

– в целом рыночная система производственных отношений, предполагающая равенство субъектов экономической деятельности, поощрение частного интереса, лояльное отношение к обогащению, поддержка и защита частной собственности;

¹ Куринов Б.А. Уголовная ответственность за хищения государственного и общественного имущества. М., 1954. С. 23–25.

– изменение структуры имущественной массы субъектов экономической деятельности, включение в нее наряду с вещами цифровых объектов, имеющих экономическую стоимость и активно задействованных в гражданском обороте.

С учетом перечисленного вредоносность хищений в наши дни заключается вовсе не в извлечении нетрудовых доходов, как это было в советский период, а в их способности причинять имущественный ущерб субъектам экономической деятельности путем исключения имущества, в том числе не наделенного физическим признаком, из имущественной массы потерпевшего. Данное обстоятельство не учитывалось при разработке УК РФ.

В.В. Бабурин

ПАРАДОКСЫ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Не только для специалистов, но даже и для простых граждан необходимая оборона является достаточно известным понятием. Однако такая широкая известность играет злую шутку (вводит в заблуждение) не только с гражданами, но даже и со специалистами в области теории уголовного права. При широкой известности о необходимой обороне и ее содержании оказывается, что мы фактически о ней многого не знаем и не стремимся изучать ее глубже, поскольку нам кажется, что уж про необходимую оборону мы знаем все.

Вместе с тем при более внимательном рассмотрении мы могли бы обнаружить огромную пропасть между тем, что мы знаем о существующей норме о необходимой обороне, и тем, какой в действительности должна быть норма о необходимой обороне, для того, чтобы она реально могла обеспечить защиту интересов обороняющихся лиц во время судебных разбирательств по обвинению их в умышленном причинении вреда здоровью или смерти нападающему лицу. О масштабах такой пропасти косвенно свидетельствует минимальная практика применения ст. 37 УК РФ по прекращению уголовного преследования лиц, действующих в состоянии необходимой обороны и причинивших при этом вред нападающим лицам.

Более внимательное и углубленное изучение данной ситуации свидетельствует о том, что она является далеко не случайной, поскольку обусловлена наличием массы парадоксов, связанных с содержанием, правовым регулированием и применением нормы о необходимой обороне.

Первым чисто формальным парадоксом является то, что, с одной стороны, практически все, и граждане, и специалисты, уверены в том, что норма о необходимой обороне (ст. 37 УК РФ) очень хорошая¹, и в худшем случае, если признают наличие проблем, то связывают это с тем, что просто правоприменители не умеют или не хотят ее правильно применять². С другой стороны, повсеместная практика применения необходимой обороны свидетельствует о наличии огромных проблем с защитой обороняющихся лиц от обвинения их в суде в умышленных преступлениях на почве необходимой обороны. Практически все случаи необходимой обороны доводятся до суда, а в суде вынесение оправдательного приговора в отношении их является редким исключением, и то, как правило, в связи с возникающим при этом широким общественным резонансом по поводу несправедливости привлечения их к уголовной ответственности. Иными словами, парадокс заключается в том, что наше сознание сталкивается с нелогичным, несовместимым: если норма хорошая, то она должна работать, но если она не работает, она должна признаваться нехорошей, но этого не происходит, все говорят, что она хорошая.

Вторым парадоксом является то, что, с одной стороны, в уголовном праве отсутствует механизм исключения уголовной ответственности в состоянии необходимой обороны, а с другой стороны, все уверены, что норма и так способна решить проблему исключения уголовной ответственности в сложном случае, когда это связано с подозрением в умышленном убийстве нападавшего преступника или причинении ему тяжкого вреда здоровью. И это при том, что сама данная норма находится в Общей части уголовного права и не имеет необходимой структуры для нормы, которая способна исключить уголовную ответствен-

¹ Попов А.Н. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / науч. ред. Б.В. Волженкин. СПб., 1998. С. 8.

² Кондрашова О.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключающее преступность деяния : учеб. пособие. Тюмень : Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2008. С. 9.

ность: гипотеза, диспозиция, санкция. Она является нормой декларативной, а не регулятивной. Также в самой норме даются только объективные признаки и не раскрываются все условия, которые должен выполнить обороняющийся при защите от общественно опасного посягательства. В частности, в статье отсутствует характеристика субъективных признаков, которые обязательно должны дополнять объективные признаки деяния для того, чтобы вместе свидетельствовать о наличии правомерности в деянии по причинению вреда нападающему преступнику.

Без преодоления и разрешения данных парадоксов, прежде всего в теории уголовного права, невозможно решение вопроса о приемлемом правовом регулировании права на необходимую оборону.

Н.С. Бондаренко

ЯВКА С ПОВИННОЙ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, СМЯГЧАЮЩЕЕ НАКАЗАНИЕ

Явка с повинной выступает одной из характеристик позитивного посткриминального поведения лица, совершившего преступление, свидетельствует о его низкой общественной опасности, подразумевает признание вины и раскаяние. Именно поэтому явка с повинной выступает одним из обстоятельств, смягчающих наказание, а также критерием деятельного раскаяния – основания освобождения от уголовной ответственности. При этом ни п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, ни ст. 75 УК РФ понятия явки с повинной не раскрывают. Его нормативное определение приведено в ст. 142 УПК РФ – добровольное сообщение лица о совершенном им (или с его участием) преступлении.

Правовая природа явки с повинной представляется неоднозначной: ее условия и юридические последствия предусмотрены уголовным законом, порядок оформления и возможной оценки как доказательства по уголовному делу – уголовно-процессуальным. Обращая внимание на этот дуализм, ученые исходят из того, что такая регламентация позволяет соблюсти принцип индивидуализации наказания¹. Более того, в

¹ Карлеба В.А. Явка с повинной – теоретические и практические вопросы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 150–153.

правовой доктрине сформулированы тезисы о том, что явка с повинной – это часть института освобождения от уголовной ответственности¹ или института освобождения от наказания².

В целом соглашаясь с выдвинутыми тезисами, можно отметить, что явка с повинной – это, в первую очередь, обстоятельство, смягчающее наказание. Как компонент указанных уголовно-правовых институтов, она, бесспорно, выступает условием применения соответствующих мер уголовно-правового поощрения. Но при этом факт явки с повинной априори не исключает осуществления уголовного преследования, осуждения и наказания лица, совершившего преступление.

В обоснование высказанной позиции приведем следующие аргументы.

Во-первых, ст. 61 УК РФ носит название «Обстоятельства, смягчающие наказание», т.е. применяется в тех случаях, когда характеристика личности виновного исключает иные возможности уголовно-правового воздействия, а содеянное им обладает достаточно высокой степенью общественной опасности, вследствие чего исправление осужденного возможно только при применении наказания.

Во-вторых, ч. 1 и ч. 2 ст. 62 УК РФ устанавливают правила обязательного смягчения наказания лицу, явившемуся с повинной, но не возлагают на суд обязанности освобождения такого лица от наказания.

В-третьих, п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ содержит перечень обстоятельств, характеризующих позитивное посткриминальное поведение лица, совершившего преступление, и одним из них признается явка с повинной. Наряду с ней законодатель указал активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию соучастников, розыску имущества, добытого в результате преступления. Эти действия могут дополнять явку с повинной, а могут совершаться самостоятельно. Их объединяют сформировавшееся отношение осужденного к содеянному, а также его выраженное желание менее строгой реакции государства на совершенное преступление. При этом, в отличие от п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, в котором перечислены параметры, характеризующие взаимодействие с потерпевшим

¹ Антонов А.Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2013. С. 301–304.

² Ефремова И.А. Институт освобождения от наказания в теории уголовного права, законодательной и судебной практике : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2018. С. 139–170.

после совершения преступления, явка с повинной может в равной степени свидетельствовать о раскаянии или нет.

Подводя итог, можно заключить, что в системе обстоятельств, смягчающих наказание, явка с повинной характеризует позитивное посткриминальное поведение субъекта преступления, которое не снижает его общественной опасности до того уровня, который не требует применения наказания. В связи с этим она не относится автоматически ни к институту освобождения от наказания, ни к институту освобождения от уголовной ответственности, хотя и выступает их факультативным признаком.

А.В. Васеловская

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОХРАНЫ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В последние годы активизировалась государственная политика в области защиты детей от любых видов насилия. Особое внимание уделяется вопросам уголовно-правовой охраны несовершеннолетних и малолетних лиц от сексуального насилия. Актуализация данного направления уголовно-правовой политики обусловлена рядом значимых факторов. Во-первых, это существенный прирост зарегистрированных в уголовно-правовой статистике преступлений против половой неприкосновенности лиц, не достигших совершеннолетнего возраста. Во-вторых, высокий уровень латентности исследуемых преступных деяний. В-третьих, серьезные и зачастую необратимые психофизиологические последствия для лиц, ставших жертвами таких посягательств (высокий риск развития психических расстройств, в том числе тяжелых депрессивных состояний, различных фобий и страхов, суицидальных попыток и т.д.)¹.

За последние несколько лет законодателем был принят ряд мер по усилению уголовной ответственности за совершение преступлений,

¹ См.: Прокументов Л.М. Уголовно-правовая охрана и ответственность несовершеннолетних в Российской Федерации. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. 308 с.

посягающих на половую неприкосновенность несовершеннолетних. Выделим, на наш взгляд, основные из них:

1. Закрепление в п. «п» ст. 63 УК РФ в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, совершение преступления в отношении несовершеннолетних определенными категориями лиц (родителями, иными лицами, на которых возложены обязанности по содержанию, воспитанию, обучению несовершеннолетних, педагогическими работниками и т.д.).

2. Закрепление в п. «д» ст. 97 УК РФ дополнительной категории лиц, в отношении которых могут быть назначены принудительные меры медицинского характера, а именно: лица, совершившие в возрасте старше 18 лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего 14 лет, и страдающие расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости.

3. Обязательное проведение перед истечением срока исполнения наказания судебно-психиатрической экспертизы в отношении лица, совершившего преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего 14 лет (ч. 2.1 ст. 102 УК РФ).

4. Введение полного запрета либо особых повышенных условий для применения отдельных мер уголовно-правового характера (условное осуждение, условно-досрочное освобождение, отсрочка отбывания наказания и др.) в отношении лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних (например, ст. 73, 79, 80, 82, 97 УК РФ).

5. Ужесточение наказания, закрепление квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков применительно к составам преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних (ст. 131–135 УК РФ).

6. Введение уголовной ответственности за уклонение лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, от применения к нему принудительных мер медицинского характера (ч. 3 ст. 314 УК РФ).

Указанный перечень не исчерпывает всех средств, которые предусмотрены действующим уголовным законом в целях защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних. Однако следует отметить, что защита несовершеннолетних от любых проявлений насилия, в том

числе сексуального, требует не только продолжения работы по совершенствованию имеющихся уголовно-правовых средств, но и разработки дополнительных административных мер и мер общесоциальной политики, которые должны быть нацелены на своевременное выявление, предупреждение и пресечение подобных посягательств в отношении несовершеннолетних.

А.Т. Вельтмандер

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ, СВЯЗАННЫЕ С КВАЛИФИКАЦИЕЙ ДЕЯНИЯ И НАЗНАЧЕНИЕМ НАКАЗАНИЯ ПО ст. 264.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С момента своего введения Федеральным законом от 31.12.2014 № 528-ФЗ ст. 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – также УК РФ) претерпела неоднократные и значительные изменения, которые, в свою очередь, ставили и продолжают ставить перед правоприменителем многочисленные вопросы, связанные с квалификацией деяния и назначением наказания.

В апреле 2019 г. абз. 1 ст. 264.1 УК РФ после слов «судимость за совершение» был дополнен словами «в состоянии опьянения». В сущности, данное решение законодателя было продиктовано изменением, внесенным в ст. 264 УК РФ, в которой ч. 2, 4 и 6 были разделены на два пункта: а) совершено лицом, находящимся в состоянии опьянения; б) сопряжено с оставлением места его совершения). В таком случае, безусловно, требовалось уточнение положений ст. 264.1 УК РФ. Вместе с тем внесенные изменения привели к не совсем удачной формулировке статьи: «совершение в состоянии опьянения преступления, предусмотренного частями второй, четвертой или шестой ст. 264 настоящего Кодекса либо настоящей статьей». Исходя из буквального толкования положений законодательства, следовало, что совершение деяния, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, также требовало указания при квалификации деяния на «состояние опьянения», однако ст. 264.1 УК РФ соответствующий криминализирующий признак предполагается как обязательный и не требует его повторного указания при квалификации.

В июле 2021 г. ст. 264.1 УК РФ была разделена на две части, первая из которых предусматривала административную преюдицию в ее «чистом виде», а вторая, в сущности, закрепляла особый вид неоднократности (или в некотором роде квалифицированный вид административной преюдиции).

Впоследствии подобный подход для законодателя приобрел системный характер (схожим путем сформулированы ст. 264.2, 264.3 УК РФ, а после указания Конституционного Суда РФ и ст. 116.1 УК РФ)¹.

В июле 2021 г. в лучшую сторону было изменено само наименование статьи, которое из абстрактного – «нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию» приобрело вполне конкретное содержание: «нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишением права управления транспортными средствами». Вместе с тем проблема в формулировании статьи, заложенная в апреле 2019 г., решена так и не была.

В июле 2022 г. в ст. 104.1 УК РФ («Конфискация имущества») была закреплена конфискация транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ.

Таким образом, для ст. 264.1 УК РФ конфискация транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, стала обязательной. Однако если аспект использования транспортного средства при совершении преступления как одно из оснований конфискации не вызвал больших проблем, то оценка принадлежности транспортного средства обвиняемому вызывает немало вопросов. Эти вопросы проистекают как из особенностей правового режима собственности как таковой (например, общей совместной собственности супругов), так и из возможных злоупотреблений со стороны обвиняемых своими правами (в частности, подтверждения принадлежности транспортного средства другим лицам). Полагаем, что в этом направлении имеется большой потенциал для науч-

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой».

ных изысканий в части возможной конфискации транспортного средства, принадлежащего не только обвиняемому, если только оно не было из обладания собственника не по его воле.

Е.П. Веснина

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИЗНАКА «ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ» В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

Весьма непросто представить жизнь человечества в XXI в. без информационно-телекоммуникационных сетей и самой известной из них – сети Интернет. Пандемия COVID-19 продемонстрировала, что без интернета функционирование многих сфер жизнедеятельности было бы невозможным.

В феврале 2023 г. опубликован глобальный обзор Digital 2023, подготовленный креативным агентством We Are Social¹. Согласно данным, представленным в отчете, население мира по состоянию на январь 2023 г. превысило 8 млрд человек. В начале 2023 г. 64,4% мирового населения имеют доступ в интернет. За 2022 г. темпы прироста замедлились, однако, согласно прогнозам, к концу 2023 г. 2/3 населения Земли будут подключены к интернету. Проникновение интернета в 8 странах составляет более 90%. В 55 странах – от 90%. Уровень проникновения интернета в России составляет 88,2%, а среднее время, которое пользователь проводит в сети, в России составляет 7 ч 57 мин².

По состоянию на февраль 2023 г. в Уголовном кодексе признак «использование информационно-телекоммуникационных сетей» закреплён в 30 составах преступлений. Впервые признак «использование информационно-телекоммуникационных сетей» появился в Уголовном кодексе в ст. 185.3 «Манипулирование рынком» в 2009 г. (статья была

¹ См.: URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report>

² Интернет и соцсети в начале 2023 года – главные цифры Global Digital 2023. URL: <https://vc.ru/marketing/596126-internet-i-socseti-v-nachale-2023-goda-glavnyye-cifry-global-digital-2023> (дата обращения: 27.02.2023).

введена Федеральным законом от 30.10.2009 № 241-ФЗ). В первоначальной редакции признак выступал в качестве квалифицирующего, однако после изменений, внесенных Федеральным законом от 27.07.2010 № 224-ФЗ, стал признаком основного состава.

В разд. VII Уголовного кодекса впервые признак «использование информационно-телекоммуникационных сетей» (без указания на сеть Интернет) появляется в ч. 3 ст. 137 УК РФ, в котором является основным признаком состава преступления (введен Федеральным законом от 28.12.2013 № 432-ФЗ).

Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ ст. 110 УК РФ дополнена квалифицирующим признаком – деяния, совершенные «в... информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет)», введены новые составы преступлений, предусмотренные ст. 110.1, 110.2, 151.2, – во всех составах признак также является квалифицирующим.

Федеральным законом от 30.12.2020 № 538-ФЗ изменена редакция ч. 2 ст. 128.1 и в числе квалифицирующих признаков появляется указание на использование информационно-телекоммуникационных сетей.

Наконец, Федеральным законом от 06.03.2022 № 38-ФЗ ст. 133 УК РФ была дополнена ч. 3, где в п. «б» устанавливается более строгая ответственность за понуждение к действиям сексуального характера в отношении несовершеннолетнего, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Таким, образом в разд. VII УК РФ признак встречается 7 раз, в 6 составах выступает квалифицирующим, в одном составе – кримиобразующим. Однако и иные преступления против личности могут быть совершены с использованием информационно-телекоммуникационной сети (например, интеллектуальные развратные действия).

Стоит отметить отсутствие ясных критериев дифференциации ответственности в случае применения информационно-телекоммуникационных сетей в процессе совершения преступлений против личности.

Е.С. Витовская

О ДИСБАЛАНСЕ МЕЖДУ ОЦЕНКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ И НАКАЗУЕМОСТЬЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Общественная опасность преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ выражается не только в негативном влиянии на здоровье населения, в создании благоприятных условий для совершения различных преступлений, но и в угрозе общественной безопасности. Количество лиц, допускающих немедицинское употребление наркотических средств и психотропных веществ, ежегодно увеличивается, при этом наблюдается омоложение контингента¹. На учетах наркологических диспансеров как регулярные наркопотребители среди прочих состоят дети, достигшие десяти лет². Процессы глобализации наркотизации общества детерминируют проблему соотношения общественной опасности и наказуемости преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Российский законодатель предпринимает множество усилий для борьбы с преступностью в сфере незаконного наркооборота. В частности, внесены существенные изменения в уголовное законодательство. В 2003 г. преобразована перегруженная ст. 228 УК РФ; в 2012 г. введены значительный, крупный и особо крупный размеры наркотических средств и психотропных веществ; в 2013 г. введено примечание к ст. 232 УК РФ, где под систематическим предоставлением помещений понимается передача более двух раз; в 2017 г. ч. 2 ст. 228¹ УК РФ дополнена сбытом на территории воинской части; в 2021 г. в ст. 230 УК РФ включен квалифицированный состав, предусматривающий последствия в виде смерти двух и более лиц по неосторожности, и др. В целом такие нововведения можно поприветствовать. Вместе с тем многие

¹ Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document118/>

² Доклад о наркоситуации в РФ в 2021 году. М. : ГАК, 2022. С. 36.

преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ продолжают расцениваться как не представляющие значительной общественной опасности.

Стоит отметить, что категоризация рассматриваемых преступлений изменялась незначительно. Например, к преступлениям небольшой тяжести отнесены деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 228², ч. 1 ст. 228³, ч. 1 ст. 231, ст. 233 УК РФ и др. Преступлениями средней тяжести являются деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 228⁴, ч. 1 ст. 230 УК РФ и др. В числе тяжких преступлений – ч. 2 ст. 228, ч. 1 ст. 228¹, ч. 2 ст. 228⁴ УК РФ и др. К особо тяжким отнесены деяния, предусмотренные ч. 5 ст. 228¹, ч. 4 ст. 229¹ УК РФ, и др.

Сопоставление санкций за анализируемые преступления позволило прийти к выводу, что существует явное несоответствие между общественной опасностью деяния и санкциями. Так, склонение к наркопотреблению расценивается как преступление средней тяжести и наиболее строгое наказание за него – лишение свободы на срок до пяти лет. При этом организация и содержание наркопритонов, совершенные группой лиц по предварительному сговору, отнесены к категории тяжких преступлений и максимальное наказание составляет лишение свободы сроком до шести лет.

Суровость меры наказания за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ смягчается позицией судов, которые активно назначают как наказания, не связанные с изоляцией от общества, так и применяют условное осуждение.

Полагаем, что система наказаний за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ требует пересмотра и разработки взвешенных предложений о теоретической модели наказаний за анализируемые преступления. Построение подобной теоретической модели возможно с учетом классификации наркотических средств (психотропных веществ) и классификации деяний, основанных на общественной опасности¹.

¹ Витовская Е.С. К вопросу о критериях дифференциации общественной опасности преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Закон и право. 2022. № 3. С. 148–152.

МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК КАК СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРИЧИНЕНИЕМ ВРЕДА ПАЦИЕНТАМ

Анализ судебной-следственной практики свидетельствует о ее неоднородности в части определения субъектного состава преступлений, связанных с причинением вреда пациентам при оказании им медицинской помощи. Не отличаются единством мнений и представители научной мысли.

Так, в доктрине уголовного права можно выделить 3 основные концепции о субъекте преступлений анализируемой категории:

1) исключительно медицинские работники (по смыслу п. 13 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», далее – Закон № 323-ФЗ)¹;

2) медицинские и фармацевтические работники (также со ссылкой на Закон № 323-ФЗ – п. 13 и 14 ч. 1 ст. 2)²;

3) медицинские и фармацевтические работники, а также педагогические и научные работники, осуществляющие практическую подготовку обучающихся в соответствии с законодательством об образовании³.

Отметим, что на сегодняшний день ни одна из приведенных концепций не получила своего признания ни в теории, ни в правоприменительной деятельности. В этой связи (по результатам проведенного исследования)⁴ выразим свои представления относительно определения субъектов анализируемых преступлений.

¹ Пашина Г.А., Ившин И.В. Профессиональная неосторожность деяний медицинских работников // Медицинский совет. 2009. № 2. С. 10.

² Давыдов Р.А. Время и место преступления против жизни и здоровья личности, совершенного медицинским работником по неосторожности // Проблемы в российском законодательстве. 2012. № 4. С. 145–147.

³ Патрушев С.В. Субъективные признаки преступлений, совершаемых в медицинской практике // Актуальные вопросы образования и науки. 2017. № 4 (62). С. 52–63.

⁴ Пархоменко С.В., Демченко В.А. Причинение вреда жизни и здоровью пациентов: актуальные вопросы определения субъекта преступления // Пролог: журнал о праве. 2020. № 3 (27). С. 34–42.

На основании системного толкования положений базового в рассматриваемой сфере правоотношений Закона № 323-ФЗ, а также требований уголовного закона и обобщения практики его применения приходим к выводу, что к числу субъектов преступлений следует относить исключительно медицинских работников (в соответствии с соответствующей номенклатурой должностей, утверждаемой федеральным органом исполнительной власти в сфере здравоохранения), получивших в установленном законом порядке медицинское или иное образование (в том числе не окончивших освоение образовательной программы и занимающих должности среднего медицинского персонала), состоящих в трудовых отношениях с медицинской организацией (или самозанятых медицинских работников – индивидуальных предпринимателей) и прошедших аккредитацию специалиста.

В рассматриваемом контексте (через призму обозначенных выше концепций) обратим внимание на нецелесообразность отнесения к субъектам исследуемых преступлений фармацевтических работников – во-первых, с точки зрения невозможности осуществления ими медицинского вмешательства и, во-вторых, в силу отсутствия нормативно закреплённой обязанности за данными лицами по оказанию, в том числе консультативной помощи гражданам при выборе и приобретении лекарственных препаратов.

Представляется, что использование в правоприменительной деятельности приведенной правовой позиции позволит разрешить существующие проблемы в процессе квалификации ненадлежащих действий работников сферы здравоохранения, повлекших неблагоприятные последствия для жизни и здоровья пациентов.

О.А. Дизер

ОТГРАНИЧЕНИЕ ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ОТ ФАЛЬСИФИКАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В правоприменительной практике остро стоит вопрос отграничения провокации преступления от смежных составов, что имеет немаловажное значение при квалификации совершаемых преступных деяний.

Весьма логичным в данном контексте выглядит новое Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия», однако вопросы квалификации по ст. 304 УК РФ затронуты так и не были¹.

Вместе с тем продолжает оставаться неразрешенным вопрос относительно юридической природы провокации преступления, что, в свою очередь, порождает множество дискуссий. Так, соглашаясь с точкой зрения В.Д. Иванова, необходимо отметить, что действительно в ст. 304 УК РФ ни о какой провокации в классическом ее понимании речи не идет, так как она по своей сути предусматривает частный случай фальсификации доказательств². Об этом явно свидетельствует статистика: за период с 2011 по 2015 г. по ст. 304 УК РФ осуждено всего 5 чел., за последние шесть лет (2016–2021 гг.) – ни одного³. Тогда как в ходе поиска конкретных примеров уголовных дел о провокации преступления в государственной автоматизированной системе РФ «Правосудие» в рамках уголовного судопроизводства было найдено 387 657 дел, где заявлялась провокация (за период с 01.01 по 31.12.2021)⁴.

На сегодняшний день нередки случаи, когда действия провокатора квалифицируются по ч. 4 ст. 303 УК РФ «Фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности». Обращает на себя внимание тот факт, что *de lege lata* ч. 4 ст. 303 введена в Уголовный кодекс Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ как попытка предусмотреть новую норму для устранения пробелов в квалификации деяний, сопряженных с провокацией, совершаемых сотрудниками оперативных подразделений. Субъект преступления по ст. 304 УК РФ общий,

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Иванов В.Д. Проблемы правового обеспечения борьбы с провокацией преступлений // Уголовная политика и международное право: проблемы интеграции : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Владимир, 1999. С. 106.

³ Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 12.04.2022).

⁴ Сайт Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html#%>

тогда как по ч. 4 ст. 303 УК РФ субъект специальный – лицо, уполномоченное на проведение оперативно-розыскных мероприятий.

De lege ferenda другой аспект данной проблемы касается смысла и внутреннего содержания ст. 304 УК РФ, фактически отражающей частный случай ч. 4 ст. 303 УК РФ, ввиду того, что фальсификация может выражаться не только в искажении результатов оперативно-розыскных мероприятий, но и в подбрасывании документов, что не может образовывать состава провокации преступления, исходя из объективной стороны и терминологических особенностей слова «провокация», которое наиболее верно раскрывается через слово «склонение» и характеризует суть действий провокатора, формирующего у лица умысел на совершение преступления с целью его дальнейшего привлечения к уголовной ответственности, а не через слова «попытка передачи», как это отражено в действующем УК РФ. Более того, анализ уголовных дел показал, что жертва даже не осознает, что ею манипулировали для достижения преступного результата¹.

Таким образом, исходя из того, что часть одной статьи не может носить более общий характер, чем отдельная статья УК РФ, необходимо исключить ч. 4 ст. 303 УК РФ и изложить ст. 304 УК РФ в новой редакции: «Статья 304. Фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности».

А.О. Долматов

О ПРЕДЕЛАХ ИЗУЧЕНИЯ И УЧЕТА ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРИ НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

В ст. 60 УК РФ указывается, что при назначении наказания учитывается личность виновного. В ст. 89 УК РФ содержится требование учета «иных особенностей личности» при назначении наказания несовершеннолетнему. Указанные нормы являются бланкетными, поскольку понятие личности лица, совершившего преступление, является

¹ Дизер О.А. Провокация преступления: уголовно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022.

предметом криминологической науки, в которой рассматриваются основные признаки данного понятия.

При назначении уголовного наказания несовершеннолетнему суду необходимо учесть сведения о личности несовершеннолетнего в объеме, необходимом и достаточном для прогнозирования его дальнейшего поведения.

В криминологии общепринятым считается выделение трех основных блоков, используемых при характеристике личности: социально-типологическая, нравственно-психологическая и социально-ролевая характеристики личности¹.

Представляется, что личность несовершеннолетнего, совершившего преступление, должна рассматриваться в разрезе указанных характеристик. Различные сочетания данных, характеризующих личность несовершеннолетнего с позиций социально-типологической, нравственно-психологической, социально-ролевой характеристик, определяют целесообразность применения в отношении лица того или иного вида и размера уголовного наказания.

Среди показателей социально-типологической характеристики несовершеннолетних преступников наибольшее значение имеет возраст. Поведение несовершеннолетних, в том числе преступное поведение, часто обусловлено именно возрастными особенностями, что значительно уменьшает целесообразность назначения им наиболее суровых видов уголовных наказаний, поскольку в результате исчезновения с возрастом данных особенностей вероятность совершения лицом новых преступлений значительно уменьшится.

Следующее обстоятельство, имеющее уголовно-правовое значение для назначения наказания несовершеннолетним, – место жительства. Значение данного обстоятельства заключается в обеспечении исполнимости наказания. Если, например, несовершеннолетнему назначается наказание в виде исправительных работ, а место жительства значительно удалено от места отбывания наказания, то целесообразность его применения ставится под сомнение, поскольку может нарушить учебный процесс (если осужденный является учащимся).

Аналогичное значение имеет род занятий. Если несовершеннолетний является учащимся образовательного учреждения, то применение

¹ См.: Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть : учебник. Томск : ДиВо, 2007. 230 с.

таких видов наказания, как обязательные и исправительные работы, должно исключаться в отношении него, поскольку данные виды наказания будут препятствовать осуществлению образовательного процесса, а роль последнего в процессе воспитания несовершеннолетних сложно недооценить.

Иногда определенное значение для учета при назначении вида наказания может иметь образование несовершеннолетнего. Суду необходимо рассматривать вариант назначения наказаний, предполагающих исправительно-трудовое воздействие на осужденных, и ставить эти виды наказаний в приоритет перед применением иных видов наказаний, например лишения свободы.

Семейное положение несовершеннолетнего в некоторых ситуациях может играть существенную роль для назначения вида и размера уголовного наказания. В большинстве случаев несовершеннолетние находятся на содержании у своих родителей, бабушек, опекунов и т.д., но бывают ситуации, когда несколько детей воспитываются одной матерью и существенную часть дохода семьи составляет доход старших детей. В такой ситуации, если перед судом стоит вопрос о применении наказания с изоляцией от общества или применения иного вида наказания, суду следует исходить из приоритета применения мер уголовно-правового воздействия, не связанных с изоляцией от общества.

Наиболее важным для суда в исследовании социально-ролевой характеристики несовершеннолетнего представляется то, что необходимо учитывать не только сам факт обучения в образовательном учреждении (трудоустройства), но и деятельность несовершеннолетнего, выражающую его отношение к процессу обучения, работы, степень ответственности, добросовестности.

Важнейшее значение для суда при назначении уголовного наказания имеет нравственно-психологическая характеристика несовершеннолетнего, особенно в «пограничных» ситуациях, когда уголовно-правовая, и социально типологическая характеристики не позволяют однозначно судить о целесообразности назначения того или иного вида наказания.

Нравственно-психологическая характеристика личности выражает отношение преступника к обществу в целом, принятым в нем ценностям и нормативно одобряемым социальным ролям. Основу нравственно-психологической характеристики личности преступника составляет ее мотивационная сфера.

Повышенная эмоциональная возбудимость несовершеннолетних обуславливает необдуманное, не до конца осознанное их поведение в различных провоцирующих ситуациях, что может способствовать совершению несовершеннолетними преступлений против личности, хулиганства, уничтожению или повреждению имущества и др. Склонность к подражанию, подверженность посторонним влияниям часто обуславливают совершение преступлений несовершеннолетними, поскольку для этого возраста крайне важным представляется мнение о себе окружающих, особенно сверстников. В этой связи мотивация таких преступлений против собственности, как кража, преобладающих в структуре преступности несовершеннолетних, чаще всего не связана с корыстными мотивами, а предполагает мотивы подражания, самоутверждения, характерные для несовершеннолетних.

Изложенные обстоятельства, характеризующие личность несовершеннолетнего, определяют минимальные пределы учета личности, позволяющие суду осуществлять обоснованное прогнозирование дальнейшего поведения несовершеннолетнего.

О.В. Ермакова

ПРОБЛЕМЫ ОТБОРА ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ КОНКРЕТНОГО СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В условиях масштабной трансформации уголовного закона, получившей особое распространение в последние годы, важнейшее значение приобретает качество уголовно-правовых предписаний. Вместе с тем сравнительный анализ норм Особенной части Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) демонстрирует отсутствие гомогенного подхода при отражении в уголовном законе признаков конкретного состава преступления. К примеру, составы мошенничества (как общий, так и специальные) не согласуются между собой даже по способу совершения преступления, поскольку такому преступлению, как мошенничество в сфере компьютерной информации, не свойственны обман или злоупотребление доверием, являющиеся обязательными для любого мошенничества.

Наличие в УК РФ подобных «несоответствий» вызывает вопросы относительно того, какими критериями руководствуется законодатель

при отборе обязательных признаков конкретного состава преступления и закреплении их в диспозиции уголовно-правовой нормы.

Например, А.В. Иванчин в качестве основного фактора, влияющего на создание конструкции состава преступления, признает общественную опасность¹. Однако сама по себе общественная опасность существовать не может, это свойство, присущее какому-либо явлению. Поэтому, рассуждая об общественной опасности, такое свойство необходимо определять применительно к конкретному явлению (например, общественная опасность действия (бездействия), последствий и т.д.). Исходя из сказанного, критерием отбора обязательных признаков конкретного состава преступления следует признать отражение в том или ином признаке общественной опасности². К примеру, в составах хищений именно преступные последствия олицетворяют общественную опасность, вследствие чего данные составы сконструированы по типу материальных.

Помимо обоснованного отбора признаков конкретного состава преступления, особое внимание следует уделять их точному закреплению в норме закона. В этой части возникают ситуации, когда признак прямо не указан, однако правоприменительные органы по каким-то причинам самостоятельно возводят его в число обязательных. Например, в составах преступлений против половой неприкосновенности отсутствует упоминание о мотиве и цели. Однако в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г. № 16 содержится требование установления цели в виде удовлетворения сексуального влечения виновного или вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего. В результате складывается следующая парадоксальная ситуация: с одной стороны, отсутствует прямое отражение мотива и цели в конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ, т.е. законодатель предполагает возможным наличие любых мотивов и целей; с другой стороны, Пленум Верховного Суда РФ, фактически подменяя собой законодателя, вводит эти признаки в число обязательных.

¹ Иванчин А.В. Факторы, учитываемые в процессе конструирования состава преступления // Вестник Ярославского государственного университета им. Г.П. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 2. С. 53–57.

² Ермакова О.В. Отражение общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ (концептуальные основы). М., 2022. С. 263.

Таким образом, создание конструкций конкретных составов преступлений должно основываться на четких критериях отбора обязательных признаков и правилах их отражения в нормах уголовного закона. Необоснованное включение в норму избыточных признаков приведет к проблемам применения предписаний закона. И наоборот, отсутствие указания на обязательный признак породит сложности в толковании, а при регулировании таких недостатков Пленумом Верховного Суда РФ фактически приведет к наличию судебного прецедента, что противоречит принципам уголовного закона.

С.С. Захарова

МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

При осуществлении реформирования уголовного законодательства Российской Федерации, регламентирующего меры уголовно-правового воздействия, интересной представляется система аналогичных мер, предусмотренная Уголовным кодексом Республики Армения (2022 г.) (далее – УК РА)¹. В УК РА в единую систему мер уголовно-правового воздействия включены: принудительные меры воспитательного характера, применяемые в отношении несовершеннолетних лиц и лиц, не достигших 21 года, совершивших преступления; меры безопасности и конфискация имущества. Кроме этого, в УК РА предусмотрена возможность применения мер уголовно-правового воздействия к юридическим лицам.

Система мер воспитательного характера подверглась существенной корректировке². В настоящее время их сущность сводится к возложению на несовершеннолетнее лицо, а равно на лицо, не достигшее

¹ См.: О введении в действие Уголовного кодекса Республики Армения: Закон Республики Армения от 09.06.2022 г. URL: <http://www.parliament.am/> (дата обращения: 06.01.2023).

² До 2021 г. УК РА предусматривал сходные с российскими принудительные меры воспитательного характера (См.: Уголовный кодекс Республики Армения,

21 года, совершившее преступление, определенного рода обязанностей, исполнение которых является обязательным для указанных лиц. Это, безусловно, правильно, именно лицо, совершившее преступление, должно претерпеть негативные последствия за свое деяние.

Обоснованным представляется нововведение в УК Республики Армения, не позволяющее освобождать лицо от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного характера за совершение нового преступления, если оно ранее освобождалось от уголовной ответственности по данному основанию.

Впервые законодатель сформулировал понятие мер безопасности, под которыми понимаются обеспеченные государственным принуждением меры уголовно-правового воздействия, которые приговором или решением суда назначаются от имени государства в отношении лица, совершившего запрещенное под угрозой наказания деяние, и выражаются в лишении этого лица прав или свобод или их ограничении. УК РА регламентирует три вида мер безопасности:

- 1) принудительные меры медицинского характера;
- 2) запрет на посещение определенных мест;
- 3) обязанность получения психологической помощи.

Существенно новая мера безопасности представлена обязанностью получения психологической помощи. Как видим, усиливается роль психологов в достижении задач уголовного права. Если суд сочтет, что совершение запрещенного угрозой наказания деяния было обусловлено душевным состоянием, психологическими проблемами или осложнениями лица, то может вынести решение о назначении в отношении лица обязанности получения психологической помощи в установленных государством компетентных органах. При этом суд основывается на заключении, выданном экспертом-психологом.

Если лицо отказывается или уклоняется от выполнения требований обязанности получения психологической помощи, то такая мера безопасности заменяется краткосрочным лишением свободы. Суд в установленном законом порядке может сократить или продлить продолжительность обязанности получения психологической помощи или прекратить обязанность получения психологической помощи.

принятый 18 апреля 2003 г.). URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus#9> (дата обращения: 20.08.2022).

Конфискация имущества также отнесена к мерам уголовно-правового воздействия, при этом она может применяться как к физическим, так и юридическим лицам.

В.С. Калашиников

МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ ДЕЯНИЙ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Библейская заповедь «Не укради» не конкретизирует стоимость чужого имущества, завладение которым образует один из тяжких грехов. Действующее отечественное законодательство при его системном применении и толковании позволяет привлечь к ответственности лицо, похитившее на чужое, независимо от стоимости этого имущества. Так, ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ предполагает административную ответственность за мелкое хищение, стоимость которого не превышает 1 000 руб., ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ – ответственность за хищение чужого имущества, стоимостью свыше 1 000, но не более 2 500 руб. Завладение чужим имуществом на большую сумму уже влечет уголовную ответственность. Таким образом, по закону за хищение любого имущества, имеющего хоть какую-то стоимостную ценность, предусмотрена ответственность. Более того, мелкое хищение имущества, совершенное квалифицированным способом, ст. 158–160 УК РФ предусматривает уголовную ответственность.

Однако существует далеко не единичная практика, когда суды признают хищение малозначительным и прекращают уголовное дело в связи с отсутствием состава преступления при том, что хищение стоимостью условно 300 руб. может попасть в суд в виде уголовного дела лишь при наличии квалифицирующих признаков преступления. В итоге освобождение от уголовной ответственности в связи с малозначительностью хищения ставит в привилегированное положение лицо, совершившее более опасное деяние, по отношению к тому, кто совершил мелкое хищение без квалифицирующих признаков.

Вообще малозначительность предусмотрена и для административных правонарушений. Однако в соответствии с п. 18 Постановления Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 № 10 в ред. от 21.12.2017 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел

об административных правонарушениях»¹ малозначительность правонарушения имеет место при отсутствии существенной угрозы охраняемым общественным отношениям, что исключается при квалифицированном хищении.

Однако п. 25.4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»² предлагает судьям при решении вопроса о том, является ли малозначительным деяние, например кража, формально содержащая квалифицирующие признаки состава данного преступления, учитывать совокупность таких обстоятельств, как степень реализации преступных намерений, размер похищенного, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, характер обстоятельств, способствовавших совершению деяния, и др.

И это только усиливает ранее обозначенный парадокс. Любое квалифицированное хищение связано с преодолением сопротивления, которое призвано обеспечить сохранность имущества, поэтому рассматриваемые деяния должны заканчиваться обвинительным приговором в любом случае, даже когда преступление оказалось неоконченным по причине отсутствия имущества. В июле 2016 г. УК РФ пополнился ст. 158.1, предусматривающей уголовную ответственность за повторное совершение мелкого хищения лицом, ранее подвергнутым административному наказанию по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ. При этом сумма повторного мелкого хищения не конкретизируется. Следовательно, избежать уголовной ответственности может только лицо, которое разово или периодически, или систематически похищает имущество на сумму не более 1 000 руб., при этом неся ответственность по ст. 7.27 КоАП РФ.

Р.В. Килимбаев

ИНСТИТУТ НЕОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ

Нормы о неоконченном преступлении в современном уголовном законодательстве России представляют собой отдельный институт, регламентированный в гл. 6 УК РФ. Он объединяет собой две отдельные

¹ См.: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48600/

² См.: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/

самостоятельные стадии преступной деятельности – приготовление к преступлению и покушение на преступление. И если покушение на преступление, представляющее собой начало или частичное выполнение объективной стороны, существенных сложностей не вызывает, то приготовление к преступлению создает немалые проблемы как в теории, так и на практике¹.

В данной связи хотелось бы обратить внимание на некоторую особенность, которая возникает при сопоставлении принципа законности (ст. 3 УК РФ) и норм о неоконченном преступлении (ст. 29–30 УК РФ).

Так, в соответствии с содержанием принципа законности, преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только Уголовным кодексом РФ. Ключевым моментом здесь выступает то, что те деяния, которые определяет уголовный закон как преступные, а точнее признаки составов преступления, содержатся только в Особенной части УК РФ. Иными словами, преступлением может являться лишь только то деяние, признаки которого сопоставимы с признаками конкретного состава преступления, содержащегося в норме Особенной части УК.

Вместе с этим формы приготовительной деятельности определены в Общей части УК РФ (ч. 1 ст. 30), на этом основании возникает вопрос, почему приготовление к преступлению, формы которого не содержатся в нормах Особенной части, признается преступлением. Определение преступности деяния за пределами норм Особенной части УК, как это имеет место в отношении приготовления, на наш взгляд, создает предпосылки к расширению пределов определения преступности деяния. То есть к нарушению принципа законности.

Однако этим особенности соотнесения принципа законности и норм о приготовлении к преступлению не исчерпываются. Часть 2 ст. 3 УК РФ также запрещает применение уголовного закона по аналогии. Реализация уголовной ответственности за приготовление к преступлению тем не менее косвенно подразумевает указанную аналогию. Она, на наш взгляд, заключается в том, что при совершении приготовления лицо выполняет деяние, предусмотренное нормой Общей части (ч. 1 ст. 30 УК РФ), а квалификация осуществляется по аналогии по норме Особенной части УК РФ, содержащей признаки конкретного оконченного деяния, которое фактически лицом еще не осуществлялось.

¹ См.: URL: <https://sudact.ru/law/uk-rf/obshchaia-chast/razdel-ii/glava-6/statia-30/>

Наличие указанных особенностей дает нам основание предположить, что нормы о приготовлении к преступлению в их действующей редакции создают предпосылки для нарушения принципа законности в части расширения пределов определения преступности деяния и применения уголовного закона по аналогии.

В этой связи мы полагаем возможным отказаться от регламентации института приготовления к преступлению в рамках Общей части УК РФ, но при этом предусмотреть ответственность за его совершение в специальных нормах Особенной части УК РФ. Такой подход уже частично реализован законодателем, что подтверждается наличием в УК РФ составов прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3), бандитизма (ст. 209), организации экстремистского сообщества (ст. 282.1), обещания или предложения посредничества во взяточничестве (ч. 5 ст. 291.1) и др.

Данные составы преступлений в своей основе представляют приготовительные действия, дополненные вместе с тем конкретными криминообразующими признаками. Подобное решение по формированию отдельных самостоятельных составов преступлений в рамках Особенной части УК РФ устранило бы особенность, указанную нами выше, и вместе с тем обеспечило решение проблемы установления в приготовительных действиях всех признаков состава преступления, обеспечивающих основание уголовной ответственности.

С.А. Корнеев

УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН КАК СРЕДСТВО УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Гуманизация действующего законодательства является общепризнанным вектором развития современной уголовной политики. Данный факт подтверждается позицией высших органов государственной власти¹, а равно исследователей на страницах юридических изданий².

¹ См.: ТАСС-ДОСЬЕ. URL: <https://tass.ru/info/6234971> (дата обращения: 02.11.2022).

² См.: Кашепов В.П., Кошаева Т.О., Гравина А.А., Макарова О.В., Руднев В.И., Хромова Н.М. Гуманизация современного уголовного законодательства. М., 2015. 336 с.

Рассматриваемый процесс находит свое непосредственное выражение в экономии мер уголовно-процессуальной и уголовной репрессии, расширении института освобождения от уголовной ответственности, укрупнении перечня иных мер уголовно-правового характера, декриминализации ряда деяний, утративших свою общественную опасность, смягчении санкций статей Особенной части УК РФ, сокращении, а в ряде случаев и полной ликвидации учреждений ФСИН России, исполняющих наказания в виде лишения свободы.

В то же время запущенный процесс гуманизации действующего законодательства вступает в противоречие с законодательными изменениями УК РФ, вызванными социально-экономическими, политическими потребностями общества в настоящее время. Так, за последние три года отечественное государство столкнулось с рядом новых вызовов, которые внесли существенные изменения в привычную жизнь общества. В частности, к таковым следует отнести проведение общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ, чрезвычайные происшествия, связанные со стрельбой в образовательных организациях, а также иные события, которые подвергли волнению все мировое сообщество, – пандемия коронавируса, специальная военная операция. В целях оптимизации уголовно-правового воздействия на преступность в условиях нового времени изменялось и дополнялось уголовное законодательство.

Отметим, что в период с февраля 2020 г. по настоящее время УК РФ претерпел 41 изменение, в большей степени направленное на ужесточение уголовного законодательства. Речь идет о криминализации ряда деяний, обладающих общественной опасностью в современных условиях, включая составы с административной преюдицией; закреплении квалифицирующих признаков, в том числе относящихся к криминализации деяний; ужесточении ряда санкций статей; внесении изменений в обстоятельства, отягчающие наказание.

Полагаем, что последствием внесенных изменений станет существенный рост числа осужденных и как следствие переполненность мест лишения свободы, которые частично было упразднены в соответствии с гуманизацией действующего законодательства.

В настоящее время УК РФ стал средством укрепления российской государственности, однако думается, что чрезмерный уклон к гуманизации назначения и исполнения уголовных наказаний может повлечь за собой негативные последствия, которые существенно отразятся на реализации положений уголовной политики в аспекте предупреждения

роста преступности и возможности применения адекватных мер в отношении лиц, совершивших преступление.

Д.С. Куклин

ТИПОВЫЕ СХЕМЫ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В современной правовой действительности практика применения закона сталкивается с таким хищением, как мошенничество в сфере трудовых отношений. Хищение осуществляется путем совершения действий, направленных на оформление фиктивного трудового договора без цели фактического выполнения обусловленных трудовым договором работ, но с целью получения заработной платы и иных выплат. Оформляется фиктивный трудовой договор, издается приказ, составляется табель, идет начисление заработной платы, идут отчисления в Пенсионный фонд и подоходный налог. При этом работа, обусловленная трудовым договором, фактически не выполняется. В результате вышеуказанных действий происходит незаконное завладение чужим имуществом в размере необоснованно полученной заработной платы и иных выплат. Работодатель несет имущественный ущерб. Как правило, на практике такие деяния квалифицируются по ст. 159 и 160 УК РФ¹.

Стоит более конкретно рассмотреть типовые схемы совершения мошенничества. Одной из основной схем хищения выступает заключение фиктивного трудового договора с несуществующим работником. В результате умысел лица или лиц, совершающих хищения, направлен на завладение денежных средств в размере заработной платы, предусмотренной вышеупомянутым фиктивным трудовым договором. В результате работа, обусловленная трудовым договором, не выполнена, а работодатель несет имущественный ущерб.

Второй схемой можно считать схему мошенничества, при которой работа выполняется другим работником, не заключавшим фиктивный

¹ См. подробнее: Куклин Д.С. Мошенничество в сфере трудовых правоотношений: постановка проблемы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moshennichestvo-v-sfere-trudovyyh-pravootnosheniy-postanovka-problemy> (дата обращения: 21.06.2023).

трудовой договор. Но при этом зарплату или часть зарплаты работник не получает, а получают данные денежные средства иные лица. В данном случае работодатель не несет прямой имущественный ущерб. Но такой ущерб несет работник, которому недоплатили или не заплатили заработную плату за выполнение работы за другого работника.

Третьей схемой можно считать схему, при которой работник, работающий по действительному трудовому договору, умышленно приписывает себе дополнительные часы работы или объем работы, которую он фактически не выполнил. Но при этом получает необоснованно завышенную заработную плату за фактически невыполненную работу. В результате работодатель несет имущественный ущерб.

Четвертой схемой является схема, в которой работник при устройстве на работу умышленно подает фальшивые документы, свидетельствующие о наличии у него определенной квалификации, при условии, что такие документы являются обязательными при устройстве на работу по данной специальности. Например, фальшивый диплом о высшем профессиональном образовании на работах, где такая квалификация требуется, фальшивое водительское удостоверение при устройстве в качестве водителя автомобиля и т.п. В результате работник, подавший фальшивые документы, фактически не имеет право работать по данной специальности в силу отсутствия квалификации и специальных знаний. Соответственно, права на заработную плату он не имеет.

Могут быть и другие схемы совершения мошенничества в сфере трудовых отношений. Возможны и комбинации вышеуказанных схем. На наш взгляд, ключевым отличием мошенничества в сфере трудовых отношений от других мошеннических действий выступает более качественная маскировка хищения под правомерные действия, осуществляющиеся в сфере трудовых отношений, а также, как правило, имеющие длительный характер хищения в размере необоснованно полученной заработной платы за период от нескольких месяцев до нескольких лет.

Д.О. Куричков

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИКОВ

Из доклада председателя Государственного антинаркотического комитета (далее – ГАК) о наркоситуации в Российской Федерации (далее – РФ) в 2021 г.¹: по итогам года оперативная обстановка в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров не претерпела существенных изменений; 57,6% от общего числа зарегистрированных наркопреступлений составил незаконный сбыт. Стратегической «целью № 1» проводимой нашим государством антинаркотической политики является сокращение незаконного оборота и доступности наркотиков для их незаконного потребления². Министр внутренних дел В.А. Колокольцев на летнем заседании ГАК обратил внимание на увеличение контрабанды и активизации транснациональных организованных групп, а также преступных сообществ, распространяющих наркотики (понятие использовано в широком смысле), что говорит о необходимости незамедлительного противодействия со стороны органов внутренних дел.

В п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» от 15 июня 2006 г. № 14 раскрыто определение незаконного сбыта предметов преступлений, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ. Под ним понимается «...незаконная деятельность лица, направленная на их возмездную либо безвозмездную реализацию (продажу, дарение, обмен, уплату долга, **дачу займы** и т.д.) другому лицу...». Как справедливо замечают специалисты, в данном случае в понятие «деятельность» теоретически можно включить не только сам сбыт, но и неза-

¹ Официальный сайт Государственного антинаркотического комитета : доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2021 году. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/4498892/> (дата обращения: 30.11.2022).

² Указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

конное приобретение, хранение, перевозку и т.д. при умысле, направленном на незаконный сбыт¹, что неминуемо приведет к нарушению принципов уголовного закона и отсутствию единого понимания. Кроме того, следуя логике вышеназванного постановления Пленума, правоприменитель может допускать ошибки в квалификации деяния (Определение № 25-УД21-6-К4)². Подкрепляя приведенный выше довод, обратимся к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», где в десятом абзаце п. 11 понятие «незаконный сбыт» трактуется как «безвозвратное (в отличие от незаконной передачи) отчуждение другому лицу (приобретателю) в результате совершения какой-либо противоправной сделки (возмездной или безвозмездной)». Соответственно, интерпретируя данное понятие, мы либо не вправе понимать под сбытом дачу взаймы (тогда уместнее говорить именно о незаконной передаче) или же должны констатировать тот факт, что незаконный сбыт по своему определению может существенно различаться в зависимости от состава преступления, что не благоприятствует однозначному толкованию.

Д.В. Лобач

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МАРОДЕРСТВО В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В условиях проведения специальной военной операции на территории Украины в целях обеспечения национальной безопасности россий-

¹ См.: Кочои С.М., Денисов Л.В. Квалификация незаконного сбыта наркотических средств: практика, порождающая проблемы // Адвокатская практика. 2017. № 6; Токманцев Д.В. К вопросу о понятии и моменте окончания незаконного сбыта наркотиков, совершенного с использованием сети Интернет или других информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 3 (48). С. 77–84.

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 3 // СПС «КонсультантПлюс».

ский законодатель принял необходимое решение по расширению охранительного потенциала уголовного законодательства Российской Федерации, в связи с чем Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» было криминализовано мародерство в качестве преступления против мира и безопасности человечества. Несмотря на историческую обусловленность криминализации этого деяния в качестве преступления против военной службы в современных условиях развития международного гуманитарного права, мародерство совершенно справедливо было криминализовано именно как военное преступление, так как правовой запрет в отношении мародерства закреплён в системе международного гуманитарного права. Появление нормы, устанавливающей ответственность за мародерство в российском уголовном законодательстве, является результатом выполнения международных обязательств на внутригосударственном уровне.

Вместе с тем с позиции юридической техники и принципа правовой определенности норма о мародерстве (ст. 356.1 УК РФ) имеет ряд юридических дефектов, которые снижают ее правоохранительный потенциал.

Во-первых, вызывает нарекание включение в диспозицию рассматриваемой нормы такое обстоятельство, исключающее преступность деяния, как вынужденная необходимость. В уголовном законодательстве отсутствует легальное определение такого обстоятельства, а его приравнение к крайней необходимости свидетельствует о расширительном толковании нормы, что нарушает требование юридической техники, связанное с терминологической унификацией.

Во-вторых, некоторые сложности также возникают с правильным пониманием вооруженного конфликта как особой обстановки совершения мародерства. Дело в том, что легальное определение вооруженного конфликта, отраженное в Военной доктрине Российской Федерации от 25.12.2014 № Пр-2976, не позволяет провести его отграничение от вооруженного противостояния низкой интенсивности¹. Кроме того, в самой доктрине концепт «вооруженный конфликт» пересекается с определением войны (локальная, региональная, крупномасштабная).

¹ Богуш Г.И., Есаков Г.А., Русинова В.Н. Международные преступления: модель имплементации в российское уголовное законодательство. М., 2017. С. 89–92.

В-третьих, следует признать, что изъятие чужого имущества, которое не относится к категории национального имущества в рамках ст. 356 УК РФ, совершенное не с корыстной целью (например, в тех случаях, когда такие деяния носят организованный и широкомасштабный характер и являются проявлением систематической экономической эксплуатации оккупированной территории), остается вне сферы действия уголовного закона, что является законодательным пробелом.

В-четвертых, не утрачивает своей актуальности вопрос о правомерности изъятия ничейного имущества, которое выпало из фактического владения, а также военного имущества, захваченного у неприятеля (трофеи).

Подобная ситуация может привести к снижению правоохранительного потенциала уголовного закона в сфере правоотношений, связанных с противоправным изъятием чужого имущества в условиях вооруженного противостояния, поскольку вероятна ситуация злоупотреблений при реализации дискреционных полномочий.

И.В. Лозинский

К ВОПРОСУ О ДАЛЬНЕЙШЕМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ НОРМ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ОХРАНЯЮЩИХ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЛИБО МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК

В июле 2022 г. на основании Федерального закона РФ от 14 июля указанного года № 345-ФЗ в ст. 200.4 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающей ответственность за «злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд», законодателем были внесены изменения¹. В результате обозначенных изменений из мотивов злоупотреблений в государственных, а также в муниципальных закупках исключен такой

¹ См.: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421950/#dst100008

элемент ее первоначальной редакции, как «личная заинтересованность». Таким образом, имеет место «сужение» сферы действия рассматриваемой нормы УК РФ. Данное «сужение», на наш взгляд, следует рассматривать двояко. С одной стороны, законодатель, исключив из диспозиции ст. 200.4 УК элемент «личная заинтересованность», «сузив» этим самым ее сферу действия, сделал правильный шаг, поскольку указанный элемент может быть и «лишним» в диспозиции данной нормы. С другой стороны, имеющая в рассматриваемой ситуации место частичная декриминализация может оказаться и неправомерной, поскольку в результате возможно появление значительного законодательного пробела. Представляется, что для правильного решения вопроса дальнейшего совершенствования ст. 200.4 УК РФ следует проанализировать ее диспозицию.

По результатам этого анализа следует отметить, что объективная сторона преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена указанной нормой, в ее действующей редакции оказалась фактически «размытой», поскольку в ней имеет место одинаковое толкование таких разных по своей сущности ее элементов, как «злоупотребления» и «нарушение». При этом первый из обозначенных элементов рассматривается только как деяние, совершенное умышленно, а второй может рассматриваться как деяние, совершенное и умышленно, и по неосторожности. Согласно данной логике законодателя, деяние, запрещаемое ст. 200.4 УК РФ, должно быть совершено лицом только умышленно. Представляется, что в данной ситуации могут возникнуть затруднения при практическом применении этой уголовно-правовой нормы, поскольку доказать именно умышленный характер запрещаемого ею деяния достаточно сложно.

Таким образом, несмотря на внесение законодателем в июле 2022 г. изменений в диспозицию ст. 200.4 УК, указанная уголовно-правовая норма по-прежнему является несовершенной. Представляется, что для правильного решения вопроса дальнейшего ее совершенствования необходима точная дефиниция такого элемента ее законодательной конструкции, как «нарушение», поскольку при отсутствии данной дефиниции допускается произвольное толкование обозначенного элемента. Одновременно для правильного решения этого вопроса необходима и точная дефиниция такого элемента законодательной конструкции ст. 200.4, как «корыстная заинтересованность». Следует отметить, что применительно к диспозиции ст. 285 УК РФ имеют место точные

дефиниции элементов ее законодательной конструкции, аналогичных указанным элементам законодательной конструкции диспозиции ст. 200.4 УК РФ. Также в законодательной конструкции диспозиции ст. 285 УК имеет место элемент «иная личная заинтересованность», аналогичный элементу законодательной конструкции ст. 200.4, декриминализованному на основании Федерального закона РФ от 14 июля 2022 г. № 345-ФЗ. При этом имеет место и его точная дефиниция. Представляется, что в перспективе может возникнуть и необходимость вновь ввести уголовную ответственность за совершение деяния, запрещаемого ст. 200.4 УК РФ, «из иной личной заинтересованности». На наш взгляд, для правильного решения как этого вопроса, так и иных вопросов, правильное решение которых необходимо для совершенствования ст. 200.4, обязательно проведение мониторинга практического применения указанной нормы.

А.П. Лукка

ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕКТА И ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 238.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В науке уголовного права предлагались различные определения родового, видового и непосредственного объектов¹.

Как представляется, родовой объект исследуемого преступления – это общественные отношения в сфере физической и нравственной безопасности населения; видовой объект – общественные отношения в сфере защиты здоровья и жизни населения; непосредственный объект – общественные отношения по противодействию незаконному обороту всех видов медицинской продукции. К медицинской продукции, с учетом объекта исследуемых деяний, относятся: лекарственные средства, медицинские изделия, биологически активные добавки, содержащие фармацевтические субстанции.

¹ См.: Общая часть уголовного права Российской Федерации : учеб. пособие / под ред. Д.В. Карелина, Н.В. Ольховика. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 142 с.

Из текста нормы ст. 238.1 УК РФ следует, что предметом преступления являются такие предметы материального мира, как фальсифицированные лекарственные средства, недоброкачественные лекарственные средства, незарегистрированные лекарственные средства; фальсифицированные медицинские изделия, недоброкачественные медицинские изделия, незарегистрированные медицинские изделия, а также фальсифицированные биологически активные добавки.

Легальные определения лекарственного средства, фармацевтической субстанции, фальсифицированного лекарственного средства, недоброкачественного лекарственного средства содержатся в ст. 4 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств» № 61-ФЗ. Легальные определения медицинского изделия, фальсифицированного медицинского изделия, недоброкачественного медицинского изделия закреплены в ст. 38 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» № 323-ФЗ.

Легального определения незарегистрированного лекарственного средства, незарегистрированного медицинского изделия законодателем не существует. При этом исходя из содержания нормативно-правовых актов, устанавливающих требования и процедуру государственной регистрации лекарственных средств и медицинских изделий, предполагается возможным использование следующих определений. Незарегистрированное медицинское изделие – медицинское изделие, не имеющее действующего регистрационного удостоверения, не внесенное в государственный реестр медицинских изделий и организаций (индивидуальных предпринимателей), осуществляющих производство и изготовление медицинских изделий, либо исключенное из него в установленном законодательством порядке.

Соответственно, незарегистрированное лекарственное средство – лекарственное средство, не имеющее действующего регистрационного удостоверения, не внесенное в государственный реестр лекарственных средств либо исключенное из него в установленном законодательством порядке.

Законодательно не определены и не разграничены понятия биологически активной добавки как таковой и биологически активной добавки, содержащей фармацевтические субстанции. Тогда как биологически активные добавки, содержащие не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции, отнесены к предмету преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ.

В настоящее время все биологически активные добавки, разрешенные к обороту на территории Российской Федерации, внесены в российскую часть Единого реестра свидетельств о государственной регистрации Евразийской экономической комиссии¹. В соответствии с нормативно-правовыми актами Российской Федерации и Евразийского экономического союза биологически активные добавки к пище относятся к пищевой продукции, и, следовательно, на них распространяются требования к пищевой продукции.

Применительно к изучению проблем объекта и предмета преступлений, уголовная ответственность за совершение которых установлена ст. 238.1 УК РФ, имеется ряд вопросов, требующих углубленного исследования.

К таким вопросам относится в том числе и правовое разграничение понятий: биологически активная добавка, содержащая фармацевтические субстанции, и биологически активная добавка, не содержащая фармацевтические субстанции.

С.И. Молбасин

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В ВОПРОСАХ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

С момента обретения независимости Республика Казахстан активно принимает участие в борьбе с терроризмом в различных инициативах и Организации Объединенных Наций (ООН) по усилению международной безопасности. Казахстан как субъект международного права и член ООН ратифицировал 17 из 20 принятых в рамках ООН универсальных конвенций и протоколов по борьбе с терроризмом и осуществляет международные обязательства, вытекающие из данных соглашений. Обеспечено активное взаимодействие специальных государственных и правоохранительных органов безопасности на региональном уровне с Региональной антитеррористической структурой Шанхай-

¹ См.: URL: https://portal.eacunion.org/sites/odata/_layouts/15/portal.eec.registry.ui/directoryform.aspx?listid=0e3ead06-5475-466a-a340-6f69c01b5687&itemid=231#

ской организации сотрудничества (РАТС ШОС), Антитеррористическим центром государств-участников Содружества Независимых Государств (Антитеррористический центр СНГ, АТЦ СНГ), Организацией Договора о коллективной безопасности, Организацией безопасности и сотрудничества в Европе и представительствами Европейского союза в Республике Казахстан.

Важное значение для Казахстана имеет вопрос сохранения стабильности и безопасности в регионе, поэтому наше государство уделяет особое внимание усилению и развитию сотрудничества и взаимодействия с организациями региона. На региональном уровне в рамках Шанхайской организации сотрудничества на площадке по борьбе с терроризмом и экстремизмом были приняты Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (15 июня 2001 г.)¹, Конвенция ШОС против терроризма, заключенная в Екатеринбурге 16 июня 2009 г.², и Конвенция ШОС по противодействию экстремизму, принятая в Астане 9 июня 2017 г.³ Республика Казахстан, приняв законы «О ратификации Конвенции Шанхайской организации сотрудничества против терроризма» от 10 января 2011 г. № 381-IV, «О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 18 апреля 2002 г. № 316, выразила свое международное согласие на обязательность данных договоров.

Помимо ШОС, в рамках СНГ также был принят ряд соглашений. Одним из них является Соглашение о сотрудничестве по обеспечению защиты гражданской авиации от актов незаконного вмешательства, заключенное в Минске 26 мая 1995 г.⁴ Кроме того, Договор о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом, принятый в Минске 4 июня 1999 г., Модельный закон от 4 декабря 2004 г. «О борьбе с деятельностью организаций и лиц в целях осуществления актов терроризма на территории других государств», Договор государств-участников СНГ о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма, заключенный

¹ См.: URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/mezhdunarodnye-pravovye-akty/shanhayskaya-konvenciya-o-borbe-s.html>

² См.: URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/mezhdunarodnye-pravovye-akty/konvenciya-shanhayskoy-organizacii.html>

³ См.: URL: <https://docs.cntd.ru/document/542655220>

⁴ См.: URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900704>

5 октября 2007 г. в Душанбе, послужили основой для развития национальных законодательств государств-участников СНГ. Принятие в 2005 г. Концепции сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма является важной вехой в формировании законодательства государств-участников СНГ. В данной концепции закреплены цели и задачи государств-участников организации в борьбе с терроризмом и экстремизмом, основные направления и основные формы сотрудничества. В период 2020–2022 гг. действовала программа сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма. Эта программа, подготовленная АТЦ СНГ и утвержденная Советом глав государств СНГ, являлась одним из важных документов в сфере борьбы с различными проявлениями терроризма и экстремизма.

А.Д. Мухамеджанова

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

В Казахстане терроризм никогда не рассматривался как реальная угроза, а только как потенциальная угроза. Система национальной безопасности больше ориентирована на предотвращение и сдерживание других угроз, таких как межэтнические конфликты, незаконный оборот наркотиков, экономические угрозы и коррупция. Вопрос терроризма в Казахстане обсуждался только в контексте общей ситуации в Центральной Азии. Поэтому в Казахстане терроризм прежде всего воспринимался как внешняя угроза, т.е. угроза, которая может проникнуть извне. Однако события, произошедшие в январе 2022 г., заставили пересмотреть отношение к терроризму и, в первую очередь, к правовому регулированию его предупреждения.

Определение терроризма позволяет выделить круг общественных отношений, затрагиваемых терроризмом и борьбой с ним, и выработать механизмы правового регулирования этих отношений. На сегодняшний момент существует достаточно споров о том, следует ли определять в законодательстве понятие «терроризм», и если да, то

насколько конкретно или обобщенно, следует ли его выделять особо или остановиться на практике Европейской конвенции о борьбе с терроризмом (1977) и т.п.¹

Отметим, что терроризм берет начало в экстремизме и выступает его элементом, потому что впитал крайне устрашающие способы решения поставленных задач². Сравнивая данные понятия, на наш взгляд, наиболее точно их соотношение выражается следующим образом: «Экстремизм и терроризм – явления достаточно близкие, хотя автоматической связи между ними нет: если видно, что всякий террорист – это экстремист, то неправильно было бы полагать, что каждый экстремист – террорист»³.

В целом следует отметить, что попытки сформулировать данное понятие неоднократно предпринимались многими зарубежными юристами, политологами и социологами, но несогласованность заключается в их противоречивом видении мотивации и целей, которым при- сущее разнообразие⁴.

В связи с этим законодательства многих стран вообще не содержат определения терроризма. Что касается Республики Казахстан, то ч. 1 ст. 255 УК РК и Закон РК «О борьбе с терроризмом» от 13 июля 1999 г. № 416-І содержат понятие «акт терроризма». В Законе Республики Казахстан «О противодействии терроризму» от 13 июля 1999 г. № 416-І закреплено понятие «терроризм». При этом некоторыми исследователями уголовного права и криминологии отмечается, что на сегодняшний момент существует более 200 определений терроризма, причем ни одно из них не является классическим. Таким образом, к сожалению, приходится констатировать, что отсутствие универсальной дефиниции

¹ Устинов В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом. М., 2002. С. 378; Booth K. The Human Facts of Terror: Reflections in a Cracked Looking Glass / K. Booth // Critical Studies on Terrorism. 2008. Vol. 1, № 1. P. 65–79; Цзинь И. Международный терроризм. Основные пути борьбы против международного терроризма на современном этапе // Молодой ученый. 2017. № 20. С. 389–392.

² Тукумов Е.В. Религиозно-политический экстремизм как угроза региональной и национальной безопасности стран Центральной Азии : дис. ... канд. полит. наук. Алматы, 2004. 152 с.

³ Мирский Г.И. Экстремизм, терроризм и внутренние конфликты в третьем мире // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 8. С. 68–75.

⁴ Мейркулова Г.Д. Правовое регулирование и противодействие терроризму и экстремизму в Республике Казахстан // Юридическая мысль. 2013. № 5 (79). С. 65–71.

понятия «терроризм» препятствует противодействию данному явлению.

Многие исследователи говорят о необходимости исследования смысла и значения терроризма и формировании базовой дефиниции рассматриваемого понятия¹. В этой связи терроризм представляет собой тяжкое преступление, поэтому борьба с ним правовыми методами должна быть своевременной и качественной, а для этого необходима формулировка дефиниции «терроризм», которая будет эффективной, всеобъемлющей и отвечающей действующим реалиям.

А.А. Наумов

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПНОГО НАРУШЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ ОХРАНЫ ТРУДА

Существует проблема определения субъекта преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, которая связана с причинением тяжкого вреда здоровью либо смерти в связи с нарушением требований охраны труда руководителем, ответственным лицом на конкретном участке. Позиция Верховного Суда РФ по данному вопросу неоднократно менялась.

В п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.1991 № 1 «О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности при ведении горных, строительных или иных работ» указаны следующие три категории лиц, которые подлежат уголовной ответственности по ст. 143 УК РФ: 1) непосредственные руководители – лица, на которых в силу их служебного положения или по специальному распоряжению непосредственно возложена обязанность обеспечивать соблюдение правил и норм охраны труда на определен-

¹ Решетняк А.В. Терроризм и религиозный экстремизм в Центральной Азии: проблемы восприятия. Кейс Казахстана и Кыргызстана. Астана : КИСИ, 2016. 86 с.; Хакимова Г.А. Терроризм как реальная угроза безопасности в современном обществе // Вестник Нижневартского государственного университета. 2011. № 2. С. 60–67; Herring E. Critical Terrorism Studies: An Activist Scholar Perspective / E. Herring // Critical Studies on Terrorism. 2008. Vol. 1, is. 2. P. 197–211.

ном участке работ; 2) руководители предприятий и организаций, их заместители; 3) главные инженеры, главные специалисты предприятий. Последние две категории несут ответственность только при определенных условиях: взятие на себя непосредственного руководства отдельными видами работ (в этом случае такие лица по своей сути и являются непосредственными руководителями); непринятие мер к устранению заведомо известного им нарушения правил охраны труда или дача указаний, противоречащих этим правилам¹. Данный подход прослеживается также и в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 05.12.1986 № 16 «О практике применения судами уголовного законодательства, направленного на охрану безопасных условий труда и безопасности горных, строительных и иных работ».

В п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2018 № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» круг субъектов изменен следующим образом: 1) в круг субъектов добавлены руководители структурных подразделений организаций, представители сторонних организаций, оказывающих услуги по охране труда на основании гражданско-правового договора, а также любые «иные лица, на которых в установленном законом порядке (в том числе в силу их служебного положения или по специальному распоряжению) возложены обязанности по обеспечению соблюдения требований охраны труда»; 2) отменено деление субъектов на подлежащих ответственности в первую очередь (по умолчанию) и во вторую очередь (при соблюдении условий)².

На наш взгляд, такое изменение позиции Верховного Суда РФ существенно расширяет объем судебной ответственности, лишая суды четких критериев по выбору субъекта нарушения требований охраны

¹ О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности при ведении горных, строительных или иных работ: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.1991 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1991. № 7.

² О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2018 № 41 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 1.

труда. Представляется, что при таком огромном круге потенциальных субъектов преступления упразднение существовавших ранее критериев по выбору субъектов преступления неизбежно повлияет в худшую сторону на единообразие судебной практики по данному составу преступления.

И.А. Никитина

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Стремительное развитие цифровизации буквально всех сторон жизни ставит перед Россией новые, все более масштабные задачи. Одной из основных задач экономической политики государства является обеспечение развития предпринимательской и социальной среды, их комплексного взаимодействия. Это зависит от технологичного развития современного общества, процессов внедрения информационно-коммуникационных технологий.

По мнению С.В. Мурадян, сфера экономических отношений достаточно сложна. Законодательная основа экономической конъюнктуры постоянно меняется, совершенствуется, причем изменяются не просто нормативные положения, а вносятся существенные коррективы, которые позволяют образовывать новые экономические и правовые институты, где, как показывает практика, помимо правил, разрешающих использовать новый социальный и материальный ресурс, необходимо устанавливать еще и запреты¹.

Цифровизация различных процессов позволяет совершать общественно опасные деяния на удалении, создавать инструменты манипулирования и уходить от ответственности, похищать информацию, уклоняться от уплаты налогов, создавать серые схемы расчетов, в том числе с использованием криптовалют, ставить под контроль процессы разных предприятий и органов власти и т.д.

¹ Мурадян С.В. Идеологические основы уголовной политики в сфере обеспечения экономической безопасности // Правовая культура и правовая идеология российского общества : сб. науч. ст. международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.М. Курицына. 2011. С. 243–250.

Информационное общество вместе со всеми безграничными возможностями технологий диктует условия развития экономических отношений. Все чаще информация становится важным активом компаний, одним из основных ресурсов, обеспечивающих деятельность организации.

Механизмы функционирования рыночной экономики не позволяют в полном объеме контролировать передвижение ресурсов, которые используются, особенно в сфере цифровых технологий. Поэтому законодателю необходимо выработать меры для защиты прав и законных интересов участников «свободного рынка».

В настоящее время трудно представить современные экономические отношения без использования информационных ресурсов, а также заключения договоров посредством обмена электронными документами, при этом оформление таких отношений может носить сложно-контролируемый характер. Цифровая экономика позволяет существенно преодолеть ряд ограничений, свойственных традиционной экономике: экономия времени в любых видах работ с помощью различной техники, быстрый доступ к нужной информации, быстрый обмен конфиденциальной или иной информацией.

Следует отметить, что в условиях цифровизации мнения исследователей относительно направления совершенствования уголовно-правового регулирования в экономической сфере разделились. Одни считают, что необходима фрагментарная криминализация преступлений с использованием цифровых технологий, последовательно вводя соответствующие изменения в общие составы преступлений¹. Другие полагают правильным выделить киберпреступность в экономической сфере в обособленную группу, обосновывая это тем, что приспособление Особенной части УК РФ к условиям информационного общества путем конструирования «виртуальных копий», «цифровых двойников» традиционных уголовно-правовых запретов представляется, в современных условиях невозможным².

Особое внимание заслуживают вопросы уголовно-правового обеспечения цифровых прав. В частности, цифровое пространство создало

¹ Хиллота В.В. Цифровое переформатирование уголовного права // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 1. С. 123–128.

² Шуклина М.А. Особенности оценки стоимости цифровых свидетельств и цифровых прав // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 4 (235). С. 59–71.

возможность наполнить экономические отношения новым инструментом, который по сути является альтернативой старому пониманию, что такое право в экономическом пространстве и как его нужно правильно фиксировать. К примеру, если рассматривать хищение цифровых прав, то необходимо определить, что будет выступать предметом преступления, так как последние по своей форме не имеют устоявшихся признаков, которыми, к примеру, обладают другие права (имущественного характера).

Современное уголовно-правовое регулирование экономических отношений с учетом развития цифровых технологий постепенно меняется. В экономическом пространстве появляются новые правовые институты, требующие отдельного и более предметного воздействия со стороны законодателя путем введения в уголовный закон новых понятий и разработки механизмов их эффективной защиты.

Н.В. Ольховик

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА ПОТЕРПЕВШЕМУ УСЛОВНО-ДОСРОЧНО ОСВОБОЖДЕННЫМ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ¹

Изучение условно-досрочно освобожденных в 2019–2022 гг. в ряде регионов Российской Федерации (Алтайский край, Новосибирская, Томская, Тюменская области, ХМАО-Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ) свидетельствует о том, что 40% от общего количества условно-досрочно освобожденных, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций в обследованных регионах, занимают осужденные за преступления против собственности. Среди них наибольшее количество приходится на осужденных за кражи (от 19 до 27% в зависимости от региона изучения), грабежи (от 3,5 до 7,5%), разбои (от 3,5 до 7,5%), незаконное завладение автомобилем или иным транспорт-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>

ным средством без цели хищения (от 1,5 до 4,5%). Практически каждый второй условно-досрочно освобожденный обязан был возместить причиненный преступлением ущерб. Эти данные практически совпадают с официальной статистикой за 2018–2022 гг.¹ Обращает на себя внимание относительная неопределенность границ возмещения вреда (ущерба), причиненного преступлением, вследствие чего эта обязанность не может быть проконтролирована и не всегда выполняет свою функцию. Конкретизировать содержание этой обязанности возможно, если установить, по аналогии с алиментами, размер денежной суммы или процент от дохода, которые освобожденный должен периодически перечислять потерпевшему при возмещении ущерба, причиненного преступлением.

Таким образом, учитывая необходимость конкретизации обязанностей, возложенных судом на условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, в зависимости от их поведения в течение неотбытой части наказания следует закрепить в ст. 79 УК РФ право суда по представлению уголовно-исполнительной инспекции возлагать новые, изменять содержание ранее возложенных обязанностей в сторону их смягчения или ужесточения либо отменять ранее возложенные судом обязанности.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что из числа условно-досрочно освобожденных, прошедших по учетам уголовно-исполнительных инспекций в 2022 г., около 10% допустили нарушения порядка условно-досрочного освобождения, из них 1,5% скрылись от контроля уголовно-исполнительной инспекции. В отношении 4,5% осужденных направлены в суд материалы об отмене условно-досрочного освобождения и дальнейшем отбывании наказания в виде принудительных работ либо лишения свободы. Несмотря на то, что ст. 79 УК РФ допускает отмену условно-досрочного освобождения за злостное уклонение от исполнения обязанностей, возложенных на осужденного судом при применении условно-досрочного освобождения, имели задолженность по исполнительным документам 4% условно-досрочно освобожденных, из них погасил задолженность в полном объеме только каждый десятый условно-досрочно освобожденный. На наш взгляд, такая

¹ См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>

практика связана не только с тем, что суд не определил порядок возмещения ущерба потерпевшему, но и обусловлена в некоторой степени неопределенностью понятия злостности уклонения от выполнения обязанностей, возложенных судом на осужденного. Злостность в данном случае предполагает установление следующих обстоятельств: неоднократное предупреждение осужденного за невыполнение судебного постановления – злостность; длительный характер неисполнения судебного постановления – системность; нежелание осужденного соблюдать порядок и условия условно-досрочного освобождения.

С.П. Опацкая

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 175 УК РФ

Диспозиция ст. 175 УК РФ закрепляет два альтернативных действия объективной стороны преступления, а именно приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем.

При анализе данной статьи усматривается правовая неопределенность в формулировании деяния, т.е. законодатель не устанавливает и не очерчивает рамки возможных преступных действий по определению целей и мотивов.

Ответственность устанавливается за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем. Несмотря на множество толкований понятий «приобретение» или «сбыт», однозначного понимания таких признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, не существует, что порождает множество нормативно неурегулированных вопросов при применении уголовного закона правоприменительными органами.

Однако под «приобретением» принято понимать возмездное или безвозмездное получение имущества в любой форме, в результате которого приобретатель получает фактическую возможность владеть, пользоваться и распоряжаться в своих интересах этим имуществом как своим собственным (в том числе лично использовать или отчуждать), но не приобретает правомочий собственника, т.е. к нему не переходит право собственности на это имущество. А под «сбытом» – возмездную или безвозмездную фактическую передачу имущества без перехода

права собственности, так как отчуждатель добытого преступным путем имущества не является его собственником или иным законным владельцем¹.

Некоторые правоприменители придерживаются позиции, что для осуществления сбыта лицо должно сначала приобрести имущество, которое в дальнейшем будет сбываться (с учетом того, что такое приобретение или сбыт должно быть заранее не обещанным). Исходя из того, что состав преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, – формальный, т.е. преступление считается оконченным с момента совершения приобретения или сбыта имущества, то в случаях такого приобретения данное преступление считается оконченным и, следовательно, дальнейший сбыт этого же имущества требует самостоятельной правовой квалификации.

Такая квалификация является ошибкой, именуемой «двойной квалификацией по каждому самостоятельному альтернативному признаку деяния».

Таким образом, одной из проблем квалификации преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, является неоднозначное толкование альтернативных признаков объективной стороны, являющихся неоднородными действиями, при квалификации которых, в определенных случаях, не должно обретаться свойство совокупных деяний. То есть подготовительные действия отдельно не квалифицируются, а включаются в квалификацию соответствующего оконченного преступления.

Т.А. Плаксина

ПЕНАЛИЗАЦИЯ ПРИЧИНЕНИЯ СМЕРТИ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ

Причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ) в действующем уголовном законодательстве относится к числу преступлений против жизни наряду с убийством (ст. 105–108 УК РФ) и преступной причастностью к самоубийству (ст. 110–110.2 УК РФ). Поскольку в доктрине уголовного права объект посягательства (уголовно-правовой

¹ См.: Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / под общ. ред. Л.М. Прокументова. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. С. 231–233.

охраны) и причиненный вред как признак объективной стороны деяния признаются наиболее важными факторами, предопределяющими степень общественной опасности преступления (в том числе типовую степень общественной опасности различных видов деяний, находящую отражение в санкциях)¹, логично предположить, что типовая степень общественной опасности причинения смерти по неосторожности в ее оценке законодателем будет близка к типовой степени общественной опасности других преступлений против жизни, объективная сторона которых включает фактическое причинение смерти. Однако обращение к санкциям ст. 105 и 109 УК РФ опровергает эту гипотезу.

Так, ч. 1 ст. 105 УК РФ, устанавливающая ответственность за простое убийство, предусматривает в качестве максимального основного наказания лишение свободы сроком на пятнадцать лет, тогда как в ч. 1 ст. 109 УК РФ максимальный предел санкции составляет два года лишения свободы. В санкции ч. 2 ст. 105 УК РФ в качестве наиболее сурового реально применяемого наказания закреплено пожизненное лишение свободы; что же касается причинения смерти по неосторожности при особо квалифицирующих обстоятельствах (ч. 3 ст. 109 УК РФ), то максимальное основное наказание, предусмотренное за него, составляет всего четыре года лишения свободы. Таким образом, вопреки устоявшимся в теории уголовного права положениям о том, что наибольший вклад в определение типовой степени общественной опасности преступления вносит объект уголовно-правовой охраны и причиненный вред, законодатель в данном конкретном случае при формировании санкций гораздо большее значение придает форме вины: неосторожная форма вины в ст. 109 УК РФ многократно снижает максимальный предел санкций по сравнению с нормами, устанавливающими ответственность за умышленное причинение такого же вреда тождественному объекту. Кроме того, в санкциях всех трех частей ст. 109 УК РФ предусматриваются альтернативные лишению свободы виды основных наказаний – ограничение свободы и принудительные работы, а в ч. 1 ст. 109 УК в дополнение к ним еще и исправительные работы.

¹ Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 26; Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. СПб. : Юридический центр «Пресс», 2003. С. 180.

Стоит заметить, что в УК РСФСР 1960 г. максимальный предел наказания за неосторожное убийство (ст. 106) составлял три года лишения свободы вне зависимости от обстоятельств совершения преступления; при этом он был равен минимальному пределу санкции ст. 103 УК РСФСР, предусматривающей ответственность за умышленное убийство. В настоящее же время максимальный предел санкции ч. 1 ст. 109 УК РФ (два года лишения свободы) в три раза ниже минимального предела санкции, установленной за простое убийство (шесть лет лишения свободы).

Следствием не вполне адекватной современной законодательной оценки типовой степени общественной опасности причинения смерти по неосторожности является сложившаяся практика назначения за него чрезмерно мягких наказаний, явно не соответствующих ценности жизни как правоохраняемого блага и причиненному вреду. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2021 г. по ч. 1 ст. 109 УК РФ в Российской Федерации было осуждено 755 лиц, из них свыше 46% – к ограничению свободы, свыше 26% – к исправительным работам, в то время как к реальному лишению свободы приговорено менее 12% осужденных. Еще более показательны сведения о наказаниях, назначаемых по ч. 2 ст. 109 УК РФ, предусматривающей ответственность за причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей: в 2021 г. из 95 осужденных лишь двум (около 2%) было назначено реальное лишение свободы; подавляющее большинство лиц (почти 92%) осуждено к ограничению свободы. Сходная картина наблюдается и за предшествующие годы¹. Преодоление столь очевидной девальвации ценности человеческой жизни предполагает как корректировку санкций ст. 109 УК РФ, так и ограничение установленных ч. 1 ст. 56 УК РФ препятствий для назначения наказания в виде лишения свободы лицам, впервые совершившим преступления небольшой тяжести.

¹ Судебная статистика (форма № 10.3) // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 20.01.2023).

В.И. Плохова

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЙ ст. 286 УК РФ

1. Федеральным Законом от 14.07.2022 № 307-ФЗ¹ ч. 3 ст. 286 УК РФ дополнена тремя квалифицирующими признаками: группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, в отношении несовершеннолетнего, из корыстной или иной личной заинтересованности без изменения ее санкции. Отсюда очевидно, что закон обратной силы не имеет. Кроме того, добавление квалифицирующего признака «из корыстной или иной личной заинтересованности» позволяет отнести этот состав преступления в разряд коррупционных, поскольку он обладает всеми его признаками².

2. Дополнение ст. 286 УК частями 4,5 и примечаниями – превышение должностных полномочий с применением пытки и перенесение ее определения из примечания к ст. 117 УК РФ в ст. 286 УК имеют серьезные правовые последствия не только для ст. 286 УК РФ, но и ст. 117, 302 УК РФ для соотношения (отграничения) составов преступлений, в которых предусмотрены особая жестокость, мучения, страдания, издевательства, насилие. Понятие пытки, предложенное в примечаниях к ст. 286 УК РФ, больше приблизилось к определению ее в международных документах (ч. 1 ст. 1 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания)³. В первом примечании к ст. 286 УК РФ указаны следующие ее признаки: 1. Это любое действие или бездействие, которым умышленно причиняется кому-либо сильная боль, физические или нравственные страдания. 2. Они причиняются для того, **чтобы**: а) получить от потерпевшего или третьего лица сведения или признания; б) наказать его за действия, которые оно или третье лицо совершило или в совершении которого подозревается; в) запугать или принудить его или

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 14.07.2022 № 307-ФЗ (последняя редакция). URL: <http://www.consultant.ru>

² Плохова В.И. Служебные преступления в УК РФ : учеб. пособие. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 72–79.

³ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания Принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml

третье лицо; г) или по любой **причине**, основанной на дискриминации любого характера. Из этого видно, что законодатель не употребляет термин «цель», названный в предыдущей редакции попытки, хотя в первой части употребляет характерное для цели филологическое обозначение слова «чтобы». Однако цели намечаются на основании соответствующих мотивов. Последние в этом смысле приравниваются к причинам. Возможно, поэтому в обобщенной форме назван термин «причине, основанной на дискриминации любого характера». 3. Субъект преступления прямо в 1-м примечании не обозначен, в отличие от конвенционного определения попытки. Однако из 2-го примечания к ст. 286 УК, где воспроизводится перефразированное обобщенное изъятие из содержания понятия попытки «...причинение физических или нравственных страданий, которые возникают в результате правомерных действий должностного лица или другого лица либо неизбежно сопряжены с такими действиями», можно предположить, что им является любое лицо. Ближе к конвенционному определен субъект пыток в диспозиции ст. 302 УК.

Таким образом, изъятие квалифицирующего признака пытки и ее определения из ст. 117 и расположение в приближенном к конвенционному ее определению в ст. 286 УК разрешило некоторые вопросы, отреагировало на имеющиеся случаи пыток в России, неоднократные замечания Комитета ООН против пыток. Однако эти изменения не решают многих вопросов уголовной ответственности за пытки: без закрепления этого квалифицирующего признака в законе ее применить нельзя; толкование многих ее признаков (субъект, цель, мотив, причина, в том числе дискриминация любого характера и др.) требует дополнительного анализа.

Е.Р. Саяхова

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ

Одной из задач современной судебной системы России являются формирование доверия общества правосудию, предупреждение коррупционных проявлений, прозрачность, публичность и гласность правосудия¹.

¹ Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей РФ 05.12.2019).

Между тем в обществе бытует мнение о «продажности», коррумпированности судей, свидетельством которого являются громкие процессы в отношении судей и работников судебной системы.

Подводя итоги деятельности органов судейского сообщества за 6 лет, председатель Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации Н.В. Тимошин в своем выступлении отметил, что квалификационными коллегиями удовлетворены представления председателя Следственного комитета РФ о даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении 104 судей, дано 21 согласие на привлечение судьи в качестве обвиняемого, при этом 99 случаев касались преступлений коррупционной направленности¹.

Представленные данные, в сравнении с показателями 2022 г., где всего к уголовной ответственности за коррупционные преступления в России были привлечены 1 400 работников правоохранительной системы, теряются в общей картине статистической отчетности, но тем не менее заставляют задуматься о коррупции в судебной системе, о мерах по устранению причин и условий коррупционных преступлений в судебной среде. Исследование данных, представленных на официальных сайтах квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации, позволяет выделить примерный перечень коррупционных преступлений, совершаемых судьями. Чаще всего это получение взятки, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения.

К проблемам противодействия коррупции в судебной системе на современном этапе можно отнести коррупциогенность законодательства, когда в нормативно-правовых актах присутствуют положения, устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил. Противоречивость и несовершенство законодательства позволяют создавать условия для коррупции. Только с помощью совершенствования законодательства можно добиться единого толкования и применения правовых норм.

Кроме того, пристального внимания требует изучение вопроса конфликта интересов в деятельности судьи.

¹ Тимошин Н.В. Выступление на Всероссийском съезде судей 5 декабря 2022 г.

К сожалению, приходится констатировать, что в настоящее время отсутствуют объективные факторы оценки конфликта интересов судьи. Перечень ситуаций, по которым судья обязан заявить самоотвод или поставить в известность участников процесса о возможном возникновении конфликта интересов, является открытым. По нашему мнению, следует выработать единый порядок предотвращения и урегулирования конфликта интересов, возникающего при исполнении судьями и работниками суда своих полномочий, в том числе при рассмотрении дел с участием граждан и юридических лиц, с которыми судья, служащие связаны какими-либо обязательствами.

Все чаще возникают предположения о закрытости судебной системы, что также относится к одной из причин коррупции в судебной системе. Независимость судебной власти, самостоятельность судов превращают ее в замкнутую систему, никому не подотчетную, освобожденную от какого-либо контроля¹.

В заключение хотелось бы отметить, что эффективность противодействия коррупции зависит не только от мер, принимаемых на законодательном уровне, но и от заинтересованности самого судейского сообщества в желании очистить систему, что позволило бы повысить авторитет судебной власти.

А.В. Сорокина

К ВОПРОСУ О СОУЧАСТИИ В ПРЕСТУПЛЕНИИ СО СПЕЦИАЛЬНЫМ СУБЪЕКТОМ

В ч. 4 ст. 34 УК РФ закреплено положение, согласно которому лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника.

¹ Догадайло Е.Ю., Носов С.И., Чепунов О.М. Проблемы совершенствования судебной системы Российской Федерации на современном этапе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2019. № 1. С. 29.

Это общее правило, регламентированное в законе, не является универсальным, поскольку не охватывает все случаи квалификации преступлений со специальным субъектом.

Рассмотрим несколько примеров, когда в совершении преступления участвуют исполнитель и другой соучастник или только соисполнители (в рамках элементарного соучастия или группы лиц по предварительному сговору) с единым умыслом.

Так, достаточно просто решается вопрос с квалификацией шпионажа, совершенного гражданином РФ и иностранным гражданином или лицом без гражданства. Первый будет отвечать за государственную измену в форме шпионажа по ст. 275 УК РФ, а второй – за шпионаж по ст. 276 УК РФ, так как в обеих статьях предусмотрена персонафицированная ответственность для каждого субъекта. Однако предположим ситуацию, когда при совершении государственной измены в форме оказания финансовой или консультационной помощи иностранному государству эти действия осуществляют и гражданин РФ, и лицо без гражданства. Представляется, что в данном случае квалификация содеянного гражданином РФ должна осуществляться по ст. 275 УК РФ, а лицом без гражданства, согласно ч. 4 ст. 34 УК РФ, – по ст. 275 УК РФ со ссылкой на ч. 3, 4 или 5 ст. 33 УК РФ.

Не вызывает споров положение, согласно которому действия женщины по применению насилия или угрозе его применения к потерпевшей или к другим лицам во время группового изнасилования следует квалифицировать по п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ. В силу сложного характера объективной стороны указанного преступления специальным субъектом (лицом мужского пола) частично совершается объективная сторона в виде полового сношения, другая же часть объективной стороны совершается общим субъектом (лицом женского пола). В связи с этим нельзя согласиться с авторами, которые обосновывают в таких случаях квалификацию содеянного женщиной как пособничества в изнасиловании со ссылкой на ст. 33 УК РФ¹.

¹ Дьяченко А.П. Уголовно-правовая охрана граждан в сфере сексуальных отношений : учеб. пособие. М. : Акад. МВД России, 1995. С. 27–28; Павлов В.Г. Проблемы квалификации соучастия в преступлениях со специальным субъектом // Ленинградский юрид. журнал. 2007. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-souchastiya-v-prestupleniyah-so-spetsialnym-subektom> (дата обращения: 25.01.2023).

Единообразно в правоприменительной практике решается вопрос с квалификацией убийства матерью новорожденного ребенка, совершенного матерью новорожденного совместно с иным лицом (сожителем, родственником и др.). Деяние (действие или бездействие) матери при наличии привилегирующих признаков следует квалифицировать по ст. 106 УК РФ, а деяние иного лица – по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Стоит акцентировать внимание и на случаях соучастия при наличии специального и узкоспециального субъекта. Так, если изнасилование было совершено группой лиц по предварительному сговору лицом мужского пола (специальным субъектом) и лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего (узкоспециальным субъектом), то акцессорная теория соучастия не работает. Будет применяться теория самостоятельной ответственности, когда специальный субъект будет нести ответственность по п. «а» ч. 2 ст. 131 УК РФ, а узкоспециальный субъект – по п. «а» ч. 5 ст. 131 УК РФ.

Если при вынесении заведомо неправосудного приговора исполнителем является специальный субъект – судья, а в качестве организатора, подстрекателя или пособника выступают лица, обладающие только признаками общего субъекта (помощник судьи, секретарь судебного заседания), то содеянное надлежит квалифицировать как обычное соучастие на основе положения ч. 4 ст. 34 УК РФ.

Достаточно сложной и в доктрине, и на практике является ситуация привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших воинские преступления, когда исполнителем выступает гражданское лицо (общий субъект), а военнослужащий (специальный субъект) исполняет роль организатора, подстрекателя или пособника. Очевидно, что при таких обстоятельствах отсутствует состав преступления со специальным субъектом. В такой ситуации гражданское лицо подлежит уголовной ответственности за общеуголовное преступление, а военнослужащий, склонивший гражданское лицо к совершению преступления, будет отвечать за подстрекательство к воинскому преступлению, что наиболее полно охватывает квалификацию содеянного. Снова видим ситуацию, когда вопреки теории акцессорности соучастия ответственность будет наступать по разным статьям Особенной части УК РФ. Подобной позиции придерживается и Ю.Е. Пудовочкин¹.

¹ Пудовочкин Ю.Е. Соучастие в преступлении со специальным субъектом: некоторые проблемы уголовно-правовой оценки // Общество и право. 2018. № 4 (66). URL:

Если говорить о квалификации преступлений со специальным субъектом, совершенных организованной группой, то существует положение, подкрепляемое судебной практикой Верховного Суда РФ по разным видам преступлений. В соответствии с ним в случае признания совершения преступления организованной группой действия всех ее членов, принимавших участие в подготовке и совершении этих преступлений, независимо от того, выполняли ли они функции исполнителя, организатора, подстрекателя или пособника, подлежат квалификации по соответствующей части статьи Особенной части УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ.

Представляется, что для правильного юридического разрешения подобных ситуаций необходимо учитывать несколько моментов: 1) характер объективной стороны деяния и содержание ее признаков; 2) единство умысла соучастников; 3) вид соучастника; 4) содержание специальных признаков субъекта (личностные характеристики субъекта или правовые признаки); 5) характер и степень фактического участия каждого лица (как общего, так и специального субъекта) в совершении преступления; 6) форму соучастия в преступлении.

М.А. Стародубцева

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Исходя из результатов отечественных и зарубежных исследований, предлагается определение терроризма для целей настоящего исследования.

Терроризм – создание и распространение идеологии насилия и практика воздействия на принятие решений органами государственной власти, местного самоуправления или международными организациями в целях подрыва доверия к деятельности органов власти и органов местного самоуправления или государственных, муниципальных и международных организаций.

<https://cyberleninka.ru/article/n/souchastie-v-prestupenii-so-spetsialnym-subektom-nekotorye-problemy-ugolovno-pravovoy-otsenki> (дата обращения: 25.01.2023).

В результате проведенного анализа основных изменений антитеррористического законодательства с позиции систематического толкования права можно сделать следующие выводы:

1. Нормы уголовного права, определяющие, в частности, объект гл. 24 УК РФ и преступлений террористической направленности, являются бланкетными. Бланкетность проявляется в форме бланкетного признака, а именно использования в тексте закона иноотраслевых терминов.

2. Формулируя перечень террористических преступлений в УК РФ, законодатель использует сразу несколько терминов, а именно: «терроризм», «террористический акт» и «акт терроризма». Это представляется результатом отхода законодателя от принципа системности правового регулирования общественных отношений. Отступлением от принципа системности является и тот факт, что упомянутые термины употребляются в различном значении и их значение с течением времени трансформируется.

3. Статья 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ¹, дающая определение терроризма закрепляет дискуссионные для уголовного закона признаки воздействия на органы местного самоуправления и международные организации, дополняя УК РФ с позиции систематического толкования права.

4. Статья 207 УК РФ не отнесена к преступлениям террористической направленности, однако с позиции системного регулирования на помощь приходят ведомственные нормативные акты, такие как Указание Генеральной прокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24 января 2020 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»².

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» от 9 февраля 2012 г. № 1³ предписывает судам обращать внимание на важность установления целей террористического акта в каждом конкретном случае, позволяя давать расширительное толкование указанным в уголовном законе целям.

¹ См.: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/

² См.: URL: https://rulaws.ru/acts/Указание-Genprokuratury-Rossii-N-35_11,-MVD-Rossii-N-1-ot-24.01.2020/

³ См.: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/

6. Указания Генеральной прокуратуры России и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 систематически дополняют указанные в них перечни преступлений террористической направленности.

7. При квалификации «террористических» составов УК РФ, признак совершения указанных деяний в образовательных организациях может иметь место, однако не фиксируется в следственной и судебной практике в силу незакрепленности в законодательной конструкции анализируемых составов преступлений. С позиции систематического толкования права уместнее будет добавить образовательные организации как адресата терроризма в базовое определение терроризма, чтобы, таким образом, зафиксировать границы его толкования и избежать чрезмерного расширения адресатов терроризма.

С.А. Ступина

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В ПЕРИОД СВО

Технологии информационных манипуляций все активнее используются в современных условиях коллективным Западом при ведении деятельности по подрыву российской государственности.

Официальный представитель МИД России Мария Захарова в своем выступлении 15 сентября 2022 г. отметила необходимость введения термина «информационный коллаборационизм»¹.

К сожалению, история свидетельствует о том, что без поддержки со стороны граждан государства, против которого ведутся военные действия, врагу сложно проводить свою политику.

В отношении таких лиц в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. существовал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения».

¹ Захарова рассказала о случаях «информационного коллаборационизма» в России. URL: https://tass.ru/politika/15757891?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 15.01.2023).

Государственная измена, уголовная ответственность за которую установлена в ст. 275 УК РФ, включает в том числе и такие действия в рамках объективной стороны, как оказание иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации.

Однако однозначного толкования такой «иной помощи» современной правоприменительной практике не известно, равно как и возможности отнесения информационного сотрудничества к таким действиям.

Вместе с тем асоциальная деятельность граждан, которые под руководством западных кураторов осуществляют информационные вбросы, распространяют искаженную информацию, представляет серьезную угрозу для России.

Именно на таких лиц делается ставка со стороны коллективного Запада в современных условиях, определяемых проведением Российской Федерацией специальной военной операции.

Установление уголовной ответственности за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях (ст. 280.3 УК РФ), а также за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий (ст. 207.3 УК РФ), не охватывает всего спектра противоправной деятельности информационных коллаборационистов.

Полагаем обоснованным принятие соответствующих разъяснений Пленумом Верховного Суда РФ по признакам состава государственной измены.

Кроме этого, целесообразно в отдельной уголовно-правовой норме в составе преступлений гл. 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» установить уголовную ответственность за «информационный коллаборационизм», под которым возможно понимать такие действия, как пропаганда, оправдание и поддержка действий противника, а также распространение заведомо ложной информации, искажение информации о событиях, фактах или явлениях, создающих угрозу безопасности государства.

Д.О. Трофимов

«ПЕРИОД МОБИЛИЗАЦИИ» КАК ОДНО ИЗ ОСОБЫХ ВОЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ЗАКРЕПЛЕННЫХ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ

Федеральным законом от 24.09.2022 г. № 365-ФЗ в Уголовный кодекс РФ внесен ряд обстоятельств, подлежащих особому учету, в том числе при привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в военное время. К ним относятся такие обстоятельства, характеризующие объективную сторону преступления, как совершение преступления: 1) в период мобилизации; 2) в период военного положения; 3) в военное время; 4) в условиях вооруженного конфликта; 5) в условиях ведения боевых действий.

Исходя из источника их возникновения, содержания, а также с позиции краткости изложения можно с определенной долей условности именовать всю их совокупность «особыми военными обстоятельствами».

Одним из таких обстоятельств является период мобилизации. Нормативным основанием его существования является Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»¹. Исходя из его положений (ч. 2 ст. 1, ст. 4), под периодом мобилизации следует понимать период осуществления мероприятий по расширению состава лиц, участвующих в ведении боевых действий и мероприятий по переводу экономики и работы государственных органов на работу в условиях военного времени, начало которого определяется вступлением в силу Указа Президента Российской Федерации об объявлении мобилизации, а окончание – Указом Президента Российской Федерации о прекращении мобилизации либо фактическим выполнением содержащихся в Указе Президента мобилизационных заданий.

Дополнительным основанием для такого вывода может служить официальное заявление пресс-секретаря Президента Российской Федерации Дмитрия Пескова со ссылкой на заключение Государственно-правового управления Администрации Президента, сделанное 01.11.2022 г.² Со-

¹ См.: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13454/

² См.: URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/11/2022/6360f55a9a79474ec845d404>

гласно ему, для прекращения мобилизационных мероприятий не требуется отдельного Указа Президента и достаточно выполнения мобилизационного задания по призыву конкретного числа граждан.

Кроме того, как показал опыт проведения мобилизации, объявленной Указом Президента Российской Федерации от 21.09.2022 г. № 647, фактически частичная мобилизация может не предполагать обязательного осуществления экономических мероприятий, характерных для условий военного времени.

Период и содержание мобилизации, в том числе частичной мобилизации, не ограничиваются временным критерием, а включают также критерий территориальный, поскольку мобилизационные мероприятия могут прекращаться (и, вероятно, снова возобновляться) на отдельных территориях Российской Федерации без принятия Указа Президента Российской Федерации о прекращении мобилизационных мероприятий.

Согласно приведенной позиции Государственно-правового управления Администрации Президента, объявленную в стране в сентябре 2022 г. частичную мобилизацию следует рассматривать исключительно как совокупность мероприятий по обеспечению призыва в Вооруженные силы Российской Федерации определенного числа граждан.

Значение такого особого военного обстоятельства, как период мобилизации, определяется тем, что оно: а) является обстоятельством, отягчающим наказание, б) квалифицирующим признаком для девяти составов преступлений (ст. 333, 334, 337–342, 344 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Н.В. Тыдыкова

ОБ ОТГРАНИЧЕНИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ

Одной из проблем квалификации насильственных действий сексуального характера является неопределенность в понимании иных действий сексуального характера, что поднимает вопрос о критериях, по

которым можно ограничить действия сексуального характера от действий, не носящих такой характер¹. Практика сложилась таким образом, что мотив такого преступления для квалификации содеянного значения не имеет. Фактором, который можно использовать, видится указание в тексте закона на характер действий – сексуальный, под которым можно понимать их направленность на удовлетворение сексуального влечения виновного или потерпевшего, или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям.

Анализ правоприменительной практики показал, что даже действия, совершаемые с участием полового органа или заднепроходного отверстия потерпевшего, не всегда расцениваются как носящие сексуальный характер, так как такие манипуляции могут иметь другие цели. Например, в связи с тем, что половые органы имеют большое число нервных окончаний, насильственное воздействие на них может причинять наиболее болезненные ощущения у потерпевших. Так, Г. и К. нанесли побои П., после чего поочередно вставляли в его анальное отверстие металлическую кочергу и совершали ей возвратно-поступательные движения, причиняя потерпевшему физическую боль, прижигали анальное отверстие спичками, насыпали туда молотый перец, соль, соду и поливали кипятком. Описанные действия были квалифицированы как истязание². По другому делу Т. ввел ручку кочерги в задний проход Ю., а К. ввел конец этой же кочерги во влагалище Ю., после чего несколько раз прыгнул ногами на спину потерпевшей. В результате совместных действий К. и Т. потерпевшая Ю. на следующий день скончалась в больнице. Виновные были осуждены по ч. 4 ст. 111 УК РФ³.

Также подобные манипуляции, наряду с другими действиями, могут быть основанием для вменения признака «с особой жестокостью» при убийстве. Так, например, К. избивал Д. руками, ногами, ввел ей во

¹ Тыдыкова Н.В. О некорректном использовании медицинских терминов при конструировании составов половых преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации // Юрислингвистика. 2018. № 7-8. С. 56–63.

² Обвинительное заключение по обвинению Г. и К. от 11.07.2013 // Архив прокуратуры Алтайского края.

³ Кассационное определение Верховного Суда РФ № 48-О12-82 от 11.09.2012 // СПС «КонсультантПлюс».

влагалище палку от швабры, после чего убил¹. По аналогичным делам особая жестокость в процессе убийства, наряду с другими насильственными действиями, находила выражение во введении во влагалище потерпевших полимерного плинтуса, в результате чего были повреждены внутренние органы², элемента штатетника³, заостренного конца бревна⁴, во введении в заднепроходное отверстие резинового шланга на глубину около тридцати сантиметров с последующим поступлением по нему горячей воды под напором в брюшную полость⁵.

Исходя из вышесказанного, думается, что в случае сомнений в сексуальном характере действий, в частности, можно учитывать следующие обстоятельства: обнажение виновного и (или) потерпевшего; сопровождение насильственных манипуляций, направленных на причинение физической боли потерпевшему, другими действиями, направленными на получение удовольствия одной из сторон (поглаживание, поцелуй и т.п.); сексуальное возбуждение, сексуальная разрядка, достигаемые посягающим в процессе совершения насильственных действий.

Е.Н. Федотова

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В ЧАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК

Лишение свободы на определенный срок – традиционный вид уголовного наказания для российской правовой юстиции, присутствующий

¹ Определение Верховного Суда РФ № 81-О01-55 от 24.10.2001 // СПС «КонсультантПлюс».

² Кассационное определение Верховного Суда РФ № 57-О14-1 от 06.03.2014 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Верховного Суда РФ № 51кпо02-73 от 06.11.2002 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Кассационное определение Верховного Суда РФ № 69-004-33 от 09.07.2004 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Определение Верховного Суда РФ № 93-О10-24сп от 23.12.2010 // СПС «КонсультантПлюс».

щий в том или ином формате на всех этапах развития нашего государства. Вслед за сменами общественной, политической, экономической формаций менялось и отношение общества к данному наказанию, что находило отражение в уголовной политике государства.

Интеграция России с мировым сообществом, ратификация международных стандартов в области отправления правосудия повлекли за собой необходимость имплементации норм международного права в национальное законодательство. Данные юридические процессы коснулись и правового регулирования порядка применения лишения свободы, сориентировав законодателя на его гуманизацию и сокращение тюремного населения.

Распоряжением Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р была утверждена Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. Обозначенный нормативный правовой акт прогнозирует снижение показателя содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы лиц к 2024 г. до 400 тыс. чел., к 2030 г. – от 250 тыс. до 300 тыс. чел.

По данным ФСИН России, в 2015 г. в исправительных колониях содержалось 524 738 осужденных, по состоянию на 1 октября 2022 г. данный показатель составил 453 188 чел. Таким образом, существующая динамика соответствует намеченным прогнозам¹.

Далее уместно проанализировать динамику объема применения лишения свободы в общем объеме применения уголовных наказаний: в 2008 г. этот показатель составлял 33,9%; в 2012 г. – 28%; в 2015 г. – 33%; в 2018 г. – 29,2%; в 2020 г. и первом полугодии 2021 г. – 28,5%².

Таким образом, можно сказать, что доля применения лишения свободы за проанализированный период (с 2008 по 2021 г.) составляет в среднем треть от общего массива назначаемых уголовных наказаний.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы, что правовое регулирование порядка назначения и исполнения лишения

¹ См.: Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // ФСИН России: [сайт]. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 14.12.2022).

² См.: Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2020 годы // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3490> (дата обращения: 14.12.2022).

свободы характеризуется изменчивостью, которая обусловлена поступательным развитием общества, гуманизацией уголовной политики и имплементацией норм международного права в национальное законодательство. Однако обозначенные процессы, прежде всего, привели к общему снижению числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности, существенного влияния на объем применения лишения свободы они не оказали. На долю данного вида наказания в относительных числах приходится в среднем треть объема, сокращение прослеживается лишь в абсолютных числах. Кроме того, четко прослеживается ухудшение уголовно-правовых характеристик лиц, осужденных к лишению свободы, которое отражается в том, что в местах лишения свободы концентрируются лица, имеющие несколько судимостей, совершившие преступления при различных видах рецидива. В целом практику применения уголовного наказания в виде лишения свободы можно признать логичной и обоснованной, соответствующей современному этапу развития общества.

Т.Г. Черненко

КОНФИСКАЦИЯ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА

Сфера применения конфискации имущества как иной меры уголовно-правового воздействия, не являющейся уголовным наказанием, была расширена Федеральным законом Российской Федерации от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ, предусмотревшим возможность конфискации транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного ст. 264¹, 264² или 264³ УК РФ¹.

Указанная мера в настоящее время является дискреционной, т.е. применяется по усмотрению суда с учетом всех обстоятельств дела.

Было бы целесообразным на законодательном уровне предусмотреть императивное предписание об обязательной конфискации транспортного средства, если совершено преступление, предусмотренное частью второй ст. 264¹ УК РФ: управление автомобилем, трамваем

¹ См.: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421804/

либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, имеющим судимость за совершение в состоянии опьянения преступления, предусмотренного частями второй, четвертой или шестой ст. 264 УК РФ; частью второй ст. 264³ УК РФ: управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами, имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного пунктом «в» части второй, пунктом «в» части четвертой или пунктом «в» части шестой ст. 264 УК РФ. Учитывая, что на дорогах страны ежегодно в результате дорожно-транспортных происшествий погибают тысячи людей, следует в общепреventивных целях предусмотреть довольно жесткие меры реагирования на совершение транспортных преступлений, особенно в отношении лиц, совершающих такие преступления в состоянии опьянения, а также лиц, имеющих судимости за транспортные преступления и вновь их совершающих. Одной из таких мер может быть обязательная конфискация транспортного средства.

В ст. 104¹ УК РФ речь идет о конфискации транспортного средства, принадлежащего обвиняемому. Следовательно, если собственник доверяет управление транспортным средством водителю, который на его автомобиле совершает одно из преступлений, за которое законом предусмотрена возможность конфискации транспортного средства, конфисковать автомобиль нельзя, так как он не принадлежит обвиняемому. На наш взгляд, следовало бы на законодательном уровне предусмотреть возможность применения конфискации автомобиля, принадлежащего собственнику, доверившему управление транспортным средством лицу, ранее подвергавшемуся административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения, либо имеющему судимость за совершение в состоянии опьянения преступления, предусмотренного частями второй, четвертой или шестой ст. 264 УК РФ, либо лишенному права управлять транспортным средством, если такое лицо совершит преступление, указанное в п. «д» части первой ст. 104¹ УК РФ. Разумеется, конфискация транспортного средства должна быть предусмотрена только для тех случаев, когда его собственнику известно о наличии у лица, которому он доверяет транспортное средство, об указанных выше фактах противоправного поведения.

Введение в УК РФ положения о конфискации транспортного средства в значительной мере стирает грань между конфискацией как уголовным наказанием и конфискацией как мерой уголовно-правового воздействия, не являющейся наказанием.

Полагаем, что вопрос о целесообразности возвращения конфискации имущества в число дополнительных уголовных наказаний не утратил актуальности до настоящего времени. Напротив, актуальность этого вопроса возрастает в связи с новыми законодательными предписаниями, касающимися конфискации имущества.

Е.А. Чулунов

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Изучение вопросов реализации наказаний без лишения свободы имеет важную научную и практическую значимость, так как политика государства направлена на расширение применения альтернативных видов наказания. Это соответствует общемировой тенденции в проводимой уголовно-правовой политике. Вместе с тем в доктрине уголовного и уголовно-исполнительного права нет превалирующего подхода к сущности, эффективности исправительных работ. Есть исследователи, которые высказываются о высокой эффективности и значимости исправительных работ, присутствуют и противоположные мнения.

Сущность наказания в виде исправительных работ заключается в том, что из заработной платы осужденного производится удержания в доход государства от 5 до 20%. Ограничиваются трудовые права лица, например, он не имеет права отказаться от предложенной работы и самостоятельно прекратить трудовые отношения с работодателем. На вышеуказанные действия необходимо согласие уголовно-исполнительной инспекции. При трудоустройстве контролирующий орган согласовывает перечень предприятий для трудоустройства с органами местного самоуправления.

На практике у правоприменителей возникают проблемы следующего характера. Например, лицу, который является индивидуальным предпринимателем, назначаются исправительные работы, а осужден-

ный, в свою очередь, настаивает на том, что он трудоустроен, и изъявляет желание самостоятельно производить исчисления в доход государства.

Как применять к физическому лицу, зарегистрированному в установленном порядке и осуществляющему предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, положения ст. 42, 43, 46 УИК РФ?

По мнению А.Ш. Габараева, применение мер взыскания и поощрения индивидуальным предпринимателем в отношении самого себя выглядят некорректно, даже абсурдно. Далее автор приводит в обоснование своей точки зрения разъяснения сотрудников Роструда, что нормы трудового законодательства распространяются на предпринимателя в части его прав и обязанностей в качестве работодателя (ст. 2 ТК РФ); в отношении себя предприниматель не является работником (ст. 20 ТК РФ), заработная плата выплачивается только работникам (ст. 129 ТК РФ)¹. Мы целиком и полностью согласны с суждениями автора, считаем, что лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, не может в отношении себя выступать работодателем. Вместе с тем нет законодательного запрета на назначение судами исправительных работ лицам, зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя. Обращая внимание на вышеуказанное обстоятельство, полагаем необходимым судам при назначении наказания в виде исправительных работ учитывать тот факт, что индивидуальные предприниматели не обладают правосубъектностью в данном случае.

Так, приговором Бийского городского суда Алтайского края от 18.05.2020 г. гражданин Х., являясь зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, был осужден по ч. 1 ст. 157 УК РФ к 6 месяцам исправительных работ с ежемесячным удержанием 5% от заработка в доход государства с отбыванием наказания по месту работы. После получения приговора уголовно-исполнительная инспекция обратилась в суд для получения разъяснений, обосновывая тем, что предпринимательская деятельность по ГК РФ не является оплачиваемой работой, в связи с чем невозможно производить удержания в доход государства. Суд отказал в удовлетворении представления, указав на

¹ Габараев А.Ш. Особенности уголовно-исполнительной правосубъектности индивидуальных предпринимателей, осужденных к исправительным работам // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2(24). С. 52–55.

ясность и доступность изложения приговора. В подобных случаях нарушается принцип неотвратимости наказания в уголовно-исполнительном праве, он заключается в надлежащем исполнении установленного наказания¹. Отсутствует надлежащий контроль за поведением осужденного в рабочее время.

В связи с вышесказанным необходимо законодательное разъяснение судам о недопустимости назначения исправительных работ лицам, зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, с отбыванием наказания по основному месту работы, как было в приговоре Бийского городского суда Алтайского края, путем внесения изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

М.Ю. Шатохин

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МЕЛКОЕ ХИЩЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Федеральным законом РФ от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ в Уголовный кодекс РФ введена ст. 158.1, устанавливающая ответственность за мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, статистические сведения о судимости лиц, совершивших преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 158 и ст. 158.1 УК РФ, за период с 2012 по 2016 г., выглядят следующим образом².

В 2012 г. по ч. 1. ст. 158 УК РФ осуждены 68 322 чел., в 2013 – 65 383, в 2014 – 61 417, в 2015 – 65 245, в 2016 – 55 857 чел. За пять лет

¹ Шевелева С.В., Можайкина В.А. Принцип неотвратимости наказания в уголовно-исполнительном праве: от декларирования к возможности реализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 54. С. 722–753.

² Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Раздел «Судебная статистика». URL: <http://cdcp.ru/?id=79> (дата обращения: 15.02.2023).

снижение рассматриваемого показателя в относительном выражении составило более 18%.

Сопоставим вышеприведенные показатели с аналогичной статистикой за период с 2017 по 2021 г. (напомним, что ст. 158.1 УК РФ введена в июле 2016 г.): в 2017 г. по ч. 1 ст. 158 УК РФ осуждены 44 229 человек, в 2018 – 41 902, в 2019 – 37 107, в 2020 – 34 402, в 2021 – 35 901.

Приведенные данные показывают, что после введения в УК РФ ст. 158.1 количество лиц, осужденных за преступление, предусмотренное ст. 158 УК РФ, значительно сократилось. Так, в 2016 г. по ч. 1 ст. 158 УК РФ было осуждено на 14,4% меньше в сравнении с 2015 г., в 2017 г. – меньше на 20,8% (к 2016 г.), в 2018 г. – меньше на 5,3% (к 2017 г.), в 2019 – меньше на 11,4 % (к 2018 г.). В 2020 г. снижение к 2019 г. составило 7,3%, в 2021 г. намечился рост рассматриваемого показателя (+ 4,2% к АППГ).

При первом приближении данная отрицательная динамика должна свидетельствовать о значительном профилактическом эффекте новых положений УК РФ о мелком хищении.

Однако следует учесть, что в 2017 г. по ст. 158.1 УК РФ осуждено 1 259 чел., в 2018 – 3 648, в 2019 – 5 033, в 2020 – 5 773, в 2021 – 6 857 чел., что демонстрирует обратные тенденции: ежегодный абсолютный рост числа осужденных и серьезные темпы прироста.

Наблюдается постепенное «перетекание» контингента осужденных из «разряда» ранее судимых по ч. 1 ст. 158 УК РФ, а также по ч. 1 ст. 159–159.6, 160 УК РФ в категорию судимых по ст. 158.1 УК РФ. При этом суммарные с контингентом осужденных в 2017–2021 гг. по ст. 158 УК РФ показатели остаются весьма высокими. Таким образом, наблюдается недостаточность профилактических ресурсов нормы, закрепленной в ст. 158.1 УК РФ.

Применение ст. 158.1 УК РФ также связано с определенными трудностями.

По смыслу ст. 158.1 УК РФ лицо, совершившее мелкое хищение по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, не подлежит ответственности по ст. 158.1 УК РФ при условии совершения повторного хищения в период, когда решение о назначении административного наказания за первое хищение не вступило в силу. В случае вступления в силу лицо несет ответственность по ст. 158.1 УК РФ. Если решение о назначении административного наказания за первое хищение в силу не вступило – дважды по ст. 7.27 КоАП РФ.

Недопустимо, чтобы лица, совершившие идентичные деяния, несли ответственность, предусмотренную различными отраслями права – административного и уголовного. Данный вывод также обуславливает необходимость дальнейшего исследования и совершенствования рассматриваемой уголовно-правовой нормы.

А.С. Шерстяных

МОШЕННИЧЕСТВО С ТОКЕНАМИ

В настоящее время не найдется, наверное, человека, который бы не слышал о цифровых валютах и криптовалютах. На самом деле понятие криптовалюты является некой разновидностью цифровой валюты. Так в чем же отличие?

Цифровая валюта – это подобные деньгам активы, которые выпускаются и обеспечиваются государством. При этом они не имеют конкретного физического носителя, но ими можно оплачивать товары и услуги, переводить, получать, обменивать на другую валюту. Фактически банки рассматривают цифровые кошельки как банковские депозиты¹. Цифровая валюта является полностью управляемой неким центральным органом, который контролирует ее движение, а также может управлять транзакцией (отменить, заморозить и т.д.) по просьбе одной из сторон или правоохранительных органов (например, по подозрению в мошенничестве или отмывании денег)².

Криптовалюта – это вид цифровой валюты, которая создается с помощью криптографических алгоритмов и является полностью децентрализованной. Заниматься выпуском криптовалюты может кто угодно (компания, организация или некое частное лицо). Криптовалюту делят на коины и токены.

Коином (от англ. coin – монета) называется денежная единица криптовалюты. Добывается с помощью майнинга и существует в собственном блокчейне (распределенная среди участников база данных, состоящая из блоков. Причем каждый новый блок содержит информацию о

¹ Максуров А.А. Криптовалюта как экономико-правовая категория // Современное право. 2018. № 9. С. 68–71.

² Там же.

предыдущем блоке и рассылается всем участникам сети. Именно поэтому такая организация считается особо надежной и защищенной от внесения поддельных транзакций мошенниками). Коины, которые появились после биткоина и работающие на собственном блокчейне, называются альткоинами – альтернативными версиями биткоина (например, Ethereum, Litecoin, Monero и др.).

Токен создается на основе действующего блокчейна, как правило, на этапе начала выпуска криптовалюты. Обычно выдаются инвесторам стартапа как гарантия вложенных средств. Токены нельзя добыть, но можно купить или получить за активность¹. Также с помощью токенов можно участвовать в голосованиях или опросах. Токены не предназначены для оплаты товаров или услуг, их назначение – предоставление пользователю определенного доступа к функциям платформы. Однако его можно обменять на обычные деньги на бирже по существующему курсу.

В последнее время скам-проекты (от англ. scam – афера) на токенах являются весьма распространенным явлением. Во многих странах отсутствует их регулирование государством, вследствие чего удается избежать ответственности. Расскажем, как работает схема. Создается новая криптовалюта и для привлечения инвесторов выпускаются токены, которые затем мошенники выводят на криптовалютную биржу и начинают массовую пиар-акцию новой криптовалюты и ее перспектив. Аудитория подогревается ложными сообщениями от известных экспертов о том, что ожидается рост цены токена в ближайшем будущем. На фоне такой информационной кампании его начинают покупать, вследствие чего наблюдается рост его котировок. В определенный момент мошенники исчезают с полученными деньгами.

Для того чтобы не попасть в такую ситуацию, следует получить максимум информации о проекте. Необходимо проверить, что известно о токене в сети, о компании, которая его выпускает. Желательно проверить информацию на официальном сайте компании (и перейти туда не по ссылке из рекламного письма, а найти в сети самостоятельно).

¹ Что такое криптовалюта простыми слова и как ей пользоваться // Тинькофф. Глоссарий: образовательный ресурс банка Тинькофф. URL: <https://secrets.tinkoff.ru/glossarij/kriptovalyuta/> (дата обращения: 13.12.2022).

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДЕЙСТВИЙ ОРГАНИЗАТОРА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Анализ уголовного законодательства позволяет утверждать, что уголовно-правовая оценка действий организатора преступления состоит как в дифференциации, так и в индивидуализации наказуемости таких действий. Дифференциация наказуемости действий организатора преступления осуществляется через их квалификацию, в процессе которой дается уголовно-правовая оценка подобных действий как действий соучастника преступления в смысле ст. 33 УК РФ, исполнителя и соисполнителя преступления. После квалификации действий организатора преступления их уголовно-правовая оценка выражается в индивидуализации их наказуемости.

При квалификации действий организатора преступления прежде всего необходимо их отличать по правовой сущности от действий других соучастников преступления. Это необходимо делать, во-первых, потому, что в судебной практике нередко применяется избыточная квалификация, при которой действия одного лица квалифицируются одновременно как действия организатора и подстрекателя или еще как пособника, так как такое лицо одновременно выполняет их функции¹. Полагаем, что квалификация действий лица как организатора со ссылкой на ч. 3 ст. 33 УК РФ поглощает квалификацию его действий как подстрекателя и пособника. Выполнение организатором преступления помимо организаторских действий также действий подстрекателя и пособника должно учитываться не через дифференциацию, а через индивидуализацию уголовной ответственности наказания в соответствии с ч. 1 ст. 34 и ч. 1 ст. 67 УК РФ, т.е. через учет характера и степени фактического участия лица в совершении преступления.

Во-вторых, в судебной практике в ряде случаев действия подстрекателя, породившего развитие причинной связи в совместной преступной

¹ См., напр.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 января 2002 г. по делу № 53-001-79.

деятельности при отсутствии реальной фигуры организатора, квалифицируются как организация преступления¹. Вместе с тем для организатора преступления необходимо, чтобы он своими действиями породил не только развитие причинной связи между общим деянием и единым для соучастников преступным результатом (как и подстрекатель к преступлению), но и соединил их усилия для совершения преступления.

В-третьих, действия всех участников организованной группы в судебной практике независимо от их роли в содеянном квалифицируются как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ². На наш взгляд, подобная позиция не обоснована, так как она противоречит заложенным в ч. 2 и 3 ст. 34 УК РФ основаниям дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления в зависимости от характера и степени фактического участия каждого из них в совершении преступления, которые определяются соисполнительством или иным участием в преступлении (действиями организатора, подстрекателя или пособника). Поэтому действия организатора такой группы, который полностью или частично не выполнял деяние, входящее в объективную сторону конкретного состава преступления, должны квалифицироваться как соучастие в соответствующем преступлении, совершенном организованной группой, со ссылкой на ч. 3 ст. 33 УК РФ.

Избежать подобных ошибок в квалификации позволит понимание сущности действий организатора преступления, которое состоит в том, что он соединяет усилия иных лиц, совместно совершающих преступления, не выполняя при этом полностью или частично деяние, входящее в объективную сторону конкретного состава преступления. В тех случаях, когда организатор преступления вместе с другими лицами выполняет такое деяние, он становится соисполнителем преступления и его действия должны квалифицироваться без ссылки на ч. 3 ст. 33 УК РФ. Фактическое выполнение таким организатором действий по соединению усилий других соучастников преступления должно получать уголовно-правовую оценку через индивидуализацию уголовной ответственности и наказания в соответствии с ч. 1 ст. 34 и ч. 1 ст. 67 УК РФ.

¹ См., напр.: Судебная практика по уголовным делам Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека (1996–2004 гг.). М., 2006. С. 79–80, 117–118.

² См., напр.: Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

Действия организатора преступления квалифицируются как действия исполнителя преступления без ссылки на ч. 3 ст. 33 УК РФ только в тех случаях, когда они выражаются в виде организации конкретного преступления или преступной группы (ее создание или руководство ею), которые образуют самостоятельный состав преступления (например, в ст. 209–210, 212 УК РФ и др.). Тенденцией развития действующего уголовного законодательства является расширение криминализации организаторской деятельности через признаки самостоятельного состава преступления, выполнение которого образует исполнительские действия. Полагаем, что такие законодательные конструкции не дают внятного представления об основаниях и пределах уголовной ответственности организатора преступления, обуславливают ошибки в судебной практике при квалификации его действий, состоящие в том, что действия исполнителя преступления квалифицируются как действия организатора, и наоборот.

И, наконец, при квалификации действий организатора преступления необходимо отличать их от организаторских действий, которые соучастием в преступлении не являются, так как представляют собой организацию совместной правонарушающей деятельности, например, организацию занятия проституцией (ст. 241 УК РФ) или даже организацию девиантных действий, не являющихся правонарушением, например, организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ). В подобных ситуациях возможно соучастие организаторов этих видов деятельности, по сути, соисполнительство организаторов таких видов деятельности. Такое соисполнительство учитывает законодатель, предусматривая, в частности, в качестве квалифицирующих признаков незаконной организации и проведения азартных игр совершение этого преступления группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 171.2 УК РФ), а также организованной группой (ч. 3 ст. 171.2 УК РФ). Иные лица, чьи действия организаторы объединяют, соучастниками преступления не являются.

А.В. Шеслер

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ
ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА В РАБОТАХ
В.Д. ФИЛИМОНОВА**

Концепция личности преступника сформирована В.Д. Филимоновым в трех его основных работах. Монография «Общественная опасность личности преступника» (Томск, 1970)¹ заложила основы подхода к изучению личности преступника как определенного социального типа. Свою концепцию автор выстраивал на достижениях общественных наук о личности 60–70-х гг. прошлого столетия, в основном психологии и социологии. На основе этих положений В.Д. Филимонов предложил авторское понятие личности преступника, выделив в ней социологическую и психологические структуры. В качестве основного свойства личности преступника автор указал на ее специфическую социальную роль – ее общественную опасность, состоящую в реальной угрозе совершения им нового преступления. Взаимосвязь всех элементов социологической и психологической структуры такой личности исследователь показал через обусловленность этой общественной опасности антиобщественным отношением лица, совершившего преступление, к гражданам, общественным организациям, государству. Факт совершения лицом преступления, по мнению автора, характеризует его социальную позицию в виде комплекса отношений, прежде всего правовых, вызванных таким фактом, служащим показателем характера и степени общественной опасности преступника. Суждения исследователя внесли вклад в раскрытие содержания личности преступника и ее общественной опасности, которые уголовный закон обязывал учитывать правоприменителю при назначении наказания, освобождении от уголовной ответственности и от уголовного наказания и в других случаях (ст. 37, 43, 44, 51, 52 и другие статьи УК РСФСР 1960 г.). Вместе с тем утверждения о преступнике как об особом социальном типе вряд ли обоснованы хотя бы потому, что свойством общественной опасности могли обладать лица, еще не совершившие преступления, а лица,

¹ См.: Филимонов В.Д. *Общественная опасность личности преступника (Предпосылки, содержание, критерии)* / отв. ред. А.Л. Ременсон. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1970. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000045572>

совершившие преступления, могли лишиться этого свойства еще до утраты преступлением уголовно-правового значения, например, в случае тяжелого физического заболевания, исключающего возможность совершения преступления.

В монографии «Общественная опасность личности отдельных категорий преступников и ее уголовно-правовое значение» (Томск, 1973)¹ ученый предложил классификацию преступников, исходя из степени их общественной опасности (степени вероятности совершения нового преступления) (случайные и неслучайные, ранее не судимые и рецидивисты, мужчины и женщины, несовершеннолетние и взрослые). Различную степень общественной опасности выделенных преступников автор объяснил разным антиобщественным личностным отношением в виде простого антиобщественного отношения, антисоциальной установки, антисоциальной ориентации, антисоциальной направленности. Такая классификация позволила объяснить учет общественной опасности различных преступников в уголовном законе, прежде всего при освобождении от уголовной ответственности и наказания, определении особенностей их ответственности и наказания (их дифференциации и индивидуализации, выборе вида учреждения, в котором осужденные должны отбывать наказание в виде лишения свободы, в иных особенностях, связанных с их смягчением и утяжелением).

В монографии «Криминологические основы уголовного права» (Томск, 1981)² В.Д. Филимонов сделал вывод о том, что личность преступника имеет не только уголовно-правовое значение, но и является одним из важнейших криминологических оснований норм уголовного права, прежде всего тех уголовно-правовых норм, которые индивидуализируют уголовную ответственность и уголовное наказание, регулируют освобождение от них. Такие основания рассмотрены автором особо в отношении лиц, повторно совершивших преступление, несовершеннолетних преступников и случайных преступников. Усиление уголовной ответственности повторных преступников (прежде всего рецидивистов) исследователь усматривал в таком криминологическом

¹ См.: Филимонов В.Д. *Общественная опасность личности отдельных категорий преступников и ее уголовно-правовое значение* / ред. А.Л. Ременсон. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. 153 с.

² См.: Филимонов В.Д. *Криминологические основы уголовного права*. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 213 с.

основании, как большая степень их общественной опасности по сравнению с лицами, впервые совершившими преступление. Эта большая степень общественной опасности вытекает из антисоциальной направленности их личности на совершение преступлений. Напротив, смягчение уголовной ответственности несовершеннолетних и случайных преступников исследователь усматривал в меньшей степени их общественной опасности. У несовершеннолетних преступников меньшая степень их общественной опасности, по мнению автора, обусловлена неукоренившимся в их сознании антиобщественным личностным отношением, у случайных – незначительным развитием антиобщественных свойств личности и совершением преступления под влиянием неблагоприятной жизненной обстановки (неожиданным неблагоприятным изменением, резким ухудшением, длительным неблагоприятным воздействием).

Общий вывод, который следует сделать по работам В.Д. Филимонова о личности преступника, состоит в следующем. Во-первых, эти работы имеют в основном уголовно-правовое значение, так как утверждение о личности преступника как об особом социальном типе не получило веского обоснования. Во-вторых, в данных работах убедительно показано, что важнейшим криминологическим основанием норм уголовного права, которые индивидуализируют уголовную ответственность и уголовное наказание, регулируют освобождение от них, является общественная опасность личности преступника. Она состоит в реальной угрозе совершения лицом, ранее совершившим преступление, нового преступления. Показателем этой общественной опасности личности преступника является ранее совершенное им преступление.

М.А. Юлин

СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ С ПОЗИЦИИ ПРЕДМЕТА УГОНА ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ (СТ. 166 УК РФ)

В диспозиции ст. 166 УК РФ в качестве предмета преступления кроме автомобиля указывается иное транспортное средство. В Поста-

новлении Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 «О правилах дорожного движения»¹ (далее – ПДД), транспортное средство определяется широко, как устройство, предназначенное для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем. Между тем Постановление Пленума ВС РФ от 09.12.2008 № 25² (далее Постановление) к предмету угона относит не все транспортные средства, выделяя 3 их разновидности: 1) транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством РФ предоставляется специальное право (автобусы, троллейбусы... и другие самоходные машины); 2) иные транспортные средства с двигателем внутреннего сгорания или электрическим двигателем; 3) маломерные катера, моторные лодки и иные суда, угон которых не содержит признаков преступления, предусмотренного ст. 211 УК РФ. Данное толкование также недостаточно определенное. Появляются новые виды транспортных средств: электромобили, беспилотные транспортные средства, средства индивидуальной мобильности. В отношении последних предпринимались попытки определить их правовой статус. Так, Верховный Суд РФ в решении ВС РФ от 30 марта 2022 г. по делу № АКПИ-22-66 признал электросамокат транспортным средством. Однако не все электросамокаты представляют угрозу жизни и здоровью граждан: это зависит от их мощности. По мнению С. Заболоцкой, СИМ можно квалифицировать в зависимости от их мощности и скорости движения (пешеход, мопед, мотоцикл). В. Соколов считает, что электросамокаты приравниваются

¹ См.: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/

² См.: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82656/#:~:text=%D0%BD%D0%B5%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%BC...%20%5C-%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%9F%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%83%D0%BC%D0%B0%20%D0%92%D0%B5%D1%80%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B0%20%D0%A0%D0%A4%20%D0%BE%D1%82%2009.12.2008%20N%2025,%D0%BD%D0%B5%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%BC%20%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%D0%BC%20%D0%B1%D0%B5%D0%B7%20%D1%86%D0%B5%D0%BB%D0%B8%20%D1%85%D0%B8%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%22

к велосипедам, но в соответствии с ПДД часть из них являются мотоциклами или мопедами¹. В Челябинской области инспектором был остановлен гражданин, управлявший без прав в состоянии опьянения электросамокатом с мощностью двигателя 500 Вт, что, согласно ПДД, является мопедом². Так, водители мощных электросамокатов должны не только иметь права, но и соблюдать правила управления ими. Новая редакция ПДД, вступающая в силу с 1 марта 2023 г., дополнена термином «средство индивидуальной мобильности» и его определением: «транспортное средство, имеющее одно или несколько колес (роликов), предназначенное для индивидуального передвижения человека посредством использования двигателя (двигателей) (электросамокаты... и иные аналогичные средства)»³. По терминологии данное определение подпадает под 2-ю группу иных транспортных средств, названных в п. 21 Постановления. Дальнейшее изучение изменений в ПДД, касающихся СИМ, а именно скорость передвижения не более 25 км/ч; масса СИМ для езды по тротуару и пешеходной зоне не более 35 кг; регулировка движения специальными дорожными знаками и др., приводит к выводу о том, что СИМ близки к велосипеду. В п. 1.2 ПДД говорится: «**Механическое транспортное средство**» – транспортное средство, приводимое в движение двигателем. Термин распространяется на любые тракторы и самоходные машины. В новой редакции ПДД указывается, что действие данного термина на СИМ не распространяется. Пункт 21 Постановления прямо указывает, что не являются предметом данного преступления велосипеды и др., однако СИМ не равны велосипедам. Кроме того, новый статус не распространяется на самокаты, не имеющие все характеристики СИМ (например, без двигателя), с одной стороны и превышающие характеристики СИМ – с другой. Таким образом, вопрос отнесения СИМ к предмету угона должен уточняться в юридической литературе и в ПВС РФ с учетом особенностей объекта преступления.

¹ Электросамокаты, беспилотники, автомобили: нужны ли изменения в ПДД? // Гарант.ру Информационно-правовой портал. URL: <https://clck.ru/33b4Kf> (дата обращения: 15.01.2023).

² Суд арестовал водителя электросамоката за управление в нетрезвом виде // Российская газета. URL: <https://clck.ru/VDKpC> (дата обращения: 15.01.2023).

³ Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 24.10.2022) «О Правилах дорожного движения» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://clck.ru/33b4Jp> (дата обращения: 15.01.2023).

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

А.Л. Агабекян

РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ В ПЕРИОД С НАЧАЛА «БАРХАТНОЙ» РЕВОЛЮЦИИ ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

С мая 2018 г. по настоящее время Республикой Армения руководит премьер-министр Н.В. Пашинян, который, по мнению многих авторитетных ученых и политологов, успешно справляется с возложенными на него полномочиями, стремясь привести страну к процветанию. Армения за эти пять лет пережила сильные социально-экономические потрясения, а в 2020 г. случился двойной кризис: пандемия COVID-19 и «44-дневная война», которые прервали высокий темп экономического роста, отмеченный в 2019 г. В настоящее время на рекордных для страны значениях остановились реальный и номинальный ВВП, что вызвано не только экономическими успехами, но и преобразованиями в правовой сфере.

В 2019 г. было положено начало судебно-правовых реформ в стране, однако реализовать их полностью так и не удалось. Например, «веттинг»¹ в кадровой системе судов был безуспешным как из-за политических, так и организационных трудностей. С этим также согласился министр юстиции К. Андреасян, который констатировал незавершенность программы совершенствования законодательства. Однако с 2022 г. в Армении запущен новый процесс по реализации Стратегии судебных и правовых реформ Республики Армения 2022–2026 гг.² Для контроля за исполнением положений Стратегии был создан Совет по мониторингу во главе с премьер-министром.

¹ Под веттингом стоит понимать процесс отбора достойных кадров для отправления правосудия и люстрацию тех, кто умаляет авторитет судебной власти.

² 2022–2026 strategy for judicial and legal reforms of the Republic of Armenia. URL: https://www.moj.am/storage/uploads/Strategy_Final_ENG.pdf 2022-2026 strategy for judicial and legal reforms of the Republic of Armenia (date of access: 29.03.2023).

В этой связи стоит выделить достигнутые успехи. Во-первых, повышение денежного довольствия судей Кассационного и Конституционного судов (на 50 и 80% соответственно). Правительством одобрен и представлен в парламент проект о создании Апелляционного антикоррупционного суда, что обеспечит запуск всей цепочки антикоррупционных судов. Также разработаны проекты по упрощению процедур организации судопроизводства: введение письменного производства по административным, гражданским делам и делам о банкротстве и др. Во-вторых, цифровизация судебных процессов и электронного правосудия для всей системы уголовной юстиции. Так, внедрены платформы «Электронное правосудие» (E-justice) и «Электронный суд» (E-court). В нотариальной сфере ведутся работы по созданию аналогичной электронной системы, запуск которой планируется в первом квартале 2023 г. Иницированы также законодательные изменения в сфере адвокатуры. В-третьих, развитие альтернативных методов разрешения споров, т.е. создание нового арбитражного центра, что стало возможным благодаря изменениям в Законе «О медиации». В-четвертых, проведение конституционной и избирательной реформ, в связи с которыми были сформированы Совет конституционных реформ и профессиональная комиссия. Также стоит отметить расширение кадровых ресурсов в следственных органах и в прокуратуре. Отметим, что указанные выше преобразования произошли за последние 9 месяцев, чем положили начало реализации реформ на основе Плана действий, в котором запланированы перспективные аспекты развития страны в сфере права до 2026 г.

В завершение отметим, что, по мнению Н.В. Пашиняна, по ряду направлений Республика Армения занимает лидирующие позиции среди стран Восточного партнерства, в частности, в разделе «Независимая судебная система». Также Армения является лидером по уровню доверия к выборам, борьбе с коррупцией и свободе слова. Так, независимые исследовательские организации «Институт Фрейзера» (Fraser Institute) и «Институт Катона» (Cato Institute) опубликовали совместный отчет «Индекс свободы человека 2022 г.» (Human Freedom Index 2022), согласно которому Армения занимает 26-е место в мире, что свидетельствует о значительном прогрессе¹.

¹ Рейтинг стран мира по уровню свободы человека. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/human-freedom-index>

ПЕНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Научно-технический прогресс, постоянно сопровождающий человека, – непрерывный процесс развития науки, техники, технологий производства, способов организации труда и т.д. Ускорение темпов прогресса и изменение объема информации и способов ее хранения, наметившиеся к концу прошлого и началу нового тысячелетия, привели к появлению новых технологий, стремительно меняющих окружающий мир. Одним из проявлений такого прогресса является цифровизация – внедрение в социальные и экономические процессы информационных технологий.

Информационные технологии безусловно влияют и на уголовное право. Сегмент общественных отношений, развивающихся под влиянием технологий, стремительно увеличивается. Уголовное право, регулируя и охраняя наиболее значимые общественные отношения, расширяет за их счет свой предмет. Информационные технологии обуславливают необходимость криминализации и декриминализации некоторых деяний, пересмотра подходов к ряду институтов уголовного права, среди которых принципы уголовного права, обстоятельства, исключающие преступность деяния, элементы состава преступления, вина, соучастие, а также и к пенализации общественно опасных деяний. В каких направлениях цифровизация оказывает и будет оказывать влияние на пенализацию общественно опасных деяний?

– Судебная практика уже знает случаи назначения наказаний, связанных с цифровыми технологиями, – лишение права пользования информационно-телекоммуникационной сетью Интернет, лишение права, связанного с администрированием сайтов с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе и сети Интернет.

– Учет законодателем при пенализации новых факторов, таких, например, как «цифровой след».

– Появление новых, ранее не известных так называемых «цифровых прав» повлечет за собой появление новых видов наказаний. Например, запрет специальных видов активности в цифровой среде. В рамках экс-

перимента о социальном рейтинге, проводимого в некоторых провинциях Китая, существуют меры воздействия в виде включения в списки или понижения социального рейтинга («общественной благонадежности»)¹.

– Обретение прежними наказаниями нового содержания. Например, смертная казнь, предполагающая не только лишение жизни, но и запрет на создание цифрового двойника.

– Отказ от традиционного понимания санкций за преступления. Если сегодня, конструируя санкции, законодатель исходит из «усредненного восприятия» лишений и ограничений, не имея возможности подстроить их под особенности каждого осужденного, то в будущем технологии «больших данных» позволят уже на законодательном уровне создавать механизмы детальной дозировки страданий в наказании, учитывающей не только общественную опасность деяния и личности преступника, особенности имущественного положения его и его семьи и т.д., но и нюансы воспитания, образования, интересы, особенности протекания психических процессов, восприимчивости к лишениям, ценностные установки (например, отношение к труду и его результатам), их стабильность и устойчивость, более глубокий учет состояния здоровья и прогноз его изменения и т.д. Это позволит более детально корректировать размер кары под достижение целей наказания применительно к каждому случаю, отказавшись от положения, при котором для совершенно разных лиц, совершивших одно и то же преступление, требуется одно и то же наказание.

М.Б. Глазков

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ В ЗАКРЫТЫХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ

На территории РФ существуют территориальные образования, имеющие особый статус – закрытые административно-территориальные

¹ Юдина Т.Н., Сулемонова Х.С. Внедрение системы социального рейтинга в КНР в условиях цифровизации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-sistemy-sotsialnogo-reytinga-v-krn-v-usloviyah-tsifrovizatsii/viewer>

образования (далее – ЗАТО). Некоторые из ЗАТО полностью запрещены для посещения не только иностранцами, но и гражданами РФ, другие же просто не рекомендованы к посещению. Согласно Постановлению Правительства РФ от 05.07.2001 № 508 «Об утверждении перечня закрытых административно-территориальных образований и расположенных на их территориях населенных пунктов», по состоянию на 2023 г. в России их существует 38.

В соответствии с Федеральным законом РФ от 14.07.1992 № 3297 «О закрытом административном территориальном образовании», ЗАТО – это прежде всего территориальное образование, созданное в целях обеспечения безопасного функционирования находящихся на его территории организаций, для которого устанавливается особый режим безопасного функционирования и охраны государственной тайны, а также особый режим проживания граждан.

Особого внимания заслуживает организация пропускного режима в ЗАТО, она является неотъемлемой частью организации КПП и охраны государственной тайны на его территории. Порядок выдачи и получения пропусков определяется инструкцией о пропускном режиме. Таким образом, посредством введения особого режима на территории ЗАТО происходят ограничения некоторых прав, гарантий и свобод человека, это является одной из центральных проблем российского законодательства о ЗАТО.

Одним из основных проблемных вопросов исполнения ограничений и запретов при осуществлении надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы является проживание осужденного на территории, относящейся к ЗАТО, без регистрации по месту жительства. В данном случае поднадзорные лица не имеют пропуска, в связи с чем не могут являться по вызову в уголовно-исполнительную инспекцию (далее – УИИ) для постановки на учет, дачи объяснений и прохождения регистрации. Особо остро трудности возникают с лицами, освобожденными из мест лишения свободы в порядке ст. 80 УК РФ, которые, не имея пропуска, не могут прибыть по предписанию исправительного учреждения (далее – ИУ) в место исполнения наказания, указанное в постановлении суда, в связи с чем скрываются от надзора и контроля, допускают нарушения порядка и условий отбывания наказания или совершают повторные преступления.

Для устранения указанных сложностей целесообразно рассмотреть вопрос о внесении изменений в п. 6 Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы, утвержденной Приказом Минюста России от 13.01.2006 № 2¹, и изложить его в следующей редакции: «администрацией исправительного учреждения в филиал УИИ по избранному осужденным месту жительства направляются запросы о возможности проживания по указанному адресу» и дополнить ч. 1 ст. 54 УИК РФ положением об обязанности УИИ осуществлять сбор информации о лицах, освобождающихся из ИУ, и их родственниках в целях объективного рассмотрения вопроса о замене наказания в виде лишения свободы более мягким видом или условно-досрочным освобождением. Кроме того, необходимо рассмотреть возможность дополнения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 №8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания»² положениями об исключении случаев замены лишения свободы более мягким видом наказания без разрешения вопроса о возможности въезда осужденного на территорию ЗАТО.

¹ Приказ Минюста России от 13.01.2006 № 2 (ред. от 26.12.2019) «Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.01.2006 № 7426) // КонсультантПлюс. Версия проф.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» // КонсультантПлюс. Версия проф.

КОДИФИКАЦИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Действующий УИК РФ при его положительных чертах не носит всеохватывающего характера, так как регулирует не всю полноту общественных отношений, возникающих при исполнении уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера. На наш взгляд, в нем явно недостаточно норм, регулирующих исполнение в отношении осужденных иных мер уголовно-правового характера, а также ощущается перекося в сторону превалирования норм уголовно-исполнительного права, регламентирующих исполнение в отношении осужденных уголовных наказаний, связанных с изоляцией от общества.

Несовершенство уголовно-исполнительного законодательства обусловливается различными причинами: одни из них связаны с пробелами в правовом регулировании; другие относятся к изъянам законодательной техники. Так, с очевидной закономерностью можно вывести два негативных момента, один из которых состоит в несовершенстве законодательной техники, а другой связан с ошибками в системном построении норм права¹.

В литературе справедливо отмечается, что гипотетически необходимость принятия нового УИК РФ может возникнуть в результате одной из трех причин: 1) принятие нового УК РФ; 2) низкое качество уголовно-исполнительного законодательства, в первую очередь УИК РФ; 3) дальнейшая кодификация норм уголовно-исполнительного права². И дальше обоснованно зададимся вопросом: существуют ли условия для кодификации уголовно-исполнительного законодательства? Думается, что к первому условию можно отнести своевременность проведе-

¹ См.: Наумов А.В. Проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый Уголовный кодекс или новая редакция Кодекса // Общество и право. 2010. № 5 (32). С. 13.

² Селиверстов В.И. Новый Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: содержание и перспективы принятия // Вестник МГЛУ. 2014. Вып. 15 (706). С. 71.

ния кодификации. Вторым критерием признается полнота кодификационного процесса. Полагаем, что при осуществлении кодификации необходимо в УИК РФ сосредоточить и отразить все основные общественные отношения, объединенные по предмету правового регулирования. Третьим условием, на наш взгляд, является завершенность кодификации уголовно-исполнительного законодательства. На сегодняшний день существует неясность в вопросе о том, исполнение каких иных мер уголовно-правового характера, должно входить в предмет уголовно-исполнительного права. За период с 1997 по 2023 г. изменился состав осужденных с учетом различных видов уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

На основании изложенного полагаем, что кодификация уголовно-исполнительного законодательства объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, уголовно-исполнительное законодательство, несмотря на действующий УИК РФ, по вопросам, связанным с исполнением иных мер уголовно-правового характера. Во-вторых, до сих пор ряд основных вопросов связан с правовым регулированием уголовно-исполнительных процедур и производств. В-третьих, процессы кодификации норм уголовно-исполнительного права должны учитывать влияние общепризнанных принципов и норм международного права с учетом социальных и экономических возможностей, адаптируясь к российской действительности в уголовно-исполнительной сфере. В-четвертых, кодификация уголовно-исполнительного законодательства позволит максимально «собрать» стержневые нормы уголовно-исполнительного права, в результате чего улучшится восприятие нормативного материала в процессе правоприменения.

А.Я. Гришко

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО РЕЦИДИВА

Одним из основных достижений уголовной политики в целом и ее составляющей уголовно-исполнительной политики в частности является резкое сокращение количества лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы. Однако наряду с позитивным аспектом данного вопроса обозначились новые проблемы или, правильнее сказать,

обострились старые проблемы. Эти проблемы проявляются прежде всего в осложнении криминогенной обстановки в исправительных учреждениях.

Ведомственная статистика ежегодно начиная с 2014 г. фиксирует не только их количественный рост, но и качество преступлений, совершаемых осужденными. В 2021 г. число совершенных преступлений лицами, содержащимися в учреждениях уголовно-исполнительной системы увеличилось с 1 183 до 1 272, рост – на 7,5%. Уровень преступности в этот период составил соответственно 2,5 и 2,7. Произошло увеличение количества преступлений, предусмотренных ст. 313 УК РФ (на 7,4%); ст. 314 УК РФ (на 116,7%); ст. 321 УК РФ (на 30,4%).

Достаточно стабильная отрицательная криминогенная ситуация в местах лишения свободы и недостаточная эффективность принимаемых правовых и организационных мер вызывают необходимость подойти к данному явлению гораздо глубже, чем с точки зрения недостаточности принимаемых правовых и организационных мер.

Одним из значимых теоретических вопросов, имеющих практическое значение, является определение понятия пенитенциарного рецидива и степени его легализации в уголовном законодательстве. Известно, что в научной литературе на этот счет имеют место различные точки зрения¹. По мнению автора, к пенитенциарному рецидиву следует отнести только преступления, совершенные осужденными к лишению свободы, посягающие на интересы правосудия (ст. 313, 314 УК РФ) и деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ). Системный анализ норм, содержащихся в приведенных статьях, позволяет сделать вывод о недостаточной уголовно-правовой оценке пенитенциарного рецидива.

Это касается прежде всего объекта таких преступлений. Речь идет о преступлении, предусмотренном ст. 321 УК РФ. Данное деяние посягает прежде всего на интересы правосудия, а затем уже на порядок управления учреждений и органов, исполняющих лишение свободы. Поэтому отнесение данного преступления в главу «Преступления против правосудия» будет свидетельствовать о повышенной степени его опасности.

¹ Антонян Е.А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование. М., 2013. 291 с.; Гришко А.Я. А.Л. Ременсон о постпенитенциарном рецидиве и постпенитенциарное право // Уголовная юстиция. 2020. С. 68–71; Дроздов И.С. Рецидив преступлений при осуждении без лишения свободы / под ред. В.А. Уткина. М., 2021. 240 с.

Анализ содержания ст. 321 УК РФ приводит к выводу о необходимости его уточнения. Данная статья направлена на защиту от преступных посягательств осужденных и сотрудников исправительных учреждений. Вне уголовно-правовой защиты остаются вольнонаемные сотрудники данных учреждений, лица, имеющие право их посещать в целях выполнения служебных и общественных задач (ст. 24 УИК РФ). Представляется, что уточнение норм данной статьи, отнесение ее в предлагаемую главу УК РФ позволяет придать большее значение степени общественной опасности пенитенциарного рецидива, усилить уголовно-правовое противодействие пенитенциарной преступности.

Ф.В. Грушин

ЗАКОН ОБ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ: ВОЗМОЖНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

В настоящее время деятельность уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) регулируется следующими основными федеральными законами: Уголовно-исполнительным кодексом РФ, Законом РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», а также Федеральным законом от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации».

Анализ вышеназванных законов позволяет с высокой долей вероятности утверждать, что вместо ныне действующего Закона «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» назрела необходимость принятия нового Федерального закона «Об уголовно-исполнительной системе Российской Федерации».

Необходимость принятия рассматриваемого закона ранее уже обосновывалась в научной литературе¹. Остановимся вкратце на возможном содержании нового закона. Полагаем, что в него целесообразно включить следующие разделы:

¹ См.: Кузьмин С.И., Уткин В.А. Закон об уголовно-исполнительной системе как средство ее реформирования // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 5. С. 17–19; Головастова Ю.А., Грушин Ф.В. Закон

– общие положения (термины, предмет правового регулирования, принципы деятельности УИС, задачи, правовая основа и пр.);

– организация уголовно-исполнительной системы и обеспечение ее деятельности (структура УИС, полномочия центрального органа УИС, полномочия территориальных органов УИС, полномочия учреждений, исполняющих наказания и иные меры уголовно-правового характера, полномочия иных учреждений и органов УИС, финансовое и материальное обеспечение УИС, взаимодействие учреждений и органов УИС с иными организациями);

– основы организации деятельности учреждений, исполняющих наказания (права и обязанности отдельных учреждений, исполняющих наказания и иные меры уголовно-правового характера);

– контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы (международный контроль, контроль органов государственной власти, суда, прокуратуры, ведомственный и общественный контроль; посещение учреждений, исполняющих наказания).

Принятие Закона об УИС с учетом предложенных замечаний позволит в целом эффективно развиваться всей уголовно-исполнительной системе РФ, устраним существующие неточности и разногласия между действующими нормативными правовыми актами в рассматриваемой сфере, а также упростит правоприменительную практику при осуществлении их функций учреждениями и органами, входящими в уголовно-исполнительную систему РФ.

Дискуссия о целесообразности принятия нового Закона об УИС, а также о его содержании должна быть проведена с участием представителей федеральных органов государственной власти, правоохранительных органов, судебной системы, практических работников учреждений, исполняющих уголовные наказания, а также представителей научного сообщества.

об уголовно-исполнительной системе: перспективы предстоящих реформ // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2022. № 4 (14). С. 22–29.

А.А. Ефименко

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ

В воспитательных колониях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации работа с осужденными организуется в виде учебно-воспитательного процесса¹. Это объясняется тем, что в соответствии с возрастными, психологическими и другими особенностями с данной категорией необходимо строить проведение воспитательной работы в форме обучения и научения, так как у подавляющего большинства из них еще не завершилась социализация.

Учебно-воспитательный процесс в воспитательной колонии (ст. 141 УИК РФ) (далее – ВК) – это единый процесс воздействия на осужденных, обеспечивающий их обязательное обучение в школе, получение начального профессионального образования и проведение с ними комплекса предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством и ведомственными нормативными актами мероприятий, направленных на усвоение и соблюдение ими социально одобряемых норм поведения.

Специфика организации учебно-воспитательного процесса в ВК:

а) обязательность посещения всеми несовершеннолетними осужденными учебно-воспитательных мероприятий, предусмотренных учебными программами, планами воспитательной работы и распорядком дня в ВК;

б) пребывание несовершеннолетних осужденных в ходе осуществления учебно-воспитательного процесса под постоянным контролем со стороны сотрудников ВК;

в) возможность применения к несовершеннолетним осужденным, допустившим нарушения в процессе учебно-воспитательной деятельности, мер дисциплинарного воздействия в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством РФ;

¹ Зюбанова Т.Н. Специфические особенности воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsificheskie-osobennosti-vozpitatelnoy-raboty-s-nesovershennoletnimi-osuzhdennymi/viewer>

г) привлечение к участию в учебно-воспитательном процессе и с осужденными внешних сил: представителей государственных структур, их организаций, попечительских советов, родительских комитетов, общественных организаций-объединений, религиозных конфессий и др.

Общие задачи воспитательной работы с осужденными, стоящие перед сотрудниками ВК:

а) корректировка отдельных негативных и формирование новых позитивных свойств личности, восполнение отставаний в общеобразовательной, профессиональной подготовке;

б) воспрепятствование усвоению осужденными норм криминальной субкультуры, свойственной местам изоляции и лицам, совершившим криминальные деяния;

в) содействие осужденным в завершении социализации и ресоциализации той категории, у которой имели место дезадаптация и овладение определенными видами девиантного поведения; обучение навыкам самостоятельного функционирования в рамках трудовой деятельности и правопослушности¹.

Не вызывает сомнения тот факт, что конкретные задачи воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными должны ставиться сотрудниками соответствующих структур с учетом анализа обстановки, выявленных проблем, достигнутых результатов в данном виде деятельности за предыдущий период, происшедших изменений в законодательстве, уяснении новых приказов, требований-распоряжений, исходящих от руководства Федеральной службы исполнения наказаний и других факторов.

¹ Ефименко А.А., Сидакова М.А. Особенности воспитательной работы с осужденными к лишению свободы женщинами на современном этапе реформирования уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. 2018. № 3 (29). С. 109–115.

ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ДИСПОЗИТИВНОСТИ КАК МЕЖОТРАСЛЕВОЙ КАТЕГОРИИ

Категория «диспозитивность» чаще всего исследуется представителями общей теории права и цивилистики. Не менее важна она и для иных отраслей права¹. Как категория межотраслевая, она находит проявление в правовых нормах, принципах, методах и способах правового регулирования.

Невозможно представить диспозитивность без полной или частичной свободы действий участников общественных отношений. Там, где имеет место диспозитивность, предполагается наличие как минимум двух вариантов поведения. Причем эти варианты могут быть закреплены как в виде исчерпывающего перечня, так и в виде общего дозволения.

Ядром диспозитивности является воля, опосредованная инициативой субъекта правоотношения и его интересами. Воля является причиной возникновения и дальнейшего развития правоотношения, причем значение имеет лишь согласованная воля двух и более его участников. Воля не может быть реализована произвольно, правоотношение может возникнуть только в случае, если законодатель создал специальную норму, предусматривающую такую возможность. То есть воля служит основанием возникновения, изменения, приостановления или прекращения правоотношения, являясь элементом фактического состава или юридического факта². Этот элемент диспозитивности зачастую не учитывается теоретиками.

¹ См., напр.: Лебедев М.Ю. Диспозитивность как основа метода правового регулирования гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 5. С. 7–12; Третьяков С.В. Распоряжение правом на чужое поведение: юридическая природа и догматическая квалификация // Вестник гражданского права. 2019. № 2. С. 7–26.

² Неверно считать диспозитивностью возможность выбора участником правоотношения варианта фактического поведения в рамках уже предоставленных ему прав или право выбора наиболее эффективного способа реализации возложенных на него правовых обязанностей. Иначе пришлось бы прийти к выводу,

Дозволительные варианты действий управомоченного субъекта вписаны в рамки определенных нормативных ограничений (интересы, определяющие волю, должны быть законными, т.е. это всегда правомерное поведение). Помимо общих границ права, применительно к каждой отдельной отрасли диспозитивность находится в прямой взаимосвязи с ее предметом, целями, принципами и функциями.

Что касается механизма правового регулирования, то неверно связывать рассматриваемую категорию лишь с одной из его стадий. Диспозитивность может найти свое проявление как на законодательном уровне, когда государство закрепляет соответствующие юридические факты нормативно, так и на правоприменительном, когда орган /должностное лицо, учитывает волеизъявление субъекта, издавая правоприменительный акт. Верным является замечание Н.В. Киселева, что диспозитивность «де-факто» имеет место и там, где закон, хотя прямо и не закрепляет обязанность правоприменителя учитывать волеизъявление лица, однако «это делается в целях обеспечения надлежащей обоснованности и целесообразности издаваемого правоприменительного акта, а в конечном итоге – для повышения гибкости и эффективности индивидуального (поднормативного) правового регулирования»¹.

С учетом изложенного можно дать определение диспозитивных начал правового регулирования – это способ правового регулирования, при котором возникновение, изменение, приостановление или прекращение правоотношений находятся в зависимости от согласования воли субъектов этих отношений, осуществленного ими в их интересах, в случаях, предусмотренных законом и в строго определенных пределах.

что любая императивная отрасль является в равной мере диспозитивной, а исходя из общей теории права это невозможно, так как данные методы имеют различное содержание.

¹ Киселев Н.В. Диспозитивные начала правового регулирования исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1998. С. 18.

К ВОПРОСУ О СРОКАХ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

В силу ч. 4 ст. 53.1 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) при назначении принудительных работ их минимальный срок не должен составлять менее двух месяцев. Однако существуют исключения из данного правила. В соответствии с ч. 2 и 3 ст. 80 УК РФ при замене неотбытой части лишения свободы наказанием в виде принудительных работ его срок может быть менее двух месяцев. Аналогичное исключение действует и при замене неотбытой части обязательных и исправительных работ, ограничении свободы принудительными работами по причине злостного уклонения от их отбывания¹.

По нашему мнению, назначение принудительных работ длительно-стью менее двух месяцев нецелесообразно. Такого срока отбывания принудительных работ будет недостаточно для поиска осужденному места работы и реализации данного уголовного наказания. Это связано со следующими проблемами: отсутствие у осужденного документов, необходимых для трудоустройства; отсутствие рабочих мест; наличие у осужденного заболеваний, препятствующих отбыванию наказания; отсутствие у осужденного гражданства РФ².

В результате вместо того, чтобы лицо как можно скорее приступило к отбыванию принудительных работ, должностные лица исправительного центра вынуждены использовать часть времени, установленного судом исключительно для отбывания наказания, на оформление осужденному личных документов, поиск подходящей для него работы, прохождение осужденным лечения от имеющихся заболеваний в целях восстановления его трудоспособности. В отдельных случаях может потребоваться прохождение осужденным предваритель-

¹ О практике применения судами законодательства об исполнении приговора : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 (ред. от 18.12.2018) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Габараев А.Ш., Питкевич Л.П. Вопросы правового и организационного совершенствования порядка исполнения наказания в виде принудительных работ // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 1 (36). С. 18–19.

ного медицинского осмотра, профессионального обучения в образовательных учреждениях для приобретения требуемой работодателем квалификации.

Однако пока осужденный ожидает свое трудоустройство, время его нахождения в исправительном центре засчитывается в срок отбывания наказания. Это подтверждается ч. 1 ст. 60.3 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, согласно которой срок принудительных работ исчисляется со дня прибытия осужденного в исправительный центр¹. Поэтому назначение принудительных работ на срок менее двух месяцев создает возможный риск исполнения данного наказания не в полном объеме, который согласно ст. 53.1 УК РФ предполагает обязательное привлечение осужденного к труду и производство удержаний из его заработной платы на протяжении всего периода отбывания наказания. В связи с этим принудительные работы будут неэффективным и затратным наказанием.

Таким образом, назначение принудительных работ на срок менее двух месяцев может привести к определенным трудностям в процессе исполнения данного наказания. Поэтому необходимо установить запрет на назначение принудительных работ на этот срок. Затем, учитывая особенности содержания принудительных работ и порядок их исполнения, считаем целесообразным увеличение низшего предела отбывания данного наказания до четырех месяцев. Предложенные изменения позволят лучше достичь целей наказания в виде принудительных работ.

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

Т.Г. Каракулов

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИШЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО, ВОИНСКОГО ИЛИ ПОЧЕТНОГО ЗВАНИЯ, КЛАССНОГО ЧИНА И ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАГРАД

Этические проблемы, возникающие при рассмотрении отдельных видов уголовных наказаний, связаны в первую очередь с отражением в наказании представлений о добре и зле, репрессии и гуманизме.

Сложность и противоречивость этической характеристики наказания, писал А.Л. Ременсон, обусловлены тем, что неотъемлемой и специфической стороной наказания является лишение осужденного тех благ, которые в принципе представляют собой ценность не только для наказываемого субъекта, но и для наказывающего его общества. С одной стороны, наказание выступает как добро, обеспечивая безопасность государства, с другой стороны, оно выступает как вынужденное зло, так как ограничивает определенные общественные и личные объективные ценности¹.

Редко именно с морально-нравственных позиций критикуется уголовное наказание, предусмотренное ст. 48 УК РФ, поскольку, как утверждается, полезные для государства действия, за которые гражданин удостоился награды, не могут быть нивелированы преступной деятельностью, характер которой не связан с ранее совершаемыми позитивными действиями².

Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград является дополнительным наказанием, его назначение одновременно с основным наказанием указывает на увеличение уровня репрессии единого совокупного наказания. Но сегодня такое наказание назначается не во всех случаях, когда у подсудимого имеются соответствующие звания, классный чин и государ-

¹ Избранные труды : (К 80-летию со дня рождения) / А.Л. Ременсон ; редкол.: В.А. Уткин и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 33.

² Пимакова О.Г. Нелогичность и бесполезность статьи 48 УК РФ Уголовного кодекса Российской Федерации // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 4 (15). С. 91.

ственные награды, а лишь по усмотрению суда при совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Это свидетельствует об экономии репрессии при совершении преступлений иных категорий, а также в случае, когда суд не придет к выводу о возможности сохранения предоставленных государством благ. А, например, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. каждый род (вид) уголовного наказания (смертная казнь, ссылка в каторжные работы, ссылка в Сибирь или за Кавказ) предусматривал лишение всех прав состояния, в том числе потерю дворянства, духовного сана и звания, доброго имени и присвоенных преимуществ (ст. 24 Уложения). Такое наказание всегда сопровождалось лишением почетных титулов и чинов, орденов и прочих знаков отличия с отобранием грамот, дипломов, патентов и аттестатов (ст. 25 Уложения).

Конституционный принцип запрета жестокого или унижающего человеческое достоинство наказания, основанный на морально-нравственных началах, дает повод для сомнений в справедливости лишения воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград как наказания, не предусмотренного в санкциях Особенной части Уголовного кодекса РФ, носящего преимущественно позорящий характер, оказывающего на осужденного морально-психологическое воздействие.

Как указывал А.Л. Ременсон, наказание – это осуждение, порицание. Оно позорит преступника. Несение тягот наказания – это позор и несчастье для человека, следствие и свидетельство такой моральной его порочности, которая вызывает необходимость применять к нему насилие, оправданное лишь тем, что одними только средствами и методами убеждения таких, как он, перевоспитать невозможно. Морально-осуждающие, порицающие свойства наказания способны при определенных условиях оказать не меньшее, а большее превентивно-воспитательное воздействие, чем такие ограничения, как лишение свободы передвижения, общения¹. В.А. Уткин обоснованно резюмирует, что страдание, причиненное законной санкцией в отношении лица, признанного виновным в преступлении, не входит в определение пытки, а лишение и ограничение содержательно присуще всякому наказанию².

¹ Ременсон А.Л. Указ. соч. С. 35, 47, 50.

² Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний. Томск, 2018. С. 143–144.

Изложенное позволяет сделать вывод о принудительной нравственной допустимости лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград с учетом законодательно закрепленных основ его разумного применения – только за совершение отдельных категорий преступлений с учетом личности подсудимого и не в обязательном порядке.

Сам по себе позорящий характер лишения званий, чина и наград не свидетельствует о недозволительном воздействии на осужденного, а лишь указывает на морально-психологическую сферу правопоражаемых благ (деловая репутация, карьерное продвижение и т.п.).

К.В. Каретников

ВНУТРЕННЯЯ ИЗОЛЯЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ В УСЛОВИЯХ ВК КАК МЕРА ПРОФИЛАКТИКИ ГРУППОВЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Положения ст. 6 ФЗ от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» свидетельствуют, что одними из основных направлений профилактики правонарушений в России являются обеспечение общественной безопасности и предупреждение правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних. Безусловно, данные положения напрямую касаются и ВК УИС. Реализация указанных направлений обеспечивается применением к несовершеннолетним системы мер профилактики¹, где обособленным блоком значатся меры внутренней изоляции осужденных, носящие явный уголовно-исполнительный характер.

Официальные статистические данные ФСИН России, несмотря на их малозначительный и недостаточно информативный характер, позволяют вести речь о наличии в ВК негативных процессов в среде осужденных. Сказанное требует совершенствования существующей системы профилактики в условиях ВК в отношении групп осужденных

¹ См.: Прозументов Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2001. С. 6–11; Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и групповые аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 4–10.

отрицательной направленности, деятельность которых нарушает установленный в учреждении режим и негативно сказывается на деятельности структурных подразделений ВК¹. Акцентирование внимания на такой профилактической мере, как внутренняя изоляция осужденных, позволит стабилизировать оперативную обстановку в ВК, исключив негативное влияние отрицательно характеризующихся осужденных на основную массу несовершеннолетних, и более обстоятельно применять формы профилактического воздействия и осуществлять разобщение и переориентацию групп осужденных правонарушающей направленности².

Анализ действующего законодательства позволяет свидетельствовать, что вопросы внутренней изоляции как меры профилактики групповых правонарушений осужденных в ВК не имеют необходимой самостоятельности, в связи с чем они реализуются только во взаимосвязи с иными уголовно-исполнительными мерами³. К числу таких мер относятся:

1) меры взыскания (когда внутренняя изоляция обеспечивается водворением осужденного в ДИЗО), срок такой изоляции ограничен и составляет 7 суток;

2) условия отбывания наказания (пребывание осужденного в строгих, обычных, облегченных или льготных условиях коррелирует с уровнем его внутренней изоляции – в общежитиях либо запираемых помещениях);

3) меры безопасности (предусмотрен перевод осужденного в безопасное место на срок до 30 суток с возможностью продления такого срока, а также экстренный перевод на срок до 24 часов с возможностью продления);

4) медицинские меры (применение в форме стационарного лечения осужденного в медицинской части учреждения на неограниченный срок).

¹ Савушкин С.М. Цели уголовно-исполнительной системы и проблемы дифференциации осужденных к лишению свободы // Вестник Кузбасского института. 2020. № 3 (44). С. 63–72.

² Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Уголовно-правовые средства противодействия групповой преступности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 86–96.

³ Южанин В.Е. Профилактическая функция изоляции осужденных к лишению свободы (теоретические проблемы) // Вестник Кузбасского института. 2020. № 3 (44). С. 86–90.

Таким образом внутренняя изоляция осужденных как профилактическая мера не имеет самостоятельного значения. Объективно для преодоления такой проблемы необходимо осуществить ее нормативное закрепление на ведомственном уровне, регламентировав формы, способы и алгоритмы ее применения к группам осужденных отрицательной направленности.

Н.Б. Лелик

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СЛУЖБЫ ВРЕМЕННЫХ КАРАУЛОВ ПО КОНВОИРОВАНИЮ И ОХРАНЕ ОСУЖДЕННЫХ И ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЙ

Согласно статистическим данным по состоянию на 1 января 2023 г., в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС) содержится 433 006 чел., и многие из них страдают различными формами заболеваний. Сегодня в структуре ФСИН России функционируют 588 медицинских частей, 145 фельдшерских и 87 врачебных здравпунктов, 55 центров медицинской и социальной реабилитации, 74 военно-врачебные комиссии, 74 центра санитарно-эпидемиологического надзора, 136 больниц, в том числе 61 туберкулезная больница, 5 психиатрических больниц. В четырех областях РФ в 2020 г. увеличилось количество заболевших ВИЧ-инфекцией с 20 до 25%, а общее число заболевших составляет порядка 52,5 тыс. чел. Заболевших туберкулезом по России порядка 11,6 и 17,6 тыс. осужденных имеют инвалидность разной степени¹.

По статистике ФСИН России за 2020 г. из 15 436 осужденных, освидетельствованных на предмет освобождения от отбывания наказания в связи с болезнью, освобождены судами 6 239 чел. (40,4%), 3 586 чел. (23,2%) умерли, не дождавшись освобождения².

¹ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы / статистика за 2023 год. URL: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%> (дата обращения: 20.01.2023).

² Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы / статистика за 2020 год. URL: <http://www.fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%> (дата обращения: 21.12.2022).

Проблемным моментом является то, что исправительные учреждения не всегда способны оказать качественную медицинскую помощь больным осужденным, здесь и проблема в квалифицированных кадрах, и материально-техническом оснащении лечебных помещений.

В этой связи зачастую возникает потребность обращения за медицинской помощью в государственные медицинские учреждения Министерства здравоохранения РФ, что является положительным обстоятельством, так как осужденные имеют возможность получения высококвалифицированной медицинской помощи, но в то же время и отрицательным фактором, так как осужденные, ссылаясь на ненадлежащее медицинское обеспечение и получая помощь в государственных учреждениях, предпринимают попытки совершить побег из-под охраны временных караулов. Нужно принимать во внимание и членовредительство с целью организации экстренного конвоирования в лечебные учреждения.

На сегодняшний день на фоне сокращения численности персонала и изменения штатных расписаний учреждений назначение временных караулов представляется особой проблемой, особенно при выставлении суточных постов охраны в медицинских учреждениях здравоохранения. Стоит отметить и то, что количество назначаемых временных караулов на сегодня характеризуется устойчивой динамикой и отмечается дополнительной нагрузкой на персонал учреждений¹. Учитывая динамику роста назначаемых временных караулов, можно говорить о возрастающей нагрузке на охранные подразделения УИС. Так, в 2012 г. от подразделений было назначено 39 402 временных караула, но уже в 2018 г. их количество достигло 52 380, а в 2019 г. – 603 751. Общий анализ количества назначенных временных караулов в пенитенциарных учреждениях показывает значительный рост с каждым годом, что по-своему не может не повлиять на ослабление силы охраны учреждений УИС.

¹ Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы: приказ Министерства юстиции РФ от 28 декабря 2017 г. № 285. URL: <https://base.garant.ru/71874866/> (дата обращения: 20.01.2023).

Н.Б. Лелик, К.В. Шевченко

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОПУСКНОГО РЕЖИМА В УЧРЕЖДЕНИЯХ УИС

Организация пропускного режима на контрольно-пропускных пунктах (далее – КПП) охраняемых объектов и их оборудование инженерно-техническими средствами охраны и надзора являются одной из основных задач подразделений охраны учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС). Она заключается в том, чтобы совместно с оперативными, режимными и другими службами учреждения не допустить побегов из-под охраны (покушений на побег из-под охраны), проникновения на объект нарушителей, предметов, веществ и продуктов питания, запрещенных к использованию осужденными, а также обеспечить сохранность материальных ценностей¹.

Несмотря на значительный объем выполняемых задач подразделениями охраны учреждений УИС, на сегодняшний день имеют место нарушения, выявленные при проверках организации и осуществления пропускного режима на охраняемых объектах УИС.

Так, в нарушение требований нормативных правовых актов в учреждениях УИС на КПП для пропуска людей не было обеспечено наличие документов и образцов документов, необходимых для эффективного выполнения обязанностей часовым КПП для пропуска людей; на КПП для пропуска людей не выполняется установленный алгоритм, а именно: не обеспечена проверка служебного удостоверения, документа, удостоверяющего личность, наличие более трех человек в отсекающем тамбуре, не проводилась проверка наличия металлических предметов с использованием металлообнаружителя, опрос о наличии у посетителей оружия и средств мобильной связи; не использовались имеющиеся в учреждениях системы идентификации личности на КПП.

На КПП для пропуска транспорта на охраняемые объекты УИС в отдельных группах досмотра транспортного средства в состав группы

¹ О состоянии надежности охраны исправительных учреждений и следственных изоляторов в 2021 году и мерах по ее совершенствованию : обзор ФСИН России от 28.03.2022 № исх-08-19725. Документ опубликован не был.

специалиста-кинолога со служебной собакой не назначалось; установлены факты передачи транспортного средства сотруднику, не назначенному приказом начальника учреждения для сопровождения и погрузки соответствующего типа груза; допускаются факты несоблюдения алгоритма досмотра транспорта, неприменения при досмотре технических и прочих средств досмотра, соответствующих требованиям нормативной и эксплуатационной документации, сертифицированных в соответствии с законодательством Российской Федерации. Несомненно, что для предотвращения данных нарушений необходимо постоянно совершенствовать знания, умения и навыки личного состава подразделений охраны на занятиях по служебной подготовке, инструктивных занятиях, учебно-методических сборах, повышении квалификации.

Несмотря на имеющиеся недостатки, выявленные при организации и осуществлении пропускного режима на охраняемых объектах УИС в 2022 г. учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, задачи по обеспечению изоляции осужденных и лиц, содержащихся под стражей, выполнены в полном объеме, побегов из-под охраны не допущено (в 2021 г. – 4). Совместными действиями караулов и дежурных смен пресечены 10 покушений на совершение побегов из-под охраны (в 2021 г. – 4), 6 проникновений в запретную зону учреждений УИС (в 2021 г. – 10, снижение на 40%).

А.А. Мамонтова

ОТНОШЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, К ТРУДУ КАК ОДНО ИЗ ОСНОВАНИЙ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПОощРЕНИЯ

Основанием применения к осужденным мер поощрения являются хорошее поведение, добросовестное отношение к труду и обучению, активное участие в работе самодеятельных организаций и проводимых воспитательных мероприятиях.

В нормах действующего УИК РФ, упоминающих отношение осужденных к труду, присутствует значительное количество оценочных категорий: «уважительное отношение» (ст. 9, 109 УИК РФ), «хорошее

отношение», «добросовестное отношение» (ст. 57, 60.13, 113, 120, 122, 124, 132, 134, 141, 166, 167 УИК РФ), в некоторых случаях – «в зависимости от отношения...» (ст. 78, 175 УИК РФ).

Сама категория «отношение» изначально является психолого-психологической и достаточно подробно изучена именно в работах по педагогике и психологии, психологии труда¹.

Законодательная формулировка «добросовестное отношение к труду» как основание для поощрения осужденных вызывает у правоприменителя ряд вопросов: в чем заключаются критерии добросовестности, сколько этих критериев необходимо принимать во внимание, нужна ли детализация этих критериев².

Данная формулировка отношения осужденного к труду может быть оценена с двух позиций. Положительным моментом подобной формулировки является возможность выбора и творческого подхода в вопросах оценки «добросовестного отношения» осужденного к труду. И с этой точки зрения нет необходимости в установке четких критериев, а следовательно, закреплении в нормах права критериев «добросовестности». С другой стороны, это может породить субъективизм в применении мер поощрения, так как поощрение осужденного является не обязанностью, а правом администрации исправительного учреждения. С учетом того, что наличие поощрений влияет на изменение условий отбывания наказания, а также замену части наказания на более мягкий вид либо условно-досрочное освобождение, отсутствие единообразия в понимании «добросовестности» может создать в том числе коррупционные риски при применении мер поощрения.

Более совершенен в данном плане Трудовой кодекс Российской Федерации, где в ст. 191 указано, что работодатель поощряет работников, *добросовестно исполняющих трудовые обязанности* (объявляет благодарность, выдает премию, награждает ценным подарком, Почетной грамотой, представляет к званию лучшего по профессии). Трудовые обязанности закреплены в соответствующем трудовом соглашении (договоре). При этом в ряде территориальных органов ФСИН России

¹ Нартова-Бочавер С.К. Дифференциальная психология : учеб. пособие. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/34653/1/umk_ist_psi_stolyarskaya.pdf

² Антонян А.Г. Оценочные категории в уголовно-исполнительном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2016. С. 4, 15.

имеются представления прокуратуры, в которых указывается, что в документах на поощрение осужденных необходимо указывать конкретные основания поощрения со ссылкой на трудовые обязанности осужденных и пояснением, почему именно за выполнение той или иной трудовой функции осужденный может быть поощрен, в чем заключается его «добросовестное отношение» к этим трудовым обязанностям.

Следующий вопрос: поощрение осужденных, которые не трудоустроены по причинам, от них не зависящим. На практике он решается довольно просто: ст. 106 УИК РФ предусматривает возможность привлечения осужденных к труду без соответствующей оплаты при выполнении работ по благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий. При этом разрешается увеличивать продолжительность таких работ по письменному заявлению осужденного либо при необходимости проведения срочных работ постановлением начальника исправительного учреждения. В этом и может быть проявление «добросовестного отношения к труду» такой категории осужденных.

В.А. Маслов

БОРЬБА С РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

С учетом недопустимости существования в законодательстве криминального цикла декларативных норм в научном сообществе издавна существует дискуссия относительно уместности указания на исправление осужденного в качестве одной из целей наказания¹ (ст. 1 УИК РФ, ст. 44 УК РФ). Камнем преткновения является отсутствие убедительных доказательств возможности массового исправления преступников; признание факта неисправимости, к примеру, преступников, относимых к последовательно-криминогенному или маниакальному типу рецидивистов.

¹ Якушин В.А. Еще раз о цели наказания. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/escho-raz-o-tselyah-nakazaniya>

Более того, даже говоря о «целевых группах» преступников, «подающихся исправлению», можно отметить ограниченность возможностей (инструментария) воздействия, что предопределено карательной сущностью мер уголовной репрессии. Безусловно, в рамках привлечения к уголовной ответственности осуществляется и морально-психологическое воздействие, однако его характер и масштаб явно не сопоставимы с конечной целью – убеждением преступника в недопустимости нарушения прав иных лиц (по меньшей мере тех, которые охраняются уголовным законом) настолько, что даже под гнетом обстоятельств (недостаток средств к существованию ввиду отсутствия работы, обусловленного низким уровнем образования, злоупотребление алкоголем, асоциальная окружающая среда и т.д.) лицо воздержится от преступления.

Наличие проблем в вопросах исправления иллюстрирует динамика рецидивной преступности – рост удельного веса ранее судимых осужденных с 27,6% в 2007 г. до 39,1% в 2021 г.

Существенно переломить данную тенденцию возможно лишь посредством серьезных преобразований, характеризующих «оздоровление» российского общества (снижение безработицы, бедности и инфляции; формирование «истинной» системы ценностей, исключающей деформации правосознания, и т.д.). В меньшей степени решению указанной проблемы могут служить некоторые конкретные преобразования:

- стимулирование осужденных к получению *среднего профессионального образования* в исправительных учреждениях;
- стимулирование образовательных организаций высшего образования при принятии на обучение лиц, имеющих судимость (к примеру, посредством компенсации полной или частичной оплаты затрат на обучение);
- экономическое стимулирование предприятий и организаций, принимающих на работу лиц, имеющих судимость (к примеру, в виде налоговых преференций);
- приостановка начисления пени и штрафов по имущественным обязательствам осужденных перед банками или иными кредитными организациями до истечения определенного периода после отбытия наказания;
- отсрочка уплаты налогов и платежей за коммунальные услуги в течение года после отбытия наказания с правом на дальнейшую рассрочку платежей;

– стимулирование осужденных к возмещению причиненного ущерба путем нормативного закрепления возмещения имущественного ущерба и морального вреда в полном (в исключительных случаях – существенном) объеме в качестве условия для условного осуждения (ст. 73 УК РФ);

– существенное (кратное) расширение практики назначения лечения от алкогольной (в особенности при осуждении условно) и наркотической зависимости.

Относительно дискутируемого в науке вопроса внедрения системы пробации¹ отметим, что более предпочтительным видится целевое применение отдельных современных пробационных технологий.

Е.Г. Михеенков

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ СИСТЕМЫ НКВД РСФСР В СИБИРИ В 1920-х гг.

В начале 1920-х гг. руководство исправительно-трудовой системы Сибири столкнулось с рядом проблем: с большим некомплектом штата сотрудников и прежде всего надзорсостава и с крайне низким их образовательным цензом. По данным на январь 1923 г. из 82 младших надзирателей мест заключения Томской губернии 12 являлись неграмотными и 33 – малограмотными. Среднее образование имели только двое, а остальные имели лишь начальное образование.

Из управленческого состава исправительно-трудовой системы губернии высшего образования не имел никто. Из 11 сотрудников двое имели среднее образование, а 9 – начальное. При этом начальник управления имел лишь домашнее образование².

¹ Голодов П.В. Пробация в Российской Федерации : некоторые проблемы содержания и правовой регламентации // Пенитенциарная наука. 2002. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/probatsiya-v-rossiyskoj-federatsii-nekotorye-problemy-soderzhaniya-i-pravovoy-reglamentatsii>

² Быков А.В. Образовательный уровень личного состава мест заключения Западной Сибири в 1920-е годы // Уголовно-исполнительная система: педагогика,

Вполне естественно, что перед руководством мест лишения свободы в начале 1920-х гг. встал вопрос о необходимости обучения сотрудников, ибо эффективное выполнение возложенных на них функций было возможно лишь при усвоении ими основ пенитенциарной политики Советского государства.

Подготовка надзоровостава ИТУ Сибири осуществлялась по месту прохождения службы. Помимо служебно-боевой подготовки, в программу обучения входило изучение основ исправительно-трудового законодательства, вопросов охраны и надзора, правового применения оружия и специальных средств. При этом ГУМЗ НКВД РСФСР ввел типовые программы подготовки намного позже, лишь в мае 1926 г. С 1927 г. обязательными стали проверки правовых знаний у командно-административного состава ИТУ. Кроме того, для всех сотрудников вводился процесс служебной подготовки до 4 часов в неделю.

Проблема подготовки кадров среднего руководящего состава ИТУ частично решалась через систему обучения в специальных милицеских школах. Однако небольшие выпуски сотрудников мест заключения, окончивших милицеские школы, не могли оказать кардинального влияния на изменение качественной подготовки пенитенциарного персонала Сибири. Для успешного функционирования исправительно-трудовой системы требовались кадры, прошедшие специальную профессиональную подготовку, что требовало создания при милицеских школах особых пенитенциарных отделений, первое из которых было открыто лишь в мае 1928 г. в Омске во второй Школе административно-милицеских работников НКВД РСФСР. Аналогичный процесс подготовки пенитенциарных кадров проходил при милицеских школах в Саратове, Свердловске и Новосибирске.

Наконец, старший административный состав ИТУ мог значительно повысить свою квалификацию на открытых с 1 октября 1929 г. Высших курсах по исправительно-трудовому делу НКВД, обучение на которых было рассчитано на полтора года.

Таким образом, многоуровневая система подготовки кадров ИТУ формируется лишь к концу 1920-х гг. Особенностью подготовки сотрудников являлось практико-ориентированное обучение совместно с общеобразовательной подготовкой, что позволяло служащим ИТУ в

психология и право : материалы Всерос. научн.-практ. конф., Томск, 15–16 апреля 2015 г. / под общ. ред. А.А. Вотинова. Томск, 2015. Вып. 3. С. 45.

дальнейшем выстраивать отношения с различными категориями заключенных. Однако эффективность подготовки кадров значительно снижалась отсутствием специализированных учебных заведений, большинство которых создадутся в системе НКВД СССР лишь в предвоенный период.

Е.Е. Новиков

О ВОЗМОЖНОСТИ ЗАМЕНЫ НЕОТБЫТОЙ ЧАСТИ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ШТРАФОМ

Анализ ч. 3 ст. 80 УК РФ показал, что суд имеет право заменить отбытую часть лишения свободы на *любое* более мягкое наказание, что порождает дискуссию относительно замены части указанного первоначально назначенного наказания на штраф. В первую очередь, это связано с тем, что в уголовном законе отсутствует предписание, позволяющее соотнести размер штрафа с определенным сроком лишения свободы.

В научном мире преобладают две позиции ученых-юристов, стремящихся решить проблему замены лишения свободы штрафом. Ю.М. Ткачевский¹ и О.В. Конкина² отрицают возможность замены лишения свободы штрафом, так как суд, по их мнению, заменяя лишение свободы, дает возможность осужденному откупиться от первоначально назначенного наказания.

Вторая группа ученых, например К.В. Михайлов³ и С.Л. Бабаян⁴, полагают, что при замене неотбытой части лишения свободы на штраф можно ориентироваться на процентное соотношение заменяемого

¹ Ткачевский Ю.М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М. : Городец, 2007. С. 237. СПС «КонсультантПлюс».

² Конкина О.В. Институты условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания по действующему уголовному законодательству России. Рязань : Академия ФСИН России, 2014. С. 161.

³ Михайлов К.В. Оптимизация правил замены неотбытой части наказания более мягким видом // Российская юстиция. 2008. № 8. С. 41.

⁴ Бабаян С.Л. Поощрительные институты уголовно-исполнительного права (теория и практика применения) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 258–259.

наказания и его заменяющего в зависимости от максимальных размеров того и другого наказания.

Например, если срок наказания составляет 20 лет лишения свободы, а неотбытая часть 3 года, то 3 года лишения свободы от 20 лет составляет 15%, следовательно, назначаемый вновь размер штрафа также должен составлять 15% от его максимального размера. В соответствии с ч. 2 ст. 46 УК РФ, штраф устанавливается в размере от пяти тысяч до пяти миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух недель до пяти лет, поэтому 15% от максимального размера штрафа, т.е. от пяти миллионов рублей, составляет 750 тыс. руб.

Представленная точка зрения заслуживает внимания. В то же время, если следовать указанной позиции, осужденным к лишению свободы, например, на 1 год и 20 лет при неотбытии 15% срока наказания может быть заменена оставшаяся часть наказания на одну и ту же величину штрафа, что будет противоречить принципу справедливости (ст. 6 УК РФ).

Полагаем, что в уголовном законодательстве должна быть закреплена возможность замены лишения свободы штрафом, но при условии закрепления следующих условий и требований:

- если приговор был вынесен за преступление небольшой или средней тяжести;
- величина штрафа должна определяться не относительно максимального размера штрафа, определенного в ст. 46 УК РФ, а от максимального размера указанного наказания, закрепленного в санкции статьи, в соответствии с которой лицо было осуждено;
- лишение свободы не может быть заменено на штраф, если в санкции, в соответствии с которой лицо было осуждено, штраф отсутствует;
- назначение штрафа в качестве дополнительного наказания исключает возможность замены лишения свободы на соответствующую более мягкую меру государственного принуждения.

А.А. Павленко

ПАРАДИГМА ПЫТОК И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРАКТИКЕ

Несмотря на абсолютный международно-правовой запрет пыток и мер, приравненных к пытке, единое универсальное согласованное их

определение в настоящее время отсутствует. Статья 1 Конвенции ООН против пыток 1984 г., нормы которой обязательны для исполнения ратифицирующими ее государствами, содержит дефиницию «пытка», для квалификации которой необходимо одновременное наличие четырех существенных элементов: противоправные действия, направленные на причинение сильной боли или страдания; умышленный (преднамеренный) характер совершаемого деяния; преступное намерение на достижение определенной цели (получение информации, наказание или запугивание); специальный субъект – государственное должностное лицо или лицо, выступающее в официальном качестве. Вместе с тем в ч. 1 ст. 1 подчеркивается, что это определение разработано «для целей настоящей Конвенции», что, по нашему мнению, указывает на возможность и других определений для иных, не заложенных в Концепции 1984 г. целей. Данный тезис подтверждается и положениями ч. 2 ст. 1 рассматриваемого документа: «Эта статья не наносит ущерба какому-либо международному договору или какому-либо национальному законодательству, содержит или может содержать положения о более широком применении».

Формулировка ч. 2 ст. 1 Конвенции 1984 г. позволяет различным контролирующим органам не только применять и толковать различные определения рассматриваемого понятия, «подстраивая» его под конкретные задачи, в том числе и путем исключения элементов конвенционного определения, но и постоянно видоизменять интерпретацию собственных критериев пыток, разработанных ранее¹. Подобное расширительное толкование таких значимых понятий представляется нам необоснованным, так как позволяет квалифицировать в качестве пытки практически любой вид негуманного обращения с осужденным, что в конечном итоге нарушает целостность парадигмы пыток. Вместе с тем в ч. 2 ст. 1 Декларации ООН против пыток 1975 г. указано, что пытка представляет собой усугубленный и преднамеренный вид жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания. Таким образом, пытка и приравненные к ней меры – это особый запретельный уровень дегуманизации (неуважения к человеку, «обесчеловечивания»).

¹ Так, в деле *Novoselov v Russia* (2005 г.) ЕСПЧ указал, что отсутствие цели унижить или оскорбить жертву не исключает установление нарушения ст. 3 ЕКПЧ.

Полагаем, что терминология международных документов, включающих в себя запрет пыток, не соответствует российской трактовке данного термина. Пытка в обыденном российском сознании обычно ассоциируется либо с изощренным преднамеренным причинением жестокого физического страдания с определенной целью: «вынудить показание»¹, «истязание при допросе»², «в качестве наказания»³.

В международно-правовых актах общеприменимым в данной сфере является англоязычный термин «torture» – в переводе «пытка, истязание, агония, муки, мучить, пытать»⁴. Указанные варианты перевода позволяют применять обозначенный термин для значительно большего количества ситуаций, в том числе и тех, когда отсутствовала цель унижить или оскорбить жертву.

Еще больше вопросов вызывает использование термина «пытка» применительно к нарушениям условий содержания лиц, лишенных свободы. Так, в интервью газете «Лос-Анджелес Таймс» от 11.05.1994 бывший тогда начальником ГУИН МВД РФ, а впоследствии директор ФСИН России Ю.И. Калинин признал, что «условия в наших следственных изоляторах по международным нормам можно квалифицировать как пытки. Это лишение сна, воздуха, пространства». Данная оценка Ю.И. Калинина полностью совпала с мнением международных экспертов и правозащитных организаций⁵.

В заключение отметим, что четкие критерии дифференциации ненадлежащего обращения с осужденными, возможны на основе базовых постулатов дефиниции «пытка», заложенных в Конвенции ООН 1984 г.

¹ Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2005. С. 635.

³ Викисловарь.

⁴ URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 23.01.2023).

⁵ Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века : учебник для вузов / под ред. А.И. Зубкова. М. : Норма, 2006. С. 680–681.

А.А. Пропостин

СТРУКТУРА МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

В юридической литературе вопрос о видах мер уголовно-правового характера является дискуссионным и будет оставаться таковым длительное время. Если применительно к наказанию таких проблем не возникает, то определение перечня «иных мер уголовно-правового характера» вызывает существенные трудности, поскольку обилие мнений обусловлено зачастую субъективным мнением каждого исследователя. В самом общем виде все существующие позиции можно свести к двум подходам: к широкому («иными» являются все меры, закрепленные в УК РФ) и узкому (только формы реализации уголовной ответственности). Оба подхода имеют свои достоинства и недостатки. Однако далее мы осветим лишь целесообразность узкого подхода.

Для определения сущностных признаков мер уголовно-правового характера их необходимо рассматривать как элемент более общего и близкого к ним множества. Таковыми являются меры государственного принуждения. Следовательно, меры уголовно-правового характера должны обладать всеми их признаками (исходить от государства и принудительно реализовываться им, их применение не должно зависеть от воли и желания лица, к которому они применяются). Уже на этом уровне к принудительным мерам невозможно отнести судебный штраф (ст. 76.2, гл. 15.2 УК РФ), поскольку его принудительное исполнение законом не предусмотрено.

Все меры государственного принуждения можно классифицировать по различным основаниям. Наиболее целесообразной представляется классификация мер государственного принуждения по цели, что позволяет установить предназначение меры принуждения, обуславливает способы ее достижения и в итоге ее отраслевую принадлежность. По указанному основанию меры государственного принуждения можно разделить на предупредительные, пресекательные и правостановительные.

Поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 2 задачами УК РФ являются охрана общественных отношений, а также предупреждение преступлений, то и уголовно-правовые меры могут быть только частью предупредительных мер.

В свою очередь, предупредительные меры государственного принуждения можно разделить по основанию их применения на меры, направленные на предупреждение вероятной опасности (условно их можно назвать «мерами безопасности»), и меры, применяемые за совершенное правонарушение (меры юридической ответственности). Поскольку согласно ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершенное преступление, то и меры уголовно-правового характера являются частью такой ответственности. Меры уголовной ответственности можно разделить на карательные (наказание) и некарательные (иные меры уголовно-правового характера). К числу последних в этой связи могут быть отнесены только условное осуждение (ст. 73 УК РФ), условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ) и все виды отсрочек от отбывания наказания (ст. 81, 82, 82.1 УК РФ), так как такие меры предусматривают возможность возврата к карательной форме реализации уголовной ответственности в случае их неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных обязанностей.

Безусловно, среди «мер безопасности» имеются меры, связанные с совершенным общественно опасным деянием, но с учетом принципов УК РФ они уголовно-правовыми (несмотря на их закрепление в УК РФ) в узком смысле не являются. И рассматривать в единстве все закрепленные в УК РФ меры в качестве «иных мер уголовно-правового характера» представляется нецелесообразным, поскольку некарательные формы реализации уголовной ответственности и оставшиеся меры, связанные с преступлением, различны по своей сути, их применение должно быть построено на совершенно иных принципах.

З.Р. Рахматулин

ЭЛЕМЕНТЫ СИСТЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО УСМОРЕНИЯ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ

Усмотрение – один из инструментов уголовно-исполнительного правового регулирования общественных отношений. Рассмотрение данных вопросов является достаточно актуальным и всецело соответствует точке зрения, высказанной А.Л. Ременсоном, о том, что «одним

из важнейших субъективных факторов совершенствования деятельности ИТУ является развитие науки об исправительной системе»¹. Однако эта тема недостаточно освещена в отечественной пенитенциарной науке². Кроме этого, ряд изменений в уголовно-исполнительном законодательстве формулируется с учетом складывающейся правоприменительной деятельности³. В данной статье будут рассмотрены некоторые элементы системы правоприменительного усмотрения. Под ними следует понимать совокупность определенных звеньев, которые взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом, функционируя с определенной целью. Их изучение в отдельности позволит выявить влияние субъективных факторов принятия решений должностными лицами, что определяет эффективность исполнения конкретных наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

К элементам правоприменительного усмотрения относятся: субъект усмотрения, сфера усмотрения, этапы, предмет, источники, принципы, границы, результаты усмотрения.

Хотя здесь невозможно их раскрыть комплексно, каждый из них так или иначе влияет на возможность достижения целей уголовно-правовых мер. Например, П.Ф. Гришанин выделял специфические причины и условия рецидивной преступности, понимая под ними факторы, порожденные недостатками в деятельности органов, осуществляющих борьбу с преступностью⁴.

Цементирующим основанием функционирования системы правоприменительного усмотрения является идея соразмерности. Отмечается, что «ни одно решение, в частности, также ни одно дискреционное решение не может быть несоразмерным цели предусмотренной законом правовой основы. При этом соразмерность может быть проверена

¹ Ременсон А.Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1965. С. 2.

² Тепляшин П.В. Перспективы расширения судебного-правового регулирования уголовно-исполнительных отношений // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 60.

³ Уткин В.А. Правовой статус осужденных: законодательное и подзаконное регулирование // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : материалы Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. В.А. Уткина. Томск, 2018. С. 20.

⁴ Гришанин П.Ф. Ответственность преступников-рецидивистов по советскому уголовному праву : учеб. пособие. М., 1974. С. 50.

следующим образом: наличие легитимной цели; пригодность; необходимость; соразмерность; меры административного органа»¹.

Представление правоприменительного усмотрения в качестве определенной системы позволяет акцентировать внимание на более узких «проблемных участках» правоприменительной практики и оценить влияние субъективных составляющих при принятии решений должностными лицами на уровень эффективности отдельных наказаний, связанных и не связанных с изоляцией осужденного от общества. Кроме того, открывает возможность по их корректировке посредством законодательных новелл и внесения изменений в разъяснения Верховного Суда Российской Федерации.

С.М. Савушкин

МЕСТО КЛИЕНТОЦЕТРИЧНОСТИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Система исправительных учреждений (далее – ИУ) функционирует в рамках действующего правового поля, а также ведомственных указаний ФСИН России, которые расширяют законодательные пределы. Уголовный кодекс РФ выделяет семь видов ИУ, а УИК РФ всего четыре вида. Практика исполнения наказания в виде лишения свободы, учитывающая нормы о раздельном содержании осужденных и указания ФСИН России, формируется в условиях функционирования двадцати пяти самостоятельных видов ИУ.

В условиях регулярного изменения законодательных норм и ведомственного регулирования уголовно-исполнительных отношений рассматриваемые отношения продолжают оставаться статичными, а попытки изменения концептуальных положений деятельности уголовно-исполнительной системы подменяются терминологическими революциями.

В Федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)» отмечается, что сложившаяся в настоящее время система ИУ и их территориальное расположение не

¹ Йорг Пуделька. Понятие усмотрения и разграничение с судебным усмотрением // Вестник юридических наук. 2017. № 1. С. 42.

позволяют в полном объеме осуществить законодательно закрепленный принцип отбывания осужденными наказания в ИУ в пределах территории субъекта РФ, в котором они проживали или были осуждены.

Указанное положение целевой программы в действительности не является законодательным принципом, а значение отбывания наказания в регионе проживания до осуждения в большинстве случаев является переоцененным, так как число осужденных к лишению свободы второй и последующие разы в общей массе осужденных ежегодно увеличивается, а число их контактов с внешним миром уменьшается.

Концепция развития УИС РФ до 2030 г. (далее – Концепция развития) предполагает создание учреждений объединенного типа в одном регионе или на межрегиональной основе. Самостоятельного вида ИУ указанные учреждения не создают, концептуальными такие планы назвать нельзя в силу того обстоятельства, что они продолжают двадцатилетнюю практику развития «мультирежимности» ИУ¹.

С 2001 г. в исправительных колониях (далее – ИК) создаются изолированные участки с различными видами режима. С 2003 г. в воспитательных колониях создаются изолированные участки, функционирующие как ИК общего режима. С 2013 г. в ИК создаются изолированные участки, функционирующие как тюрьма.

Территориальное расположение ИУ, модернизация технологий обеспечения режима, оборудование помещений для предоставления свиданий, а также для осуществления деятельности судов, органов прокуратуры, следователей, включая оборудование помещений для осуществления их деятельности, не определяют самостоятельный вид ИУ.

Заявленный Концепцией развития клиентоцентричный подход к созданию условий для содержания осужденных ставит под сомнение понимание института наказания и роли императивного метода в уголовно-исполнительных отношениях.

В условиях гуманизации уголовной политики государства и уменьшения числа осужденных, содержащихся в ИУ, экономические условия способствуют поиску новых возможностей достижения целей уголовно-исполнительного законодательства.

¹ Уткин В.А. «Мультирежимные» исправительные учреждения: реальность и перспективы // Вестник Кузбасского института. 2014. № 4 (21). С. 9–18.

С 2020 г. законодательством осужденному предоставляется возможность перевода в ИУ, расположенное наиболее близко к месту жительства его родственника, что не обоснованно научно. В условиях уменьшения наполняемости ИУ заявления осужденных на перевод в другое ИУ удовлетворяются. Мнением родственников относительно перевода осужденного родственника не интересуются, исследования по эффективности рассматриваемого механизма не проводятся, в силу чего можно предположить, что данная норма не способствует более качественному исправлению осужденного. Меняющаяся пенитенциарная логистика не способствует достижению целей уголовно-исполнительного законодательства, подменяя приоритетные цели желанием «клиентов».

П.В. Тепляшин отмечает, что для понимания того, что должно подвергаться нормативно-правовому сопровождению применительно к рассматриваемому подходу, необходимо разработать самостоятельную или достаточно обособленную от проекта создания учреждения объединенного типа концепцию клиентоцентричного подхода к работе с осужденными¹.

Потребности «клиента» осужденного должны учитываться в механизме достижения целей уголовно-исполнительного законодательства. Ресоциализации осужденных способствуют полученное в ИУ образование, приобретенная в ИУ профессия и трудоустроенность в процессе отбывания наказания. В данном контексте представляется обоснованной законодательная инициатива по перемещению осужденного в другую исправительную колонию наиболее близко расположенного субъекта РФ, в которой есть условия для его трудоустройства.

Совершенствование уголовно-исполнительных отношений возможно только на основе концептуальных положений. Возможными направлениями развития УИС должны стать уменьшение числа видов

¹ Тепляшин П.В. Клиентоцентричный подход в уголовно-исполнительной системе: вопросы правовой обусловленности и проблемы юридической регламентации // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (приуроченный к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий) : сборник тезисов выступлений и докладов участников (г. Рязань, 17–19 ноября 2021 г.) : в 9 т. Т. 1: Материалы пленарного заседания. Рязань : Академия ФСИН России, 2021. С. 264.

ИУ и учет тех потребностей «клиента», которые взаимовыгодны и способствуют достижению целей уголовно-исполнительного законодательства.

М.А. Сержкина

СОЗДАНИЕ ИНСТИТУТА ПРОБАЦИИ В РОССИИ

Попытки создания института пробации в России предпринимались трижды. В 2012 г. был опубликован проект Федерального закона «О пробации в Российской Федерации и системе органов и организаций, ее осуществляющих». В 2013 г. Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека рекомендовал создать институт пробации и ресоциализации обвиняемых и осужденных. В 2015 г. комиссия, в состав которой входили представители аппарата Уполномоченного по правам человека Российской Федерации и руководство Федеральной службы исполнения наказаний, разработала законопроект «О пробации в Российской Федерации». Для реализации всех трех идей требовалось существенное финансирование, так как все они предполагали либо расширение штата уголовно-исполнительных инспекций, либо создание нового государственного органа, и в декабре 2015 г. вопрос о создании института пробации в России был снят Президентом Российской Федерации с контроля.

Однако рост рецидивной преступности¹ вызвал необходимость вновь поднять вопрос о законодательном закреплении института пробации.

Очередной проект Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» (далее – «О пробации в РФ») разрабатывался рабочей

¹ Согласно Отчету Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса РФ в период с 2010 по 2020 г., удельный вес лиц, имеющих на момент вынесения приговора неснятую или непогашенную судимость, в общем числе осужденных с 31,7% поднялся до 39,9%, при этом общее число осужденных лиц уменьшилось с 845 071 до 530 998 чел. Электронная версия. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418> (дата обращения: 01.01.2023).

группой под председательством заместителя министра юстиции Российской Федерации Е.Л. Забарчука. Итогом работы стал ФЗ «О пробации в РФ» № 10-ФЗ, принятый 25.01.2023 г. Он является логическим завершением и одновременно отправной точкой законодательного закрепления института пробации в России. На данный момент ФЗ «О пробации в РФ» лишь объединил уже существующие конструкции: исполнение некоторых наказаний, не связанных с лишением свободы, исполнение некоторых мер уголовно-правового характера, оказание помощи в ресоциализации и социальной адаптации осужденным и осуществление профилактических мер в отношении лиц, состоящих на учете в УИИ. При этом в законопроекте множество неурегулированных вопросов: не обозначены процедуры взаимодействия субъектов пробации, не урегулирован вопрос о компетенции субъектов пробации, отсутствует указание на процедуру осуществления контроля за субъектами пробации и т.д. Фактически предлагаемый законопроект закрепляет институт пробации в большей части как институт социальной поддержки осужденных.

А.Б. Скаков, Г.Ж. Мухамадиева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАКАЗАНИЙ ПО ПРОГРЕССИВНОЙ СИСТЕМЕ И ПРОБАЦИЯ – ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УИС

В Казахстане Уголовно-исполнительный кодекс¹ и Закон Республики Казахстан «О пробации»² приняты относительно недавно, но уже сейчас можно сделать определенные выводы об итогах их применения в практической деятельности государственных органов, их исполняющих (в том числе правоприменительной деятельности учреждений и службы пробации уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы). Здесь следует отметить, что результаты реализации указанных выше законов можно разделить на две группы: положительные и отрицательные (хотя отрицательный результат – тоже результат).

¹ URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000234>

² URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36232217

К положительным достижениям применения законов, на наш взгляд, относятся:

1) выявлена необходимость совершенствования системы наказаний;

2) установлена необходимость законодательного закрепления понятия прогрессивной системы исполнения наказаний;

3) определена целесообразность дальнейшего совершенствования критериев оценки поведения осужденных;

4) подтверждена обоснованность деления пробации на 4 вида – досудебная, приговорная, пенитенциарная и постпенитенциарная.

К числу отрицательных результатов относятся:

1. Отсутствие отдельных элементов прогрессивной системы исполнения лишения свободы существенно понижает эффективность ее применения.

2. Передача некоторых функций оказания социально-правовой помощи испытуемых из ведения службы пробации в иные органы государственной власти (например, местные органы власти).

3. Исполнение пробационных функций (например, при исполнении лишения свободы воспитательными подразделениями исправительных учреждений) нарушает непрерывность его применения, преемственность всех этапов пробации для более глубокого изучения личности испытуемого и закрепления положительных результатов в их поведении.

4. Негативные факты в правоприменительной, организационной и иной деятельности учреждений уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы связаны с низким образовательным уровнем сотрудников пенитенциарной службы, с недостатками ее организационно-структурного формирования и т.д.

Существует и ряд других положительных и отрицательных следствий этих законов и их применения.

Говоря о системе наказаний, закрепленной в ст. 40 УК РК, следует, на наш взгляд, создать самостоятельный вид лишения – пожизненного лишения свободы. При этом следует пожизненное лишение свободы разделить на два вида – а) с правом предоставления к условно-досрочному освобождению и б) без права на условно-досрочное освобождение. Ранее пожизненное лишение свободы применялось только как альтернатива смертной казни. В связи с тем, что 23 декабря 2021 г. был

принят Закон РК «Об отмене смертной казни», возникает необходимость признания пожизненного лишения свободы пожизненным. Тем более, что краткосрочный вид лишения свободы – арест, входит в систему наказаний как самостоятельный ее вид.

Учитывая важность прогрессивной системы как наиболее эффективного способа исполнения лишения свободы, назрела необходимость единообразного его толкования и законодательного закрепления ее понятия. В качестве предложения нами сформулировано следующее: «Прогрессивная система является комплексным межотраслевым институтом уголовного и уголовно-исполнительного права, включающим несколько самостоятельных институтов, в процессе применения которых правовое положение осужденного меняется в зависимости от степени его исправления в сторону либо расширения, либо ограничения объема его прав».

Другой выявленной проблемой является отсутствие отдельных условий содержания (например, льготные) и недостаточное количество оценок положительного поведения осужденных (вместо 6 степеней положительных оценок в соответствии количеством ее институтов только 3 степени относятся к обычным и облегченным условиям содержания в пределах одного вида учреждения). Предлагаемые нами изменения имеют практически значимое содержание. В этом случае 1-я положительная степень поведения будет соответствовать обычным условиям содержания осужденных; 2-я положительная степень – облегченным условиям; 3-я положительная степень – льготным; 4-я положительная степень – институту изменения условий содержания путем перевода в учреждение иного вида; 5-я положительная степень соответствует институту замены вида наказания; 6-я положительная степень соответствует институту условно-досрочного освобождения.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Необходимо создать самостоятельное Агентство исполнения наказаний и пробации, куда организационно должны входить учреждения и служба пробации. Все виды наказаний, предусмотренных ст. 40 УК, должны исполняться данным Агентством.

2. Все виды пробации должны исполняться только службой пробации.

ПРИЗЫВ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ОСУЖДЕННЫХ К НАКАЗАНИЯМ И МЕРАМ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА, НЕ СВЯЗАННЫМ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА

Проведение Российской Федерацией специальной военной операции на территории Украины в период с 24 февраля 2022 г. по настоящее время внесло свои коррективы практически во все сферы жизни российского общества, в том числе и в уголовно-исполнительные правоотношения. Так, после объявления Указом Президента РФ от 21.09.2022 № 647 частичной мобилизации сотрудники уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ) столкнулись с проблемой призыва на военную службу тех категорий осужденных, которые призыву не подлежат, – осужденных к обязательным работам, исправительным работам и ограничению свободы.

В соответствии с п. «а», «б» ч. 3 ст. 23 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»¹ не подлежат призыву на военную службу граждане, отбывающие наказание в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, ареста или лишения свободы, а также имеющие неснятую или непогашенную судимость за совершение преступления (т.е. практически все подучетные УИИ). Наряду с тем в соответствии с последними изменениями, внесенными в Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»², призыву на военную службу по мобилизации не подлежат только те граждане, которые имеют неснятую или непогашенную судимость за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего либо преступлений террористической направленности. В период мобилизации на военную службу призывались практически все категории подучетных УИИ, в том числе осужденные к лишению права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью, осужденные к

¹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/

² URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13454/

обязательным работам, осужденные к исправительным работам, осужденные к ограничению свободы, условно-досрочно освобожденные, условно осужденные.

И если контроль за призванными на воинскую службу условно осужденными и осужденными к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью в соответствии со ст. 16 УИК РФ может осуществляться командованием воинских частей во время прохождения службы (порядок действий сотрудников УИИ в таких случаях также нормативно определен¹), то контроль за осужденными к обязательным и исправительным работам, ограничению свободы может осуществляться только УИИ по месту жительства осужденного. Соответственно, если осужденный к данным видам наказания призван на военную службу в рамках частичной мобилизации, исполнение приговора фактически приостанавливается, так как время, в течение которого осужденный не работал либо не исполнял возложенные на него судом ограничения, в срок наказания засчитано быть не может.

Возникает вопрос о правовых основаниях подобной «постановки на паузу» уголовного наказания. С одной стороны, осужденный не уклоняется от отбывания наказания, а реализует свой конституционный долг и обязанность по защите Отечества; с другой стороны, уголовное и уголовно-исполнительное законодательство не предусматривают зачета воинской службы в срок отбывания наказаний в виде обязательных работ, исправительных работ и ограничения свободы.

Решение проблемы видится в применении к таким категориям осужденных отсрочки исполнения приговора на срок до 6 месяцев в соответствии с пп. 3 ч. 1 ст. 398 УПК РФ. Подобная практика уже успешно применяется во многих регионах Российской Федерации, однако требует более детальной нормативно-правовой регламентации.

¹ Пункты 153, 154 Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденной приказом Минюста России от 20.05.2009 № 142.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ А.Л. РЕМЕНСОНА В РАКУРСЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ТЕОРИИ НАКАЗАНИЯ (КОММУНИКАТИВНОГО РЕТРИБУТИВИЗМА)

Конкретная теория наказания позволяет очертить круг исследователей, которые придерживаются ее основных постулатов, что обеспечивает рассмотрение их научных воззрений в свете данной теории. Это способствует лучшему уяснению и разъяснению научных взглядов соответствующего исследователя, показывает ценность таких воззрений для науки уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, демонстрирует их «живучесть», комплементарность и актуальность. Соответственно, весь теоретический континуум существующих в различных субъектно-объектных, пространственных и временных измерениях научных походов к познанию квинтэссенции наказания приобретает более упорядоченный и логично выстроенный характер.

Теоретические воззрения Александра Львовича Ременсона позволили сформировать научный «хребет» доктрины уголовного и уголовно-исполнительного права. Его научные представления в свое время очерчивали перспективы реализации сложившихся подходов к назначению и исполнению уголовных наказаний и даже в настоящий момент определяют грядущие социально-экономические, идеологические и духовно-культурные трансформации.

Коммуникативная теория наказания подразумевает, что воздействие на осужденного отражает форму заслуженного порицания, направленного на раскаяние, моральное исправление и примирение преступника как непосредственно с потерпевшим, так и с обществом. Иными словами, данная теория отражает существование «морального диалога» с осужденным. Данная теория является разновидностью ретрибутивизма, поэтому раскаяние преступника не может выступать основанием для отмены уголовного наказания, что демонстрирует возмездную природу рассматриваемой теории. Таким образом, уголовное наказание выступает средством доведения до преступника сути его противоправного поведения.

Александр Львович в своих научных воззрениях выражал постулаты ретрибутивизма. Так, в статье «Некоторые вопросы теории советского исправительно-трудового права»¹ Он утверждает, что «наказание – это и есть кара, т.е. преднамеренное причинение виновному известных страданий и лишений». В своей знаменитой статье «О возмездном характере уголовного наказания»², вышедшей в свет в 1963 г., ученый пишет: «...термин “возмездие” может быть с пользой употреблен для характеристики ряда специфических особенностей наказания, отличающих его от целого ряда других мер принуждения». И далее: «Характеризуя наказание как возмездие... уголовная репрессия может быть применена только за преступление». Однако в этой же статье ученый постулирует: «Искупление вины – это такое переживание виновным своего преступления, которое при правильной организации наказания должно привести к раскаянию преступника в содеянном». А в автореферате докторской диссертации³ А.Л. Ременсон указывает, что «исправление преступника – это не просто обезвреживание его, а превращение его в полезного члена общества». Более того, одну из своих научных статей он так и называет – «Искупление – это исправление»!⁴

Следует проводить разграничительную линию между реализацией положений коммуникативного ретрибутивизма и гуманизацией условий отбывания уголовных наказаний. Не случайно В.А. Уткин не без основания формулирует следующий тезис: «...дальнейшая “гуманизация” (а точнее – либерализация) уголовно-судебной политики никак не возможна»⁵. И здесь опять же следует руководствоваться четкими и крайне актуальными для современной ситуации разъяснениями А.Л. Ременсона, который аргументированно отмечал: «...а) необходимо осуществлять лишение свободы в полной мере, предусмотренной законом,

¹ Ременсон А.Л. Некоторые вопросы теории советского исправительно-трудового права // Советское государство и право. 1994. № 1. С. 93–94.

² Ременсон А.Л. О возмездном характере уголовного наказания // Доклады по вопросам конкретной экономики и советского права. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1963. С. 86–93.

³ Ременсон А.Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008343753>

⁴ Ременсон А.Л. Искупление – это исправление// К новой жизни. 1965. № 10. С. 69–71.

⁵ Уткин В.А. «Социология» применения наказаний и пенитенциарная практика // Вестник Кузбасского института. 2019. № 4. С. 109–110.

не допуская никаких поблажек заключенным; б) необходимо преодолевать извращенные представления заключенных о колониях, как о “доме родном”, выполняя эту задачу не только путем полномерного осуществления кары, но и посредством воспитательной работы, направленной на повышение интеллектуального и нравственного уровня осужденных граждан». Современное законодательство целиком направлено на то, чтобы исправительное учреждение стало «домом родным»!

Следовательно, можно сформулировать более основательный вывод, согласно которому А.Л. Ременсон фактически придерживался как раз такого коммуникативного ответвления ретрибутивизма. Ученый в сущности предвосхитил появление данной теории на свет.

А.П. Титаренко

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РАДИКАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В настоящее время в учреждениях уголовно-исполнительной системы отбывают наказание в виде лишения свободы около 325 тыс. чел.¹ «Радикалы» образуют в них пока небольшую, но сверхагрессивную часть осужденных, не воспринимающих меры исправительного воздействия, отрицающие ценности и традиции не только законопослушного общества, но и неформальных объединений исправительных учреждений.

Повышенную общественную опасность подобного явления как «коллективного субъекта преступной деятельности»² на наш взгляд, следует представить в виде «медленно тлеющего фитиля динамита»: он ярко не проявляется в силу объективных причин его локализации границами исправительного учреждения и сдерживанию сотрудни-

¹ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20harka%20UIS/>

² Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Общественная опасность групповой преступности // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 118.

ками федеральной службы исполнения наказаний, но способом «попыхнуть» в любой момент. Организованная преступность в настоящий момент в местах лишения свободы вбирает в себя силу террористов, а террористы пользуются авторитетом организованных групп. Используя этнические (а иногда и родственные) связи, они все больше сплачиваются и подавляют остальную часть спецконтингента. В результате происходит воссоединение двух идеологий («воровской» и радикальной) с радикализацией криминалитета. Наряду с такими воровскими понятиями, как «красная» и «черная» зоны, появилось понятие «зеленые» зоны, где главные посты в преступной иерархии заняты лицами, исповедующими псевдоислам.

На данные явления обращено внимание в одном из последних решений Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации через указание на необходимость разработки дополнительных мер по пресечению распространения в исправительных учреждениях экстремистской идеологии¹.

С целью развенчания радикально-криминальной идеологии, на наш взгляд, следует изолировать главных идеологов радикального мировоззрения от остальной части осужденных путем разработки в ряде нормативных актов положений, позволяющих воспроизвести подобную дифференциацию.

Так, например, необходимо в действующих нормах уголовно-исполнительного законодательства, предусмотренных ст. 73, 80, 116 УИК РФ, указать на необходимость раздельного содержания осужденных-радикалистов.

Но признаки «радикальности» должны быть прозрачными (каждому осужденному должно быть понятно, что к числу таковых причисляются вследствие приверженности идеологии, не совпадающей с традиционными религиями). Индивидуальные основания раздельного содержания должны регулярно (не реже одного раза в три месяца) пересматриваться. Повышенное внимание к таким осужденным не должно снижать уровень воспитательной работы с другими группами осужденных. Изолированное содержание экстремистов не должно сопровождаться и запретом на встречи их с родственниками.

¹ О мерах по обеспечению общественной безопасности и профилактике правонарушений: Постановление СФ ФС РФ от 30.11.2022 № 586-СФ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 49. Ст. 8631.

УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ И ЕГО ЦЕЛИ: МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Уголовное наказание имеет своими целями восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений, а своей сущностью – кару как справедливое воздаяние виновному за совершенное преступление. Самой спорной среди ученых целью уголовного наказания является исправление осужденного¹. Часть представителей науки считает, что данная цель достижима частично, другие – что она в принципе не достижима.

Исправление осужденного заключается в изменении посредством применения наказания негативных свойств личности, поспособствовавших преступной деятельности. В идеале достижение этой цели предполагает формирование новых свойств, качеств, установок личности, которые делают ее сознательно правопослушным членом общества.

Статья 9 УИК РФ определяет исправление осужденных как формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения. Средствами достижения данной цели служат режим, воспитательная работа, труд, получение образования и профессиональное обучение.

Поведение человека предопределено его ценностными установками, которые формируются благодаря моральным нормам. И выбор варианта собственного поведения, и оценка поведения других осуществляются в первую очередь с опорой на базовые моральные категории: правильно ли это (добро или зло)? справедливо ли это? Моральные нормы дают нам представление о добре и зле, справедливости, честности и достоинстве. Нормы права должны соответствовать нормам морали, именно поэтому большая часть людей, не зная закон, соблюдает его, делая правильный выбор вариантов поведения исходя из морально-этических установок.

¹ Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2018. С. 27–28.

Таким образом, именно устоявшийся, сложившийся общественный моральный консенсус дает нам представление о том, какие именно качества, установки, ценности должны сформироваться у осужденного, которые позволят ему жить в обществе. Напротив, кризис морали, слом моральных ценностей и «моральный раздрой» в обществе не позволяют достичь исправления в отсутствие модели «правильного мышления»: индивидуализм или соборность, доминирование материального или духовного, личное благополучие или служение обществу, культ личности, частной жизни или общенациональные задачи? Отсутствие единства по данным вопросам, «правильной» и одобряемой большинством модели поведения не позволяет сформировать благодатную почву для исправительного воздействия, что может привести к обратным результатам – озлобленности, формированию чувства несправедливости, хитрости осужденного.

Задачу сформировать идеологию, обосновывающую те или иные моральные ценности, должно поставить себе государство, опираясь на исторические, культурные, ментальные особенности своего народа и, что немаловажно, идя в ногу со временем. Именно формирование такой идеологии позволит выстроить воспитательную работу в детских садах, школах и университетах и, конечно же, в исправительных учреждениях. Итогом этого процесса станет формирование целостного гражданского общества со схожими морально-ценностными установками, правосознанием и правовой культурой, в которое будет стремиться вернуться оступившийся человек.

Отметим, что в последние годы фокус внимания государства перемещается в эту сторону, подтверждением чему являются социальные поправки в Конституцию РФ в 2020 г. и Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹.

¹ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>

**ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ
ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ В ОПРОСАХ СОТРУДНИКОВ
(НА ПРИМЕРЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
УФСИН РОССИИ ПО РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ)**

Любое научное исследование гуманитарного характера невозможно без использования эмпирических методов научного исследования опросного свойства¹.

Вопросы уголовно-исполнительной правосубъектности и правоприменительной деятельности (далее – УИПиПД) включают в себя широкий перечень подвопросов. Среди них понимание правоприменителем содержания категории «администрация ИУ». Так, 26,9% опрошенных отметили, что администрацию ИУ представляют начальники учреждений (управляют всем персоналом учреждения, управляют осужденными). 27,8% опрошенных отметили, что к администрации ИУ относятся заместители начальника учреждения, начальники подразделений ИУ (управляют отдельным персоналом, управляют осужденными). В свою очередь, для 54,3% опрошенных в администрацию ИУ входят представители администрации (управляют осужденными, осуществляют распорядительные полномочия в отношении осужденных).

Интересны данные опросов персонала ИУ относительно отдельных вопросов его самоидентификации в УИПиПД. Так, на вопрос, какое среди перечисленных подразделений ИУ, можно максимально отнести к субъекту, исполняющему наказание в виде лишения свободы (нужно расставить цифры от одного до шести напротив вариантов ответов. Цифра 1 соответствует максимальной субъектности, цифра 6 – минимальной субъектности), установлено следующее. Начальники отрядов считают, что максимальной субъектностью обладают отделы воспита-

¹ Опрошено 26 начальников отрядов и 48 сотрудников отдела безопасности, дежурной смены (группы надзора), дежурной части исправительных учреждений УФСИН России по Республике Марий Эл.

тельной работы с осужденными (1). Далее расположились отдел безопасности, дежурная смена (группа надзора), дежурная часть (далее – ОБ) (2), оперативный отдел (3), отдел охраны (4), центр трудовой адаптации осужденных (5), тыловые подразделения (6). Для сотрудников ОБ расстановка по субъектности несколько иная: 3, 1, 2, 5, 4, 6.

Разные результаты были получены относительно отдельных вопросов правоприменительной деятельности ИУ. 93,2% опрошенных начальников отрядов (57,7% сотрудников ОБ) отрицательно относятся к тому, что отдельные общественные отношения в их служебной деятельности регулируются (конкретизируются) указаниями, информационными письмами, рекомендациями ФСИН России. При этом положительно данный факт оценивает 6,8% начальников отрядов и 42,3% сотрудников ОБ.

Обособленные позиции опрошенных сотрудников ИУ получены относительно вопросов об актах применения права ИУ. На вопрос о том, нужно ли в уголовно-исполнительном законодательстве РФ прописывать вид (постановление, приказ, распоряжение, утверждение) и форму (устно или письменно) документов, выносимых в отношении осужденных, и где, получены следующие результаты: 43,3% начальников отрядов (29,1% сотрудников ОБ) ответили положительно, при этом указав, что вид и форму документов следует отразить в УИК РФ. 32,2% начальников отрядов и 67,2% сотрудников ОБ ответили утвердительно, при этом отметив, что вид и форму документов стоит определить в ПВР ИУ. Среди опрошенных отрицательно ответили на данный вопрос 24,5% начальников отрядов и 3,7% сотрудников ОБ, при этом указав, что вид и форму документов в том или ином нормативно-правовом акте прописывать не нужно.

Вопросы УИПиПД в целом остаются недостаточно изученными. Опросы персонала ИУ, осужденных к лишению свободы и иные методы научного исследования помогут в дальнейшем изучении и исследовании проблем УИПиПД ИУ.

В.А. Уткин

«СИЯЮЩИЙ ГРАД НА ХОЛМЕ» В «КОНЦЕПЦИИ 2030» КАК РЕНЕССАНС «ВСЕОБЩЕЙ ТЮРЬМИЗАЦИИ» В «КОНЦЕПЦИИ 2020»

Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной Распоряжением Правительства России 1138-р от 25 апреля 2021 г. (далее – «Концепция 2030»)¹, в числе основных направлений предусмотрены «разработка и реализация проекта создания учреждения объединенного типа», причем и разработку, и реализацию предполагается осуществить в 2024 г. Как указывается в самом Распоряжении Правительства (п. 2), и в разд. XXIII Концепции, все это планируется провести за счет средств федерального бюджета «в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных ФСИН России в федеральном бюджете на соответствующий год и плановый период на указанные цели».

Само по себе появление в «Концепции 2030» специального раздела об «учреждении объединенного типа» можно только приветствовать. Тенденция к формированию подобных учреждений, получившая первоначальное законодательное закрепление в 2001 г. в ч. 2 ст. 74 УИК РФ в виде возможности создания на территории исправительной колонии изолированных участков с различными видами режима, на протяжении последних двух десятилетий обусловлена социально-экономическими и уголовно-политическими реалиями современного периода, особенностями изменения числа и качественных характеристик осужденных, отходит от традиционных «монорежимных» исправительно-трудовых колоний, сложившихся в советский период.

О необходимости научного подхода к модернизации исправительных учреждений в данном направлении ранее высказывался ряд ученых, в том числе автор этих строк². Каким же видится подобное учреждение?

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 17.05.2021. № 20. Ст. 3397.

² См.: Уткин В.А. Европейские тюремные правила и проблемы их реализации. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 50–51; Он же: Гибридные исправительные учреждения и международные стандарты // Уголовно-исполнительное право. 2014.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что о нем говорится как о единичном учреждении экспериментального характера безо всякого упоминания о возможности или необходимости его последующего масштабирования в уголовно-исполнительной системе России в период с 2024 до 2030 г. На наш взгляд, это далеко не случайно, поскольку, судя по содержанию разд. VII «Концепции 2030», перед нами – некий «сияющий град на холме», а именно – учреждение, «в рамках которого планируется сосредоточить исправительные учреждения и следственные изоляторы в едином центре, модернизировать и унифицировать имеющиеся технологии в сфере обеспечения режима и развития производственного сектора, а также предусмотреть **клиентоцентрический подход к созданию условий для содержания осужденных, подозреваемых и обвиняемых**, предоставления свиданий с их родственниками, осуществления деятельности адвокатов и общественных организаций, включая оборудование помещений для предоставления свиданий, а также для осуществления деятельности судов, органов прокуратуры Российской Федерации, следователей, включая оборудование помещений для их деятельности» (выделено мной. – В. У.).

С самого начала бросается в глаза модный ныне «клиентоцентрический подход», который авторы аналогичных документов, затрагивающих взаимоотношения государства и личности, стараются ныне широко употреблять к месту и не к месту. В данном случае – явно последнее, поскольку использование такого подхода в исправительных учреждениях и следственных изоляторах означает, что исполнение лишения свободы или предварительного заключения под стражу – это государственная услуга, от которой осужденный, подозреваемый, обвиняемый всегда вправе отказаться. Неизвестно, знакома ли авторам упомянутого этого весьма сомнительного тезиса ст. 43 УК РФ, где наказание определяется как мера государственного принуждения.

Нельзя отделаться и от тревожной мысли, что авторы данного раздела и не рассчитывали на его реализацию, поскольку очевидно, что предусмотренный ими «сияющий град на холме» когда-нибудь будет построен. Вспомним о «всеобщей тюремизации» как о направлении

№ 2 (18). С. 7–11; Горбань Д.В. «Комплексные» исправительные учреждения в пенитенциарной системе России на современном этапе ее реформирования // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 1. С. 38–44; Усеев Р.З. Мультирежимность исправительных учреждений: причины, классификация, перспективы // Уголовная юстиция. 2016. № 2 (18). С. 81–88 и др.

развития уголовно-исполнительной системы, предусмотренный ранее принятой аналогичной «Концепцией 2020». Она предусматривала масштабное строительство в России 442 тюрем, отвечающим международным стандартам, причем за счет внутренних резервов уголовно-исполнительной системы.

Данное предположение подтверждает и появившиеся в 2021 г. в СМИ сведения о плане создания в Калужской области «учреждения объединенного типа» на 4 тыс. «клиентов», предполагающего, помимо прочего, и строительство отдельного городка для сотрудников с общим бюджетным финансированием 12 млрд руб. (при том, что общее бюджетное финансирование уголовно-исполнительной системы в год составляет примерно 300 млрд руб.).

Понятно, что в существующих реалиях (впрочем, и в самых благоприятных условиях) рассчитывать на получение таких средств на строительство одного (!) учреждения, утопично. В итоге разд. VII Концепции в ближайшем будущем будет из «Концепции 2030» изъят, как в свое время (в 2015 г.) положение «Концепции 2020» о «всеобщей тюремизации». В итоге окажется дискредитированной сама идея «учреждений объединенного типа».

Однако, по нашему мнению, может и должна быть дискредитирована лишь ее рассматриваемая версия в виде «сияющего града на холме». В отличие от упомянутой «тюремизации» тенденция формирования комплексных (гибридных, мильтирежимных) учреждений УИС, которые уместно именовать «исполнительными комплексами», объективно обусловлена, заслуживает научной поддержки, а разд. VII «Концепции 2030» – новой, качественно иной редакции.

О.В. Филиппова

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Функционирование системы профилактики правонарушений осуществляется на основе государственных программ Российской Федерации, государственных программ субъектов Российской Федерации и

муниципальных программ (ст. 29 Федерального закона от 26.06.2016 г. № 182 «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ»).

В настоящее время на федеральном уровне государственных программ в области предупреждения рецидивной преступности не принято. На региональном уровне меры предупреждения рецидива включены в общие программы профилактики правонарушений в субъекте РФ. Специальные программы, направленные на профилактику рецидивной преступности, действуют в незначительном числе субъектов РФ: в частности, в Республике Тыва и Забайкальском крае реализуются программы ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы; в Брянской, Ивановской, Иркутской, Омской, Челябинской областях, Ямало-Ненецком автономном округе – программы содействия в трудоустройстве лицам, освобожденным из мест лишения свободы.

Изучение специальных программ профилактики рецидива показало, что зачастую они содержат неконкретные, размытые формулировки. Так, государственная программа Забайкальского края «Ресоциализация и адаптация лиц, освободившихся из мест лишения свободы, на 2020–2023 годы»¹ в качестве основных направлений предусматривает: обобщение и распространение положительного опыта работы; совершенствование механизма принятия и реализации органами местного самоуправления муниципальных программ взаимодействия с уголовно-исполнительными инспекциями по вопросам подготовки нормативных актов, определяющих перечень предприятий и организаций, на которых будут отбывать наказание осужденные к исправительным и обязательным работам, а также регламентирующих деятельность общественных формирований, осуществляющих функции социальной адаптации освободившихся лиц. В то же время конкретных мероприятий в этой области не раскрывает.

К другим проблемам действующих программ профилактики рецидивной преступности можно отнести недостаточное их финансирование, слабую координацию, неоптимальный состав целевых индикаторов (несоответствующий программным задачам). Так, программой Забайкальского края «Ресоциализация и адаптация лиц, освободившихся

¹ Постановление Правительства Забайкальского края «Об утверждении государственной программы Забайкальского края “Ресоциализация и адаптация лиц, освободившихся из мест лишения свободы на 2020–2023 годы”». URL: <https://media.75.ru/documents/54058/20189.doc>

из мест лишения свободы, на 2020–2023 годы» предусмотрена задача – улучшение медико-социальной адаптации освобожденных, однако целевой индикатор этой задачи не обозначен.

В целом изучение практики программирования профилактики рецидива показало, что этой проблеме не уделяется должного внимания ни на федеральном, ни на региональном, ни на местном уровнях. Представляется целесообразным принять самостоятельную государственную программу профилактики рецидива в субъектах РФ. Это позволит обеспечить комплексное решение проблем рецидива преступлений – выявление и устранение причин и условий совершения новых преступлений со стороны лиц, ранее совершавших преступления и подвергавшихся мерам уголовно-правового воздействия, объединение финансовых, материально-технических, организационно-правовых ресурсов в этой области.

Н.В. Черемин

ДЕТЕРМИНАНТЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ОСУЖДЕННЫМИ, ПОЛЬЗУЮЩИМИСЯ ПРАВОМ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ БЕЗ КОНВОЯ ИЛИ СОПРОВОЖДЕНИЯ

В любом криминологическом исследовании важную роль играют детерминанты правонарушения. Благодаря полученным знаниям о причинах, условиях и факторах, вызывающих правонарушающее поведение, возможно построить эффективные и точечные профилактические мероприятия¹.

Согласно ст. 96 УИК РФ, администрация исправительных учреждений предоставляет права передвижения без конвоя или сопровождения исключительно положительно характеризующимся осужденным. Несмотря на это, официальная статистика ФСИН России фиксирует факты правонарушений и со стороны таких осужденных. Так, в 2021 г.

¹ Галиева С.И. Теоретические интерпретации детерминант преступности как ресурсная основа профилактики преступного поведения // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-interpretatsii-determinant-prestupnosti-kak-resursnaya-osnova-profilaktiki-prestupnogo-povedeniya>

за нарушение установленного порядка отбывания наказания 26¹ осужденных были лишены этого права, тогда как за 9 месяцев 2022 г. – 33².

К детерминантам совершения таких правонарушений следует относить следующие:

- отсутствие единой процедуры отбора кандидатов с целью предоставления права передвижения без конвоя;
- отсутствие раздельного содержания осужденных-расконвойников от основной массы осужденных;
- сниженный уровень контроля и надзора как по объективным причинам (физическая нехватка сотрудников), так и субъективным причинам (халатность отдельно взятых лиц);
- малый круг людей, входящих в отряд осужденных, которым предоставлено право передвижения без конвоя, что приводит к феномену «одиночества в толпе»;
- традиции криминальной субкультуры, распространяющиеся в местах лишения свободы;
- неправомерность принимаемых администрацией исправительного учреждения решений, что предопределяет выбор норм, которых будет придерживаться осужденный-расконвойник;
- характер выполняемых работ, осуществляемых осужденными-расконвойниками, нередко не способствует повышению их личностного, профессионального и образовательного уровня;
- недостатки технической оснащённости (отсутствие практики использования электронных браслетов для контроля передвижений осужденными-расконвойниками);
- коррупционные связи, которые приводят к случаям предоставления права передвижения без конвоя с нарушением требований законодательства РФ.

Отдельно стоит отметить, что факт предоставления права передвижения сам по себе в определенном смысле может выступать детерминантом правонарушения. Ведь отдельные права, которыми наделяется такой осужденный, выступают «приманкой» для наиболее криминогенно зараженных преступников, которые с помощью этих осужденных пытаются доставить запрещенные предметы на территорию исправительного учреждения.

¹ При среднесписочной численности 665 чел.

² При среднесписочной численности 646 чел.

СРЕДСТВА ПРИНУЖДЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Общепризнано, что принуждение наряду с убеждением призвано обеспечивать исполнение требований правовых предписаний¹. Обязательность принуждения в правовом регулировании является следствием прежде всего такого свойства права, как государственная принудительность.

Рассмотрение средств принуждения в виде негативных последствий, прямо предназначенных побудить осужденного исполнять требования уголовно-исполнительных норм, приводит к выводу об отсутствии системности в их построении и позволяет выделить многочисленные «узкие места». Наиболее известная проблема – это разные подходы действующего УК РФ и УИК РФ в последствиях за уклонение от отбывания разных наказаний: то уголовная ответственность, то замена иным наказанием (причем как с правилами пропорциональной замены, так и без), то исключение механизмов принудительной реализации назначенного наказания (когда это наказание может быть принудительно реализовано), то вообще полное отсутствие реальных негативных последствий за неисполнение наказания.

Представляется, что проблемы средств принуждения, обеспечивающих уголовно-исполнительные предписания, для удобства рассмотрения условно можно разделить на две части.

1. Первая будет касаться того, какими модельными вариантами негативных последствий должны обеспечиваться уголовно-исполнительные предписания и в каких их сочетаниях. Здесь важно учитывать, что указанные средства принуждения в любом механизме правового регулирования облекаются в предписания-санкции, которые как раз и закрепляют соответствующие негативные последствия, обеспечивающие в обязательном порядке предписания-диспозиции на случай добровольного их неисполнения. Они могут существовать в двух основных формах:

¹ Чубраков С.В. О системности средств принуждения в механизме обеспечения уголовно-исполнительных предписаний // Уголовная юстиция. 2023. № 21.

– в форме принудительной реализации требуемого правовым предписанием поведения;

– в форме ответственности (т.е. дополнительных негативных последствий, выражающихся в лишениях, правоограничениях определенного вида) за добровольное неисполнение требований предписания-диспозиции.

Анализ различных вариантов сочетания возможных условий при обеспечении исполнения уголовно-исполнительных предписаний позволяет прийти к следующим выводам: принуждение в виде ответственности должно быть всегда, а принуждение в виде принудительного воплощения требуемого поведения должно быть наряду с первым только тогда, когда требуемое поведение в принципе может быть реализовано принудительно, и когда оно не касается реализации некарательных исправительных мер (труда, образования и т.д.).

2. Вторая часть проблем должна быть посвящена рассмотрению конкретных форм этих средств принуждения (негативных последствий). Здесь важно отметить, что принуждение к требуемому поведению не вызывает острых обсуждений у исследователей в отличие от проблемы конкретных вариантов принуждения в форме ответственности¹.

В центре внимания этой дискуссии стоят следующие вопросы: можно ли обеспечивать исполнение уголовно-исполнительных предписаний ответственностью иных отраслей права, в частности, – уголовного и административного; имеет ли уголовно-исполнительная ответственность самостоятельный характер; какие меры следует к ней относить, в том числе – как быть с заменой наказаний без привлечения к уголовной ответственности, а также с различными случаями применения дополнительных негативных последствий, не отнесенных законом к мерам взыскания.

Ответы на данные вопросы во многом зависят от того, за какое противоправное виновное уклонение от карательно-предупредительно-воспитательного воздействия применяется соответствующее средство принуждения: за обычное нарушение осужденным требований уголовно-исполнительных норм или за злостное уклонение от реализации

¹ См., например: Антонов Т.Г. Непреступное уголовно-противоправное поведение осужденных и его юридические последствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. С. 10–14.

элементов предписанной меры уголовной ответственности. Также важным при их решении является и то, что по действующему уголовному и уголовно-исполнительному законодательству обеспечивающие исполнение уголовно-исполнительных предписаний средства принуждения в виде негативных последствий в форме ответственности всегда должны представлять по содержанию дополнительные лишения и правоограничения прав и свобод осужденного. Причем они могут как влечь применение новой, более строгой меры уголовной ответственности, выражающееся в том или ином виде замены первоначально назначенной меры (либо, если это лишение свободы, то в фактическом увеличении первоначально назначенного срока), так и оставлять первоначально назначенную меру уголовной ответственности, при этом либо меняя ее отдельные количественно-качественные характеристики, либо добавляя дополнительные лишения и правоограничения, применяемые параллельно с неизменной первоначально назначенной мерой уголовной ответственности.

Учет изложенного выше проявляется, в первую очередь, в том, что за злостное уклонение должно следовать появление новой, более суровой меры уголовной ответственности (за исключением лишения свободы, где, как отмечалось выше, по итогу должно происходить фактическое увеличение первоначально назначенного срока).

Представляется, что дальнейшее рассмотрение указанных наиболее спорных вопросов должно производиться в контексте именно отраженного выше деления поведения осужденных по неисполнению уголовно-исполнительных предписаний (обычного уклонения и злостного) и средств принуждения, являющихся ответственностью (которое подразделяет их на те, которые влекут появление новой меры уголовной ответственности и которые не влекут такого появления).

При этом основные вопросы будут следующими:

– при злостном уклонении негативные последствия должны реализовываться путем криминализации или путем замены (штрафной) по правилам УК РФ или УИК РФ;

– при незлостном уклонении могут ли в качестве негативных последствий выступать меры административной ответственности, исчерпываются ли иные средства принуждения мерами взыскания и если нет, то что собой представляют иные меры воздействия, не являющиеся мерами взыскания.

Д.В. Шаблинская

УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Актуальным предметом научного познания является наказание, представляющее собой основной вид государственного принуждения в уголовном праве, выполняя на всех этапах развития общества роль важнейшего средства борьбы с преступностью. В рамках данного исследования наказание рассматривается через призму реализации охранительной функции уголовного права. Эта функция наиболее ярко проявляется в реальном наказании виновного или применении к нему иных мер уголовной ответственности за совершенное преступное посягательство на существующие охраняемые общественные отношения¹.

15 марта 2022 г. вступили в силу принятые на республиканском референдуме изменения и дополнения в Конституцию Республики Беларусь. Данные изменения влияют на функционал уголовного права и решение его задач. Как никогда ранее становится актуальным рассмотрение охранительной функции уголовного права в тесной связи с задачами охраны конституционных ценностей и правопорядка. Дальнейшая трансформация охранительной функции уголовного права в русле его конституционализации должна привести к появлению в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве норм, которые будут содержать прямой запрет лишения или ограничение ряда конституционных прав человека посредством применения мер уголовно-правового воздействия за совершение преступления. Полагаем, именно конституционализация выступает основой дальнейшего развития института наказания.

Выделение в качестве ч. 3 ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь в качестве цели (либо направленности реализации уголовной ответственности) восстановления социальной справедливости видится

¹ Курс уголовного права : в 5 т. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. И.О. Грунтова, А.В. Шидловского. Минск : Изд. центр БГУ, 2018. С. 27.

важной эволюцией охранительной задачи уголовного закона. Восстановление социальной справедливости должно достигаться совокупностью всех мер уголовно-правового воздействия, причем приоритет в ее достижении следует отводить не наказанию, а иным мерам уголовно-правового воздействия. Данный вывод позволяет утверждать о сформированности предпосылок для трансформации карательно-штрафной составляющей наказания в государственном принуждении и необходимости дальнейшего развития компенсационно-восстановительного потенциала уголовного права в целом и уголовно-правовых мер в частности посредством институционализации иных мер уголовно-правового воздействия.

Развитие восстановительных начал уголовно-правового воздействия неизменно приведет к постановке вопроса о том, что наказание должно выступать не основной, а крайней мерой уголовной ответственности, применяемой в случае, если иными мерами государственного принуждения нельзя достичь обеспечить выполнение охранительной функции уголовного закона и целей уголовной ответственности.

Белорусский законодатель свел до минимума сферу установления дополнительных наказаний, одновременно развивая правовое регулирование иных мер уголовно-правового воздействия, выступающих реальной альтернативой каре. Трансформация дополнительных наказаний может иметь в итоге полный отказ от данных мер государственного принуждения. Целый ряд наказаний может быть трансформирован в иные меры уголовно-правового воздействия, составляющие альтернативу каре и имеющие восстановительный потенциал. Модернизация охранительной функции также предполагает, что меры уголовно-правового воздействия с точки зрения общественной справедливости должны быть экономически целесообразными, не затратными, способными эффективно решать поставленные перед ними задачи.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ МЕЛКОГО ХУЛИГАНСТВА

Достижение целей уголовно-исполнительного законодательства обеспечивается в том числе и путем стимулирования правопослушного поведения осужденных. Для дифференцированного разграничения противоправных пенитенциарных (дисциплинарных) проступков законодатель разделил их по степени опасности общественным отношениям и порядку управления, выделяя такую категорию, как «злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания», вызывающую на практике вопросы¹.

Анализ ч. 1 ст. 116 УИК РФ позволил выявить некоторые противоречия норм административного и уголовно-исполнительного законодательства в части юридического применения понятия «мелкое хулиганство». Разнь юридического содержания данного понятия усматривается в установлении различного уровня ответственности при совершении осужденным к лишению свободы правонарушений и (или) нарушений установленного порядка отбывания наказания, попадающих под квалификацию «мелкое хулиганство».

Под ним в административном праве понимается «нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью *в общественных местах* (выделено мной. – *И.Ш.*), оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества (ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ)». Согласно нормам КоАП РФ, за совершение мелкого хулиганства установлена административная ответственность в виде административного штрафа или административного ареста. Од-

¹ Гордополов А.Н. Некоторые особенности классификации злостных нарушений режима отбывания наказаний // Вестник Кузбасского института. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-klassifikatsii-zlostnyh-narusheniy-rezhima-otbyvaniya-nakazaniya>

нако применение административного ареста к осужденному невозможно в силу специфики его правового статуса, в том числе предусматривающего наличие изоляции от общества.

При этом УИК РФ рассматривает мелкое хулиганство как злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания, за совершение которого могут наступить следующие правовые последствия: признание осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания с наложением дисциплинарного взыскания в виде водворения в штрафной изолятор с последующими изменениями условий отбывания наказания либо наложение дисциплинарного взыскания в виде выговора или дисциплинарного штрафа без признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания.

Исходя из квалификации ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ, обязательным признаком объективной стороны мелкого хулиганства является совершение противоправного деяния именно в «общественных местах». Однако в исправительных учреждениях действующим законодательством не предусмотрен перечень мест, отвечающих признакам, характеризующим понятие «общественное место», в связи с наличием определенного ограничения в свободном посещении объектов УИС и установлением режимных требований.

Таким образом, употребление термина «мелкое хулиганство» в уголовно-исполнительном законодательстве РФ не вполне оправдано и должным образом не раскрыто. В связи с этим имеется необходимость в определении конкретных признаков таких противоправных деяний, являющихся злостными нарушениями.

КРИМИНОЛОГИЯ

Е.А. Акунченко

ОСНОВНЫЕ СУБЪЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Коррупционная преступность в избирательном процессе – сложное негативное социально-правовое явление, представляющее угрозу для любого демократического государства. Общественная опасность преступлений против избирательных прав граждан сама по себе достаточно высока, поскольку противоправное вмешательство в избирательный процесс с целью искажения реальной политической воли граждан наносит непоправимый вред авторитету государственного управления. Вместе с тем степень общественной опасности подобных деяний многократно возрастает, когда преступное поведение основано на заинтересованности в достижении определенного политического результата на выборах вопреки законным интересам общества и государства. Массовое распространение коррупционной преступности в избирательном процессе способно причинить невосполнимый вред основам конституционного строя и под видом легального волеизъявления граждан привести к приватизации государственной власти либо фактической потере национального суверенитета¹. Сказанное обуславливает необходимость изучения вопросов предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе, которым сегодня в научной литературе уделяется неоправданно мало внимания.

Среди элементов системы предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе важное место занимают субъекты указанного вида антикоррупционной деятельности. Традиционно в криминологии принято выделять специализированных и неспециализированных субъектов предупреждения преступности. К первой

¹ См.: Акунченко Е.А. Коррупционная преступность в избирательном процессе Российской Федерации. М. : Проспект, 2020. С. 181.

группе субъектов относятся органы, учреждения, организации, предприятия, а также должностные лица (служащие), на которые законом возложены задачи и функции по выявлению, ослаблению или устранению причин и условий преступности, способствующих существованию и распространению преступности в целом, ее отдельных видов и конкретных преступлений¹. Ко второй – иные юридические и физические лица, которые участвуют в предупреждении преступности в процессе реализации своих общих полномочий, прав и обязанностей².

Анализ содержания п. 2 ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» позволяет сделать вывод о том, что к числу специализированных субъектов предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе относятся федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, на которые законом возложены функции по выявлению и последующему устранению детерминант коррупционной преступности (правоохранительные органы в лице полиции, следственного комитета, прокуратуры, судов общей юрисдикции и др., а также избирательные комиссии различного уровня). В свою очередь, к неспециализированным субъектам предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе следует отнести институты гражданского общества, юридических и физических лиц, которые инициативно участвуют в предупреждении коррупционных деяний в избирательном процессе в пределах имеющихся у них полномочий (средства массовой информации, наблюдатели и др.).

Одной из отличительных черт антикоррупционной деятельности в избирательном процессе является то, что определенные участники электоральных отношений могут одновременно выступать в качестве субъектов коррупционной преступности³ и неспециализированных субъектов предупреждения коррупционной преступности. В частности, это утверждение справедливо для избирательного штаба канди-

¹ См.: Криминология : учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунева. М. : Волтерс Клувер, 2005. С. 201.

² См.: Криминология : учебник / под ред. А.И. Долговой. М. : Норма, 2016. С. 486.

³ См.: Зырянова И.А. Основные субъекты коррупции в избирательном процессе // Мир юридической науки. 2013. № 10–11. С. 33–38.

дата, основная цель существования которого – обеспечить победу своего кандидата и воспрепятствовать победе другого¹. При этом способы и средства достижения указанного политического результата на выборах могут иметь как *правомерный* (мониторинг деятельности конкурентов и своевременное обращение в правоохранительные органы с заявлением о выявленных нарушениях), так и *неправомерный* (использование «грязных» избирательных технологий, в том числе основанных на предоставлении и (или) получении коррупционной выгоды) характер.

Сказанное актуализирует необходимость взаимосвязанного изучения субъектов коррупционной преступности в избирательном процессе и субъектов ее предупреждения как лиц, потенциально сочетающих в себе признаки объекта охраны и источника опасности².

С.Г. Байтеленова

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ И ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

На протяжении многих лет тема противодействия религиозному экстремизму и терроризму значится в числе наиболее острых и актуальных проблем не только в Республике Казахстан, но и во всем мире.

Так, в своем выступлении 25 января 2022 г. на онлайн-саммите «Центральная Азия – КНР» президент Республики Казахстан К. Токаев отметил, что борьба против терроризма, экстремизма и транснациональной преступности обретает особое значение для Казахстана ввиду событий, произошедших в первых днях января 2022 г. в стране³.

¹ См.: Зырянова И.А. Избирательный штаб кандидата – субъект коррупции в избирательном процессе? // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 32–37.

² См.: Щедрин Н.В., Кылина О.М. Меры безопасности для охраны власти и защиты от нее. Красноярск : РУМЦ ЮО, 2006. С. 19–40.

³ Токаев: борьба с терроризмом обретает особое значение для моей страны. URL: <https://ru.sputnik.kz/20220125/Tokaev-Tema-terrorizma-v-eti-dni-obretet-osoboe-znachenie-dlya-Kazakhstana-19212007.html> (дата обращения: 10.12.2022).

Для реализации мер противодействия данных преступлений необходимо выявить основные тенденции террористических и экстремистских преступлений.

На основании исследования, проводимого Научно-исследовательским институтом Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова, «Актуальные вопросы квалификации террористических и экстремистских преступлений, относящихся к подследственности ОВД: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические аспекты», а также учитывая данные Департамента по противодействию экстремизму Республики Казахстан, представляется возможным выделить следующие общие тенденции террористических и экстремистских преступлений в Республике Казахстан:

1. Рост экстремистских (террористических) преступлений, совершенных с использованием интернет-ресурсов и информационно-коммуникационных сетей. Основным сегмент зарегистрированных преступлений экстремистской направленности составляют преступления, связанные с распространением экстремистских материалов в интернет-ресурсах и прежде всего посредством социальной сети, а также различных видеохостингов.

2. Тенденция к увеличению количества лиц, вовлеченных в террористическую и экстремистскую деятельность.

Статистический анализ экстремистской и террористической преступности свидетельствует об увеличении числа осужденных по указанной категории дел.

3. Негативное воздействие микросреды (радикального окружения) и влияние экстремистской (террористической) идеологии на сознание личности.

Любая экстремистская (террористическая) идеология предписывает ее последователям в качестве одной из религиозных обязанностей – распространение идеологии вероучения (движения, течения и т.д.). Как следует из показаний осужденных, в момент совершения преступления многие из них искренне верили в «правильность» и «религиозную обоснованность» совершаемых противоправных действий. В этой связи в качестве источника указанной причины следует рассматривать искаженную интерпретацию религиозных текстов и неверное их толкование¹.

¹ Заключительный отчет Научно-исследовательского института Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова по теме исследования

4. Значительная степень влияния ситуативного фактора в качестве условия совершения террористических и экстремистских преступлений.

Эмпирический анализ показал, что многие осужденные перед совершением террористических (экстремистских) преступлений находились в эмоциональном возбуждении, вызванном (наряду с воздействием экстремистской среды и материалов) определенными внутренними состояниями, которые переживала личность.

Таким образом, выделение вышеизложенных тенденций террористических и экстремистских преступлений будет способствовать предупреждению и существенному сокращению числа уголовных правонарушений данной категории.

Н.Д. Бубербаев

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПРЕСТУПНИКА (НА МАТЕРИАЛАХ ГОРОДА АСТАНЫ)

Анализ материалов уголовно-статистической отчетности с 2008 по 2022 г. показал, что по числу совершенных преступных деяний и лиц, их совершивших, столица республики на протяжении последних шести лет удерживает вторую позицию, уступая только г. Алматы¹.

В работе нами обобщены сведения о некоторых личностных характеристиках лиц, совершивших преступления, и тенденциях, проявившихся к настоящему времени.

Основная масса лиц, привлеченных к ответственности за совершение преступлений, это внутриреспубликанские мигранты (приезжие) – 71,2%. Среди них доминируют жители Акмолинской области – 538

«Актуальные вопросы квалификации террористических и экстремистских преступлений, относящихся к подследственности ОВД: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические аспекты». Караганда, 2017. С. 119.

¹ Данные Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. URL: <http://pravstat.prokuror.kz/rus> (дата обращения: 30.01.2023).

(27,9%), в особенности «мятниковые» мигранты. Затем следуют выходцы Южно-Казахстанской – 345 (17,8%), Костанайской – 186 (9,6%), Карагандинской – 168 (8,7%) областей¹.

В структуре лиц, совершивших преступления, преобладают мужчины – 86,6%, женщины составляют лишь 13,4%. Среди них доминируют лица в возрасте от 21 до 29 лет (39%); лиц, совершивших преступления, в возрасте от 30 до 39 лет – 34,9%.

В структуре преступников продолжают преобладать лица, не имеющие постоянного источника дохода, – 79%. Этот показатель в течение всего периода исследования остается практически неизменным с некоторыми колебаниями в пределах 3–4%. На их криминальное поведение оказывают влияние продолжающееся имущественное расслоение, рост цен на услуги и товары первой необходимости, снижение доходов населения, повышение конкуренции на рынке труда.

Отмечается тенденция роста числа лиц, совершивших преступления повторно. Если в 2008 г. к уголовной ответственности в г. Астане было привлечено 1 778 чел., из них 45 (2,5%) совершили рецидив, то в 2022 г. – 5 376 чел., из них 2 796 (52%) совершили преступление повторно. Это свидетельствует о том, что «криминогенный (криминальный) потенциал» в г. Астане за рассматриваемый период вырос. При увеличении числа преступников (темпы прироста – 202,3%) и росте количества лиц, совершивших рецидив (темпы прироста – 6 113%), налицо постепенная криминализация общества. В орбиту преступности наряду с лицами, совершившими рецидив преступления, все больше попадают граждане, впервые привлеченные к ответственности, от которых в дальнейшем можно ожидать повторного совершения преступлений. В общереспубликанском масштабе в 2008 г. доля лиц, повторно совершивших преступления, составила 7,2% (5 695 чел.), в 2022 г. – 33,2% (20 462 чел.).

Еще одной тенденцией, характерной для современного преступника, является наличие знаний и навыков в использовании ресурсов телекоммуникационных сетей и различных IT-продуктов. В настоящее время киберпреступления уже в целом оказывают устойчивое влияние

¹ Информация о преступлениях, совершенных иногородними и иностранными гражданами на территории г. Астаны за 12 месяцев 2021 г. // По данным Центра оперативного управления ДП г. Астаны. URL: <http://mvd.gov.kz/portal/page/portal/ast/MAIN> (дата обращения: 12.01.2022).

на статистическую регистрацию. Так, в столице число зарегистрированных фактов интернет-мошенничества в период с 2018 по 2022 г. выросло в 18 раз, с 238 до 4 401 преступления (темпы прироста – 1 749%).

Тенденция роста киберпреступности и числа киберпреступников в ближайшем будущем будет только усиливаться в связи с расширением масштабов применения коммуникационной сети Интернет и IT-технологий как в социальной, так и в бытовой сферах жизнедеятельности.

И.А. Дамм

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕКЛАРИРОВАНИЯ ДОХОДОВ И РАСХОДОВ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЦЕЛЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

В соответствии с ч. 4 ст. 8 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» перечень должностей в организациях, замещение которых предусматривает обязанность представлять сведения о доходах, устанавливается федеральными государственными органами, для выполнения задач которых созданы соответствующие организации.

Во исполнение указанного положения Министерством науки и высшего образования РФ приняты подзаконные нормативные правовые акты, устанавливающие перечень должностных лиц в подведомственных образовательных организациях. Первоначально в указанный перечень были включены ректор, президент, первый проректор, главный бухгалтер, директор филиала¹. В 2018 г. перечень дополнили заместитель руководителя и заместитель главного бухгалтера, а также заместитель руководителя филиала, руководитель представительства, заместитель руководителя представительства². В 2019 г. – главный бухгалтер филиала

¹ См.: Приказ Минобрнауки России от 13.09.2013 № 1070 // СПС «Консультант-Плюс».

² См.: Приказ Минобрнауки России от 26.07.2018 № 13н // СПС «Консультант-Плюс».

(представительства) и его заместители¹. Последнее изменение перечня датировано 2022 г.: в него были включены отдельные должности в организации, исполнение должностных (служебных, трудовых) обязанностей по которым предусматривает участие в осуществлении закупок товаров, работ и услуг отдельными видами юридических лиц, а также закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд².

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что в сфере образования наблюдается устойчивая тенденция расширения круга лиц, обязанных декларировать свои доходы и расходы. Кроме того, в научно-практической среде обсуждается целесообразность возложения обязанности представлять сведения о доходах и расходах на иных лиц, выполняющих управленческие функции в образовательной организации высшего образования (директора институтов, заведующие кафедрами и иные руководители структурных подразделений).

С одной стороны, коррупционные риски в деятельности, например, директора института (декана факультета) весьма высоки, и декларация доходов с сопоставлением расходов может иметь значимый антикоррупционный потенциал, поскольку позволит наблюдать состояние и рост имущественного положения управленца, сопоставлять его расходы. Следует отметить, что ввиду повышенных коррупционных рисков обязанность декларирования доходов и расходов уже распространена практически на весь кадровый состав работников образовательных организаций высшего образования, подведомственных «силовым» структурам.

С другой стороны, структурные подразделения образовательной организации, ответственные за прием и анализ сведений о доходах работников, практически лишены полномочий по самостоятельной проверке полноты и достоверности таких сведений. И если в системе государственной и муниципальной службы такая неполноценность восполняется ежегодными прокурорскими проверками, то в сфере высшего образования ситуация выглядит иначе. Кроме того, уместным представляется вспомнить недавние изначально неоднозначно воспринятые в

¹ См.: Приказ Минобрнауки России от 26.07.2019 № 533 // СПС «Консультант-Плюс».

² См.: Приказ Минобрнауки России от 01.06.2022 № 497 // СПС «Консультант-Плюс».

научно-практической среде¹ меры по расширению круга лиц, обязанных представлять сведения о доходах в сфере муниципального управления (депутаты сельских поселений), которые в ходе практической реализации показали свою неэффективность. Сложности в получении информации о состоянии своего имущества у жителей небольших населенных пунктов, обусловленные дальностью нахождения органов и организаций, предоставляющих необходимые данные, а также низкий уровень информационной грамотности декларантов (справка заполняется в СПО «Справки БК») обусловили отказ от традиционной формы представления сведений о доходах и расходах и предопределили переход на «упрощенную» версию представления только сведений о расходах².

Таким образом, анализ ведомственных актов позволяет выявить устойчивую тенденцию расширения круга лиц, обязанных представлять сведения о доходах и расходах в сфере высшего образования. Однако, в сложившихся условиях приема, анализа и проверки представляемых сведений о доходах и расходах перспективы дальнейшего расширения круга обязанных лиц не представляются оправданными. Объем антикоррупционных обязанностей должен быть соразмерен не только степени коррупционных рисков, но также размеру социальных и материальных гарантий лицам, на которых такие обязанности возлагаются.

С.Г. Еремеев

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ СЕКСУАЛЬНЫХ МАНЬЯКОВ (ПЕДОФИЛОВ)

Следует отметить, что нормативно закрепленного понятия «маньяк» не существует ни в законодательстве Российской Федерации, ни

¹ См.: Дамм И.А., Роньжина О.В., Толстикова И.Н., Попов А.В., Табакова И.Н., Петровых Н.Н., Акунченко Е.А., Сухарева К.С., Щедрин Н.В. Актуальные вопросы изменения порядка представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера лицами, замещающими муниципальные должности // *Юридические исследования*. 2017. № 5. С. 31–51.

² См.: Федеральный закон от 06.02.2023 № 12-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

в законодательстве зарубежных стран. В научной среде принято считать, что «маньяк» – лицо, совершившее неоднократные насильственные действия в отношении другого лица с различным промежутком во времени. Маньяков относят к числу серийных преступников, что является вполне оправданным.

Подсознание играет важную роль в формировании психики человека. На подсознание влияют: отношение со стороны родителей и сверстников, детские травмы, заболевания психического характера, месть и иные обстоятельства, которые могут повлиять на сознание лица. Психология маньяков является уникальной по сравнению с обычными людьми, так как отличается качествами, присущими определенному кругу лиц.

М.И. Еникеев указывает, что «основные характерные черты лиц, совершающих насильственные преступления, – деформация системы базовых социальных ценностей, дефектность социальной идентификации, эмоциональная тупость, импульсивность и агрессивность»¹. Для данных лиц характерны эгоцентризм, цинизм и стремление к внезапно возникшему желанию удовлетворения своих сексуальных потребностей. Для такой категории неважно, в каком месте совершить сексуально насилие, ведь желание возникает в конкретный момент времени и тяжело ими контролируется. Проанализировав научную литературу по вопросу формирования личности сексуального маньяка, мы выявили следующие факторы.

Джим Фэллон исследовал, как генетические и перинатальные факторы окружающей среды влияют на строение мозга, а затем как опыт человека дополнительно формирует его или ее развитие. Проанализировав снимки мозга серийных убийц, он нашел пониженную активность в одной и той же части мозга. Заслуживает внимания, что снимок с самым значительным отклонением он обнаружил у себя. Такие люди могут достигать больших успехов в карьере, при этом не пролив ни одну каплю крови. Закономерен вывод, что не все психопаты серийные убийцы и не все серийные убийцы психопаты.

В 1978 г. жительница Голландии обратилась со странным вопросом: все мужчины в ее семье убийцы и насильники, и она боялась, что ее потомки продолжат эту семейную традицию. Врачи взяли у ее родных

¹ Еникеев М.И. Юридическая психология : учебник для вузов. М., 2014. С. 136–140.

образцы ДНК и обнаружили у всех одну и ту же мутацию в гене «MAOA», из-за которого нарушается баланс серотонина в мозге и человек становится импульсивным. Данный ген прозвали «ген война». Исследования людей с данным геном вносят важное уточнение: эта мутация действительно делает людей агрессивными, но только при условии жестокого обращения с ними в детстве. Неудачная генетика – это заряженный пистолет, а психологическая травма – это спусковой крючок. Например, Владимир Жуков, всем известный как «кочующий маньяк», пытал и насиловал людей. Он был признан виновным в 14 эпизодах преступлений (11 изнасилований и 3 убийства). Сам Жуков признался, что в детстве он подвергся сексуальному насилию со стороны старшеклассников и именно этот момент стал переломным в его жизни¹.

Следующим фактором являются физические травмы мозга. При этом влияние оказывают не только изменения ввиду физической травмы, но и последствия заболеваний (менингит, воспаление мозговой оболочки и др.). Из всех серийных убийц с травмой головы оказалось около 20%. Ричард Рамирес по прозвищу «Ночной охотник» в два года получил травму лобной доли, пытаясь забраться на комод, и еще несколько травм после, рос в условиях домашнего насилия, а его двоюродный брат рассказывал ему, как на войне обезглавливал женщин, и показывал фотографии, а после тот же самый брат на глазах Ричарда застрелил свою жену.

Маньяками движут различные мотивы. Холмес и Де Бургер выделяют следующие: помешательство, миссия, удовольствие, власть.

Акцентируя внимание на педофилах, следует отметить, что объект их насилия – дети. Причинами выбора такого объекта могут быть любые факторы или их совокупность, в том числе обозначенные ранее. Беззащитность жертв в силу возраста, широкий общественный резонанс преступлений в отношении несовершеннолетних предъявляют особые требования к процессу расследования таких преступлений. Изучение особенностей и психологической характеристики лиц, совершающих данные преступления, является неотъемлемым элементом успешного противодействия таким преступникам, успешному раскрытию и расследованию совершенных ими преступлений.

¹ Каким было детство самых жестоких серийных убийц и маньяков 21 века. URL: <https://eg.ru.turbopages.org/eg.ru/s/society/738874-kakim-bylo-detstvo-samyh-jestokih-seriynyh-ubiyc-i-manyakov-21-veka-083565/> (дата обращения: 17.12.2022).

Д.В. Карелин

СТРУКТУРА СУДИМОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Для оценки степени действенности и функциональности системы правосудия по делам несовершеннолетних ЮНИСЕФ/ЮНОДК разработаны Руководства по измерению показателей в области правосудия в отношении несовершеннолетних (апрель 2006 г.)¹. Предполагается, что показатели позволяют оценить эффективность деятельности системы обращения с несовершеннолетними, попадающими в конфликт с законом.

В соответствии с Руководствами оценка осуществляется на основании 15 показателей: 11 количественных и 4 стратегических. Количественные показатели определяются как «моментальными измерениями», так и измерениями, которые должны проводиться в течение некоторого времени, иногда в течение 12 месяцев. Это такие показатели: «дети, содержащиеся под стражей (основной), – число детей, содержащихся под стражей, на 100 тыс. детей»; «дети, содержащиеся под стражей до вынесения приговора (основной) – Процент детей, содержащихся под стражей, которых в последние 3 месяца навестили или навещали родители, опекун или совершеннолетний член семьи»; «Вынесение приговора к лишению свободы (основной), – процент детей, приговариваемых к лишению свободы»; «выведение из-под уголовного преследования до вынесения приговора (основной) – процент детей, выведенных из системы уголовного правосудия или получивших наказание, которые попадают в программу выведения из-под уголовного преследования до вынесения приговора». Основным стратегическим показателем является специализированная система правосудия по делам несовершеннолетних.

Статистический учет информации о некоторых (основных) показателях, предусмотренных Руководствами, в частности судебной статистики, в соответствии с № 282-ФЗ «Об официальном статистическом

¹ Правосудие по делам несовершеннолетних. Пособие по оценке систем уголовного правосудия. Нью-Йорк, 2010. URL: https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/10-52547_4_Cross-cutting_2_ebook.pdf (дата обращения: 26.01.2023).

учете и системе государственной статистики в РФ» возложен на Судебный департамент при Верховном Суде РФ (СД РФ).

Массив судимости несовершеннолетних в официальных данных СД РФ представлен 10 видами преступлений и «преступлениями, связанными с наркотическими средствами или психотропными веществами (ст. 228–234.1 УК РФ)», объединенными в один, т.е. всего 11 учитываемых показателей. На протяжении последних 15 лет эти преступления составляют 90% от общего числа с крайними значениями 89,1% (2021) и 92% (2014) соответственно.

В структуре судимости несовершеннолетних наибольший удельный вес занимал и занимает такой вид наказания, как лишение свободы в его условном и «реальном» варианте: суды назначали его в 77,2% и 62,2% случаев в 2007 и 2021 гг. соответственно. Такое изменение в структуре судимости применительно к лишению свободы является существенным (снижение на 20% от показателя 2007 г.). Оно произошло с одновременным увеличением в структуре судимости удельного веса таких видов наказаний, как обязательные работы и ограничение свободы, которые применялись к несовершеннолетним в 2007 г. лишь в 7,9 и 1% случаев, а уже в 2021 г. – 19,9 и 3,8% соответственно.

Структура судимости несовершеннолетних, совершивших преступления, является самостоятельным объектом криминологического изучения. Анализ структуры судимости за определенный период позволяет сделать выводы не только о динамике доли осужденных к тому или иному виду наказания, но и оценить уровень карательных притязаний судебной системы в целом, выявить тенденции и приоритеты в применении конкретных форм реализации уголовной ответственности, уяснить роль и место мер, альтернативных уголовной ответственности в реализации уголовной политики.

И.И. Корнаков

ПРОБЛЕМАТИКА ВЫДЕЛЕНИЯ «ПОЗИТИВИСТСКОЙ ШКОЛЫ» В КРИМИНОЛОГИИ

В настоящее время в криминологии отсутствует единство мнений касательно выделения «позитивистской школы». Некоторые авторы

термин «позитивизм» не используют¹, некоторые обозначают данным термином исключительно теории о биологической природе преступности², иные криминологи объединяют данным термином социологические и биологические теории в целом или на определенном историческом этапе³.

Л. Сигел основной идеей позитивизма называет признание наличия у некоторых людей наследуемых биологических и психологических черт, которые делают их склонными к совершению преступлений, что проявляется в настоящее время в биосоциальной, психологической, поведенческой теориях. Отцами-основателями данного подхода Л. Сигел называет Ф. Галля, Ж. Лафатера, Ч. Ломброзо, Э. Хутона, Ч. Горинга⁴. Иначе к этому вопросу подходил В. Фокс, относивший А. Кетле к «американской школе» («социологической»), а Г. Тарда – к «позитивистской»⁵. Большой универсализм присутствует у Я.И. Гилинского, который под «позитивистской школой» объединяет все криминологические теории XIX – начала XX в. При этом он относит к «классической школе» Ч. Беккариа и И. Бентама⁶. Л.М. Прокументов указывает, что представителями «классической школы» были И. Бентам, П. Фейербах, А. Герри, Л. Кетле и др. К «позитивистской» отнесены Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Дж. Причард, Г. Модсли и др.⁷

Таким образом, криминологи не могут прийти к единому мнению ни в части хронологических рамок «позитивистской школы» в криминологии, ни в части отнесения к данной школе тех или иных авторов. Изначально термин «позитивизм» был введен в криминологию Э. Ферри, который отмечал, что классическая наука слишком метафизична, неконкретна, не объясняет причин. Потому и возникла «новая школа», сосредоточившаяся на конкретном преступнике, а не на абстрактном понятии преступления, но Ферри признавал и наличие противоречий в антропологических данных⁸.

¹ Кузнецова Н.Ф. Криминология : учебник. М., 2004. С. 24.

² Siegel L.J. Criminology: Theories, Patterns, and Typologies. Boston, 2016. P. 133.

³ Jeffery C. R. Pioneers in criminology // Journal of Criminal Law and Criminology. 1959. Vol. 50. P. 4–5.

⁴ Siegel L.J. Op. cit. P. 134–135.

⁵ Фокс В. Введение в криминологию : пер. с англ. М., 1985. С. 47–48.

⁶ Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2018. С. 98.

⁷ Прокументов Л.М. Криминология (Общая часть). Томск, 2017. С. 39–47.

⁸ Ферри Э. Уголовная социология. М., 2005. С. 21–54.

Позитивизм как общеполитическая концепция тяготеет к сциентизму, в его рамках научными методами надлежало считать только наблюдение, эксперимент и индукцию. Отвергалось влияние социокультурных факторов на науку, приматом стало достижение чистого, простого знания¹, а основой познания должен был стать вопрос «Как?» (описание явления, а не объяснение его причин)². В то время как все криминологи старались ответить на вопрос «Почему?», разобраться в противоречивом механизме человеческого поведения, признавая вероятностный, а не точный характер знания, невозможность механистического описания противоправного поведения. При этом последующее активное применение методов наблюдения и эксперимента является безусловным следствием влияния позитивизма.

Таким образом, введение термина «позитивизм» не совсем объективно и ведет к размыванию самого основания деления криминологии на школы. Предпочтительным кажется признание «позитивистской школы» в криминологии как собственного субъективного наименования антропологической теории Э. Ферри.

Р.А. Семенюк

ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ ПОСРЕДСТВОМ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ

Актуальность данной темы в последние годы объясняется резким ростом преступлений, совершаемых с использованием компьютерных и информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе и посредством мобильной связи. За шесть лет (с 2017 по 2022 г.) на территории России количество IT-преступлений в целом возросло почти в пять раз (на 476,3%) – с 90 587 до 522 065 преступлений³. Одними из

¹ Степин В. С. Философия науки: Общие проблемы. М., 2006. С. 15–22.

² Черникова И.В. Философия и история науки : учеб. пособие. Томск, 2011. С. 116–118.

³ URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%BE_%D0%BA%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%

самых актуальных из них являются мошенничества, совершенные с использованием IT-технологий. В 2022 г. их было зарегистрировано 257 606, а удельный вес в структуре преступности в целом составил 13%.

Практика показывает, что наиболее распространенным средством, с помощью которого совершаются дистанционные мошенничества, является мобильная связь и сделки посредством сети Интернет. Примерно 40–45% мошенничеств совершается посредством мобильной связи.

Анализ статистических данных показал, что мошенничеств, совершаемых посредством мобильной связи, ежегодно на территории России регистрируется более 100 000. А учитывая их высокий уровень латентности, совершается еще больше.

Способов мошенничеств, совершаемых посредством мобильной связи, очень много, и с каждым годом появляются еще более новые методы их совершения. При этом основным криминогенным фактором выступает виктимность жертв дистанционного мошенничества.

Приведем один из примеров. В г. Заринске Алтайского края в декабре 2022 г. девушке поступил звонок от неизвестной женщины, представившейся сотрудницей правоохранительных органов. Незнакомка пояснила, что злоумышленники пытаются оформить кредит на потерпевшую и, чтобы прервать мошеннические операции, необходимо связаться с сотрудником банка. Далее на связь вышел «лжесотрудник» организации, под руководством которого заявительница выполнила все указания. В результате потерпевшая со своих кредитных карт сняла 700 000 руб. Все денежные средства перевела на указанный счет и только после этого поняла, что попала в руки мошенников.

В связи с активизацией дистанционных мошенничеств в последние годы сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации совместно с общественными организациями проводятся различные профилактические мероприятия с гражданами. Это и акции «Антимошенник», разработка и реализация памяток, буклетов «Как не стать жертвой мошенничества», раскрывающих способы их совершения, и другая профилактическая работа, позволившая снизить резкий рост

данных преступлений в 2021–2022 гг. и несколько стабилизировать криминогенную социальную ситуацию в данной сфере.

Сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации напоминают, что категорически нельзя: сообщать цифровой код из СМС-сообщения, сообщать под диктовку позвонивших лиц любые манипуляции со своей банковской картой в банкомате, нельзя скачивать и устанавливать на свой телефон программы по рекомендации незнакомцев¹.

Таким образом, отметим, что основной проблемой профилактики мошенничеств, совершаемых посредством мобильной связи, является высокий уровень виктимности жертв мошенничества, проявляющийся в излишней доверчивости к незнакомцам, неустойчивости к психологическому воздействию со стороны мошенников, а также в информационной компьютерной безграмотности. Это приводит к тому, что лица с высоким уровнем виктимности повторно становятся жертвами дистанционных мошенников.

М.А. Стародубцева

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Укажем, что основным признаком, отграничивающим идеологию терроризма от иных идеологий насилия, выступает цель ее создания и распространения.

Исходя из проанализированных нормативных актов, результатов отечественных и зарубежных исследований предлагается определение идеологии терроризма для целей настоящего исследования².

¹ URL: <https://digital-likbez.datalesson.ru/videos/16/>

² См., напр.: Сергун Е.П. Экстремизм в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 23; Мельников В.Ю. Противодействие преступлениям экстремистской направленности в Российской Федерации // Российский следователь. 2020. № 7. С. 57–61.

Идеология терроризма – система идей, взглядов и представлений, оправдывающая насилие как средство достижения цели подрыва доверия к деятельности органов власти и органов местного самоуправления или государственных, муниципальных и международных организаций.

Предложенное определение в качестве наиболее значимой характеристики идеологии терроризма отмечает цель подрыва доверия к деятельности органов власти и органов местного самоуправления или государственных, муниципальных и международных организаций. Выделение подобной характерной черты теоретически может помочь разработать критерии отнесения тех или иных идейных установок к идеологии терроризма.

Образовательная организация может быть определена как место совершения преступлений террористической направленности с позиции систематического толкования права.

Исходя из проанализированных материалов следственной и судебной практики, можно сделать вывод о том, что наиболее частыми способами распространения идеологии терроризма в образовательных организациях являются:

1) публичное оправдание террористических воззрений и террористических действий обучающимися и преподавателями образовательной организации, совершаемое с использованием сети Интернет, в частности, с использованием социальных сетей («ВКонтакте») и мессенджеров («Telegram», «WhatsApp»);

2) публичное оправдание террористических воззрений и террористических действий обучающимися и преподавателями образовательных организаций, совершаемое посредством распространения агитационных материалов в поддержку идеологии терроризма (в том числе листовок) либо террористической литературы;

3) распространение заведомо ложных сообщений об акте терроризма в образовательных организациях;

4) самововлечение несовершеннолетних в террористическую деятельность под влиянием идей подражания известным террористам;

5) подписка учащихся образовательной организации на интернет-сообщества террористических организаций в социальных сетях и мессенджерах.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

На современном этапе развития нашего общества в России осуществляется четкая и целенаправленная политика, которая имеет своей целью всестороннее и гармоничное развитие нашей страны, обеспечение благополучия и безопасности живущих в государстве людей.

В этой связи с учетом неуклонного развития транспортной инфраструктуры как необходимой составляющей для устойчивого роста экономики страны достаточно остро обозначается проблема безопасности в сфере дорожного движения.

Свидетельством этого выступает постоянный мониторинг дорожно-транспортных преступлений, осуществляемый сотрудниками ГИБДД МВД России и иными государственными структурами.

На основе данных мониторинга 26 декабря 2022 г. в ходе оперативного совещания у Председателя Правительства РФ вице-премьер М. Хуснуллин доложил о том, что количество дорожно-транспортных происшествий (ДТП) за 2022 г. составило 130 тыс., при этом погибло 14 тыс. человек.

В числе основных причин смертности на дорогах были названы выезд на встречную полосу, наезд на пешехода, вождение в состоянии опьянения¹.

С учетом этого важнейшими задачами по улучшению ситуации на дорогах страны являются: расширение строительства многополосных автотранспортных магистралей, позволяющих осуществлять маневрирование без выезда на встречную полосу; оборудование безопасных пешеходных переходов; ужесточение ответственности за вождение в состоянии алкогольного и наркотического опьянения.

Что касается последней задачи, то полагаем считать политику по ее последовательному и целенаправленному осуществлению, без всякого сомнения, целесообразной, так как приведенные ранее показатели по количеству жертв в результате ДТП убедительно свидетельствуют о чрезвычайно высоком уровне общественной опасности вождения в пьяном виде.

¹ Доклад Марата Хуснуллина о повышении безопасности дорожного движения. URL: <http://government.ru/news/47434/> (дата обращения: 20.01.2023).

Думается, что с учетом этого вполне логично криминализировать уже сам факт управления транспортным средством в состоянии опьянения, т.е. признать в уголовном законе такое деяние общественно опасным и объявить его уголовно наказуемым¹ без применения административной преюдиции.

Кроме того, современный период характеризуется тем, что в результате научно-технического прогресса на дорогах страны, улицах и тротуарах появляется все больше самых разнообразных средств передвижения, в результате использования которых серьезно травмируются, вплоть до летального исхода, как пешеходы, так и сами лица, управляющие такими средствами.

Первые шаги по правовому урегулированию этой проблемы уже сделаны с введением в Правила дорожного движения понятия средств индивидуальной мобильности с 1 марта 2023 г., однако это лишь самое начало серьезной и комплексной работы всех заинтересованных государственных органов.

Опыт нашей страны и других развитых стран убедительно доказывает, что именно при таком комплексном и последовательном подходе к решению существующих и возникающих проблем вполне реально можно значительно повысить уровень безопасности граждан, многократно сократив количество погибших и травмированных на дорогах, даже при постоянно возрастающем количестве и техническом разнообразии транспортных средств.

¹ Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 9.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР; ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Ю.А. Андриенко

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Внедрение информационных технологий в каждодневный труд правоприменителей – следователей, прокуроров, судей – кроет в себе значительный потенциал для ускорения судопроизводства, высвобождения ценного времени для работы по тщательному исследованию обстоятельств дела, вынесению законных, обоснованных и мотивированных решений. Причем нельзя не отметить, что для этого не требуется каких-либо кардинальных реформ, существенного пересмотра уголовно-процессуальной формы или радикального изменения модели уголовного судопроизводства.

В этом свете следует сказать, что Верховный Суд РФ гораздо более активно реагирует на веяния времени, осознает необходимость цифровизации судопроизводства и уже на протяжении около 10 лет постоянно внедряет отдельные элементы информационных технологий в работу судов¹.

Так, уже довольно продолжительное время в судах для уведомления участников уголовного судопроизводства используется мобильная телефония (направление СМС-сообщений), активно применяется видео-

¹ Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/files/29675/?ysclid=lpfi0nrado848718144>; Шарифуллин Р.А., Бураганов Р.С., Бикмиев Р.Г. Проблемы и перспективы внедрения информационных технологий в деятельность судебной системы России. URL: <https://urfac.ru/?p=771>

конференц-связь (ВКС), ведется аудиопроколирование судебных заседаний. Для этого разработано и внедрено соответствующее программное обеспечение.

Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев в своих выступлениях также регулярно отмечает важность цифровизации судебного производства, указывая, что это один из наиболее эффективных способов снижения нагрузки на судей и аппарат суда¹.

Начало 2023 г. ознаменовалось внесением ряда изменений в Уголовно-процессуальный кодекс, которые также были инициированы Верховным Судом РФ и касаются расширения возможностей использования ВКС в ходе судебного разбирательства, а также существенной корректировки положений ст. 474.1, регламентирующей порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве. Данные изменения позволяют, в том числе, направлять повестки или уведомления в электронном виде посредством портала «Госуслуги». Однако данные новеллы вновь обошли стороной работу органов предварительного следствия и касаются лишь деятельности суда, прокуратуры и учреждений уголовно-исполнительной системы.

Таким образом, приходится констатировать удивительный консерватизм законодателя в плане облегчения крайне непростого труда следователей хотя бы за счет внедрения цифровых технологий в отдельные аспекты их деятельности. Единственным соответствующим изменением стало появление в 2021 г. возможности применения ВКС при производстве отдельных следственных действий, однако в настоящее время продвижение данной технологии на практике идет довольно сложно.

Полагаем, что на сегодняшний день существенно упростить деятельность следователя могло бы наделение такими возможностями, как уведомление участников уголовного судопроизводства посредством электронной почты, мобильной телефонии, направление им документов в электронном виде с их подписанием цифровой подписью. Также представляется необходимым значительное расширение электронного документооборота, например, за счет разработки процедуры обращения следователей в суд с ходатайствами о производстве тех или иных процессуальных действий посредством направления материалов

¹ Новые технологии снизят нагрузку на судей. URL: <https://www.vesti.ru/hitech/article/3067577> (дата обращения: 03.01.2023).

в виде электронных образов, а также предоставления материалов для производства судебных экспертиз и получения заключений экспертов в электронном виде.

А.М. Баранов

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС – СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

1. Периоды судебной реформы. Прежде чем озвучить стратегические направления развития современного уголовного процесса, несколько слов о предыдущих реформах уголовного судопроизводства.

Первое, на что обратим внимание, – сроки между реформами и социальные условия на момент начала предыдущих судебных реформ за последние полтора столетия. Наверное, ученые, занимающиеся историей российского государства и права, смогут выделить реформы и более раннего периода. Мы же, руководствуясь интересами науки уголовного процесса, отталкиваемся от Устава уголовного судопроизводства 1864 г.

Между судебной реформой Александра II 1864 г. и реформой советского государства 1917–1924 гг. прошло около 60 лет. До реформы 1960-х гг. – около 40 лет. Последняя реформа 1991 г. началась через 30 лет. И сегодня после реформы 1991 г. прошло 30 лет. С точки зрения временных сроков мы на пороге новой судебной реформы.

Все названные выше судебные реформы проходили одновременно с иными социальными реформами общества. Можно согласиться с точкой зрения о том, что в современном российском обществе назрели перемены в различных общественных отношениях, но перемен уровня реформ – нет. Еще одно, несколько грустное наблюдение: все названные судебные (социальные) реформы происходили после участия России в войне¹.

¹ На это обстоятельство мною было указано год назад на конференции «Правовые проблемы укрепления российской государственности» (Юридический институт ТГУ, г. Томск, 27–29 января 2022 г.). См.: Баранов А.М. Судебной реформе 30 лет! Время для новой? // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей / ред. О.И. Андреева, А.С. Князьков, Н.В. Ольховик, Л.М. Прокументов, М.К. Свиридов, В.А. Уткин. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2022. Ч. 92. С. 170–173.

2. Предпосылки реформы. В УПК РФ за двадцать лет с момента его принятия были внесены изменения 116 федеральными законами и 37 решениями Конституционного Суда. За 2022 г. было принято 22 закона, изменивших УПК РФ. Современное содержание УПК РФ существенно отличается от закона, принятого в 2001 г., и не всегда в лучшую сторону. При системном анализе УПК РФ обнаруживаем его нелогичность, смешение противоречащих правовых доктрин.

К сожалению, приходится констатировать, что для новой судебной реформы нет концепции современного уголовного процесса. Научной общественностью обсуждаются либо отдельные институты, либо этапы уголовного судопроизводства. На доктринальном уровне предложения сводятся к продолжению политики внедрения состязательного процесса англосаксонской модели либо к возрождению «советского» процесса с учетом современного понимания прав и свобод личности.

3. Ошибки и заблуждения Судебной реформы 1991 г.¹

Ошибка первая. Закрепление в ст. 10 Конституции РФ разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную.

В нормы Основного закона была положена доминирующая в США и Европе доктрина разделения власти в государстве. Учение о разделении и взаимном сдерживании всех ветвей государственной власти – исполнительной, законодательной и судебной – было разработано в XVIII в. французским правоведом и просветителем Ш. Монтескье². И с XX в. стало признаваться как единственно возможное разделение власти для «цивилизованного демократического государства». В философии и общей теории права известны и другие концепции разделения власти. В противовес теории Ш. Монтескье одним из величайших фи-

¹ Да, именно ошибки и заблуждения. Сегодня, по прошествии значительного времени, обладая опытом и знаниями о свершившемся, легко и просто критиковать идеи и законодательство, которое было принято старшим поколением. Хочется верить, что ученые и политики, определявшие концепцию и содержание судебной и правовой реформ в период с 1991 г. вплоть до принятия в 2001 г. УПК РФ, искренне верили в создаваемое право. Им было трудно, даже невозможно предугадать, как будут развиваться правоотношения. И все же... Ошибки и заблуждения.

² Подробнее см.: Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1955. С. 289–317 и др.

лософов человечества Г.В.Ф. Гегелем было предложено деление государственной власти на княжескую, правительственную и законодательную¹.

В ст. 11 Конституции РФ указаны уже четыре субъекта государственной власти. К законодательной, исполнительной и судебной добавлен Президент. Оценивая сегодня существующие правоотношения в Российской Федерации, вряд ли у кого-нибудь возникнут сомнения в существовании четырех ветвей власти. А возможно кто-то согласится с великим философом Гегелем, что суд – власть исполнительная. Для нас в этом наблюдении важен вывод о том, что не стоило в ст. 10 Основного закона государства закладывать одну из многих правовых доктрин разделения государственной власти.

Ошибка вторая. В стремлении построения «демократического и правового» государства была заимствована концепция «социального правового государства» германского юриста Ф. Гизе, сущность которой заключается в достижении трех идей – разделения властей, обеспечения основных прав граждан, существования конституционной юстиции². В той или иной степени положения данной доктрины до сих пор реализуются в построении и управлении государственных органов России.

Теория «социального правового государства» в практическом применении права не нашла подтверждения. Особенно ярко в странах Западной Европы и Америке это проявлялось в сфере уголовного судопроизводства. Понадобилось возникновение новой теории. Для преодоления конфликта между соблюдением должной правовой процедуры в целях обеспечения гарантии прав граждан, с одной стороны, и борьбы с возрастающей преступностью – с другой, для обеспечения порядка в государстве Г. Пэккер провозглашает доктрину контроля над

¹ См.: Гегель Г.В.Ф. Сочинения : в 14 т. М. ; Л., 1929–1958. Т. 7. С. 293–294, 295, 300; Представитель юридической науки Древнего Рима М.Т. Цицерон также считал наилучшим государственное устройство, составленное из трех видов власти, но в состав включал «царскую (консулов), власть оптиматов (сената) и народную (народных собрания)». Об этом см.: Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений : пособие для вузов, юридических и гуманитарных факультетов. М. : Приор, 2000. С. 78.

² См.: Giese F. Staatsrecht Grundlagen. Wiesbaden. S. 188. См.: Ковалев В.А. Кризис законности в современном буржуазном уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1986. С. 71–72.

преступностью¹. Доктрина контроля над преступностью построена на примате интересов государства. Согласно указанной теории, из уголовного судопроизводства должны быть исключены все формализмы, мешающие борьбе с преступностью.

Ошибка третья. Какой должна быть степень участия / контроля государства за теми или иными сферами деятельности? В СССР все сферы деятельности находились под контролем государства. После образования Российской Федерации и отказа от социалистической системы был взят курс на «ограничение роли государства» во всех сферах деятельности, в том числе и в уголовном судопроизводстве.

Руководитель рабочей группы по подготовке нового УПК РФ профессор Е.Б. Мизулина в максимально возможной степени реализовала идею «ограничения государства»². Об этом она провозгласила на конференции, посвященной принятию УПК РФ, состоявшейся в 2002 г. в МГЮА им. Кутафина. Было заявлено, что «следователю с прокурором теперь придется повертеться, чтобы доказать виновность обвиняемого». Какие результаты за XX лет? Изменения в УПК уже стали обыденностью. Следственный аппарат в стране практически уничтожен, и большие кадровые проблемы в органах прокуратуры. Министр внутренних дел В. Колокольцев, выступая в Государственной Думе, сообщил что некомплект в следственных подразделениях составляет 20%, а на Дальнем Востоке 30%³. При этом учитываются сотрудники, находящиеся в отпуске по уходу за детьми до 3 лет, и сотрудники, принятые за счет должности следователя. Фактический некомплект в следственных подразделениях около 50%.

4. Что делать. В последние десять–пятнадцать лет практически во всех сферах государственного управления наблюдается усиление контролирующей роли государства. Это и налоговая, финансовая, банковская деятельность, здравоохранение, образование и многое другое. Это явление происходит во всех странах мира. По всей видимости, это объективный процесс современного развития общественных отношений.

¹ См.: Packer H. The Limits of Criminal Sanctions. N.Y., 1968.

² См.: Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: Концепция самоограничения государства : дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 1991.

³ См.: МВД просит Госдуму помочь в решении вопроса дефицита кадров. URL: <https://dumatv.ru/news/mvd-prosit-gosdumu-pomoch-v-reshenii-voprosa-defitsita-kadrov>. Колокольцев посетовал на кадровый дефицит в 90 тысяч человек в МВД. URL: <https://gia.ru/20221116/mvd-1831926029.html> (дата обращения: 23.01.2023).

Возложение обязанности производства расследования о преступлениях в этих сферах на Министерство внутренних дел не самое лучшее решение. Назрела необходимость расширения круга органов дознания за счет предоставления права расследования более широкому кругу государственных органов.

Расширение круга органов дознания неизбежно повлечет необходимость возвращения прокуратуре широкого круга полномочий по реализации функции обвинения. А именно, права начала уголовного преследования, выдвижения, поддержания и отказа от обвинения.

В организации и деятельности судов районного суда необходимо возвращаться к выборности судей. Следует отказаться от не оправдавших себя институтов мировых судей и суда присяжных. Для привлечения общественности к отправлению правосудия – восстановить суд шэффенов. Есть разные процедуры проведения выборов судей и заседателей. В современных условиях наилучшим нам представляется порядок избрания путем голосования выборщиков. В качестве выборщиков должны выступать лица, имеющие юридическое образование и специальный стаж работы.

А.В. Боярская

ПЕРЕХОДНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В УПРОЩЕННЫХ ПРОИЗВОДСТВАХ: ПРОБЛЕМЫ УНИФИКАЦИИ

Предметом рассмотрения в данной статье выступают переходные конструкции, характерные для упрощенных уголовно-процессуальных процедур, таких как особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, особый порядок судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и сокращенное дознание.

Начиная рассуждение, раскроем базовые понятия, положенные в его основу.

Под переходными конструкциями понимается относительно самостоятельный специализированный комплекс уголовно-процессуальных форм и соответствующих им процессуальных решений, опосреду-

ющих переход от общего порядка производства по делу к дифференцированному и, в определенных случаях, обратно или к иной дифференцированной процедуре.

Необходимость их выделения и самостоятельного рассмотрения обусловливается характерными для системы уголовно-процессуальных форм свойствами последовательности и многовариантности.

Недооценка свойства многовариантности, присущего уголовно-процессуальной форме, порождает проблему комбинаторики (сочетания) отдельных элементов системы уголовно-процессуальных форм. Осуществляемые в общем порядке и дифференцированные уголовно-процессуальные производства, их досудебная и судебная части могут образовывать различные комбинации за счет связывающих их переходных конструкций¹.

Сформулируем тезис, что в силу общности правовой природы процедур, предусмотренных гл. 40, 40.1 и 32.1 УПК РФ, сходные признаки должны усматриваться и в переходных конструкциях, опосредующих здесь изменение характеристик процессуальной формы, особенно в части перехода к специфическому варианту судебного производства.

Говоря об унификации переходных конструкций, возможных общих требований к ним, обозначим следующие положения:

1. Полагаем, что каждому дифференцированному досудебному или судебному производству должна быть свойственна своя, четко сформулированная в уголовно-процессуальном законе переходная конструкция, что объясняется возможной разнонаправленностью изменения уголовно-процессуальной формы на досудебном и судебном этапах, допустимой даже в рамках одного уголовно-процессуального производства.

2. В каждом случае перехода к дифференцированному производству, если речь идет о применении процедур, стимулируемых смягчением наказания, инициатива должна исходить от подозреваемого / обвиняемого. Выбор наиболее экономичной для государства формы производства по уголовному делу в данном случае может рассматриваться как специфический вариант позитивного посткриминального поведения.

¹ Азаров В.А., Боярская А.В. Уголовно-процессуальная форма: понятие, свойства, система // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 37. С. 14–15.

3. Обратный переход от дифференцированного к общему порядку производства по уголовному делу должен быть ограничен определенными временными рамками. Как правило, в идеале здесь не должно происходить возвращения назад на одну или несколько стадий уголовного судопроизводства.

4. Переходные конструкции, свойственные упрощенным процедурам, должны содержать общие черты. Однако это не исключает возможность наличия у них особенностей, определяемых спецификой конкретного производства.

О.В. Воронин

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО НАДЗОРА ПРОКУРАТУРЫ

Правовые средства пенитенциарного надзора прокуратуры аналогичны правовым средствам прокурорского надзора и применительно к сфере принудительной изоляции от общества закрепляются как в Законе РФ «О прокуратуре Российской Федерации»¹ (далее – Закон о прокуратуре), так и ином специальном законодательстве. В этой связи правовое регулирование реализации правовых средств пенитенциарного надзора происходит на базовом – «общенадзорном» и специальном – отраслевом уровнях: ст. 33 и 34 Закона о прокуратуре отдельно закрепляют специальные правовые средства или же раскрывают специфику реализации общих полномочий прокурора при осуществлении надзора за законностью принудительной изоляции.

Основная специфика реализации правовых средств пенитенциарного надзора прокурора заключается в его инициативном характере и наличии у прокурора властно-распорядительных полномочий.

Представляется, что для повышения эффективности реализации правовых средств пенитенциарного надзора необходимо:

¹ Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 20 февраля 1992. № 8. Ст. 366.

– перевести отдельные приемы реализации правовых средств в разряд полномочий путем закрепления их в специальных положениях Закона о прокуратуре, регулирующих надзор за законностью принудительной изоляции (например, личный прием прокурором лиц, отбывающих принудительную изоляцию);

– придать отдельным общим полномочиям, используемым в ходе осуществления пенитенциарного надзора, характер специальных путем дублирования их в ст. 33 Закона о прокуратуре с учетом специфики надзора (проведение прокурорских проверок, рассмотрение и разрешение обращений и др.);

– уточнить в Законе о прокуратуре содержание отдельных специальных полномочий (требования прокурора и др.);

– оптимизировать формы и приемы реализации отдельных специальных правовых средств на уровне директив Генпрокуратуры России (проведение опроса лиц, прокурорских проверок, рассмотрение и разрешение обращений, истребование актов поднадзорных лиц и др.);

– устранить в уголовно-исполнительном законодательстве устаревшие положения, регулирующие осуществление прокурорского надзора (ст. 186 УИК РФ, санкционирование и дача согласия на совершение отдельных действий);

– предоставить прокурору право возбуждать дисциплинарные производства в отношении должностных лиц и сотрудников, осуществляющих обязанности по исполнению принудительной изоляции, при проведении прокурорского надзора;

– предоставить прокурору исключительное право возбуждения уголовных дел как по фактам совершения преступлений в местах принудительной изоляции, так и в отношении любых субъектов (сотрудников, должностных лиц, осужденных, заключенных и т.п.), находящихся в указанных местах в силу решения судов или по служебной необходимости и совершивших преступления.

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОПОЗНАНИЯ ЛИЦА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМЫ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

Предъявление лица для опознания является весьма востребованным в практической деятельности следственным действием, поскольку обладает эффективным идентификационным свойством. Возможность использования при этом системы видеоконференц-связи (далее – ВКС) придает ему определенную специфичность, порождает немало вопросов у правоприменителей, поэтому, учитывая единичную возможность его проведения, не пользуется популярностью у следователей и дознавателей¹.

Обеспечение права на защиту любому лицу на всех стадиях уголовного процесса является одним из принципов уголовного судопроизводства (ст. 16 УПК РФ). Его соблюдение является обязанностью государства и необходимым условием объективного разбирательства по уголовному делу. Одним из способов реализации этого права является возможность пользоваться помощью защитника.

Нормы ст. 51, 189.1, 193 УПК РФ не содержат предписаний об обязательном участии адвоката-защитника при производстве указанного следственного действия. Тем не менее зачастую практика складывается таким образом, что предъявление лица для опознания производится в присутствии адвоката, как правило, защищающего интересы опознаваемого лица независимо от наличия у него процессуального статуса.

Одним из вопросов, требующих определенного осмысления, является место расположения защитника во время производства рассматриваемого следственного действия, поскольку законодатель в этой части исключил императивные положения, позволив правоприменителю самостоятельно ориентироваться в зависимости от сложившейся ситуации.

¹ Рыжаков А.П. Допустимые пределы использования систем видеоконференц-связи на стадии предварительного расследования. Комментарий к Федеральному закону от 30 декабря 2021 года № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». 2022.

Рассмотрим несколько вариантов. Первый, когда защитник находится по месту производства предварительного расследования, не совпадающего с местом нахождения опознаваемого. В этом случае, защитник имеет возможность наблюдать за процедурой опознания, действиями опознающего, порядком фиксирования хода и результатов следственного действия, в то же время не имеет возможности непосредственного контакта с подзащитным. Второй вариант, когда защитник находится по месту пребывания опознаваемого. В этом случае ситуация складывается с точностью до наоборот: адвокат имеет возможность в конфиденциальной обстановке пообщаться с подзащитным, при этом остальные процедуры остаются вне пределов его наблюдения. В таком случае усматривается тождественный характер между опознанием с использованием систем ВКС и опознанием в условиях, исключающих визуальный контакт между опознаваемым и опознающим. В этом случае позиция законодателя относительно места нахождения защитника, в отличие от понятых, также не определена.

Наряду с этим Конституционный Суд Российской Федерации вполне ясно сформулировал и неоднократно опирался в своих решениях на позицию о том, что «обеспечение права на помощь адвоката (защитника) не может быть распространено на случаи проведения следственных действий, не связанных с дачей лицом показаний»¹. Также не стоит забывать, что за ходом и фиксированием результатов опознания наблюдают обязательные его участники – понятые, а материальным его выражением будут являться протокол и видеозапись.

Таким образом, местонахождение адвоката-защитника при производстве опознания с использованием систем ВКС определяется лицом, в производстве которого находится уголовное дело, исходя из потребностей защищаемого лица, обеспечения соблюдения принципов уголовного судопроизводства, рациональности и разумности.

¹ См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 № 1958-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бирюкова Александра Борисовича на нарушение его конституционных прав статьями 90 и 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА, ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ЗАЛОГА

Порядок избрания и применения мер пресечения носит исключительно уголовно-процессуальный характер. В современной системе мер пресечения наряду с используемыми понятиями, устанавливающими уголовно-процессуальную форму единой деятельности субъектов уголовного-процесса, возникают правоотношения, выходящие за рамки предложенной формы.

Предложенная форма, установленная уголовно-процессуальным законом, требует неукоснительного соблюдения норм не только процессуального, но и материального права. Список мер пресечения имеет исчерпывающий перечень с четко определенным порядком избрания и применения. Несоблюдение установленной формы влечет нарушение порядка применения мер государственного принуждения, а усмотрение должностных лиц противоречит принципу правовой определенности. Решение о выборе меры пресечения оформляется органами предварительного расследования в виде ходатайства об избрании меры пресечения, основываясь на совокупности различных обстоятельств, личности подозреваемого, обвиняемого, сложности дела, тяжести совершенного преступления и т.д. Этапом избрания являются процессуальные действия уполномоченного лица, направленные на рассмотрение в установленном порядке ходатайства об избрании выбранной меры пресечения и принятие соответствующего судебного акта. Между тем отсутствует реальный контроль за действиями уполномоченных должностных лиц.

Анализ нормативно-правового регулирования позволяет определить основные направления совершенствования механизмов реализации государственного принуждения сотрудниками УИИ. Дополнить гл. 8 УПК РФ ст. 60.1 «Контролирующий орган» и наделить его отдельными полномочиями при исполнении мер пресечения, предусмотренных ст. 105.1, 106, 107 УПК РФ: задавать вопросы участникам следственного действия с разрешения дознавателя, следователя и суда; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя,

начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права в рамках исполнения мер пресечения; ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для организации порядка исполнения мер пресечения; по согласованию с органом, в чьем производстве находится уголовное дело, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, необходимых для контроля за запретами, предусмотренными ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

О.В. Гладышева

МЕЖСТАДИЙНЫЕ ПРОСТРАНСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Уголовное судопроизводство строится путем объединения в систему нескольких его этапов, каждый из которых обладает совокупностью собственных уникальных характеристик, раскрывающих их цель и задачи. Помимо этого, специфическими выступают круг и процессуальный статус участников, содержание и совокупность процессуальных действий, допускаемых или прямо разрешенных к производству в каждом из этапов.

Вместе с тем в структуре уголовного судопроизводства имеются этапы, которые не признаются стадиями, выходят за их пределы. Для примера отметим такие этапы в сфере досудебного производства: отказ в принятии сообщения о преступлении влечет право на обжалование (ч. 5 ст. 144 УПК РФ); отказ в возбуждении уголовного дела и его последствия в виде уголовно-процессуальной деятельности по обжалованию, проверке, рассмотрению и разрешению жалобы, принятие процессуального решения уполномоченными лицом (ст. 123–125, 145 УПК РФ); прекращение уголовного дела или уголовного преследования (ст. 213 УПК РФ) с соответствующими полномочиями по обжалованию для заинтересованных лиц и их реализацией; направление уголовного дела прокурору по завершении предварительного расследования (гл. 31 УПК РФ).

Отметим существенную деталь: во всех этих случаях деятельность осуществляется посредством уголовно-процессуальных отношений, хотя формально, исходя из существующего законодательного регулирования, судопроизводство либо завершено, либо завершена одна из его стадий и осуществляется переход в следующую стадию. Например, прямое указание ч. 2 ст. 162 УПК РФ о том, что стадия предварительного расследования в форме предварительного следствия продолжается от момента возбуждения уголовного дела до дня направления уголовного дела прокурору для утверждения последним обвинительного заключения. Соответственно, можно заключить, что деятельность прокурора не охватывается рамками стадии предварительного расследования.

В теории уголовного процесса в отношении таких этапов имеется несколько определений: «буферные» производства¹, «межстадийный»².

Понятие «межстадийный» используется в разных контекстах. Так, есть позиция, в соответствии с которой приостановление в уголовном судопроизводстве относят к межстадийным уголовно-процессуальным институтам³. Однако в этом случае понятие «межстадийный» говорит о распространении института на несколько стадий. Соответственно, смысл изменяется и можно говорить о наличии вопросов к терминологии.

В данном исследовании мы обратимся к межстадийному производству в смысле его «буферного» размещения – между стадиями. О такого рода производствах и проблемах, сопряженных с их реализацией,

¹ Климова Я.А. Трансформация полномочий прокурора на завершающих этапах досудебного производства : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2016. С. 34–39; Зайцева Е.А., Климова Я.А. Полномочия прокурора на завершающих этапах досудебного производства по уголовным делам. Волгоград : ВА МВД России, 2018. 227 с.

² Зайцева Е.А. Актуальные проблемы института приостановления производства по уголовному делу // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 4 (16). С. 146.

³ Якубина Ю.П., Хромова Е.П. Приостановление производства в уголовном процессе // Актуальные проблемы судебной, правозащитной, правоохранительной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2022. Ч. 2. С. 346–351.

пишет, в частности, М.Т. Аширбекова: «Возбуждение судьей надзорного производства – деятельность процессуальная, которая тем не менее в собственном смысле судебным производством не является»¹.

Особенно актуализирован вопрос о формировании в качестве самостоятельной стадии деятельности прокурора по окончании предварительного расследования. По мнению Н.П. Подольной, должна существовать стадия «прокурорской проверки», суть которой сводится к проверке уполномоченным прокурором законности и обоснованности предварительного расследования по уголовному делу². Эту идею поддержал В.С. Зеленецкий, который увидел возможность выделения стадии возбуждения государственного обвинения³. С тех пор эта идея постепенно развивается, а в современной науке у нее есть сторонники⁴.

Наличие многочисленных авторских позиций о межстадийных пространствах, их теоретическая, а подчас и правовая неопределенность в их содержании, проблемы практической деятельности обуславливают необходимость научного исследования этого современного уголовно-процессуального феномена. Как представляется, важным аспектом таких исследований выступает разрешение проблемы признания за межстадийными пространствами значения стадий. По мнению Н.Н. Ковтуна, «следует не вуалировать реальные суть и значение деятельности, реализуемой по нормам главы 31 УПК РФ, а официально признать, что это самостоятельная, значимая, полноценная стадия уголовного судопроизводства России»⁵.

Наша позиция несколько иная. Межстадийные пространства следует признать объективно существующими. Однако они представляют

¹ Аширбекова М.Т. Принцип публичности в судебном производстве по уголовным делам. Волгоград : ВолГУ, 2008. С. 199.

² Подольная Н.П. Деятельность прокурора по делам с обвинительным заключением : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1975. С. 5–8.

³ Зеленецкий В.С. Возбуждение государственного обвинения в советском уголовном процессе. Харьков, 1979. С. С. 23.

⁴ См., напр.: Королев А.А. Возбуждение государственного обвинения как стадия уголовного судопроизводства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 158–161; Овчинникова Е.А. Компетенция и полномочия суда (судьи) в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2020. 33 с.

⁵ Ковтун Н.Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 135.

собой самостоятельные элементы уголовного судопроизводства. Оформлять же их как стадии представляется нецелесообразным.

М.В. Давыдовская

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК ОБЩЕЕ ПРАВИЛО ИХ ПРОИЗВОДСТВА

Конституция Российской Федерации (далее – Конституция) определяет права и свободы человека как высшую ценность, возлагая на государство обязанность по их признанию, соблюдению и защите (ст. 2 Конституции). Указанные конституционные положения определяют и содержание ряда норм действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК). Уголовное судопроизводство, являясь видом деятельности, в котором публичные и частные интересы должны находиться в разумном балансе, предполагает обязанность должностных лиц, его осуществляющих, обеспечивать интересы не только государства и общества, но и конкретных участников судопроизводства.

Одним из основных способов собирания доказательств в уголовном процессе являются следственные действия (ч. 1 ст. 86 УПК). Несмотря на отсутствие в УПК их определения¹, термин «следственные действия» неоднократно употребляется в тексте УПК. Мало того, в ст. 164 УПК предусмотрены общие правила производства следственных действий.

Действуя в векторе, заданном принципом охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК), законодатель в ч. 5 ст. 164 УПК предусмотрел обязанность следователя (дознателя) разъяснять участникам уголовного судопроизводства их права. Однако круг этих участников ограничен лишь теми, которые указаны в гл. 6–8 УПК. В литературе верно отмечено, что данное правило служит преодолению правовой безграмотности привлекаемых

¹ Победкин А.В., Яшин В.Н. Следственные действия. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 3.

для производства следственных действий участников, обеспечивает реализацию предоставленных им правовых гарантий¹.

Очевидно, что в разъяснении прав при производстве следственных действий нуждаются не только участники, статус которых установлен гл. 6–8 УПК (яркий пример – производство следственных действий в ходе проверки сообщения о преступлении). Еще в 1972 г. Э.Ф. Куцова отмечала, что важным и значимым является соблюдение прав и законных интересов всех граждан независимо от их процессуального статуса в уголовном судопроизводстве². В связи с этим указание в законе на разъяснение прав лишь отдельным участникам следственных действий (ч. 5 ст. 164 УПК) ставит иных участников в ущербное положение.

В.Ю. Стельмах, пытаясь найти решение проблемы, указывает, что соблюдение прав конкретных лиц возможно путем предоставления уголовно-процессуальным законом прав и установления обязанностей участников не уголовного судопроизводства в целом, а отдельных следственных действий³. Действительно, права, обязанности участника следственного действия, которые для данного действия индивидуальны, должны и регламентироваться индивидуально в статье, посвященной следственному действию. Вместе с тем ряд прав участников является общим для всех следственных действий. В этой связи в целях повышения уровня обеспечения прав и законных интересов участников следственных действий не следует игнорировать и потенциал общих правил их производства, в связи с чем полагаем, что регламентация прав должна быть основана не только исходя из процессуального статуса участника, определенного гл. 6–8 УПК, а конкретизирована общими правами производства следственных действий для всех привлекаемых участников.

¹ Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М. : Норма, 2021. С. 203.

² Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 7.

³ Стельмах В.Ю. Система средств доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы теории, нормативного регулирования и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021. С. 143.

ПРОИЗВОДСТВО В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

В законодательстве для обозначения формы уголовного судопроизводства, в которой реализуется конституционное право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, использованы два термина: «суд присяжных» и «суд с участием присяжных заседателей». Соответственно, возникает необходимость исследовать соотношение этих терминов.

Впервые термин «суд присяжных» законодательно был применен в Основых законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве 1989 г.¹, а 16 июля 1993 г. внесен в УПК РСФСР². Термин «суд с участием присяжных заседателей» закреплен в Конституции РСФСР (в ред. от 1 ноября 1991 г.)³ и Конституции РФ 1993 г. Положения Конституции имеют особое значение для терминологического обозначения новой формы уголовного судопроизводства. В УПК РФ 2001 г. в качестве базового применяется термин «суд с участием присяжных заседателей» (гл. 42 разд. XII). Однако в УПК РФ наряду с этим термином используются и словосочетания, которые применяются к различным этапам судебного производства и, соответственно, различаются по уголовно-процессуальному содержанию: предварительное слушание в суде с участием присяжных заседателей – ч. 1 ст. 325; подготовительная часть судебного заседания с участием присяжных заседателей – ч. 1 ст. 327; судебное следствие в суде с участием присяжных

¹ Основы законодательства СССР и союзных республик о судостроительстве от 13 ноября 1989 года // Ведомости съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 23. Ст. 441.

² Закон Российской Федерации от 16 июля 1993 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судостроительстве РСФСР”, УПК РСФСР, УК РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 33. Ст. 1313.

³ Закон РСФСР от 1 ноября 1991 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 45. Ст. 1497.

заседателей – название ст. 335, ч. 1 ст. 335; разбирательство уголовного дела судом с участием присяжных заседателей – ст. 350, ч. 1 ст. 352.

Сравнительный анализ названных терминов необходимо проводить на основе положений общей теории права о юридической терминологии: о требованиях единства и точного использования юридических терминов; о классификации юридических терминов на общеупотребляемые и специальные юридические.

Анализ нормативных и теоретических положений позволяет сделать следующие выводы: 1) Термины «суд присяжных» и «суд с участием присяжных заседателей» можно использовать как равнозначные с учетом контекста рассматриваемого вопроса. 2) Термин «суд присяжных» как общеупотребляемый и общепризнанный термин целесообразно использовать в исторических, социологических, психологических, философских, судеустройственных исследованиях и текстах. 3) Термин «суд с участием присяжных заседателей» как специальный юридический термин целесообразно использовать в уголовно-процессуальных исследованиях и текстах.

Считаем, что терминологически более точно форму уголовного судопроизводства, в которой реализуется конституционное право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, обозначает словосочетание «производство по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей» (название гл. 42 УПК РФ).

А.Л. Ермакова

СРОКИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Актуальность настоящей статьи определяется тем, что уголовно-процессуальное законодательство, регулирующее сроки применения мер пресечения, не является оптимальным и внутренне сбалансированным. Как следствие, оно не отвечает ожиданиям правоприменителей и

не в полной мере обеспечивает права и законные интересы граждан, вовлекаемых в уголовное судопроизводство.

Широкая практика продления сроков мер пресечения провоцирует не только вопрос о недостаточно требовательном подходе судей к основаниям принятия решения о продлении, но и, собственно, об оптимальности первоначальных сроков применения мер пресечения и потенциале их изменения в сторону увеличения. Необходимо учитывать, что, с одной стороны, сроки применения мер пресечения должны являться должной гарантией права подозреваемого и обвиняемого на защиту, но, с другой – они не должны создавать необоснованных бюрократических препятствий для правоприменителей. Данные вопросы являются предметом широкой научной дискуссии¹.

Еще одним проблемным вопросом является исчисление меры пресечения в виде заключения под стражу, так как в УПК РФ отсутствует верхний предел как содержания под стражей подсудимых на стадии судебного производства по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, так и общей продолжительности судебного разбирательства.

Открытым остается вопрос о корреляции норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства по правильному зачету предусмотренных в законе сроков, так как в настоящее время в законодательстве отсутствует прямая норма о зачете срока запрета определенных действий (если запрет касается выхода за пределы жилого помещения) в срок наказания.

Определенные проблемы имеются и на стадии возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ. Можно ли использовать оставшийся срок меры пресечения, который был назначен еще в стадии предварительного расследования следователем, или суду необходимо самостоятельно его продлевать – данный вопрос до сих пор остается неразрешенным.

¹ Например: Смирнова О.В., Янин М.Г. Пробелы применения меры пресечения в виде домашнего ареста в уголовном судопроизводстве // Вестник экономики, управления и права. 2020. № 2. С. 45–52; Баландин А. Проблемы применения запрета определенных действий. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/problemy-primeneniya-zapreta-opredelennykh-deystviy/?ysclid=lpnienxxx679219761>

Имеются пробелы, касающиеся сроков применения мер пресечения в уголовно-исполнительном судопроизводстве¹. Так, в п. 18 ч. 1 ст. 397 УПК РФ указывается, что к осужденному, скрывшемуся в целях уклонения от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы и т.д. может применяться мера пресечения в виде заключения под стражу на срок не более 30 суток. Однако законодатель не дает разъяснений, какой орган в случае необходимости продлевает данный срок и в каких пропорциях производить зачет заключения под стражу в наказание, не связанное с лишением свободы. В данном случае встает вопрос о соразмерности меры пресечения назначенному наказанию.

Стоит также отметить, что по отношению к иным мерам пресечения, не связанным с изоляцией от общества (подписке о невыезде, личному поручительству, наблюдению командования воинской части, присмотру за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, а также запретам, предусмотренным п. 2–6 ст. 105.1 УПК РФ) законодателем не предусмотрено конкретного срока исчисления и правил продления, не установлен предельный срок применения.

Таким образом, учитывая вышесказанное, целесообразно провести углубленное исследование вопросов, касающихся разумных сроков применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве для выработки предложений, направленных на совершенствование законодательства и правоприменительной практики.

Н.Б. Жаксылыкова

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СОГЛАШЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Глава государства в своем Послании народу Казахстана от 1 сентября 2022 г. «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество» поручил провести ревизию Уголовного и Уголовно-

¹ Например: Бунин О.Ю. О несправедливости в регламентации срока содержания под стражей в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве // Право и практика. 2017. № 4. С. 48–51.

процессуального кодекса с исключением неработающих либо препятствующих качеству правосудия норм. Также, он отметил, что недопустимо, чтобы законы менялись в угоду сиюминутной конъюнктуре или узким корпоративным интересам¹.

Одной из таких «неработающих» норм является заключение процессуального соглашения.

Согласно ч. 1 ст. 615 УПК Республики Казахстан, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый вправе заявить ходатайство о заключении процессуального соглашения в форме сделки о признании вины в любой момент производства по уголовному делу до удаления суда в совещательную комнату².

Согласно нормативному постановлению Верховного суда Республики Казахстан от 7 июля 2016 г. № 4 «О практике рассмотрения судами уголовных дел в согласительном производстве», основной целью заключения процессуального соглашения в форме сделки о признании вины является быстрое и полное раскрытие, расследование преступлений и оперативное выполнение иных предусмотренных ст. 8 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан задач уголовного процесса путем ускоренного досудебного производства и осуществления судебного разбирательства дела в сокращенном порядке в соответствии с условиями заключенного соглашения при строгом соблюдении принципов законности, судебной защиты прав и свобод человека и гражданина, презумпции невиновности и других основных начал уголовного процесса³.

То есть сам факт того, что лицо, совершившее уголовное правонарушение, имеет право заявлять ходатайство о заключении процессуального соглашения до того времени, как судья удалится в совещательную комнату, противоречит основной цели сделки.

Мы считаем, что если подозреваемое лицо на стадии уголовного преследования никак не содействовало органу, ведущему досудебное

¹ Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана. URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-181130>

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K140000231#z4279>

³ О практике рассмотрения судами уголовных дел в согласительном производстве. Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 7 июля 2016 года № 4. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P160000004S>

расследование, все следственные действия проведены и вина его полностью доказана следственным путем, то необходимость заключения с ним процессуального соглашения отпадает.

Мы считаем, что необходимо в вопросе процессуального соглашения применить опыт стран ближнего зарубежья, таких как Российская Федерация, Республика Беларусь, Республики Узбекистан. В уголовно-процессуальных кодексах вышеуказанных стран четко отражено, что виновное лицо имеет право подать ходатайство о заключении процессуального соглашения только до того времени, когда ему объявят об окончании предварительного расследования.

Так, ч. 1 ст. 615 УПК Республики Казахстан необходимо изменить на следующую редакцию: «Подозреваемый вправе заявить ходатайство о заключении процессуального соглашения в форме сделки о признании вины с момента регистрации преступления в ЕРДР до окончания досудебного расследования».

В.А. Задорожная

ПРЕОДОЛЕНИЕ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Цифровизация уголовного судопроизводства в перспективе предполагает формирование электронных уголовных дел¹ с подачей в электронном виде заявлений о преступлении, ходатайств, жалоб; доступ граждан через цифровые платформы и сервисы к процессуальным документам и материалам, отслеживание движения уголовного дела; получение и оформление участниками процесса документов, подписанных электронной цифровой подписью; участие в следственных и судебных действиях с использованием видеоконференц-связи.

Вовлечение в цифровое взаимодействие по уголовному делу граждан предполагает наличие у них достаточных навыков работы в цифровой среде (поиска информации, работы с электронными сервисами,

¹ Шереметьев И.И. Электронное уголовное дело: что это такое и пути его создания // Lex russica. 2020. № 73 (10). С. 81–90. URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.167.10.081-090>

использования электронной цифровой подписи, формирования документов в электронном виде, перевода материалов и документов в цифровой формат надлежащего вида и качества, передачи, получения информации, использования видеоконференций и пр.); технических средств, позволяющих на постоянной основе активно функционировать в цифровой среде, использовать определенное программное обеспечение; качественного, стабильного и доступного интернет-соединения.

Отсутствие вышеназванного у определенных категорий лиц в зависимости от их места жительства (проживание в регионах, плохо обеспеченных интернет-связью), социального, имущественного положения (неспособность приобрести качественную технику, низкий уровень образования и развития, определяющий скудость цифровых навыков) обозначается термином «цифровое неравенство», которое, будучи по своей природе социально-экономическим явлением, способно спровоцировать масштабное нарушение принципа равенства всех перед законом и судом, поскольку в цифровизированном уголовном процессе способность гражданина к цифровому взаимодействию будет решающим образом влиять на его возможность защитить свои права и законные интересы. Гражданин, не имеющий достаточных навыков функционирования в цифровой среде, необходимых технических средств, программного обеспечения, доступного интернета в цифровом уголовном процессе будет подобен лицу, не владеющему языком, на котором ведется судопроизводство.

Такое лицо, являясь дееспособным, совершеннолетним, компетентным в иных сферах, тем не менее не может без посторонней помощи реализовать свои права и исполнить обязанности. УПК РФ предусматривает гарантии равенства всех перед законом и судом в виде участия переводчика, законного представителя несовершеннолетнего лица и пр., однако обеспечить тьюторскую поддержку и помощь широким массам, недостаточно владеющим цифровыми технологиями, представляется затруднительным и затратным. Поспешная цифровизация уголовного судопроизводства без преодоления цифрового неравенства приведет к массовому нарушению принципа равенства всех перед законом и судом в зависимости от доступности гражданам интернет-технологий и наличия у них соответствующих навыков.

В связи с изложенным предлагается в вопросах цифровизации взаимодействия граждан и органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, ориентироваться на потребности граждан, их готовность

взаимодействовать с органами, ведущими уголовный процесс, в цифровой среде, пользоваться электронной цифровой подписью; начинать цифровизацию производства по уголовному делу с регионов с низким уровнем цифрового неравенства; сопровождать цифровизацию уголовно-процессуальной деятельности разъяснительной работой, обучением граждан цифровым навыкам; предоставлять лицам, не имеющим доступа к интернет-технологиям или соответствующих навыков, консультационную и тьюторскую поддержку.

Т.В. Исакова

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Уголовная юстиция, в отличие от других видов судопроизводства, только стоит перед полноценным открытием института примирения: в уголовном праве и уголовном судопроизводстве данный институт существует, однако процедуры достижения такого примирения еще не получили какой бы то ни было уголовно-процессуальной регламентации ни на уровне закона, ни на уровне подзаконных актов, определяющих технологии реализации примирительных процедур, восстановительных программ или иных медиативных практик. Тем не менее внимания вопросам развития примирительных процедур в уголовном судопроизводстве уделяется достаточно много. Можно даже говорить об общеправовой тенденции, распространившейся на отрасли публичного права, что, по мнению В.В. Момотова, «вполне объяснимо в контексте тенденции прагматизации права, которая предопределяет экспансию наиболее удобных юридических конструкций, позволяющих эффективно достигать целей правового регулирования»¹.

В конце 2020 г. рабочей группой межрегиональной общественной организации «Центр «Судебно-правовая реформа» был разработан проект Федерального закона Российской Федерации «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации

¹ Момотов В.В. Экономическая и правовая ценность договора в судебном процессе // Журнал российского права. 2019. № 1 (265). С. 20.

для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения»¹.

Данный законопроект проходил экспертное обсуждение в апреле 2022 г. на Всероссийском круглом столе с международным участием «Институт примирения в уголовном судопроизводстве: модель правового регулирования».

В ходе круглого стола обсуждались вопросы соотношения частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве, права потерпевшего отказаться от уголовного преследования, ответственность за вмешательство в процедуру примирения, содержание процедуры примирения, обеспечение ее проведения и содержание договора о примирении.

По итогам обсуждения вышеуказанных вопросов на круглом столе было выражено мнение, что необходимость разработки и принятия федерального закона, направленного на модернизацию законодательной регламентации института примирения в уголовном процессе в целом и примирительных процедур в частности, не вызывает сомнений. Но необходимо разработать концепцию такого института судопроизводства, как совокупность:

1) понятийно-категориального аппарата, позволяющего однозначно толковать терминологию, используемую в судопроизводстве при применении примирительных процедур в уголовном процессе;

2) результатов научного толкования уголовно-процессуальных норм, регламентирующих примирительные процедуры;

3) научно обоснованных предложений по внесению изменений и дополнений в нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих применение примирительных процедур.

Безусловно, необходимо дальнейшее тщательное исследование российского и зарубежного опыта в целях внедрения элементов примирительных процедур в уголовный процесс, а также определения границ такого внедрения.

¹ Проект Федерального закона Российской Федерации «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения». URL: <http://presidentsovet.ru/files/29/dd/29ddd1612ea32ca1cc561c9a38cedea4.pdf> (дата обращения: 08.02.2023).

СУДЕБНЫЕ РЕШЕНИЯ ПЕРЕХОДНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В УПРОЩЕННЫХ ПРОИЗВОДСТВАХ: ПРОБЛЕМА УНИФИКАЦИИ

Упрощение порядка судебного разбирательства обусловило появление специфических разновидностей решений. Примером является комплекс промежуточных¹ судебных решений, в которых реализуются переходные конструкции² производств, предусмотренных гл. 32.1, 40 и 40.1 УПК РФ. Он представлен как общими, так и характерными для отдельных производств решениями, система которых в УПК РФ четко не определена и сформирована в большей мере разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ: постановления от 05.12.2006 № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» (п.п. 3, 9, 11.3), от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» (п. 7, 14, 15, 19, 21). Рассмотрим решения указанной системы.

В переходной конструкции каждого производства присутствует *решение о назначении судебного заседания в упрощенном порядке*. Ни гл. 33, ни гл. 32.1, 40 и 40.1 УПК РФ не указывают на необходимость отражать в данном решении вид порядка судебного разбирательства, на это ориентирует Верховный Суд РФ в упомянутых постановлениях. Как представляется, решение, отражающее начало упрощенных судебных производств, должно быть закреплено в законе, в связи с чем предлагается изменение ч. 2 ст. 231 УПК РФ. Также судом может быть вынесено *решение о назначении заседания в общем порядке*, но оно характерно не для всех производств, переход в ординарное судебное производство после сокращенного дознания исключен.

¹ Судебные решения переходных процедур относятся к разновидности промежуточных, поскольку не разрешают уголовное дело по существу, направлены на выбор процедуры рассмотрения.

² Под переходными конструкциями понимается комплекс уголовно-процессуальных форм, в том числе соответствующих им решений, опосредующих переход между общим и дифференцированным порядками производства по делу.

Завершение упрощенных судебных производств, предусмотренных гл. 40 и 40.1 УПК РФ (переход в ординарное судебное производство), реализуется в решении *о прекращении упрощенного порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения дела в общем порядке*. Данное наименование закреплено в ч. 6 ст. 316 УПК РФ и употребляется в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. При этом высшая судебная инстанция разъясняет, что возвращения к стадии назначения судебного заседания не происходит. В связи с этим не следует использовать термин «назначение», ассоциируемый с назначением судебного разбирательства. Возможный вариант наименования – решение о прекращении особого порядка и *продолжении* рассмотрения дела в общем порядке. Наименование данного решения необходимо скорректировать в тексте закона и унифицировать в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, в связи с чем предлагается изменение ч. 6 ст. 316, ч. 3 ст. 317.6 УПК РФ.

Применительно к гл. 40.1 УПК РФ п. 19 Постановления Пленума № 16 предусматривает, что в случае принятия решения о прекращении особого порядка суд вправе *возвратить дело прокурору* для соединения. Специальные основания для возвращения нормативно не выделены и реализуются в рамках предусмотренных ст. 237 УПК РФ общих оснований. Решением о возвращении дела прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке завершается также особый порядок после осуществления досудебного производства в рамках гл. 32.1 УПК РФ (ч. 1.1 ст. 237). Вынесение решения о прекращении упрощенного порядка и назначении рассмотрения дела в общем порядке в данном случае исключено, переход в ординарное судебное производство невозможен. Вместе с тем в гл. 40 УПК РФ отсутствуют положения, учитывающие специфику решений особого порядка после сокращенного дознания, они регламентированы гл. 32.1 УПК РФ разд. VII «Предварительное расследование» ч. 2 «Досудебное производство». Подобное размещение норм идет вразрез со структурой УПК РФ.

Следует отметить возможность вынесения решения о переходе между двумя упрощенными процедурами: о прекращении предусмотренного гл. 40.1 УПК РФ порядка судебного разбирательства и продолжении рассмотрения дела в порядке гл. 40 УПК РФ. Иные решения о переходах между упрощенными производствами исключены. Указан-

ное решение не предусмотрено законом, на возможность его вынесения ориентирует п. 21 Постановления Пленума № 16, основанный на расширительном толковании УПК РФ, в связи с чем предлагается дополнение ч. 3 ст. 317.6 УПК РФ.

Таким образом, промежуточные судебные решения переходных конструкций упрощенных производств, регламентированных гл. 32.1, 40 и 40.1 УПК РФ, должны быть нормативно определены. Систему данных решений следует унифицировать, сохранив обусловленные самобытностью отдельных упрощенных производств особенности.

Т.С. Корнева

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ

В соответствии с законодательством РФ основным принципом построения и функционирования системы государственной службы является законность¹.

Понятие «законность» многогранно, в науке нет единого понимания и определения законности.

По мнению одних ученых, законность означает степень соблюдения всеми принятыми законами. Под законами понимают особые нормативно-правовые акты, исходящие от народа непосредственно или от его представительной власти и устанавливающие определенный порядок в общественной жизни².

По мнению ряда других ученых, законность производна от состояния юридического права. Источниками юридического права могут быть только законы. Поэтому лишь по отношению к реализации норм юридического права можно употребить понятие «законность»³.

¹ Орлов М.С. Принцип законности в деятельности федеральных органов исполнительной власти. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. С. 4.

² Раянов Ф.М., Миннихметов Р.Г., Пономарев Д.А. Право и законность в демократическом обществе. М. : Право и государство, 2004. С. 58–59.

³ Там же. С. 58.

Анализируя научное представление о законности, можно отметить, что почти каждое подразумевает под законностью строгое, неуклонное соблюдение, исполнение норм права участниками общественных отношений¹, отношение этих участников к требованиям законности².

Наряду с рассмотрением законности как правового явления, главным критерием которого является исполнение законов участниками правоотношений, законность в науке рассматривается также как правовой принцип, при реализации которого соблюдается законность³.

Термины «законность» и «принцип законности» нередко употребляют как синонимы. Серьезных возражений это не вызывает. В то же время, как правильно подчеркивает А.Т. Боннер, «понятие законности шире понятия “принцип законности”»⁴.

Именно принципы служат критерием законности и правомерности действий граждан и должностных лиц, административного аппарата и органов юстиции⁵.

В Законе о прокуратуре представлены оба понимания законности – и как правового явления и как принципа.

Законности как правовому явлению в целом, посвящена ч. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре, в соответствии с которой прокуратура осуществляет надзор и иные функции в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности. Таким образом, укрепление законности является целью деятельности прокуратуры. В то же время законность как правовой принцип положена в основу организации и деятельности прокуратуры.

В действующем законе принципам организации и деятельности посвящена ст. 4 Закона, однако статья не содержит нормативного закрепления названия и формулировки данного принципа.

¹ Раянов Ф.М., Миннихметов Р.Г., Пономарев Д.А. Указ. соч. С. 97.

² Проблемы теории законности, методологии и методики прокурорского надзора : сб. науч. тр. / отв. ред. В.В. Кочков, М. : Манускрипт, 1994. С. 55.

³ Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.А. Катаева, В.В. Лазарева. Уфа, 1994. С. 389.

⁴ Боннер А.Т. Принцип законности в советском гражданском процессе. М., 1989. С. 8.

⁵ Явич Л.С. Право развитого социалистического общества. Сущность и принципы. М., 1978. С. 11.

Выражение данного принципа мы встречаем в положениях п. 2 ст. 4, которые гласят, что прокуратура осуществляет полномочия в строгом соответствии с действующими на территории Российской Федерации законами; в ст. 1 Закона, согласно которой прокуратура осуществляет надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование и иные функции.

Также принцип законности усматривается в положениях ст. 3 Закона о прокуратуре, в соответствии с которой полномочия и функции прокуратуры Российской Федерации, ее организация и порядок деятельности определяются Конституцией РФ, Законом о прокуратуре и другими федеральными законами¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что принцип законности безусловно должен получать нормативное закрепление в законах, в том числе и Законе о прокуратуре.

Кроме того, поскольку принцип законности включает в себя требование точного исполнения закона, то следует учитывать, что одним изданием закона нельзя обеспечить необходимый правопорядок. Важно не только создать хороший закон, всесторонне учитывающий потребности общественного развития в той или иной области отношений, но и обеспечить правильное применение этого закона на практике, точное исполнение его всеми обязанными лицами².

Именно так должен реализовываться принцип законности в деятельности и организации прокуратуры.

¹ Ястребов В.Б. Прокурорский надзор : учебник. М., 2017. С. 80–84; Ергашев Е.Р. Принципы прокурорского надзорно-охранительного права и его институтов : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 93.

² Долгопят А.О. Понятие и содержание принципа законности // Бизнес в законе. 2008. № 4. С. 242–244.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ СУДЕБНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Особое место в числе правовых средств защиты прав и свобод человека и гражданина занимает судебная власть. В Конституции РФ отмечаются наиболее существенные аспекты судебной компетенции, реализуемой в сфере уголовного судопроизводства, и условия ее осуществления: ч. 1 ст. 19 (равенство всех перед законом и судом); применение наиболее строгих правоограничений по судебному решению (ч. 2 ст. 22, ч. 2 ст. 23, ст. 25); право на судебную защиту, включая обжалование действий и решений государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц в суд (ст. 46) и т.д.

Осуществление судебной власти в уголовном судопроизводстве в современных условиях требует особого внимания к вопросам отраслевого правового регулирования. Учеными высказываются различные точки зрения в этом отношении. Например, Л.А. Воскобитова пишет о необходимости «объемного понимания уголовно-процессуального права, обязывающего правоприменителя самостоятельно формировать содержание отдельной правовой нормы...», что должно находить отражение «в мотивировке любого процессуального решения, для того чтобы оно не оказалось голословным и субъективно-пристрастным»¹.

Выделяются два основных признака пробела в правовом регулировании – факт вхождения спорной ситуации в общественные отношения, подлежащие регулированию, и невозможность разрешения указанной ситуации при помощи действующих правовых норм². Пишут о правовых дефектах, определяя их как «недостаток правового регулирования, который оказывает существенное влияние на его эффективность. Пробелы как отсутствие правовой регламентации обществен-

¹ Воскобитова Л.А. Объемное понимание уголовно-процессуального права // Уголовное судопроизводство. 2019. № 2. С. 10–16.

² Уранский Ф.Р. Пробелы в праве и способы их восполнения в правоприменительной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

ных отношений, которые в ней нуждаются, приводят к ситуации правовой неопределенности, которая влечет неограниченное усмотрение правоприменителя»¹.

Отмечая формирование противоречивой динамики в правоприменении, в том числе судебном, И.В. Чурсина указывает на ее причины (абстрактные и относительно определенные нормы уголовно-процессуального закона, коллизии и пробелы) и на возможные пути ее устранения: «...при рассмотрении уголовного дела правоприменительные органы обязаны опираться на принципы уголовного судопроизводства...»².

В ситуации, когда правовая неопределенность становится постоянным спутником уголовно-процессуальной деятельности суда, в наибольшей степени проявляется потребность в выработке объективных, научно обоснованных рекомендаций по ее (неопределенности) преодолению. Мы хотим обратить внимание на наличие уже сформированных подходов к решению проблемы правовой неопределенности, предлагаемые в цивилистической науке. Например: «Правовое регулирование невозможно представить без индивидуальных правил...»³.

Идея признания индивидуальных правил подводит к мысли о возможности распространения имеющихся научных подходов к устранению пробелов и коллизий правового регулирования в уголовном судопроизводстве путем применения индивидуального судебного регулирования⁴.

А.Б. Степин пишет, что правовые позиции судов выступают формой индивидуального судебного регулирования вследствие сочетания

¹ Кожокар И.П. Неполнота правовой регламентации как дефект системы российского права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 5. С. 82–87.

² Чурсина И.В. Принципы уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство. 2020. № 4. С. 26–30.

³ См.: Родионова О.М. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права. М.: Статут, 2013. С. 95.

⁴ В современной науке наиболее полно и последовательно положения теории индивидуального судебного регулирования изложены в работах В.В. Ершова. См., напр.: Ершов В.В. Индивидуальное судебное регулирование // Известия вузов. Правоведение. 1986. № 6. С. 9–17; Он же. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории // Российское правосудие. 2013. № 4 (84). С. 4–23; Он же. Правоотношения: возникновение и регулирование // Правосудие. 2022. Т. 4, № 1. С. 8–27.

общих и специальных норм, особенностей нормативного и индивидуального правового регулирования конкретных общественных отношений. При этом высказано мнение о возможности применения индивидуального судебного регулирования в сферах гражданского, административного судопроизводства¹.

Полагаем, что применение индивидуального судебного регулирования возможно в уголовном судопроизводстве. Предлагаем следующее его определение: индивидуальное судебное регулирование в уголовном судопроизводстве – это правоприменительная деятельность суда, состоящая в принятии процессуального решения на основании истолкования смысла и адаптации общей процессуальной нормы к конкретным правовым условиям и обстоятельствам, установленным в ходе судебного рассмотрения уголовного дела, либо разрешении иных правовых вопросов, связанных с уголовным судопроизводством, в том числе в его досудебных стадиях.

А.В. Кудрявцева, А.В. Петров

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ ПРИ РАССМОТРЕНИИ И РАЗРЕШЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Уголовно-процессуальным законом в ст. 90 УПК РФ преюдиция для обстоятельств, установленных вступившим в законную силу приговором, за исключением приговора, постановленного судом в соответствии со ст. 226.9, 316 или 317.7 настоящего Кодекса либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признается судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки.

¹Степин А.Б. Формы индивидуального судебного регулирования // Российский журнал правовых исследований. 2018. Т. 5, № 1. С. 194.

Рассматривая преюдициальную силу решений судов по гражданским делам Конституционный Суд РФ¹ указал, что специфика доказывания по уголовным делам в некоторых случаях делает невозможным принятие обстоятельств, установленных по гражданскому делу без их установления уголовно-процессуальными способами и средствами.

Преюдициальность служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности.

Вместе с тем все чаще встречаются уголовные дела, когда стороны представляют в качестве доказательств сведения, которые исследовались в рамках гражданского дела, но при этом не требуют принятия фактов и обстоятельств, установленных судом иного вида судопроизводства.

В законодательстве, судебной практике отсутствуют положения, которые бы регулировали вопрос о возможности использования в уголовном процессе доказательств, полученных в ходе гражданского судопроизводства.

Полагаем, что в качестве основополагающих начал для возможности использования доказательств, исследованных и принятых по гражданскому делу, являются общие правила оценки доказательств, определенные УПК РФ. Использование доказательств, сведений, полученных по гражданскому делу, в уголовном судопроизводстве возможно при соблюдении требований, правил получения, проверки и оценки доказательств в соответствии с уголовно-процессуальным законом. В частности, при представлении материалов гражданского дела непосредственно в суд первой инстанции суд вправе огласить протокол судебного заседания по гражданскому делу, предоставить возможность сторонам задать вопросы друг другу, исследовать данные сведения и впоследствии оценить их в приговоре.

Немного сложнее с заключением эксперта, полученным в рамках гражданского судопроизводства, поскольку правом назначения экспертизы обладает лицо, в производстве которого находится уголовное дело. Заключение экспертов, полученные судьей в гражданском,

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко».

административном, арбитражном процессах, в случаях необязательного назначения судебной экспертизы могут быть использованы как заключения специалистов, иные документы, представленные сторонами.

Вместе с тем в УПК РФ необходимо предусмотреть такую возможность, указав, что доказательства, принятые судами в рамках гражданского, арбитражного и административного производства могут быть приняты в качестве доказательств по уголовному делу при условии проверки их уголовно-процессуальными способами и средствами.

М.Ю. Кузнецов

НЕВОСПОЛНИМОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НАРУШЕНИЙ КАК СТИМУЛ ДЛЯ НАДЛЕЖАЩЕГО СОБИРАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Если исходить из данного Ю.К. Орловым определения восполнимости процессуальных нарушений при производстве предварительного расследования¹, то, соответственно, их невосполнимость – это невозможность повторного следственного действия либо получения сведений из других источников. Актуальность данной темы определяется важностью для целей уголовного судопроизводства в целом, а не только для осуществления защиты, своевременного проведения необходимых следственных действий, несвоевременное же проведение которых либо отказ от их проведения приводит к процессуальным нарушениям, причем существенным. В контексте собирания и представления доказательств адвокатом процессуальными нарушениями следует считать незаконные отказы дознавателя и следователя в производстве тех или иных следственных действий, поскольку именно посредством их адвокат может приносить в уголовное дело сведения, претендующие на статус доказательств.

¹ Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М. : Проспект, 2002. С. 47–48.

Незаконным такой отказ видится тогда, когда правоприменителю посредством подачи ходатайства адвокатом аргументирована относимость конкретных сведений для предмета расследования, их значимость для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Отказ в собирании таких доказательств зачастую является существенным нарушением в той мере, в какой приводит к безвозвратной утрате невозможности участника судопроизводства участвовать в доказывании, в отстаивании своей позиции всеми не запрещенными законом способами и средствами. В качестве примеров невосполнимых нарушений приведем нижеследующие.

Отказ в допросе свидетеля, который в последующем умер, его место нахождения перестало быть известным и другие случаи утраты возможности вызвать лицо для его допроса. Даже при наличии реальной возможности допросить лицо в последующем, оно может плохо помнить либо не помнить вовсе имеющие значение для дела обстоятельства ввиду своих способностей или длительности судопроизводства. Отказ в назначении экспертизы, исходные материалы для производства которой с течением времени утрачены ввиду естественных причин либо человеческого фактора. Отказ в выемке записей с камер видеонаблюдения, которые в последующем удалены за истечением предусмотренного срока их хранения. Отказ в осмотре места происшествия или в проведении следственного эксперимента, после чего изменилась обстановка.

Правоприменительная практика изобилует вышеописанными и многими другими подобными нарушениями. В качестве правового стимула, т.е. побуждения на поддержание и совершенствование правомерной деятельности субъекта¹ в контексте собирания доказательств, видится необходимым введение императивной нормы об обязательности удовлетворении ходатайства о проведении следственного действия, направленного на получение относимого доказательства.

Предусмотренной ст. 159 УПК РФ гарантии, призванной исключить возможность произвольного отказа в получении доказательств, о которых ходатайствует сторона защиты, недостаточно ввиду зависимости

¹ Лебедева Е.Н. Механизм правового стимулирования социально-активного поведения. Проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.

ее возникновения от процессуального решения следователя, дознавателя. Даже если такое решение явно незаконно, то затраченное время на его обжалование может создать риск утраты сведений при вышеописанных обстоятельствах. Предлагаемым нововведением, думается, минимизируются ссылки правоприменителя на ставший пресловутым п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ в качестве основания для отказа. Разумеется, теоретически отказы были бы возможны и при введении предлагаемой обязанности, но были бы чаще незаконными. Нововведение позволило бы выйти за рамки сооруженной правоприменителем канвы доказывания, формирование которой зачастую обусловлено в немалой степени внутриведомственными установками, не всегда считающимися со всеми целями уголовного судопроизводства.

Т.В. Куряхова

ИНСТИТУТ ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

В последние годы действия УПК РСФСР Конституционным Судом РФ были сформулированы правовые позиции, корректирующие основания и порядок возвращения судом уголовного дела для производства дополнительного расследования. Определив границы в отношениях суда с органом расследования, Конституционный Суд РФ фактически задал направления развития нормативного регулирования возвращения уголовного дела судом на стадию, где формировались основания для судебного разбирательства.

При описании в УПК РФ ситуаций, допускающих возвращение уголовного дела в досудебные стадии, следовало учесть стратегически важные идеи о независимости судебной власти, об отсутствии у суда обязанности во всех случаях возвращать дело для продолжения расследования при сохранении такого права за сторонами, и праве суда требовать от органа преследования устранения существенных нарушений закона без восполнения неполноты предварительного расследования. При совершенствовании правового регулирования законодатель

вправе выбрать иную, в том числе новую систему процедурных правил взамен нормы, конституционность которой проверялась. Но тогда другими нормами должны быть компенсированы недостатки положений, признанных неконституционными¹. Однако разработчики УПК РФ полностью отказались от дополнительного расследования, предоставив суду право вернуть уголовное дело прокурору для устранения формальных нарушений закона.

При формировании института возвращения уголовного дела прокурору не были учтены правовые позиции Конституционного Суда РФ. В УПК РФ отсутствовали нормативные правила, нивелирующие недостатки, присущие дополнительному расследованию. Это привело к долгому конструированию процедуры возвращений дела, пригодной для устранения препятствий к отправлению правосудия. За двадцать лет существования в ст. 237 УПК РФ корректировки вносились шестью Федеральными законами (от 04.07.2003 № 92-ФЗ; от 02.12.2008 № 226-ФЗ; от 04.03.2013 № 23-ФЗ; от 26.04.2013 № 64-ФЗ; от 21.07.2013 269-ФЗ; от 03.07.2016 № 327-ФЗ). Кардинально изменился перечень оснований возвращения. Действующая на сегодняшний день редакция ст. 237 УПК РФ содержит 8 случаев (относительно самостоятельных групп существенных нарушений, допущенных в досудебном производстве) и учитывает возможность наступления более тяжких последствий от содеянного после направления дела в суд.

Столь значительным изменениям ст. 237 УПК РФ мы обязаны Конституционному Суду РФ, который в новых условиях по мере обращения граждан и судов общей юрисдикции рассматривал разные аспекты возвратного механизма. Как правило, Конституционный Суд РФ высказывался об основаниях возвращения уголовного дела прокурору². Нормативное закрепление его правовых позиций нельзя считать удачным. В ст. 237 УПК РФ вносились отдельные «точечные» изменения,

¹ См.: абзац 2 п. 9 Постановления Конституционного Суда РФ от 21 февраля 1996 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй ст. 371 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебренникова».

² Не все решения на сегодняшний день учтены в законе. (См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гр-н С.М. Головатюка и Я.С. Шейнина на нарушение их конституционных права частью 3 статьи 15, пунктом 1 части 1 статьи 237 и частью первой статьи 252 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 7 апреля 2022 г. № 824-О // СПС «КонсультантПлюс»).

которые привели к неполной согласованности оснований возвращения дела между собой. Кроме того, пункт 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ остается в первоначальной редакции, хотя с учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ несет в себе дополнительное содержание¹. Также необходимо создать систему процедурных правил досудебного производства, которые, в частности, исключат ничем не контролируемое расследование уголовного дела, направленного следователю для устранения конкретных нарушений закона.

Выявленный Конституционным Судом РФ смысл правовой нормы и выработанная в этой связи правовая позиция являются обязательными для законодателя и правоприменителя и не могут быть ими отвергнуты или преодолены². Поэтому первостепенной задачей составителей УПК РФ является включение в систему уголовно-процессуальных норм, положений, которые в совокупности с действующим правовым регулированием обеспечат конституционное содержание института возвращения судом уголовного дела прокурору.

Л.Г. Лифанова

НЕСОВЕРШЕНСТВО НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ О РАЗГЛАШЕНИИ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В структуре общих условий предварительного расследования самостоятельным звеном обозначена недопустимость разглашения следственной тайны (ст. 161 УПК РФ). Преждевременная огласка сведений

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П.

² По делу о проверке конституционности положения ч. 1 ст. 130 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Л. Верещака, В.М. Гладкова, И.В. Голышева и К.П. Данилова, напр. : постановление Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2003 года № 1-П (п. 6); По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М., Скляновой и В.М. Ширяева» : Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П (п. 4).

об объеме информации, имеющейся в распоряжении следователя (дознателя) по конкретному уголовному делу, может существенным образом оказать негативное влияние на результаты расследования, нарушить интересы участников уголовного судопроизводства, стать препятствием принятия законного и обоснованного итогового решения по уголовному делу. Несоблюдение наложенного запрета на разглашение тайны предварительного расследования предусматривает ответственность в соответствии с уголовным законодательством России (ст. 310 УК РФ).

Самостоятельное оформление институт следственной тайны начал более 100 лет назад, будучи закрепленным в ст. 118 УПК РСФСР 1922 г., однако до настоящего времени его теоретическое осмысление и практическое применение вызывают определенные трудности.

До сих пор не существует легального толкования самого термина «тайна предварительного расследования», отсутствует нормативно определенный перечень лиц, на которых может быть возложено бремя по сохранению рассматриваемой тайны. Имеется серьезная законодательная некорректность относительно временного периода непозволения сообщать кому-либо сведения, ставшие известными в связи с участием в следственных или процессуальных действиях. Сложившаяся ситуация исключает единообразные подходы к разъяснению сущности следственной тайны.

Определенную помощь в разрешении обозначенных проблем оказывает позиция Конституционного Суда РФ¹, согласно которой объем тайны предварительного расследования составляет информация, разглашение которой может создать реальную или потенциальную опасность интересам уголовного судопроизводства, позволяя тем самым лицу, ведущему расследование, самостоятельно определять границы тайны по своему усмотрению. Полагаем, данная позиция должна быть отражена в тексте УПК РФ.

Одновременно нуждается в совершенствовании в рассматриваемом контексте термин «расследование», который должен быть заменен на «доследственное производство». Это снимет юридическую некоррект-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 6 октября 2015 г. № 2444-О «По жалобе гражданина Дворяка Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53, статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 310 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ность при толковании ст. 161 УПК РФ и ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, последняя из которых допускает отобрание подписки о неразглашении сведений на этапе проверки сообщения о преступлении, т.е. фактически до официального начала расследования уголовного дела.

Самым серьезным нормативным недостатком является отсутствие точного указания на конкретных участников уголовно-процессуальных отношений, которым может быть запрещено разглашать данные следствия. Конституционный Суд РФ исключение делает для подозреваемого и обвиняемого¹. Представляется, что он должен быть дополнен лицом, в отношении которого проводится доследственная проверка. Отнесение адвоката к числу субъектов преступления, предусмотренного ст. 310 УК РФ, ограничивает его процессуальные полномочия защиты по уголовным делам.

Кроме этого, по нашему мнению, в диспозицию ст. 310 УК РФ необходимо включить наступление общественно опасных последствий, так как отсутствие какого-либо вреда при разглашении данных предварительного расследования не должно рассматриваться преступным.

Обозначенные отдельные проблемы нормативного регулирования недопустимости разглашения данных предварительного расследования, не умаляя значимости рассматриваемого института для правоприменительной практики, с очевидностью свидетельствуют о необходимости внесения изменений в тексты ст. 161 УПК РФ и 310 УК РФ.

С.Л. Лось

О ЗАКОННОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Часть, раздел, глава, статья – и все в единственном экземпляре в УПК РФ применительно к электронным документам в уголовном судопроизводстве. Эти нормативные положения, опираясь на положения

¹ Например, Определение Конституционного Суда РФ от 26.10.2021 № 2144-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Брянцева Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

частей 1, 2, 3 ст. 474.1 УК РФ, предполагают формирование модернизированной теоретической основы понимания документов, в том числе электронных, и их законности в рамках уголовного процесса и являются предметом научной дискуссии¹.

Часть 1 ст. 474.1 УПК РФ предусматривает следующие признаки законности электронного документа в уголовном судопроизводстве. 1. Соблюдение формы электронного документа путем заполнения его формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. 2. Электронный документ подписывается лицом, направившим этот документ, электронной подписью в соответствии с законодательством РФ. 3. Электронный документ, содержащий ходатайство, заявление, жалобу или представление, должен быть подан в суд в порядке и сроки, установленные УПК РФ.

Законность процессуального документа – один из основных аспектов нормативного регулирования и практической деятельности должностных лиц государственных органов. В современных реалиях теоретического изучения, нормативного закрепления и практического использования электронных документов в сфере отношений, возникающих в связи с уголовным процессом, необходимо это явление комплексно осмыслить, проанализировать и интерпретировать в используемый инструмент уголовного судопроизводства.

Говоря о законности электронного документа, предполагается отталкиваться, во-первых, от общих признаков законности документов, во-вторых, появляются специальные признаки электронных документов – изготовление, передача, хранение электронного текста, реквизитов создателей и участников создания электронного документа, и в-третьих, в рамках уголовного процесса взаимный переход электронных документов в письменные и наоборот, письменных документов в электронные и, соответственно, их использование².

¹ Например: Лебедев З.С. Электронные документы в уголовном процессе // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 1. С. 110–115; Долгов А.М. О необходимости правовой регламентации электронного документооборота при расследовании уголовного дела. URL: https://kubsu.ru/sites/default/files/users/19203/portfolio/dolgov_a.m._statya.pdf?ysclid=lphez16t71313419311

² Например: Вилкова Т.Ю., Масленникова Л.Н. Законность и унификация в уголовном судопроизводстве: от бланков процессуальных документов – к электронному уголовному делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 728–751.

В раскрытии этих положений можно выделить два подхода: 1) сформулировать и систематизировать признаки, определяющие законность электронного документа как его свойства; 2) определить составные элементы, формирующие законность электронного документа.

Не останавливаясь на анализе точек зрения и суждениях в науке об электронных документах, остановимся на 1-м подходе и сформулируем свою позицию применительно к законности электронных документов в уголовном процессе. Изначально необходимо оттолкнуться от общих характеризующих признаков уголовно-процессуальных документов, применимых к электронным.

1. Закрепление в УПК РФ наличия документа, возможно, его содержания и формы, в том числе в электронном виде и в необходимом электронном или ином носителе. Нормативно могут быть определены реквизиты документов, их содержание или соблюдение формы их изложения. Такие положения могут носить как обязательный, так и факультативный характер.

2. Указание в законе субъекта, правомочного и полномочного принимать решение, оформлять документ, участвовать в этом в качестве соавтора, согласующего субъекта, иного участника действия или составления. Подтверждение участия в составлении документа автора, полномочного субъекта, участника, адресата путем отражения в документе их ФИО, подписи, должности, звания, даты, времени, печати; закрепление достоверности изготовления документа, в том числе электронного, таким субъектом.

3. В качестве обязательной или факультативной составляющей документа может быть определено использование прямых ссылок на текст закона или воспроизведение пункта части статьи применяемого закона, а также приложения к нему в виде отдельных документов с указанием на конкретные данные, факты, юридически значимые решения и обстоятельства.

Названные признаки характерны для письменных документов и предполагают определенную интерпретацию применительно к электронным документам. Смысловая, содержательная и формальная стороны документа остаются неизменными и для электронного документа. Значит, дополнительного регулирования в формировании признака законности требует личное участие вовлекаемых субъектов в со-

здание, передачу и использование электронных документов, их носителей, а также порядок перевода электронных документов в письменные или письменных в электронные.

Я.В. Лошкобанова

НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

В ч. 5 ст. 32 Конституции Российской Федерации предусматривается право граждан на участие в отправлении правосудия. Это конституционное положение определило применение института народного представительства в судопроизводстве и его современное развитие. Сразу отметим, что народное представительство присуще не только российскому, но и присутствовало в советском судопроизводстве¹.

Современное народное представительство – широкомасштабный и значимый в правовом и социальном отношении институт. Его исследованию посвящены многочисленные работы, написанные в различные исторические периоды². Народное представительство в судопроизводстве является одним из проявлений предусмотренных в Российской Федерации форм непосредственного народовластия, показатель демократичности организации власти в государстве в целом³.

Народное представительство в судопроизводстве – это основанное на законе привлечение граждан к осуществлению правосудия на определенных условиях с наделением их совокупностью процессуальных прав, обязанностей и возложением ответственности, направленное на демократизацию системы судебных органов, а также оптимизацию

¹ Гаврилова А.В. Феномен народного участия в советской модели правосудия и его преемственность на постсоветском пространстве // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 106–119.

² См., напр.: Гессен В.М. Основы конституционного права. 2-е изд. Петроград : Юрид. кн. склада «Право», 1918. 445 с. (Гл. 2: Теория народного представительства).

³ Насонов С.А. Участие граждан в осуществлении правосудия как принцип, определяющий качественные характеристики судебной власти // Юридическая наука. 2016. № 2. С. 95–102.

форм осуществления судебной власти для достижения максимально справедливого результата.

Собирательный образ современного народного представительства в судебном производстве (с учетом зарубежного опыта) имеет следующие характеристики:

1) осуществляется на основании предписаний федерального законодательства;

2) участие граждан в судопроизводстве носит временный характер (период исполнения обязанностей народного представителя зависит от формы представительства, а также от предпочтений законодателя. В Российской Федерации этот период составляет 1 раз в год на 10 дней с возможностью продления (ст. 10 ФЗ «О присяжных заседателях судов общей юрисдикции в Российской Федерации»). А вот по федеральному законодательству США это 1 раз в 2 года на период рассмотрения дела);

3) граждане привлекаются на основании случайной выборки из списка претендентов (как правило, списки из числа избирателей);

4) совокупность процессуальных полномочий народного представителя в судопроизводстве зависит от формы представительства (от полного соответствия статусу профессионального судьи в судебном разбирательстве до весьма ограниченного круга процессуальных прав);

5) для участия в одном судебном деле привлекаются, как правило, сразу несколько народных представителей, что обеспечивает превалирование (количественное) народного участия над профессиональными судьями.

О проблемах развития народного представительства можно прочесть в работах многих современных ученых¹. К числу проблемных относят такие вопросы, как целесообразность привлечения народных представителей к участию в судопроизводстве, порядок формирования

¹ См.: Очередыко В.П. Народное представительство в отправлении правосудия: проблема сбалансированного развития в России // Закон и право. 2018. № 10. С. 31–33; Насонов С.А. Участие граждан в отправлении уголовного правосудия: вопросы определения понятия и типологии форм // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 1. С. 111–118; Тарасов А.А., Гарифуллина О.Р. Народное участие в правосудии: вопросы теории, истории и современного состояния в постсоветских государствах // Вестник Таджикского гос. ун-та права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2011. № 12 (26). С. 12–26.

народного представительства и его практическая реализация в конкретных судебных делах, например, подробно исследуются трудности подбора присяжных заседателей в малонаселенных или протяженных регионах, оценка результатов деятельности народных представителей и ее критерии, все, что связано с определением эффективности присяжных, процедурные правила судебного разбирательства и их оптимальность и др.

Несмотря на ряд скептических позиций¹, в науке преобладают в целом позитивные мнения относительно целесообразности привлечения народа к осуществлению правосудия² с формированием аргументированных предложений по совершенствованию процессуальной формы участия таких представителей в осуществлении правосудия.

А.А. Лукьянова

МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ: О ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ТЕНДЕНЦИИ К УСТАНОВЛЕНИЮ СРОКА

Поводом для подготовки настоящих тезисов стало случившееся в октябре 2022 г. очередное переустройство национальной системы правового регулирования в части усиления процессуального контроля над использованием государственного принуждения в сфере уголовной юстиции. 07.10.2022 Федеральным законом № 383-ФЗ установлен срок применения залога в качестве меры пресечения, определен порядок ее продления по аналогии со ст. 109 УПК РФ, а также скорректирована процедура обжалования³.

Принятие данного Федерального закона было направлено на реализацию Постановления Конституционного Суда РФ от 17.06.2021 № 29-П по

¹ См.: Васляева Н.Л. Суд присяжных: достоинства и недостатки // Государство и право в XXI веке. 2017. № 2. С. 58–65.

² Вилкова Т.Ю. Участие граждан в отправлении правосудия – межотраслевой принцип судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6 (79). С. 202–213.

³ О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 07.10.2022 № 383-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

жалобе гр. Филиппова. Согласно материалам дела гр. Филиппову, обвиняемому в совершении мошенничества в особо крупном размере, залог в качестве меры пресечения был избран в марте 2013 г. взамен заключения под стражу и продолжал действовать в период рассмотрения дела по существу в 2019 г., несмотря на все предпринимаемые стороной защиты попытки его обжалования¹. Бесспорно, неопределенность действия допускаемых законом ограничений прав и свобод в условиях, когда правоприменители не руководствуются принципами справедливости, разумности, целесообразности и соразмерности, может привести к беззаконию и произволу.

В этом законотворческом решении любопытны два аспекта.

Во-первых, в выводах по жалобе гр. Филиппова Суд указал лишь на несоответствие Конституции РФ положений ст. 389.2 УПК РФ. Да, выявленный конституционный смысл содержания ст. 106 и 110 УПК РФ предполагает, что ограничение права, в частности в процессуальной форме залога, на неопределенный или слишком продолжительный срок недопустимо. Но устранять эту правовую неопределенность, как представляется, следовало бы не на уровне законотворчества через безоговорочную регламентацию сроков, а в правореализации. Именно практики, используя принудительные средства, должны соблюдать баланс публичных интересов правосудия, прав и законных интересов участников уголовного процесса, учитывать соразмерность устанавливаемого правоограничения, продолжительность производства по уголовному делу.

Во-вторых, импульсом для внесения изменений в УПК РФ стал очередной конституционно-правовой прецедент. В этом контексте следует отметить некоторую тенденциозность законодателя к формализации сроков применения не только мер пресечения, но и в целом всех средств уголовно-процессуального принуждения, основанную на прогрессирующей правовой позиции Конституционного Суда РФ. В обоснование этого тезиса приведем в пример появление в 2011 г. в тексте УПК РФ срока домашнего ареста после рассмотрения Судом жалобы

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 106, 110 и 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Филиппова : Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2021 № 29-П // СПС «КонсультантПлюс».

гр. Федина¹, определение в 2015 г. срочного порядка наложения ареста на имущество третьих лиц как результат конституционного производства по жалобе закрытого акционерного общества «Глория»², регламентацию в 2021 г. срока нахождения в психиатрическом стационаре (жалобы гр. Д. и К.³).

Резюмируя, ответим на вполне логичный вопрос: в каком направлении ожидать последующее развитие системы уголовно-процессуального регулирования? Полагаем, что законодатель и дальше инерционно будет преодолевать правовую неопределенность путем конкретизации процедур, связанных с ограничением прав и свобод, в том числе регламентируя сроки применения всех мер пресечения и, более того, средств государственного принуждения в целом.

Н.Н. Макеев

ПРОБЛЕМАТИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) давно требует комплексного обновления. С момента его принятия – 17.01.1992 г. – в него 76 раз вносились изменения и дополнения, в основном точечные, причем в 1995 и 1999 гг. были приняты новые редакции закона, существенно изменившие его

¹ По делу о проверке конституционности ст. 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина : Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2011 № 27-П // СПС «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория» : Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П // СПС «КонсультантПлюс».

³ По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К. : Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2018 № 20-П // СПС «КонсультантПлюс».

первоначальный смысл¹. Однако в ряде случаев – при внесении изменений в другие или с принятием новых федеральных законов – соответствующие изменения в Закон о прокуратуре не вносились. И наоборот, в связи с принятием некоторых новых или дополнением действующих устанавливались дополнительные функции прокуратуры, однако эти функции не указывались в Законе о прокуратуре.

Указанное привело к тому, что действующий Закон о прокуратуре имеет пробелы, прямые противоречия другим федеральным законам, из-за разных подходов в дополнении – неудобен для применения.

Начнем с п. 1 его ст. 1, где названы основные функции прокуратуры: надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина и уголовное преследование, поскольку они указаны в Основном законе страны. Там же сказано, что полномочия и функции прокуратуры Российской Федерации определяются федеральным законом.

В п. 2 законодатель перечислил функции прокуратуры, назвав главные и приведя другие, такие как надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, дознание и предварительное следствие, администрациями органов и учреждений, исполняющих наказания, меры принудительного характера, мест содержания задержанных и заключенных под стражу, координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. В то же время следует не согласиться с тем, что здесь как функции прокуратуры указаны надзор за исполнением законов судебными приставами и возбуждение дел об административных правонарушениях и проведение административного расследования.

Далее законодатель отдельными п. 3, 3.1, 4 устанавливает дополнительные прокурорские функции: участие во всех видах судопроизводства, представительство и защита интересов нашей страны в межгосударственных органах, иностранных и международных судах и участие в правотворческой деятельности.

И, кроме того, в анализируемом законе отдельной ст. 2 установлена функция международного сотрудничества прокуратуры, ст. 9.1 – проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, ст. 51 – ведение государственного единого правового статистического учета.

¹ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2022) «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2023) // Российская газета. № 39. 18 февр. 1992.

Как мы отмечали ранее, отдельные функции прокуратуры также установлены в различных федеральных законах без внесения дополнений в основной законодательный акт о прокуратуре (формирование ежегодного плана проведения плановых проверок и санкционирование внеплановых, координация деятельности уполномоченных органов по борьбе с коррупцией и др.).

Проведенный анализ ряда положений Закона о прокуратуре и других федеральных законов наглядно показывает необходимость скорейшей подготовки и принятия новой редакции Закона о прокуратуре.

Н.О. Машинникова

ПОНЯТИЕ О ДОЛЖНОМ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По справедливому утверждению И.А. Ильина, авторитет положительного права и создающей его власти основывается не только на общественном договоре, полномочиях законодателя или на внушительном воздействии приказа и угрозы, – но, прежде всего и глубже всего на духовной правоте или на содержательной верности издаваемых повелений и норм¹. Данная посылка в полной мере справедлива и для уголовно-процессуального права. Исследуя вопросы духовной ценности права, автор пришел к выводу о том, что последняя имеет ключевое значение не только для теории права, но и для правоприменения, поскольку позволяет правильно решать соответствующие социальные задачи. Следовательно, отыскание верной социальной формы права, в том числе для уголовного судопроизводства, составляет безусловную потребность общества.

Понятие о должном в уголовном судопроизводстве, хоть и косвенно, но длительное время является предметом научных дискуссий, поскольку включает в себя самые разнообразные его сферы. Между тем особый интерес представляет собой должное в контексте назначения уголовного судопроизводства, его цели, результата.

¹ Ильин И.А. Понятие права и силы (опыт методологического анализа) // Собрание сочинений. Т. 4. М. : Русская книга, 1994. С. 291.

В классической науке под «должным» понимается суть справедливости во всех ее аспектах, тот идеал, к которому необходимо стремиться любой сфере деятельности. Правоприменение – сфера социальной деятельности, в которой понятие о должном приобретает особое значение как к самому процессу, так и к его результату. При этом следует понимать, что формально образцовый процесс не всегда предопределяет справедливость его результата. Это связано с тем, что совокупность индивидуальных волей конкретных правоприменителей, согласно учению Ж.-Ж. Руссо, не образует общей воли¹, задекларированной в законодательстве. Равно как и организационная модель общественного устройства, в том числе и в какой-то его части, по мнению П.И. Новгородцева, не определяет траекторию социального развития в отличие от его нравственно-целевого ориентира².

В период своего формирования понятие «справедливость» трактовалось по-разному: как принцип социального порядка в философии Древней Греции и Древнего Востока³; как равенство людей и воля воздавать каждому его право в разные периоды развития римского права⁴, как одна из основных добродетелей в философии Фомы Аквинского⁵ и т.д.

Уравнительный и пропорциональный подходы к справедливости, которые впоследствии нашли свое выражение в разных отраслях права, были выработаны Аристотелем, который указывал на необходимость равноправия людей в отношении определенных вещей и процессов с одновременным пропорциональным отношением к ним в зависимости от определенных критериев⁶. Применительно к уголовному судопроизводству это можно интерпретировать как равенство всех перед законом и судом при строгой индивидуализации ответственности.

¹ См.: Гройсберг А.И. Понятие общей воли в политическом учении Ж.-Ж. Руссо // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5 (11) : в 4 ч. Ч. III. С. 72–77.

² См.: Архипов С.И. Идея правового прогресса в трудах П.И. Новгородцева и И.А. Покровского // Электронное приложение в «Российском юридическом журнале». 2020. № 4. С. 5–16.

³ Емельянов В.В. Древний Шумер: очерки культуры. СПб., 2003. С. 45.

⁴ Нерсесянц В.С. Правоприменение римских юристов // Советское государство и право. 1980. № 12. С. 83–87.

⁵ Боргош Ю. Фома Аквинский / пер. с польск. М. Гуренко. 2-е изд. М. : Мысль, 1975. С. 122–124.

⁶ Кашников Б.Н. Концепция общей справедливости Аристотеля: опыт реконструкции // Этическая мысль. М., 2001. Вып. 2. С. 89–117.

Кроме того, применительно к публичному правоприменению следует обратить внимание на принцип справедливого неравенства, сформулированный Дж. Роулзом, согласно которому при презюмируемом равенстве возможностей наибольшие преимущества от социальных и экономических различий получают наименее привилегированные члены общества¹. В уголовном судопроизводстве это можно трактовать как предоставление наибольших процессуальных прав тем лицам, чьи свободы в уголовном процессе подвергнуты наибольшему ограничению. При этом концепция Дж. Роулза о приоритете права над благом не является в данном случае актуальной, поскольку само уголовно-процессуальное право представляет собой то благо, степень которого зависит от качества проработки его норм и принципов и их адекватного последующего применения. Это обусловлено тем, что уголовное судопроизводство является единственно возможным легальным, цивилизованным и публичным способом реализации материального уголовного права (уголовной репрессии).

Проецируя приведенные выше теории в сферу уголовного судопроизводства, мы увидим следующие основополагающие принципы, которые в своей совокупности представляют собой понимание законодателя о должном в уголовном процессе, а именно: состязательность сторон, их равноправие, индивидуализация ответственности, наибольшее количество прав для лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, защита прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, равенство всех перед законом и т.д.

В связи с этим можно сделать вывод, что справедливость следует понимать как должное не в смысле самостоятельного принципа уголовного судопроизводства как блага, которое служит защите прав потерпевших и личности от незаконного уголовного преследования, а в смысле всей совокупности принципов, позволяющей обществу, в соответствии с его представлением о должном, оценить качество уголов-

¹ См.: Шавеко Н.А. Предшествует ли право благу? Спор между либералами и коммунистами // Полития: Анализ. Хроника. 2020. № 3 (98). С. 61–81; Шавеко Н.А. Некоторые аспекты второго принципа справедливости по Джону Роулзу // Философия права. 2017. № 4 (83). С. 7–14; Роулз Дж. Идея блага и приоритет права // *Philosophy and Public Affairs*, O Princeton University Press. 1988. Vol. 17, № 4. P. 251–276 и т.д.

ного судопроизводства как справедливое. Это применимо как к уголовному судопроизводству в целом, так и к производству по конкретному уголовному делу в частности.

И здесь возникает вопрос о достаточности закрепленных в российском уголовно-процессуальном законодательстве и имплементированных в него принципов, руководство которыми позволяет в должной степени принять по делу правосудное решение.

По мнению Т.Н. Москальковой, сегодня на первое место выходит запрос на процессуальную справедливость в уголовном процессе, которая является гарантом обеспечения прав его участников¹. Между тем возникает вопрос о возможности и целесообразности деления в уголовном судопроизводстве справедливости на подвиды. По обоснованному мнению З.В. Макаровой, справедливость как «принадлежность нравственности» нельзя отделять от правовой, юридической, процессуальной справедливости, поскольку они образуют одно понятие – справедливость в правоприменительной деятельности, справедливость в уголовном процессе². При этом автор достаточно метко указывает на то, что при подходе разделения нравственных понятий на подвиды можно прийти до абсурда, отграничивая такие понятия, как совесть и процессуальная совесть, ложь и процессуальная ложь и т.д.

Так, признавая необходимость процессуальной справедливости в уголовном судопроизводстве, которая является гарантом обеспечения прав участников процесса, не стоит забывать о том, что даже самая безупречная их реализация в процессе не является гарантом постановления по делу справедливого приговора. А если их реализация не будет безупречной? Тем более.

Таким образом, достижение справедливости в уголовном судопроизводстве обусловлено субъективным началом в уголовном процессе, поскольку именно оно позволяет обеспечить применение уголовно-процессуальных норм в соответствии с теми принципами и основными началами, которые способствуют достижению последней. В свою очередь, субъективное начало в уголовном процессе представляет собой

¹ Москалькова Т.Н. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 г. С. 221.

² Макарова З.В. Справедливость в уголовном судопроизводстве // Вестник ЮрГУ. 2012. № 7. С. 54.

тот инструмент, который на разных стадиях и этапах судопроизводства, позволяет обеспечить индивидуальный подход к каждому конкретному уголовному делу с его уникальными обстоятельствами. Однако само субъективное начало в уголовном судопроизводстве, которое можно трактовать как внутреннее убеждение, усмотрение (дискреция) для целей достижения должного в уголовном процессе, требует обеспечения его надлежащими средствами, которые в данном случае можно определить как принципы – общие начала уголовного судопроизводства. Именно их точная совокупность, строго соблюдаемая в процессе правоприменения, позволит принять по делу правосудное решение.

Д.А. Мезинов

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Уголовно-процессуальное значение изучения того или иного объекта состоит в уголовно-процессуальных задачах, решение которых обеспечивается таким изучением. Практические задачи изучения определенного объекта, т.е. установления обстоятельств (фактов), его выражающих, в уголовном процессе по конкретному случаю, заключаются в обеспечении принятия определенных процессуальных актов (постановлений, определений, приговоров), а также осуществления процессуальных действий. Установление обстоятельств (фактов), выражающих и характеризующих мотивационную сферу личности обвиняемого, также необходимо для решения таких задач, что неоднократно подчеркивалось в различных научных исследованиях¹.

Любые задачи, решаемые при изучении, установлении по уголовному делу определенных обстоятельств (фактов), в том числе относящихся к мотивационной сфере личности обвиняемого, возникают в

¹ Например: Васяев А.А. О полноте установления обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 3. С. 398–404; Полянская В.А. Установление мотивов противоправного поведения подследственного в процессе предварительного расследования // Сибирский юридический вестник. 2006. № 3 (30). С. 75–81.

рамках собственно уголовного процесса по конкретному случаю. Поэтому все такие задачи являются уголовно-процессуальными задачами в широком смысле.

Между тем решение части понимаемых в широком смысле уголовно-процессуальных задач требует разрешения вопросов уголовно-правового, а также криминологического, уголовно-исполнительного, криминалистического характера. Так, например, вынесение приговора опосредовано разрешением уголовно-правовых по своей сути вопросов правильной квалификации преступления и назначения обвиняемому справедливого наказания, а также уголовно-исполнительных (в известной мере и криминологических) вопросов правильного выбора исправительного учреждения, режима отбывания наказания и т.п. Необходимое для вынесения, по сути, любого процессуального акта установление обстоятельств предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ) требует разрешения криминалистических вопросов сужения круга лиц, фактически подозреваемых в совершении преступления, выбора тактики поведения субъекта предварительного расследования. Установление обстоятельств (фактов), относящихся к мотивационной сфере личности обвиняемого, выполняет в решении этих задач безусловно важную роль.

В то же время часть задач изучения мотивационной сферы личности обвиняемого не предполагает обязательного разрешения уголовно-правовых, криминологических, уголовно-исполнительных и даже криминалистических вопросов. Это уголовно-процессуальные задачи в узком смысле. В частности, их наличие можно констатировать при необходимости принятия процессуальных актов по избранию мер пресечения, поскольку фактические основания их принятия требуют наличия у уполномоченного субъекта сведений, позволяющих обоснованно прогнозировать будущее поведение обвиняемого, которое будет детерминироваться именно мотивационной сферой его личности.

Итак, понимаемые в широком смысле уголовно-процессуальные задачи изучения мотивационной сферы личности обвиняемого сгруппировать следующим образом:

Во-первых, задачи принятия (вынесения) процессуальных актов, включающие в свое содержание в качестве основных и обязательных для разрешения уголовно-правовые и (или) криминологические, а также уголовно-исполнительные вопросы.

Во-вторых, задачи принятия (вынесения) процессуальных актов, не включающие в свое содержание в качестве основных уголовно-правовые, криминологические, уголовно-исполнительные вопросы. В содержание этих задач включаются в качестве основных сугубо уголовно-процессуальные вопросы, т.е. это понимаемые в узком смысле уголовно-процессуальные задачи изучения мотивационной сферы личности обвиняемого.

В-третьих, задачи установления обстоятельств предмета доказывания по уголовному делу, включающие в свое содержание необходимые для разрешения криминалистические вопросы сужения круга лиц, фактически подозреваемых в совершении преступления, выдвижения и проверки версий в отношении других устанавливаемых обстоятельств, выбора тактики поведения субъекта предварительного расследования (прежде всего, в следственных действиях с участием обвиняемого).

А.В. Миллер

К ВОПРОСУ ОБ ИНЫХ ОСНОВАНИЯХ НЕДОПУСТИМОСТИ ПОВТОРНОГО УЧАСТИЯ СУДЬИ В РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Положения ст. 63 УПК РФ указывают лишь на случаи отмены судебных актов и нового рассмотрения дела, а равно повторность исходя из смены инстанции суда. Норма является императивной и не содержит открытого перечня случаев повторного участия. Конституционный Суд Российской Федерации¹ делает перечень открытым ссылаясь на факт высказывания судьей «позиции по вопросам, касающимся существования дела» – как основания для оправданных сомнений в способности судьи объективно и непредвзято разрешить дело.

Складывающаяся судебная практика кассационных судов общей юрисдикции по толкованию данной процессуальной нормы о недопустимости повторного участия позволяет говорить о следующих вариантах недопустимости повторного участия: 1) повторное рассмотрение

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 1 марта 2012 г. № 426-О-О // Электронный ресурс: ИПС «Гарант»; Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2017 № 28-П // СПС «КонсультантПлюс».

судьей в рамках другого уголовного дела одних и тех же обстоятельств преступных деяний, вмененных разным лицам, так как оно было связано с оценкой ранее уже исследовавшихся с его участием обстоятельств¹; 2) участие судьи в апелляционном рассмотрении одного уголовного дела, если ранее он рассматривал другое уголовное дело, связанное с теми же обстоятельствами, что и первое уголовное дело²; 3) повторное рассмотрение уголовного дела в апелляционной инстанции в условиях, когда в состав коллегии входил судья, ранее принимавший участие в рассмотрении этого уголовного дела судом апелляционной инстанции³; 4) участие одного и того же судьи в рассмотрении вопроса о продлении срока содержания под стражей и уголовного дела в отношении лица⁴; 5) участие судьи в производстве по жалобе в порядке ст. 125 УПК РФ в условиях рассмотрения им ранее иных дел, решения по которым могут предопределять решение по жалобе⁵.

Стоит отметить, что если первые три варианта судами первой и апелляционной инстанции в Томской области применяются как в качестве оснований для самоотвода судьи⁶, так и оснований для отмены судебных актов⁷, то последние два суды первой и апелляционной инстанции категорически не воспринимают⁸, а при мотивировке отклонения

¹ См.: Определение КСОЮ от 17.12.2021 года по делу № 77-2912/2020 // ГАС «Правосудие». Карточка дела № 77-2912/2020.

² См.: Кассационное определение КСОЮ от 25.11.2021 года по делу № 77-2080/2021 // ГАС «Правосудие». Карточка дела № 77-2080/2021.

³ См.: Кассационное определение КСОЮ от 02.10.2020 года по делу № 77-819/2020 // ГАС «Правосудие». Карточка дела № 77-819/2020.

⁴ См.: Кассационное определение КСОЮ от 02.12.2021 года по делу № 77-1488/2021 // ГАС «Правосудие». Карточка дела № 77-1488/2021.

⁵ См.: Определение КСОЮ от 21.07.2020 года по делу № 77-1118/2020 // ГАС «Правосудие». Карточка дела № 77-1118/2020.

⁶ См.: Постановление судьи от 13.12.2019 года по уголовному делу № 1-12/2021 (№ 1-24/2020; №1-324/2019) УИД № 70RS0002-01-2019-001280-77 о самоотводе судьи (Архив Ленинского районного суда г. Томска).

⁷ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии Томского областного суда по уголовным делам от 25.04.2022 года по делу № 22-507/2022 // ГАС «Правосудие». Карточка дела № 22-507/2022.

⁸ См.: Апелляционное определение судьи Томского областного суда Архипова А.В. по делу № 22-2472/2022 от 13.10.2022 года // ГАС «Правосудие». Карточка дела № 22-2472/2022; Апелляционное определение судьи Томского областного суда Архипова А.В. по делу № 22-2729/2022 от 08.12.2022 года // ГАС «Правосудие». Карточка дела № 22-2729/2022.

доводов защиты ссылаются на соблюдение требований ч. 1 ст. 30 УПК РФ (на распределение судебных дел в автоматизированном режиме посредством ПС ГАС «Правосудие», «Модуль распределения дел») без анализа доводов о нарушении ст. 63 УПК РФ.

С учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации представляется действительно недостаточно эффективной конструкция ст. 63 УПК РФ в соотношении с положениями ст. 61 УПК РФ.

Между тем итогом поиска верных подходов к единообразному толкованию и применению норм национального процессуального права, с учетом обозначенной практики кассационных судов общей юрисдикции, может быть как изменение положений ст. 63 УПК РФ (с включением большего количества вариантов повторного участия), так и «закрепление» иных оснований недопустимости повторного участия в рамках Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам формирования состава суда, применения положений ст. 61 и 63 УПК РФ.

А.А. Михайлов

ПРИНЦИП НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ КОНТИНЕНТАЛЬНЫХ СТРАН

Принцип непосредственности возник в уголовном процессе Германии второй половины XIX в.¹ В уголовном судопроизводстве англосаксонских стран в условиях господства открытости и устности он функционально не нужен. Причина его появления – необходимость обеспечить перенос центра тяжести доказывания из предварительного расследования в судебное разбирательство и введение в судебный процесс доказательств, полученных на досудебных стадиях, что показывает значимость данного начала в континентальном уголовном процессе. При этом в процессуальной доктрине Франции, являющейся родоначальницей смешанного уголовного процесса, данный принцип не вы-

¹ Кузнецова Н.Н. Уголовное преследование по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германии: сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 162.

деляется. Соответственно, принцип непосредственности – не единственный институт, который призван решать указанные проблемы. Механизм их решения, в том числе концепция непосредственности, формируется под воздействием комплекса факторов.

Во-первых, это политико-идеологический фактор, обеспечивающий построение системы ценностей уголовного процесса. Во французском уголовном процессе, основанном на Кодексе уголовного расследования 1808 г., изначально в числе основных принципов была закреплена устность, что было обусловлено тем, что устность рассматривалась в качестве одного из главных символов борьбы с инквизиционным процессом и атрибутов состязательности¹.

Концепция непосредственности во многом зависит от отношения к состязательности в идеологии уголовного правосудия соответствующей страны. Подход к состязательности как самоценности означает последовательное закрепление идеи формирования доказательств исключительно в судебном разбирательстве. Непосредственность в данном случае находится в тени состязательности. Такое влияние на концепцию непосредственности наиболее заметно в уголовном процессе Италии периода реформы 1988 г.² Однако на практике концепция непосредственности там серьезно изменилась под влиянием идеологии, в силу которой судья отвечает за достижение истины, и в ходе познания им обстоятельств дела необходимо избегать потери доказательственной информации, полученной в досудебном производстве.

Отсюда вытекает второй фактор – это роль суда в судебном разбирательстве. В уголовном процессе Франции находят выражение концепции активного судьи и широкого судейского усмотрения, что нормативно проявляется в ст. 310 УПК Франции. В Германии уголовно-процессуальная доктрина не восприняла концепцию судейского усмотрения и пошла по пути глубокой юридико-технической разработки принципа непосредственности, хотя судья там сохранил активность в целях установления истины по делу.

¹ Смирнов А.В. Состязательный процесс. СПб. : Альфа, 2001. 320 с.

² Головки Л.В. Состязательность сторон обвинения и защиты: приемлемость рецепции итальянского опыта // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия «Право». 2002. № 4 (141). С. 147–152.

Третий фактор – это акцентированность на досудебном производстве. Проблематика, связанная со структурой континентального уголовного процесса, в ряде стран, в том числе во Франции, амортизируется тем, что в них значительное внимание уделяется вопросам совершенствования досудебного производства, следуя логике: чем качественнее проводится предварительное расследование с действием системы гарантий прав обвиняемого, тем меньше потребность в проведении полноценного непосредственного исследования доказательств в судебном разбирательстве.

В этом плане заслуживает внимания уголовный процесс Швейцарии с его концепцией факультативной (ограниченной) непосредственности, в силу которой судья может ограничиться исследованием материалов дела, собранных в ходе предварительного производства, а повторное получение доказательств в суде требуется лишь в установленных законом случаях. Однако там создан действенный механизм защиты прав обвиняемого, предусматривающий единый статус обвиняемого и широкие права стороны защиты по участию в собирании доказательств в досудебном производстве.

Четвертый фактор – конкуренция задач уголовного судопроизводства. С одной стороны, в континентальном уголовном процессе должна быть установлена истина, что требует непосредственного исследования судом всех доказательств, а с другой – существует необходимость ускорения и упрощения судопроизводства с учетом количества ежегодно рассматриваемых судами дел.

Пятый фактор – конкуренция защищаемых в уголовном процессе интересов свидетелей и потерпевших (несовершеннолетних, лиц с психическими заболеваниями, анонимных свидетелей и др.) и правом обвиняемого на допрос показывающих против него свидетелей. При решении данного вопроса сильное влияние на национальное законодательство стран континентальной Европы оказывает практика ЕСПЧ и высших судов соответствующих государств.

Учет рассмотренных факторов необходим в целях доктринальной разработки концепции непосредственности в уголовном процессе России, исторически относящемся к континентальному типу, без чего невозможно обеспечить решение теоретически и практически значимых вопросов формирования и исследования доказательств.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЯСНЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. Анализируя содержание положений ст. 144 УПК РФ с позиции правоприменения, возникает ряд вопросов. Так, согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ, при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения. При этом ч. 1.2 данной нормы указывает на возможность использования полученных сведений в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 УПК РФ. Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что объяснение также отнесено к доказательствам¹.

2. В гл. 24–27 УПК РФ, где закреплены требования к процедуре и условиям производства следственных действий, ничего не говорится о каких-либо требованиях относительно объяснения как действия, на которое есть указание в уголовно-процессуальном законодательстве. По-видимому, объяснение как действие, оговоренное в законе, следует относить к процессуальным действиям.

3. Исходя из п. 2 ч. 3 ст. 226-5 УПК РФ, регламентирующей процедуру доказывания при производстве дознания в сокращенной форме, можно сделать вывод о том, что закон позволяет использовать информацию, зафиксированную в объяснении в качестве доказательства.

4. Согласно ч. 3 ст. 86 УПК РФ, защитник вправе собирать доказательства. Однако это противоречит ч. 1 данной нормы, так как защитник не входит в круг участников, обладающих правом сбора доказательств. Перечень действий, делегированных защитнику данной нормой, не являются следственными действиями.

5. Думается, что необходимо, во-первых, в ч. 2 ст. 74 УПК РФ указать объяснение как вид доказательства. Во-вторых, в ч. 2 ст. 84 УПК

¹ Мельников М.В. Объяснение как источник доказательства в стадии возбуждения уголовного дела: постановка проблемы // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 3 (44). С. 191–196; Смирнова В. Правовая природа объяснений, полученных на стадии проверки сообщения о преступлении. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/pravovaya-priroda-obyasneniy-poluchennykh-nastadii-proverki-soobshcheniya-o-prestuplenii/?ysclid=lpkh3awa66119841397>

РФ указать объяснение как иной носитель информации. Предусмотреть норму, регулирующую порядок и условия получения объяснения и предложить следующую редакцию:

Статья 80.1. Объяснение. «Объяснение – это информация, полученная в ходе опроса дознавателем, следователем, прокурором, судом, защитником, нотариусом и которая может быть использована в качестве доказательства при условии, что она заверена нотариально». Включить в УПК РФ нотариуса как участника уголовного судопроизводства и дополнить нормой следующего содержания:

Статья 60.1. Нотариус. «Нотариус – это, не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое следователем, дознавателем, судом, потерпевшим, подозреваемым, обвиняемым, защитником, гражданским истцом, гражданским ответчиком для подтверждения достоверности факта выполненных действий указанными лицами». Осуществлять действия, прямо предусмотренные ст. 17 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате.

6. Внести дополнение в п. 1 ч. 2 ст. 131 УПК РФ, указав там после фразы «...а также адвокату...» и нотариусу.

Думается, что это может создать определенные гарантии, связанные с сохранением не только самой информации, но и ее юридической силы.

И.И. Писаревский

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ВИНЫ ПО ст. 312 УК РФ В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА ГРАЖДАНИНА

Несмотря на всю эксклюзивность ст. 312 УК РФ, автору довелось столкнуться с попытками ее применения еще и в такой необычной сфере. как несостоятельность (банкротство) гражданина, в результате чего были выявлены множественные проблемы, пути решения которых, судя по всему, незнакомы рядовым судебным приставам-исполнителям.

Несмотря на расхожее представление, введение процедуры банкротства не всегда означает приостановление / прекращение всех ограничений, наложенных вне ее рамок¹, а сама процедура не влечет абсолютного «очищения» гражданина от всех обязательств.

Таким образом, на практике вполне реальны ситуации, когда исполнительные производства продолжают и в рамках дела о банкротстве гражданина, и здесь основным препятствием на пути применения ст. 312 УК РФ становится фактор вверенности арестованного имущества обвиняемому как неотъемлемая характеристика субъекта (в части наличия у него обязанности хранить имущество) и объективной и субъективной сторон преступления, в последнем случае в части осознания хранителем данного факта.

Так, в банкротной процедуре реализации имущества все права по распоряжению им в силу прямого указания абз. 2 п. 5 ст. 213.25 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) переходят к специальному должностному лицу – финансовому управляющему, утвержденному арбитражным судом.

Следовательно, если мы говорим про возможную растрату или отчуждение вверенного имущества гражданину-банкроту, то в силу положений абз. 3 п. 2 ст. 213.25 Закона о банкротстве все его сделки, совершенные без участия финансового управляющего, ничтожны и не влекут никаких правовых последствий, кроме порожденных фактом своей ничтожности.

Кроме того, как было указано ранее, с даты признания банкротом у гражданина в целом прекращаются все права по распоряжению своим имуществом и он не может легально обеспечивать его сохранность, несмотря на данные судебному приставу-исполнителю обязательства, а все права в этой части переходят к финансовому управляющему.

Однако что делать с ответственностью финансовых управляющих? Как правило, им никто не вверяет арестованное имущество граждан-должников, к которому они получают фактический доступ опять же в

¹ Подробнее см.: Писаревский И.И. Наложение ареста на имущество должников-банкротов в контексте столкновения частных и публичных интересов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 12. С. 190–199.

силу приведенных норм Закона о банкротстве. И даже если финансовый управляющий был осведомлен о факте неснятого приставами ареста, вменить ему в данном случае ст. 312 УК РФ будет невозможно.

Кроме того, в соответствии с п. 1 ст. 213.26 Закона о банкротстве финансовый управляющий зачастую реализует имущество банкрота на основании положения о продаже, утвержденного арбитражным судом, что легитимирует его действия в спорах вокруг применения ст. 312 УК РФ.

Из вышеуказанного следует, что для целей применения ст. 312 УК РФ в процедурах банкротства гражданина в качестве надлежащего субъекта преступления следует рассматривать именно финансового управляющего, которому под роспись необходимо верить арестованное имущество с предупреждением об уголовной ответственности и обязательным уведомлением о данном факте арбитражного суда, в производстве которого находится дело о банкротстве.

В противном случае предъявить какие-либо обоснованные уголовно-правовые претензии будет невозможно ни должнику-гражданину, ни его финансовому управляющему.

Д.М. Сафронов

О МНИМЫХ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ ОБРАЩЕНИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ К КОНТРОЛИРУЮЩИМ И НАДЗИРАЮЩИМ ОРГАНАМ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, ОГРАНИЧИВАЮЩИХ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН

Защита прав и свобод человека в современном уголовном судопроизводстве выступает его основным предназначением (ст. 6 УПК РФ). Обеспечение судебного разбирательства по уголовному делу предполагает серьезную подготовку, осуществляемую в стадии предварительного расследования. При этом возможность использования собранных сведений в значительной мере зависит от соблюдения имеющихся гарантий прав и свобод человека. Наиболее существенные из них, относящиеся к уголовному судопроизводству, закреплены в Конституции

РФ (ст. 22–25). Законодатель прямо указал, что ряд прав может быть ограничен лишь по судебному решению. В сложившейся системе правоотношений суд выступает органом, осуществляющим контроль за наличием оснований для ограничения конституционных прав и свобод лиц и их достаточностью.

В УПК РФ положения, касающиеся производства следственных и иных действий, ограничивающих конституционные права и свободы человека, закреплены в ч. 2 ст. 29. При этом законодатель указывает, что «только суд правомочен принимать решения» о производстве указанных в статье следственных действий.

Анализ нормы и складывающейся на ее основе правоприменительной практики вызывает определенные вопросы в научном сообществе¹. Полагаем, разрешение на производство следственных действий по своему объему не сопоставимо с объемом прав, закрепленных в Конституции РФ. В частности, при разрешении на производство обыска в жилище формально орган расследования просит ограничить лишь одно право – неприкосновенность в жилище. Фактически же при этом может потребоваться произвести обыск лица, оказавшегося в этот момент в жилище; изучить переписку в мессенджерах и социальных сетях на мобильных и стационарных устройствах. Не следует забывать: и обыск лица, и осмотр электронных сообщений, и их выемка фактически ограничивают конституционные права лиц, что требует принятия судебного решения (п. 6 и 12 ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Он, однако, на ограничение иных прав, как и на проведение иных следственных действий, разрешение не давал.

В итоге возникает ситуация, когда орган, уполномоченный на ограничение прав лиц, фактически участвует в досудебном производстве, предоставляя возможность органам расследования проводить следственные действия. Полагаем, такая ситуация является недопустимой.

На наш взгляд, орган предварительного расследования, хотя и действует в строгом соответствии с требованиями УПК РФ, но фактически

¹ Например: Никифорова Х.П. К вопросу о судебном контроле законности и обоснованности производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 3 (178). С. 120–125; Россинский С.Б. Размышления об эффективности судебного контроля за производством следственных действий // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 225–235.

нарушает требования Конституции РФ. Имеющее место обращение органа предварительного расследования в суд, в ходе которого испрашивается разрешение не на ограничение права, а на проведение следственного действия, следует считать не соответствующим ни конституционным положениям, ни роли суда в современном уголовном процессе, т.е. мнимым. Полагаем, единственное действительное основание для обращения органов предварительного расследования в суд – необходимость оценки в порядке контроля наличия и достаточности сведений для ограничения конституционных прав и свобод лиц. И именно об этом должно быть ходатайство органа предварительного расследования.

В.А. Семенцов

УЧЕНИЕ О ПОДОЗРЕНИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В отечественной науке уголовного процесса учению о подозрении не уделяется должного внимания, хотя в литературе под подозрением традиционно понимается «тезис о причастности определенного лица к совершению преступления, подлежащий проверке и доказыванию в ходе предварительного расследования, притом носящий, в отличие от утвердительного тезиса обвинения, предположительный характер и меньшую степень обоснованности»¹.

Действительно, подозрение в его процессуальном значении возникает в досудебном производстве, позволяя сделать предположительный вывод о причастности конкретного лица к совершению преступления. Термин «подозрение» используется законодателем в тексте УПК РФ в целом ряде случаев и чаще всего в связи с применением мер процессуального принуждения и определением статуса лица, подвергаемого уголовному преследованию.

¹ Майорова Л.В., Плошкина Я.М. Соотношение понятий «задержание» и «подозрение» в уголовном процессе России и Германии // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2018. № 7. С. 1106.

В п. 22 ст. 5 УПК РФ дается понятие обвинения, а вот легальная формулировка подозрения в законе отсутствует. Скорее всего, это обусловлено тем, что подозрение скоротечно и не является обязательным этапом привлечения к уголовной ответственности, поскольку на практике вполне допустима процессуальная ситуация, когда органом уголовного преследования может быть собрано такое количество доказательств, которое предоставит возможность предъявить обоснованное обвинение лицу без предварительного его вовлечения в дело в качестве подозреваемого.

Несмотря на различие предлагаемых учеными подходов к формулированию понятия «подозрение», объединяющими его признаками служат следующие: 1) это предположение о причастности конкретного лица к совершению преступления; 2) предположение основано на достаточных данных; 3) оформлено специальным процессуальным актом.

Если по поводу первого из указанных признаков наблюдается единство мнений, то относительно основания выдвижения и оформления подозрения общего подхода уже не наблюдается.

По нашему мнению, основание подозрения, несмотря на предположительный свой характер, все же обосновывается (иначе говоря, подтверждается фактами, серьезными доводами), в форме достаточных данных.

Вполне определено на основании выдвижения подозрения указывается в ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ – получение достаточных данных подозревать лицо в совершении преступления. Термин «достаточность данных» используется законодателем не только при уведомлении о подозрении в совершении преступления в случае производства предварительного расследования в форме дознания, но и при определении основания к применению мер безопасности, основания к возбуждению уголовного дела, основания производства обыска. Для нас очевидно, что наличие достаточных данных подозревать лицо в совершении преступления может иметь место и в других процессуальных ситуациях, например, при процессуальном задержании и (или) избрании меры пресечения, когда производятся следственные действия.

В результате можно констатировать, что основанием выдвижения обоснованного подозрения служит совокупность данных, имеющих в материалах проверки сообщения о преступлении или уголовном деле, оцениваемых следователем или дознавателем как достаточные для того, чтобы считать лицо причастным к совершенному преступлению.

А теперь перейдем к вопросу об оформлении подозрения в виде соответствующего процессуального акта как третьего из названных ранее его признаков.

В соответствии с ч. 1 ст. 46 УПК РФ процессуальной формальной реализацией подозрения, в случае его подтверждения, служит специальный процессуальный акт, ставящий гражданина в положение подозреваемого. Официальное объявление о подозрении происходит в случае ознакомления с каким-либо из указанных процессуальных актов.

Но поскольку уголовное преследование – это процессуальная деятельность, которая начинается с получения сообщения о преступлении (п. 9 и 56 ст. 5 УПК РФ), то и начало реализации функции уголовного преследования необходимо связывать именно с этим моментом. Из этого следует, что подозрение как обязательный элемент уголовного преследования предшествует официальному признанию лица, изобличаемого в преступлении, подозреваемом по тем основаниям, что указаны в ч. 1 ст. 46 УПК РФ. Более того, при наличии достаточной совокупности доказательств подозрение перерастает сразу в обвинение, минуя этап процессуального признания заподозренного лица подозреваемым.

На наш взгляд, этап легализации подозрения в виде процессуального акта из числа указанных в ч. 1 ст. 46 УПК РФ, ставящего гражданина в положение подозреваемого, следует сохранить в неизменном виде, позволяя тем самым обеспечивать реализацию этим участником досудебного производства своих прав. В то же время критически оценивается предложение о прямой постановке лица в процессуальное положение подозреваемого путем составления постановления о привлечении лица в качестве подозреваемого, вопреки позиции законодателя, посчитавшего излишним вынесение специального процессуального решения о признании лица подозреваемым.

Е.В. Сидоренко

ОСНОВАНИЯ РАСКРЫТИЯ ЛИЧНОСТИ СВИДЕТЕЛЯ (ПОТЕРПЕВШЕГО), ЗАЩИЩЕННОГО ПСЕВДОНИМОМ, В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

По ряду преступлений привлечение лиц, их совершивших, затруднено оказываемым на потерпевших, свидетелей давлением, связанным с запугиванием и отказом этих лиц от дачи или изменением показаний.

Сторонники возможности использования псевдонима при допросе свидетеля (потерпевшего) как гарантию соблюдения принципа состязательности и соблюдения права подсудимого на защиту указывают на положения ч. 6 ст. 278 УПК РФ, предусматривающие возможность раскрытия личности свидетеля (потерпевшего), защищенного псевдонимом.

В судебных стадиях уголовного процесса возникает проблема, связанная с обеспечением безопасного участия лиц под псевдонимом.

С одной стороны, путем заявления ходатайств или постановки вопросов сторона защиты может вычислить защищаемого свидетеля; с другой стороны, суд может удовлетворить ходатайство и рассекретить личность свидетеля.

В некоторых публикациях суду предлагается отклонять ходатайства и вопросы, которые могут привести к «вычислению» личности свидетеля; вообще не мотивировать решение об отказе в удовлетворении такого ходатайства¹.

Такие предложения противоречат сути уголовного судопроизводства, возлагая на суд не свойственные ему функции.

Согласно ч. 6 ст. 278 УПК РФ, при заявлении сторонами обоснованного ходатайства о раскрытии его личности в связи с необходимостью осуществления защиты подсудимого суд вправе удовлетворить такое ходатайство.

К счастью, мы не нашли в опубликованной судебной практике примеров реализации этого положения судом, так как трудно представить возможные последствия для дающего показания под псевдонимом применения этой нормы.

В некоторых публикациях мы читаем ««трогательные» рекомендации следователям устанавливать психологический контакт с защищаемым лицом на протяжении допроса и дальнейшего расследования по уголовному делу и применения мер безопасности»².

Какие рекомендации можно дать поверившим следователю свидетелям в случаях раскрытия их личности без их согласия?

¹ Тимошенко А.А. Потерпевший и свидетель под псевдонимом: проблемы практики // Криминалистика. 2008. № 2. С. 28.

² Епихин А.Ю., Мишин А.В. Допрос потерпевшего, свидетеля под псевдонимом в досудебном и судебном производствах (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты) // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2019. Т. 29, № 4. С. 482.

Представляется, что единственный выход из ситуации следующий: если суд признает ходатайство о раскрытии данных о личности свидетеля (потерпевшего) обоснованным, он, при отказе в этом со стороны защищаемого законом лица, должен отказать в удовлетворении ходатайства с одновременным исключением показания лица под псевдонимом из доказательственной базы. Это, на наш взгляд, должно быть закреплено в уголовно-процессуальном законодательстве¹.

И в заключение следует выразить пожелание, чтобы применение положения ч. 9 ст. 166 УПК РФ о возможности использовать псевдоним являлось исключением из правил, использовалось только в отсутствие реальной процессуальной возможности получить необходимые для расследования уголовного дела сведения иным способом.

И.Ю. Таричко

СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Социальная ценность государственной идеологии наиболее ярко проявляется в мировоззренческой, интеграционной, ориентирующей и прогностической функциях. Мировоззренческая функция направлена на сохранение нравственно-духовных основ общества. Заметим, что идеология неотделима от истории, в ней собраны, аккумулированы знания и ценности народа. Знания представляют собой историческое прошлое, освоенный на протяжении нескольких поколений опыт жизнедеятельности, анализ собственных ошибок и достижений, проверку пригодности новых и «иноземных» институтов. Ориентирующая функция проявляется в том, что ценности, черпающие силу в мировоззрении, выведенные из менталитета и традиций, придают качественной идеологии стабильность, направляют основанную на знаниях деятельность людей в нужное русло, выступают своеобразным «фейс-контролем» знаний.

¹ Брусницын Л.В. Посткриминальное воздействие и некоторые аспекты участия потерпевших и свидетелей в уголовном процессе под псевдонимом // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1. С. 80–81.

Прогностическая функция позволяет, руководствуясь современными задачами, формировать национальную идеологическую парадигму, которая посредством закрепления в законе будет способствовать выстраиванию эффективной модели отечественного уголовного процесса на долгие годы вперед.

Интегрирующая функция идеологии заложена преамбулой Конституции РФ. Вместе с тем ст. 13 Основного закона страны, словно испугавшись «тяжелого тоталитарного прошлого», когда идеология, с точки зрения отдельных персонажей, была политическим средством подавления любого инакомыслия, орудием защиты интересов правящей советской элиты, ошибочно отказывается от инструмента, которым не умеет пользоваться. Теперь, как посчитали разработчики Конституции РФ, пусть лучше никакая идеология не будет существовать в качестве главной, определяющей вектор развития, пусть будет много и разных.

И это тоже идеология – идеология либерализма, плюрализма, «игры в демократию». И это еще более пагубно, поскольку создает видимость, иллюзию свободы и демократии, а по сути, разобщает, выступает ширмой для реально проводимой государственной (элитарной) идеологии, являющейся пропагандой интересов узкой группы либерально настроенных политиков.

Вместе с тем демократические институты свободно развивающегося современного общества будут иметь положительный эффект только тогда, когда их базисной основой выступит единая национальная идеология, если они хоть и выражают различные (скорее нюансовые) пути развития и организации общества, но все же поддерживаются и признаются социумом, поскольку опираются на вполне легитимные знания и ценности. С этих позиций представляется полезным проследить влияние идеологии на структуру и в большей степени на инфраструктуру современного уголовного процесса. Если внешне уголовно-процессуальные стадии не претерпели видимых структурных изменений, то их внутреннее наполнение, сформированное (как было отмечено ранее) путем принятия ряда ошибочных политических решений, оказалось пропитанным англо-саксонским «либеральным ликером».

«Верхушка айсберга» здесь очевидна – под влиянием состязательной идеологии были кардинально реформатированы на охранительный тип уголовного процесса цели и задачи, содержательно пересмотрена система принципов, изменен процессуальный статус участников

уголовного процесса. Авторы УПК РФ «серьезно» поработали над нивелированием истины как цели доказывания, обвинительного уклона в деятельности суда, попытались максимально возвеличить состязательность, объявив ее принципом уголовного процесса.

Данные характеристики составляют квинтэссенцию идеологии уголовного судопроизводства. Хотелось бы верить, что идеология все же будет лишена искусственно навязанных ей оттенков и оценок, а идеолог, будь то отдельная личность или государство в целом, станет смотреть на нее как на эффективный инструмент организации деятельности в рамках уголовного процесса, позволяющий достигать именно социально значимых результатов.

Л.Г. Татьяна

ПРИЗНАНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ НЕДОПУСТИМЫМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Одним из наиболее сложных элементов в процессе доказывания является оценка доказательств, но именно от нее зависит принятие решений в процессе производства по уголовному делу.

Правила оценки доказательств, сформулированные в ст. 61 УПК РСФСР 1922 г., устанавливали: «Суд не ограничен никакими формальными доказательствами, и от него зависит по обстоятельствам дела или потребовать их от третьих лиц, для которых такое требование обязательно»¹. Исходя из содержания указанной нормы, суд, осуществлявший правосудие, реализовал свои дискреционные полномочия, оценивая доказательства и принимая на их основе решения независимо от позиции сторон и иных участников процесса. Право суда истребовать необходимые доказательства было дополнительной гарантией принятия законного и обоснованного решения, поскольку таким образом суд мог устранить все возникшие у него сомнения, не принимая решения

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25.05.1922 года. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (загл. с экр.: 30.11.2022).

только на основе представленных доказательств, которые в силу особенностей деятельности органов предварительного расследования могли быть представлены не в полном объеме, что исключало возможность объективного установления обстоятельств произошедшего события и как следствие принятие правильного решения.

Оценка доказательств, которая бесспорно осуществлялась прокурором и следователем при производстве по уголовному делу, исходя из указанной нормы, не принималась во внимание судом, поскольку именно он отвечал за правильность принятия решения и не мог быть связан мнением других лиц.

Указанный подход нашел свое отражение в ст. 57 УПК РСФСР 1923 г.¹, содержание которой было аналогичным ст. 61 УПК РСФСР 1922 г. Указанный подход обеспечивал независимость правосудия от позиции сторон, именно суд оценивал доказательство и принимал окончательное решение по уголовному делу.

В УПК РСФСР 1960 г. в отличие от ранее действовавших была введена ст. 71, содержащая порядок оценки доказательств, согласно которой «суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием. Никакие доказательства для суда, прокурора, следователя и лица, производившего дознание, не имеют заранее установленной силы»².

Впервые в УПК РСФСР в качестве субъектов оценки доказательств были указаны прокурор, следователь и суд. При этом законодатель не предусмотрел зависимость последующей оценки доказательств от первоначальной. Исходя из логики закона, оценка доказательств является непрерывным процессом, который осуществляется на протяжении всего производства по уголовному делу. Доказательства неоднократно проверяются и предварительно оцениваются, при этом в зависимости от получения новых доказательств, последовательной перепроверки уже имеющихся доказательств они могут быть оценены по-иному, что

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 15.02.1923 года. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki> (загл. с экр.: 01.12.2022).

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 года. URL: docs.cntd.ru (загл. с экр.: 01.12.2022).

позволит принять новое решение. Для восполнения существующих пробелов, имеющих сомнений необходимо получить новые доказательства.

По УПК РСФСР оценка доказательств представляла собой мыслительный процесс, который завершался принятием промежуточного либо окончательного решения. Промежуточные решения не предполагали в обязательном порядке наличие письменных актов, в отличие от них окончательные решения должны были содержать доказательства, которые были положены в основу их принятия. В связи с этим оценка доказательства, сделанная следователем, прокурором или лицом, производившим дознание, не являлась обязательной для суда и не могла повлиять на его решение. Данный подход обеспечивал независимость суда от позиции стороны обвинения.

Принятие УПК РФ 18.12.2001 г., провозгласившего назначением уголовного судопроизводства защиту прав и законных интересов потерпевших от преступлений и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, фактически ограничило независимость суда при принятии окончательных решений. Данная ситуация возникла посредством введения правил оценки доказательств, установленных в ст. 88 УПК РФ. Согласно ч. 3 указанной статьи, «прокурор, следователь, дознаватель вправе признать доказательства недопустимыми по ходатайству подозреваемого, обвиняемого или по собственной инициативе. Доказательство, признанное недопустимым, не подлежит включению в обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление». Таким образом, указанные должностные лица имеют право не только по ходатайству подозреваемого или обвиняемого, но и по своей инициативе вынести письменное постановление о признании доказательства недопустимым. Ответ на ходатайство дается в письменной форме, что указывает на необходимость вынесения письменного постановления, на которое возможно ссылаться, если в обвинительном заключении, обвинительном постановлении или обвинительном акте будет ссылка на доказательство, признанное недопустимым.

Не совсем понятно, почему такого права лишен потерпевший, поскольку в данном случае нарушается равенство прав сторон. Как следует поступить, если посредством получения новых доказательств доказательство, признанное недопустимым, необходимо будет оценить

вновь. Законодатель не предусмотрел возможности отмены постановления о признании доказательств недопустимым, постановленного следователем, руководителем следственного органа, прокурором или судом. Таким образом, признание следователем доказательств недопустимым исключает возможность его рассмотрения и оценки судом. Положения ст. 235 УПК РФ, позволяющие пересмотреть и вновь оценить доказательства, распространяются только на доказательства, признанные недопустимыми судом на предварительном слушании, в отношении доказательств, признанных недопустимыми в ходе предварительного расследования, речи не идет. Получить вновь доказательства, признанные недопустимым, чаще всего бывает невозможно, поскольку проведение повторно большинства следственных действий недопустимо.

Существующая ситуация позволяет изначально, со стадии предварительного расследования, признать недопустимыми доказательствами те материалы, которые она примет от стороны защиты, поставив ее в сложнейшее положение – оспорить решение нельзя, представить вновь доказательства недопустимо, поскольку по ним принято решение. В связи с этим сторона защиты вынуждена предъявлять доказательства в суде, рискуя тем, что они будут представлены несвоевременно.

Указанная ситуация нарушает независимость суда при осуществлении правосудия, так как суд не может оценить все доказательства, находится в зависимости от признания недопустимыми ряда доказательств следователем, прокурором или лицом, производящим дознание. Полагаю, что следует исключить из положений ст. 88 УПК РФ право следователя, прокурора, лица, производящего дознание, принимать решение о признании доказательств недопустимым в целях обеспечения суду возможности исследовать и оценивать все доказательства независимо от позиции сторон и принимать законное, обоснованное и справедливое решение.

П.М. Титов

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБВИНИТЕЛЬ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее – УПК РФ), а именно ч. 4 ст. 20 УПК РФ закрепляет, что с согласия прокурора дознаватель возбуждает уголовное дело о любом

преступлении, в том числе и по преступлениям категории частного обвинения, и при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы. Как мы видим, уже с самого начала УПК РФ закрепляет полномочия прокурора по делам частного обвинения. Прокурор по уголовному делу частного обвинения участвует не только на стадиях досудебных, но и на судебных стадиях, аналогично как и по другим категориям уголовных дел. При этом возникают определенные проблемы, которые по настоящее время законодательно не решены. О таких проблемах автором писалось ранее¹. Также об определенных вопросах, которые возникают в правоприменительной деятельности, обозначал в своих работах В.Ю. Стельмах².

По делам частного обвинения досудебная стадия уголовного преследования может отсутствовать. При ее наличии государственный обвинитель выступает надзирателем, который лишь знакомится с собранными по уголовному делу материалами.

Переходя к судебным стадиям, необходимо обратить внимание на предварительное слушание. Исходя из такой особой категории дел, как частное обвинение, предварительное слушание проводится только в трех предусмотренных законом случаях, а именно в п. 1, 2, 3 ч. 2 ст. 229 УПК РФ. Имеются различные точки зрения по вопросу участия государственного обвинителя на предварительном слушании. Л. Курочкина формулировала свое мнение так: «функция поддержания государственного обвинения состоит из нескольких этапов: подготовки, непосредственного участия в рассмотрении уголовного дела судом по существу, проверки законности, обоснованности и справедливости решения суда. ...Предварительное слушание является подготовительной

¹ См.: Титов П.М. Проблемы правового положения прокурора по уголовным делам частного обвинения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3 (87). С. 123–132.

² См.: Стельмах В.Ю. Отказ государственного обвинителя от обвинения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Юридические науки». 2021. № 1 (44). С. 57–62; Стельмах В.Ю. Классификация полномочий Генерального прокурора Российской Федерации в уголовном судопроизводстве // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 1 (31). С. 108–113.

стадией главной функции прокурора в суде – поддержание им государственного обвинения»¹. Можно согласиться с мнением А.В. Спирина, который указывал, что «роль прокурора на данной стадии коренным образом отличается от его роли в досудебных стадиях (также, заметим, в судебном разбирательстве)»².

В соответствии с ч. 2 ст. 246 УПК РФ участие государственного обвинителя в судебном разбирательстве обязательно, если уголовное дело было возбуждено следователем или же дознавателем с согласия прокурора. Для того чтобы избрать правильную позицию на остальных судебных стадиях, государственному обвинителю следует учитывать отношение обвиняемого к предъявленному ему обвинению, чтобы эффективно поддерживать обвинение. В ряде проблемных ситуациях, таких как затягивание судебного разбирательства, подчеркивая умышленность данных действий со стороны обвиняемого, государственному обвинителю стоит этому противодействовать согласно нормам уголовно-процессуального законодательства, аргументировать каждую реплику стороны обвинения, при всем этом соблюдать спокойствие и проявлять выдержку.

На общую судебную ситуацию влияет степень достаточности собранных по уголовному делу доказательств. При качественной работе всего механизма уголовного преследования, в том числе и государственного обвинителя, лицо, совершившее противоправное деяние, не уйдет от справедливой ответственности.

Е.Н. Чемерилова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ ОКАЗАНИИ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Одной из форм международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства является правовая помощь по уголовным делам, предусматривающая производство некоторых процессуальных действий, в том числе в режиме видеоконференц-связи.

¹ Курочкина Л.А. Участие прокурора в предварительном слушании // Уголовное право. 2007. № 4. С. 89–92.

² Спирин А.В. Прокурор как субъект доказывания в уголовном судопроизводстве России : учеб. пособие. Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2019. С. 34.

Эффективность дистанционного осуществления отдельных процессуальных действий не вызывает сомнения.

Такая возможность предусмотрена рядом международно-правовых актов¹.

В УПК РФ соответствующие изменения, позволяющие следователю, дознавателю в ходе досудебного производства произвести допрос, очную ставку, опознание с использованием видеоконференц-связи, внесены Федеральным законом от 30.12.2021 № 501-ФЗ.

Возникает вопрос, можно ли применить введенную в УПК РФ норму при необходимости производства указанных следственных действий в отношении лиц, находящихся за пределами Российской Федерации.

Отвечая на вопрос, обратимся к основным положениям международного обычного права, согласно которым уголовно-процессуальная деятельность в отношении территории иностранного государства и находящихся там лиц возможна лишь с согласия данного государства в каждом конкретном случае или на основе международного договора.

Отсюда следует вывод, что напрямую реализовать рассматриваемую норму (ст. 189¹ УПК РФ) непосредственно следователем, осуществляющим расследование уголовного дела, нельзя, так как это может быть расценено как вторжение в суверенное пространство иностранного государства.

Таким образом, следователь, дознаватель, при необходимости производства допроса лица, находящегося на территории иностранного государства, в том числе в порядке ст. 189¹ УПК РФ, направляет в компетентный орган иностранного государства соответствующий запрос об оказании правовой помощи в соответствии со ст. 453, 454, 457 УПК РФ.

Исполнять просьбу будет представитель запрашиваемой стороны.

Участие российского следователя, направившего запрос о получении показаний от лица с использованием видеоконференц-связи, будет сводиться, в основном, к возможности присутствовать при производстве данного действия (видеть, слышать, непосредственно воспринимать информацию, а также, что немаловажно, оценивать результаты) в

¹ Например, см.: Конвенция против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000; Конвенция против коррупции от 31.10.2003 // СПС «КонсультантПлюс».

соответствии со ст. 457 УПК РФ с согласия компетентных органов запрашиваемого государства.

Сегодня, в условиях сложной международной обстановки, представляется интересной предусмотренная отдельными международными договорами возможность проведения некоторых процессуальных действий через консульские учреждения и дипломатические представительства. В частности, ст. 12 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993¹ оговаривает право договаривающихся сторон по поручению своих компетентных органов допрашивать собственных граждан через свои дипломатические представительства или консульские учреждения (с их согласия).

Однако в России данная практика не нашла должного применения, что, по мнению некоторых авторов, объясняется тем, что российский уголовно-процессуальный закон не наделил сотрудников дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации соответствующими полномочиями.

В настоящее время депутатами Государственной Думы внесен законопроект о внесении изменений в ст. 453 и 454 УПК РФ, предусматривающие право сотрудников консульских учреждений в исключительных случаях по согласованию с МИД России по запросу следователя, дознавателя проводить допрос, в том числе с использованием систем видеоконференц-связи, а также некоторые другие процессуальные действия на территории иностранных государств.

Авторы законопроекта справедливо отмечают необходимость указанных изменений в связи с возросшим количеством фактов неисполнения недружественными странами запросов российских следователей об оказании правовой помощи.

¹ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписана Российской Федерацией 22 января 1993 г., ратифицирована 4 августа 1994 г., вступила в силу для Российской Федерации 10 декабря 1994 г. // СПС «КонсультантПлюс».

МОЛЧАЛИВОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ

В традиционном понимании сущность и предназначение свидетеля в уголовном процессе ограничиваются его осведомленностью об обстоятельствах совершенного преступления и иных сведениях, имеющих значение для предварительного и судебного следствия, и назначения наказания. Соответственно, в данном аспекте значение придается лишь интеллектуальной составляющей информации, которой обладает свидетель. При таком понимании единственным способом предоставления искомым сведений свидетелем может быть лишь активное действие, выраженное в вербальной форме, либо путем добровольного предоставления образцов для сравнительного исследования¹. Данное указание на интеллектуальный характер информации, носителем которой является свидетель, следует из самого его определения как лица, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства.

На наш взгляд, сущность информационного потенциала свидетеля необходимо понимать шире. Источником информации, имеющей значение для уголовного дела, могут быть не только сведения, которые известны свидетелю, которые находятся в его памяти и могут быть воспроизведены вербальными средствами. В определенных следственных ситуациях внешность свидетеля может сама по себе являться источником значимой информации, которая получается и документируется процессуальными документами в ходе следственных действий, проводимых с участием свидетеля.

К примеру, сама внешность свидетеля, становясь предметом изучения в ходе предъявления лица для опознания, непосредственно влияя на результат данного следственного действия и выводы, которые делаются при оценке его в совокупности доказательств, является «обстоятельством, имеющим значение для расследования и разрешения уголовного дела». Соответственно, можно сделать вывод, что данная ин-

¹ Арабули Д.Т. Свидетель в уголовном процессе (некоторые особенности процессуального статуса) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3 (53). С. 13–18.

формация, доступная лишь для визуального восприятия, исходя от свидетеля и обладая свойством иметь значение для доказывания по уголовному делу, по сути своей сродни показаниям свидетеля. Однако она не имеет интеллектуального содержания, не связана с памятью и владением свидетелем речью. В реальности данная информация, будучи материализованной лицом, ведущим расследование, в форме процессуальных документов – протоколов следственных действий ложится в основу доказательной базы по уголовному делу.

Однако, приводя перечень доказательств по уголовному делу при составлении обвинительного заключения, следователь относит данные сведения не к показаниям потерпевшего, свидетеля в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, а к протоколам следственных действий, ссылаясь на п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

На наш взгляд, данный подход является ошибочным, так как не отражает сущность доказательственной информации, содержащейся в указанных процессуальных документах. Ведь доказательное значение для уголовного дела указанные протоколы следственных действий имеют лишь в силу наличия в них информации, поступившей от свидетеля, ей обладающего, независимо от формы ее предоставления – вербальной или невербальной. И, исходя именно из природы полученной информации, а не из сущности способа ее получения, необходимо оценивать ее статус в иерархии доказательств¹.

На наш взгляд, искусственное ограничение способов демонстрации и воспроизводства информации, которой свидетель обладает (а информация, выраженная внешностью, безусловно, является предметом его обладания), путем законодательного закрепления вербального способа как единственно возможного снижает поле для получения всех возможных доказательств по уголовному делу, что противоречит целям объективного и всестороннего расследования.

Для решения данной проблемы мы предлагаем ввести в научный оборот понятие «молчаливое свидетельство» как одну из форм свидетельских показаний. Данный термин впервые употреблен в работе Ю.А. Цветкова, однако без придания ему самостоятельного значения².

¹ Земцова А.В. Допустимость показаний свидетеля при производстве по уголовному делу : дис. ... канд юрид. наук. М., 2011. 220 с.

² Цветков Ю.А. Уголовно-правовые последствия отказа от дачи показаний и невыполнения иных процессуальных обязанностей // Вестник Академии Следственного комитета РФ. 2017. № 1. С. 54–56.

Содержание этого понятие выражает предоставление свидетелем сведений, которыми он обладает, имеющих значение для расследования и разрешения уголовного дела, которые не могут быть выражены путем дачи показаний, а только путем молчаливой демонстрации. В такой форме «молчаливое свидетельство», соответствуя своей сущности, и приравнивается в доказательственном значении к свидетельским показаниям, предоставленным устно.

В.В. Ясельская

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ДИСТАНЦИОННОГО ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Информационные технологии все шире внедряются в нашу жизнь, в том числе и в уголовный процесс, и это неизбежно. Так, с 2011 г. апробирован и признан эффективным опыт допроса свидетелей с использованием ВКС в судебных стадиях уголовного процесса, а с недавнего времени дистанционный допрос регламентирован и в досудебном производстве (ст. 189.1 УПК РФ). Основанием проведения допроса свидетелей и потерпевших посредством видеоконференц-связи является невозможность их личного участия в производстве по уголовному делу ввиду нахождения на большом удалении от органа предварительного расследования.

В целом данное нововведение исследователями и практиками оценено положительно¹. Так, дистанционный допрос на стадии предварительного расследования существенно экономит время, позволит устранить бесконечную волокиту в расследовании, тем самым защитив

¹ Проект поправок в УПК, предусматривающих онлайн-допросы свидетелей и потерпевших, доработан. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/proekt-popravok-v-upk-predusmatrivayushchikh-onlayn-doprosy-svideteley-i-poterpevshikh-dorabotan/>; Гаас Н.Н. Использование видеоконференц-связи при производстве следственных действий в стадии предварительного расследования: изменения, в которых нуждается практика // Российский следователь. 2021. № 12. С. 11.

права участников уголовного процесса; позволит своевременно получить информацию, необходимую для расследования преступления; сократит процессуальные издержки, что, в конечном счете, будет способствовать повышению эффективности работы следователя.

Однако в юридической литературе обоснованно высказываются некоторые опасения, что при проведении дистанционного допроса на стадии предварительного расследования могут возникать сложности, а в некоторых случаях и злоупотребления со стороны должностных лиц, осуществляющих производство по делу.

Так, по мнению Т. Проценко, проведение дистанционного допроса без ущемления прав подозреваемого или обвиняемого возможно только с согласия стороны защиты, поскольку при такой процедуре могут оставаться неразрешимые сомнения в достоверности показаний и законности процесса их получения, которые могут трактоваться только в пользу обвиняемого¹. Такой допрос должен проводиться в исключительных случаях, если невозможно или достаточно затруднительно обеспечить явки свидетеля к следователю для допроса.

Для того чтобы повысить эффективность дистанционного допроса, расширить возможности защиты и обеспечить права обвиняемого при производстве по уголовному делу, необходимо усовершенствовать данную форму допроса прежде всего в направлении усиления гарантий прав обвиняемого. Необходимо не только учитывать мнение стороны защиты о возможности проведения допроса свидетеля с использованием ВКС, но и предоставить право участвовать в его производстве. Так, в случае неявки в судебное заседание свидетеля, допрошенного следователем посредством ВКС, обвиняемый не сможет реализовать право допрашивать показывающих против него свидетелей. Идея о расширении круга следственных действий, в которых вправе принимать участие защитник, не нова, еще в период действия УПК РСФСР 1960 г. в юридической литературе предлагалось допустить защитника к участию в «неповторяемых» следственных действиях².

¹ Введенные в УПК нормы серьезно нарушают право на защиту. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/vvedennyye-v-upk-normy-serezno-narushayut-pravo-na-zashchitu/>

² Царев В.М. Эффективность участия защитника в доказывании на предварительном следствии. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. С. 102.

Также необходимо предусмотреть возможность проведения дистанционного допроса не только по инициативе должностного лица, осуществляющего производство по делу, а также и по инициативе стороны защиты (например, если лицо находится в другом регионе или государстве и адвокату-защитнику затруднительно обеспечить его личное участие), это существенно расширит возможности защитника и снизит финансовую нагрузку на обвиняемого.

Т.Ю. Изгагина

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ НА ТРАНСПОРТЕ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ

Укреплению российской государственности препятствует коррупция, которая существует практически в той или иной степени в каждой сфере государственной деятельности, в том числе и в сфере транспорта. От эффективного противодействия коррупции в транспортной сфере зависит развитие всей транспортной системы Российской Федерации.

Противодействие коррупционным проявлениям на транспорте осуществляется в соответствии с требованиями Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы»; приказом Минтранса России от 15.02.2022 № 47 утвержден План Министерства транспорта Российской Федерации по противодействию коррупции на 2021–2024 годы. В соответствии с данным Планом в Министерстве предусмотрены следующие мероприятия: исполнение гражданскими служащими и руководителями организаций обязанности по предоставлению сведений о доходах; проверка предоставленных сведений с целью выявления признаков предоставления недостоверных или неполных сведений о доходах, конфликта интересов; повышение уровня квалификации, культуры работников уровня правовой грамотности, а также антикоррупционное просвещение (разработка справочного пособия «Обзор типичных ошибок, допускаемых

при заполнении сведений о доходах»; проведение семинаров, дополнительного обучения по специальным программам; проводятся лекции и тестирования на знание антикоррупционного законодательства¹ и т.п.); проводится ежеквартальный мониторинг хода реализации мер по противодействию коррупции в Минтрансе России, анализируются коррупционные риски, ежегодно проводится их оценка, анализируется и обобщается информация о практике проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов. Функционирует Комиссия Министерства транспорта Российской Федерации по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных гражданских служащих и работников организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Министерством транспорта Российской Федерации, и урегулированию конфликта интересов, на заседаниях которой ежегодно в декабре осуществляется оценка качества реализованных мер по предупреждению коррупции.

Несмотря на предпринимаемые меры, на транспорте выявляются преступления коррупционного характера (за 11 месяцев 2022 г. зарегистрировано 2 363 коррупционных преступления (из них 55 преступлений, совершенных в указанный период); в 2021 г. – 2 288 (655); в 2020 – 2 190 (569)²). Анализ приведенных показателей свидетельствует, что примерно четверть регистрируемых ежегодно преступлений совершаются в отчетные периоды, остальные относятся к событиям, произошедшим в прошедшие периоды, т.е. преступления выявляются спустя продолжительное время.

Прокурорами также выявляются коррупционные нарушения на транспорте (в 2021 г. – 6 973 нарушения, в 2020 г. – 6 739; в 2019 г. – 6 350), ежегодно количество выявленных коррупционных нарушений возрастает; надзор на указанном направлении считается приоритетным. Прокуроры ориентированы не только на проведение проверок исполнения законов о государственной и муниципальной службе, но и на выявление коррупционных проявлений, пресечение порождающих их причин и условий, ликвидацию (минимизацию) их последствий³.

¹ URL: <https://mintrans.gov.ru/activities/anti-corruption/statistics/369> (дата обращения: 10.01.2023).

² Сводный ответ по транспорту «О состоянии преступности и результатах расследования преступлений (4-ЕГС).

³ URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/zstp/activity/combating-corruption> (дата обращения: 10.01.2023).

Среди типичных нарушений можно выделить: нарушение государственными служащими запретов и ограничений, связанных со службой, в том числе путем предоставления неполных и недостоверных сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера; неисполнение требований закона о предотвращении и урегулировании конфликта интересов, неуведомление представителя нанимателя о фактах обращения к ним в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений.

Анализируя материалы уголовных дел по фактам коррупционных преступлений, прокурорами к административной ответственности привлекаются юридические лица, в интересах которых действовал взяткодатель. Так, например, дальневосточным транспортным прокурором возбуждено дело об административном правонарушении по ст. 19.28 КоАП РФ, к ответственности в виде штрафа в размере 500 тыс. руб. привлечено юридическое лицо, представитель которого передал денежные средства должностному лицу Хабаровского центра организации работы железнодорожных станций – структурного подразделения ОАО «Российские железные дороги» за совершение действий в интересах компании – ускоренную подачу и уборку вагонов для погрузки и выгрузки грузов.

Другой пример. Руководитель транспортной компании передал высокопоставленному сотруднику администрации города Хабаровска дорогостоящий автомобиль в качестве взятки за общее покровительство при осуществлении пассажирских перевозок на территории краевой столицы, а также за помощь в заключении договоров о совместной деятельности по организации автомобильных перевозок пассажиров и багажа на наиболее выгодных маршрутах. По постановлению прокурора Хабаровского края к ответственности по ч. 2 ст. 19.28 КоАП РФ привлечено юридическое лицо – перевозчик, ему назначено наказание в виде штрафа в размере 10 млн руб. с конфискацией предмета взятки – автомобиля Toyota Land Cruiser¹.

Выявляются нарушения требований Федерального закона «О противодействии коррупции», связанные с ненаправлением бывшим работодателям уведомлений о принятии на работу служащих либо их

¹ URL: <https://prokhab.ru/news/incident/habarovskogo-perevozhchika-oshtrafovalina-10-mln-rublej-za-dachu-vzatki-sotrudniku-merii-14618.html> (дата обращения: 10.01.2023).

направлении с нарушением установленных действующим законодательством сроков или порядка. В каждом выявленном случае решается вопрос о привлечении к административной ответственности виновных лиц по ст. 19.29 КоАП РФ¹.

Данная работа должна быть продолжена с использованием всех имеющихся инструментов по противодействию коррупции, в том числе путем направления исков об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы. Принципиальный подход в деле противодействия коррупции позволит продемонстрировать в действии, а не только в теории для коррупционеров «принцип неотвратимости наказания» даже за такие латентные преступления, как получение взятки либо мошенничество с использованием служебного положения (правоприменительная практика в вопросах квалификации не-единообразна)².

¹ URL: <https://amurmedia.ru/news/1357554/> (дата обращения: 10.01.2023).

² Борков В.Н. Квалификация получения незаконного вознаграждения за приемку товаров, работ или услуг при исполнении контракта // Законность. 2020. № 9. С. 39–43.

КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А.В. Акчурин

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Криминалистическая характеристика пенитенциарных преступлений основывается на криминалистически значимых данных: об общей обстановке совершения пенитенциарных преступлений (в том числе места, времени их совершения, особенностях социальной среды, детерминирующей поведение участников уголовного судопроизводства из числа лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, следственных изоляторах); о специфике свойств личности пенитенциарных преступников; способах и орудиях совершения рассматриваемой категории деяний; об особенностях оставляемых следов, образуемых в результате противоправной деятельности осужденных, подозреваемых, обвиняемых, содержащихся в указанных учреждениях¹.

Для закрытых учреждений уголовно-исполнительной системы присущи две взаимосвязанные характеристики, существенным образом определяющие обстановку совершения пенитенциарного преступления: с одной стороны, комплекс правовых ограничений и определенных требований, установленных законом, составляющих содержание режима, с другой – фактическое состояние с его установлением и поддержанием в конкретном учреждении. При этом имеют место закономерные связи указанных характеристик по отношению ко времени и месту совершения таких преступлений.

¹ Шурухнов Н.Г., Князьков А.С., Акчурин А.В. Личность пенитенциарного преступника: понятие и криминалистическая значимость ее свойств // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 39. С. 110–113.

Место и время совершения пенитенциарного преступления выбираются под влиянием факторов, которые тесным образом связаны с особенностями функционирования исправительных учреждений, следственных изоляторов. Их избрание детерминировано следующей мотивацией: а) исключение условий очевидности совершения противоправного деяния и последующего привлечения к уголовной ответственности; б) оказание криминогенного воздействия на следы совершения преступления, его обстановку, а также на лиц, выступающих в качестве потерпевших, очевидцев (свидетелей) произошедшего; в) получение максимальной выгоды от преступного поведения (материальную выгоду в виде денежных средств или иных материальных ценностей либо прав на них; повышение криминального авторитета в среде осужденных).

Социальная среда и характер преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, имеют взаимосвязь. Социальная среда осужденных способствует обобщению, осмыслению и распространению криминального опыта, выявлению и совершенствованию наиболее успешных для реализации способов, орудий совершения преступлений, способов их сокрытия, избрания соответствующей линии поведения на предварительном следствии, позволяющей уйти от уголовной ответственности либо минимизировать ее последствия.

На криминальную мотивацию пенитенциарных преступников оказывают влияние неформальные нормы поведения, присущие социальной среде осужденных, подозреваемых, обвиняемых. В зависимости от мотива совершения пенитенциарного преступления следует выделять лиц, совершающих преступления: 1) в целях извлечения личной или материальной выгоды; 2) в отношении других осужденных в связи с навязыванием им неофициальных норм тюремной субкультуры или в качестве мести за нарушение подобных норм; 3) в целях самоутверждения, повышения своего авторитета и неформального статуса; 4) из хулиганских побуждений; 5) из мести за совершение действий, направленных на унижение их чести и достоинства, а также угрозы и причинения вреда их жизни и здоровью.

Ограниченность в выборе орудий преступления способствует активному приспособлению осужденными для криминальной деятельности окружающих их предметов и обстановки. Сложность приискания орудий преступления из числа предметов, запрещенных режимными

требованиями, обуславливает отсутствие мотивации на их моментальное уничтожение сразу после реализации криминальных действий. Как правило, они подлежат сокрытию в тайниках на территории исправительного учреждения, следственного изолятора.

Ф.Г. Аминев

ГЕНОМНАЯ РЕГИСТРАЦИЯ И ГЕНОМНАЯ ПАСПОРТИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ: ЧТО АКТУАЛЬНЕЕ?

В век увеличения значения молекулярно-генетических исследований в жизни граждан и государства в целом, необходимо понимать значение связанных с ними процессов: геномная паспорттизация и геномная регистрация.

В 8 ст. 13 Указа Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 г. и дальнейшую перспективу» поставлены задачи реализации намеченных в нем мероприятий, в том числе геномной паспорттизации граждан России. И такая паспорттизация начала осуществляться: например, в медико-генетических центрах крупных регионов страны (Уфе, Казани, Екатеринбурге и т.д.) проводятся не только тесты и анализы ДНК для поиска родственников, определения состояния здоровья, риска опасных заболеваний, эффективности лекарств и др., но и составляется генетический паспорт (правда, на основании исследования только одной половины генома – 3 млрд нуклеотидов). В результате такого достаточно полного исследования в этом паспорте аккумулируется геномная информация: об анатомических, психофизиологических и иных характеристиках человека (цвет глаз, состояние кожи, наличие болезней и т.д.); о ДНК родственников (в паспорте содержатся данные, позволяющие охарактеризовать его мать, отца, сыновей и дочерей¹);

¹ Чубукова С.Г. Подходы к правовому регулированию генетического тестирования в правовом государстве // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 2 (60). С. 150.

об этнических корнях (учитывая, что неконтролируемый оборот генетической информации позволяет создать национальное (этническое) биологическое оружие, угрожающее людям молекулярно-генетическими мутациями¹).

В отличие от геномной паспортизации геномная регистрация не влечет негативных последствий информационного характера, так как для формирования геномной регистрации будет вводиться система оцифрованных джин-кодов ДНК гражданина, при полном отсутствии данных о нем позволяющая лишь идентифицировать человека. Для этого будет использован «оригинальный способ оцифровки в бинарном формате сразу всей четверки нуклеотидов в каждом снипе (SNP-локусе²), обладающий целым рядом важных преимуществ, в том числе для формирования баз данных ДНК»³ (например, объем одного кода составит 1 Кб вместо 200 Кб в используемой в России системе CODIS-США). Кроме того, этот метод позволит провести импортозамещение и прекратить зависимость от иностранных технологий.

В результате геномной регистрации упростится и ускорится идентификация человека, что поможет: выяснению личности лиц, обнаруженных в ходе ликвидации чрезвычайных ситуаций, авиакатастроф и т.д.; установить местонахождение без вести пропавших; установить личности неопознанных трупов; идентифицировать лиц, совершивших противоправные деяния, в том числе террористов; идентифицировать недееспособных лиц (стариков, больных, страдающих потерей памяти, и др.); идентифицировать мигрантов, имеющих единообразные персональные данные, сходство внешнего облика и т.д.

Таким образом, в России актуальной является развитие и геномной паспортизации (в большей степени в интересах здоровья конкретных граждан), и геномной регистрации (в большей степени в интересах государства).

¹ Чубукова С.Г. Указ. соч. С. 153.

² SNP-локус – участок ДНК, последовательности аллелей которого различаются одним нуклеотидом.

³ Аминев Ф.Г. О необходимости принятия Федерального закона «О всеобщей геномной регистрации в Российской Федерации» в целях улучшения качества раскрытия и расследования преступлений // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 3 (57). С. 97.

О ПРОБЛЕМЕ ЭТИЧЕСКОГО НАЧАЛА В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКЕ

Проблема этических начал в криминалистике вообще и, естественно, в криминалистической тактике в частности, на первый взгляд, достаточно раскрыта. Однако ставшая канонической работа В.И. Комиссарова¹ фактического развития в дальнейшем не получила, что, естественно, нельзя поставить в упрек автору. Если рассматривать проблемы, поднятые в ней, то мы наблюдаем только явления, в которых раскрыт скорее теоретический аспект, а практико-прикладные моменты не нашли должного отражения.

Основные идеи советских криминалистов в системе «этика – криминалистическая тактика» лежат в пространстве скорее пропагандистском. На уровне теоретических моделей предопределяются высокая этическая зрелость работников правоохранительных органов, априорная естественность, пусть и в процессе волевого контроля для них этического поведения. Но так ли это?

«Профессиональная этика» – это область этики общей, взятой в контексте профессиональных традиций восприятия этических норм. Слияние собственной этической системы с системой норм, образующей профессиональную этику, выступает своеобразным этапом становления профессионала. «Естественность» профессиональной этики перестает быть темой научной морализации, а становится актуальной проблемой выявления природы и механизмов эволюции и регрессии профессионала в контексте этичности его поведения.

Профессиональная этика не является идентичной этике общей, ведь «каждая профессия имеет свою собственную мораль»². Этические основы криминалистической тактики базируются не на идеях правильного-неправильного, а прежде всего на идее правомерности тактического воздействия.

¹ Комиссаров В.И. Научные, правовые и нравственные основы следственной тактики / под ред. А.Н. Васильева. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1980. 124 с.

² Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 21. М. : Политиздат, 1961. С. 298–299.

Что же помимо правомерности предопределяет этическую основу тактического воздействия как центральной категории криминалистической тактики? Если не ответить на данный вопрос, то вся дискуссия о природе этических начал носит схоластический характер. Нам представляется, что этические основы должны базироваться на таком глубинном образовании, как психологический тип, как своеобразный компромисс между абстрактной моделью «человек вообще» и частной моделью «конкретный человек».

Повторимся, что у исследователей-криминалистов есть соблазн пропагандировать высшую форму этичности следствия как прямого продолжения общей базовой этической модели. Но, вероятно, это будет или в чистом виде идеалистическое восприятие, или восприятие компенсаторное. Ранее мы уже говорили о взаимосвязи психологического типа исследователя и результативности его научных усилий¹. Также нами выявлена взаимосвязь между склонностью в морализаторстве в рамках научного творчества и компенсационной аморальности в обычной жизни. Так, все проанализированные исследователи-криминалисты застревающего акцентуированного типа, ставящие высокие этические планки перед следователями, в обычной жизни склонны к написанию доносов и пренебрежительности в адрес нижестоящих лиц.

Что же является помимо правомерности дополнительным элементом этичности тактического приема? По нашему мнению, это адаптивность этического решения в систему психотипологического восприятия лица, применяющего тактическое воздействие. Этичность проистекает из естественности для человека данного поведения, а естественным оно является только будучи привычным. Идея неоднородной этичности на первый взгляд может показаться спорной, однако, не будучи переведенной на уровень психотипологических реакций, так и останется на уровне исследования конца XX в., и, как видим, мы не получим никакого приращения знания, что и наблюдаем в последние 40 лет в исследуемой в статье области.

¹ Ахмедшин Р.Л. О связи исследовательского типа сценария и психологического типа исследователя в криминалистике // Материалы криминалистических чтений / под ред. О.В. Кругликовой. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. С. 15–17.

«ЦЕНТР» КАК ЭЛЕМЕНТ ИНФОРМАЦИОННО-ЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Разработка рациональных методов и тактических приемов, применяемых при осмотре места происшествия, относится к важнейшим задачам криминалистической науки. В этом направлении сделано немало. Достигнутые результаты основываются не только на обобщении и анализе следственного опыта, но и являются следствием научных изысканий¹. Последнее направление считается не менее важным, чем первое. Рекомендуемые методы и тактические приемы должны основываться на научных представлениях, касающихся материальной структуры места происшествия, образующих ее уровней, элементов и связей, а также учитывать общие закономерности и особенности исследовательского процесса, протекающего в рамках следственного действия.

В структуре места происшествия можно выделить два уровня. Первый уровень (базовый) представлен вещественной (материальной) организацией в виде части объективной действительности, состоящей из обстановки места происшествия и «следовой картины» события, имеющего признаки преступления. Второй уровень организации места происшествия связан с выделением в его структуре таких логических элементов и связей, которые, наряду с другими факторами (вид объективной среды, в пределах которой находится место происшествия; характер ситуации, сопутствующей осмотру, и т.д.) служит основанием для выбора и построения тактики следственного действия. Данный уровень представляет информационно-логическую структуру места происшествия, состоящую из таких элементов, как «центр», «узел», граница и периферия (территория).

В юридической литературе можно встретить несколько подходов к понятию «центр места происшествия»: а) геометрический (центр окружности, спираль Архимеда); б) предметно-описательный (труп, очаг пожара и т.д.); в) количественный (наибольшее сосредоточение

¹ Лунина Е.С. Особенности осмотра места происшествия при насильственных преступлениях, совершенных в труднодоступном месте / под ред. Г.М. Меретукова. Краснодар : КубГАУ, 2013. 171 с.

следов); г) ценностный (главный, основной); д) деятельностный (участок, где выполнялись действия, связанные с окончанием преступления).

Указанные подходы исторически обусловлены и связаны с развитием криминалистической теории осмотра. На определенных этапах развития науки они выполняли рациональную роль. Постепенное проникновение в теорию криминалистики информационно-познавательного подхода приводит к необходимости уточнения отдельных традиционных представлений и понятий. Указанный подход не может не отражаться на понятии «центр места происшествия». Использование информационного подхода к осмотру места происшествия предполагает выделение в его структуре «информационных зон (центр, узел)», представляющих участки сосредоточения информации, с учетом которой строятся версии, касающиеся обстоятельств происшедшего события¹.

Выделение в вещественной структуре места происшествия объектов (участок, предмет, след и т.д.), которые являются источниками информации для построения рабочих версий, объясняющих общий характер (картину) происшедшего события, дает возможность не только решать познавательные задачи (определять относимость следов, мест нахождения невидимых объектов и т.п.), но и выбирать наиболее рациональный порядок (последовательность) осмотра территории места происшествия. Таким образом, центр места происшествия состоит из двух сторон: вещественной и информационно-логической (версионной). Информационно-логическая сторона является главной. Выделение центра места происшествия происходит в процессе обзора места происшествия до начала общего осмотра. Остальные участки, предметы и следы, находящиеся на территории места происшествия, на основе которых строятся частные рабочие версии, относящиеся к отдельным обстоятельствам происшедшего события, выполняют функцию «узлов» места происшествия.

¹ Вещественные доказательства: информационные технологии процессуального доказывания / под ред. В.Я. Колдина. М. : НОРМА, 2002. С. 78.

С.М. Бобовкин

К ВОПРОСУ О ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ГРАФФИТИ

В современный период судебно-экспертная практика характеризуется стремительным увеличением количества специфических почерковых объектов¹. Среди последних большой научно-практический интерес представляют граффити, выполняемые на стенах зданий и иных объектах городской застройки, кладбищах (вандалные объекты на памятниках), асфальтных покрытиях дорог, тротуарах (рекламные записи, в том числе запрещенных наркотических и иных веществ)². Указанные объекты не только наносят эстетический вред внешнему облику города, но и могут содержать в себе призывы к экстремизму, сепаратизму и насилию, что является одним из признаков состава ряда тяжких преступлений. Судебно-почерковедческая экспертиза данных рукописей характеризуется значительными проблемами методического и организационно-тактического характера, возникающими у экспертов различных государственных судебно-экспертных учреждений. Сложности экспертного исследования граффити, прежде всего, обусловлены особым механизмом слеодообразования и выполнением рукописного объекта в необычных условиях, связанных с изменением внешней обстановки письма. Существенные перестройки почерка вызываются одновременным действием нескольких сбивающих факторов: необычной позой исполнителя рукописи (стоя), непривычным материалом письма (объекты городской инфраструктуры, стены зданий и транспорта, заборы, памятники, могильные плиты и т.п.) и пишущим прибором (специальные широкие фломастеры, аэрозоли и насадки к ним), недостаточным освещением (ограничением зрительного контроля или полной темнотой), письмом в движущемся транспорте и т.д.

¹ Бобовкин М.В., Соловьева Н.А. О систематизации диагностических задач судебно-почерковедческой экспертизы // Судебная экспертиза. 2013. № 2 (34). С. 99–105.

² Ягунов А.С., Смирнова С.А., Якушев В.В. Граффити как объект судебно-почерковедческого исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. № 2(54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/graffiti-kak-obekt-sudebno-pocherkovedcheskogo-issledovaniya/viewer>

Объектами рассматриваемой идентификационной судебно-почерковедческой экспертизы в узком смысле выступают рукописные объекты в виде граффити, представляющие собой тексты малого объема, краткие записи и теги, а также выраженные в них почерковые свойства. При этом малообъемные рукописи представляются автору непосредственными объектами, тогда как проявившиеся в них особенности реализации письменно-двигательного функционально-динамического комплекса навыков исполнителя и система криминалистических свойств почерка будут выступать специальными непосредственными объектами.

Возможности криминалистического исследования граффити обусловлены их информативностью и пригодностью, которая определяется наличием в них полезной информации, необходимой для решения задач судебно-почерковедческой экспертизы. Прежде всего, она определяется объемом, сложностью и составом объекта. Полагаем, что граффити, характеризующиеся наличием в своем составе исключительно графических изображений, например рисунков и символов, по нашему мнению, могут быть исследованы путем производства искусствоведческой экспертизы. Тогда как рукописи смешанного состава, содержащие буквенные, штриховые, дополнительные элементы и различные изображения, рекомендуется исследовать посредством использования различных форм комплексного подхода на основе специальных знаний из двух вышеуказанных областей.

В процессе почерковедческого исследования рассматриваемых объектов особое внимание необходимо уделять форме (материальная либо электронная) и способу (рукописные, репрографические документы либо фотоизображения) фиксации граффити, сопоставимости и количеству сравнительного материала, общим признакам, характеризующим общее построение записи (транскрипция, общий вид, четкость), конструктивной сложности и стилю выполнения, а также отдельным частным признакам (сложность, относительная протяженность и относительное размещение движений при выполнении письменных знаков, нечитаемых штрихов, рисунков и их элементов) почерка проверяемого лица.

Предполагается, что отдельные теоретические положения в области экспертного исследования граффити позволяют наметить новые векторы развития затронутого направления судебного почерковедения, а также могут быть использованы для дальнейших разработок в этой области использования специальных знаний.

РОЛЬ ОБЪЕМА СВЕДЕНИЙ О ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВЕРСИЙ

Одним из элементов криминалистической характеристики преступлений является типичная личность преступника, информация о которой имеет важное криминалистическое значение¹ для организации планирования расследования, выдвижения версий о лице, совершившем преступление. Анализ таких свойств личности способствует составлению типичного криминалистического портрета преступника, совершаемого именно этот вид преступлений. Полагаем, что указанные свойства и качества личности преступника представляют интерес для криминалистики только в том случае, когда участвуют в процессе детерминации механизма преступления, обуславливают особенности его отражательных возможностей в процессе следообразования, испытывают на себе и запечатлевают воздействие других лиц, предметов и процессов, взаимодействующих с ними. Именно такие отражательные моменты образуют материальные следы, которые помогают следователю выдвигать общие и частые версии о личности лица, совершившего преступление.

В этой связи предлагается рассмотреть три криминалистические категории: типичная личность, криминалистический портрет и криминалистический профиль преступника. Типичная личность преступника – это устойчивая направленность личности, связанная с характерными для нее криминальными способами поведения². Исходя из минимума имеющейся информации, следователь, располагая типичной информацией о лице, совершающем эту категорию, вид, группу преступлений, соответственно, выдвигает типичные версии: преступление совершил ранее судимый, совершавший аналогичные преступления, и т.д. Криминалистический портрет – это уже информационная модель, представляющая собой систему установленных и предполагаемых данных о биологических, социальных и психических свойствах личности не-

¹ Белкин Р.С. Проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. М., 1988. С. 178.

² Еникеев М.И. Юридическая психология : учебник. СПб., 2005. С. 234.

установленного преступника, определяемых на основании совокупности имеющейся по делу криминалистически значимой информации в целях сужения круга поиска лиц, причастных к криминальному деянию. Первоначально только осмотр места происшествия дает возможность почерпнуть важную информацию о многих физических особенностях преступника: о росте (по следам рук, ног, следам повреждений), физической силе (по характеру нанесенных повреждений, затраченным усилиям, другим изменениям обстановки), об особенностях фигуры, телосложении (по способу проникновения в помещение), о состоянии его здоровья (по биологическим следам, обнаруженным на месте происшествия, и прочим предметам)¹. Именно такие следы, оставляемые на месте совершения преступления, служат основой для составления криминалистического портрета личности преступника и поводом для выдвижения не только общих, но и частных конкретных версий, касающихся самого преступника. И есть еще такое понятие, как криминалистический профиль преступника. Это некая мыслительная или виртуальная модель предполагаемого преступника, характеризующая его физиологические, психологические, социальные, личностные качества, которые необходимы для расследования и предупреждения преступлений этой группы. Составленный криминалистический профиль призван помочь оперативно-розыскным органам предотвратить преступления, выявить причастных к совершенному или готовящемуся преступлению лиц, а также определить возможных свидетелей совершенного преступления.

Знание особенностей личности преступника может облегчить расследование конкретных преступлений. Благодаря этой оценке следователь имеет возможность выбрать наиболее оптимальные методы и средства, которые могут помочь ему раскрыть и расследовать преступление, совершенное конкретным преступником.

¹ Демидов Н.Н. Изучение личности преступника в процессе расследования : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 156.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ОБЩЕОПАСНЫМ СПОСОБОМ

Основным способом собирания доказательств в соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК РФ является производство следственных действий. Стоит отметить, что отличие следственных действий от иных процессуальных способов собирания доказательств состоит в урегулированной уголовно-процессуальной процедуре, предусматривающей применение средств государственного принуждения. Следственные действия могут рассматриваться в двух аспектах: процессуальном, т.е. как форма практической реализации следователем и судом закона при расследовании и рассмотрении уголовного дела; в криминалистическом срезе – как собирание и исследование доказательственной информации при помощи специальных приемов и способов¹.

Определенное теоретическое и практическое значение имеет различие первоначальных и неотложных следственных действий. Например, А.Н. Колесниченко считает, что первоначальные следственные действия являются неотложными, поскольку «в ходе расследования потребность немедленного проведения определенного действия может появиться и в самом начале расследования убийства, и в последующем»². Н.П. Яблоков считал, что первоначальные следственные действия – понятие криминалистическое, неотложные следственные действия являются «понятием собирательным», а именно криминалистическим, а также уголовно-процессуальным³.

Таким образом, понятия «первоначальные следственные действия» и «неотложные следственные действия» могут совпадать и не совпадать. Как правило, неотложные следственные действия осуществляются

¹ Салтевский М.В. Классификация и общая характеристика следственных действий // Специализированный курс криминалистики (для слушателей вузов МВД СССР, обучающихся на базе среднего специального юридического образования). Киев, 1987. С. 226.

² Колесниченко А.Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступления. Харьков, 1965. С. 36.

³ Яблоков Н.П. Проблемы расследования и предупреждения преступлений в области охраны труда и техники безопасности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1972. С. 20.

именно на первоначальном этапе расследования, но не исключено, что они будут производиться и в последующих этапах расследования¹. В рамках первоначального этапа расследования убийства, совершенного общепризнанным способом, как правило, производятся осмотр (места происшествия и трупа); допрос подозреваемого, свидетелей; проверка показаний на месте; назначение и производство судебных экспертиз.

Общими правилами производства следственных действий являются следующие:

1) проведение следственных действий допускается после возбуждения уголовного дела за исключением следственных действий, названных в ст. 176, 179, 195 УПК РФ;

2) следственные действия проводятся лицом, которое осуществляет расследование по уголовному делу, – следователем и дознавателем;

3) производство следственного действия допускается лишь в том случае, когда существуют фактические основания;

4) следственные действия необходимо проводить с соблюдением процессуальных оснований применительно к каждому конкретному следственному действию с учетом процессуального статуса их участников;

5) отдельным требованием является оформление следственных действий согласно уголовно-процессуальному закону и др.²

Т.С. Волчецкая

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТРЕШ-СТРИМОВ КАК ОДНОЙ ИЗ ФОРМ НАСИЛИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Распространение идеологии насилия среди молодежи является явной угрозой национальной безопасности любого государства, поскольку размывание ценностных ориентиров молодых людей, культивирование идеологии насилия ведет к дезориентации их жизненных

¹ Прокопенко Б.Л. Особенности производства первоначальных следственных действий при расследовании убийств, совершенных осужденными в местах лишения свободы. М., 2014. С. 108.

² Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / О.И. Андреева [и др.]; под ред. О.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко, А.Г. Тузова. Ростов н/Д, 2015. С. 213–214.

установок и повышению уровня агрессии, а ведь именно молодежь скоро составит основу взрослого населения своих стран.

Социальная жизнь молодежи в подавляющей своей части вынужденно перешла в формат общения через социальные сети и мессенджеры со всеми положительными и отрицательными сторонами. Соответственно, переход форм насилия в цифровой формат характеризует сегодня и сферу девиантного поведения молодежи¹. Так, травля детей в школе, так называемый буллинг, теперь обрел форму кибербуллинга, поскольку анонимно оскорблять человека, скрываясь за абстрактным ником в социальных сетях, стало и легче, и безнаказанней. Отвергнутые одноклассниками дети начинают искать утешение опять же в сети Интернет и нередко попадают в довольно опасные группы и челленджи, к примеру, в так называемые группы смерти, в которые вовлекаются несовершеннолетние в возрасте 13–22 лет. Игры в виде квестов, такие широко известные, как «Синий кит» или «Тихий дом» и др., распространяются в социальных сетях среди подростков, финальным этапом которых является самоубийство игрока. Проведенные нами исследования показали, что фактором, предопределяющим вступление их в такие группы, пропаганду субкультур, незаметно, но последовательно побуждающим детей к совершению суицида, «добровольного» ухода из жизни, является широкая доступность информации о способах совершения суицида².

Еще одна разновидность современных форм молодежного насилия – это так называемые треш-стримы – публичные онлайн-трансляции в сети Интернет, в ходе которых на глазах зрителей ведущий совершает в отношении себя или другого лица, именуемого контентмейкером, аморальные, оскорбительные, а часто и опасные действия, унижающие достоинство человека или причиняющие ему моральный или физический вред. Причем зрители допускаются к просмотру такого жесткого контента за определенную плату. Треш-стримы ни один раз уже приводили и к нанесению вреда здоровью и к смертельным случаям.

¹ Волчецкая Т.С., Осипова Е.В., Козырева И.Е. Криминалистические и психологические особенности проявления насилия в общеобразовательных школах // Известия ТулГУ. 2022. № 4.

² Волчецкая Т.С., Кот Е.А. Преступления, связанные с деятельностью «групп смерти»: проблемы выявления, расследования и профилактики. М. : Юрлитинформ, 2023.

Истоки треш-стримов идут от блогерства в социальных сетях или реализуемых на крупных хостингах. Еще в 2007 г. Джастин Кан из США транслировал свою жизнь-онлайн на протяжении восьми месяцев. В 2013 г. в Интернете был создан специальный канал «Мопс дядя Пес», на котором два молодых человека онлайн демонстрировали унижения за денежное вознаграждение от зрителей. В СМИ также неоднократно освещали некоторые примеры трагически окончившихся треш-стримов (например, смерть контентмейкера Юрия Д. после распития контрафактной водки во время треш-стрима; смерть подруги блогера R.).

Нельзя не сказать, что тактические и методические основы возбуждения уголовных дел и расследования таких преступлений вызывают сложности, поскольку имеют свою особую специфику. В процессе исследований эмпирического материала нами были выявлены криминалистические особенности этих преступлений, состоящие в том, что криминальная ситуация имеет протяженность и прерывистость во времени и вместе с тем систематичность. А все участники криминальной ситуации, включая свидетелей, являются созависимыми и обладают особыми признаками. К примеру, лицо, которое преступник унижает и которому наносит побои, с одной стороны, является потерпевшим. С другой стороны, если рассматривать треш-стрим как деяние, наносящее вред общественной нравственности, такое лицо является, по сути, субъектом преступления, особенно с учетом того, что все делается с его согласия и, более того, он сам определяет суммы донатов (вознаграждений) за его унижения. Следует выделить низкий нравственный уровень таких преступников и потерпевших, у многих из которых была выявлена алкогольная или наркотическая зависимость.

В системе способов совершения преступлений особым элементом являются технологии манипулирования личностью. Нами были проведены анонимные опросы подписчиков стримеров, и на вопрос, почему они смотрят этот жестокий контент, получены следующие типовые ответы:

- а) это дает возможность переживать острые ощущения;
- б) они воспринимают участников ситуации треш-стрима как героев живых сериалов;
- в) подобные стримы помогают зрителю выпустить агрессию и не применять ее в реальной жизни и т.д.

Поэтому научные основы криминалистического противодействия треш-стримам, а именно особенности их криминалистической характе-

ристики и составляющих их криминальных ситуаций, проблемы выявления, расследования и профилактики в настоящее время активно исследуются и разрабатываются представителями научной школы криминалистической ситуалогии Балтийским федеральным университетом им. И. Канта.

С.Э. Воронин

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ КАЗУИСТИКЕ

Как известно, новое – это почти всегда забытое старое. Так получилось, что монография известного российского ученого, профессора Санкт-Петербургской военно-медицинской академии Вячеслава Леонидовича Попова «Судебно-медицинская казуистика», изданная в 1991 г. в издательстве «Медицина»¹, учеными-криминалистами была на долгое время незаслуженно и совершенно несправедливо забыта. На наш взгляд, автор предпринял на то время весьма удачную попытку обобщить и проанализировать свой уникальный 25-летний опыт работы судмедэксперта с позиции ситуационного анализа. Наиболее атипичные, экстраординарные случаи в судебно-медицинской практике, по мнению В.Л. Попова, как раз и должны составлять новый раздел судебной медицины, который он назвал «Судебно-медицинская казуистика».

Когда говорят о казуистике, почти всегда имеют в виду что-то необычное, атипичное, редкое. Казуистика в криминалистике не является исключением из этого правила. Экстраординарные случаи постоянно встречаются в работе криминалиста. Они являются предметом особого внимания специалистов, требуют неординарных подходов к поиску ответов на поставленные следствием вопросы. Далеко не все эти наблюдения становятся достоянием широкой аудитории. Но и будучи опубликованы, они не всегда удовлетворяют взыскательного читателя. Причин здесь несколько: и запоздалая публикация, и небольшой объем сообщения, и неверно расставленные акценты, и нечетко изложенная суть интриги, и недостаточно подробное описание. И уж почти никогда

¹ Попов В.Л. Судебно-медицинская казуистика. Л. : Медицина, 1991. 304 с.

не раскрываются творческая лаборатория специалиста, его сомнения, рассуждения и, наконец, процесс рождения экспертного факта. А именно размышления эксперта представляются, на наш взгляд, наиболее интересными. Полагаем, экспертные казусы могут и должны стать предметом исследования для целого научного направления в криминалистике – криминалистической казуистики. В свою очередь, казуистика, в широком значении слова, составляет суть ситуационного подхода к изучению отдельных криминалистических явлений-казусов.

Особое место в понятийном аппарате криминалистики, на наш взгляд, занимает проблемно-поисковая следственная ситуация как одна из ее классификационных ветвей. При этом проблемно-поисковая следственная ситуация – это тип следственной ситуации, в которой в качестве объектов исследования выступают познавательные и психологические аспекты ее развития. До настоящего времени исследователи, в основном, делали акцент на изучение онтологического аспекта зарождения и функционирования такой динамической системы, как следственная ситуация. Между тем представляется очевидным, что анализ психологических и гносеологических аспектов позволяет по-другому взглянуть на сущность данного криминалистического явления – с позиции субъекта, познающего следственную ситуацию, понять механизм трансформации следственных ситуаций в зависимости не только от этапов и обстановки расследования, но также психических свойств и процессов различных познающих субъектов в уголовном судопроизводстве.

Полагаем, криминалистическая казуистика в недалекой перспективе оформится в частную криминалистическую теорию и существенно дополнит методику расследования отдельных видов преступлений¹.

¹ Voronin S.E. Tactical investigation operation is an effective way of forensic prevention of organized crime in Russia // International Journal of Science, Technology and Society. N.Y. : Science Publishing Group, 2021. Vol. 9, Is. 6. P. 275–280.

П.В. Галушин

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДОВ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ДЛЯ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Одним из важных направлений деятельности правоохранительных органов является профилактика правонарушений.

По состоянию на 2022 г. в России насчитывается около 130 млн пользователей интернета, что составляет около 90% населения страны¹. При этом только 13% опрошенных заявили, что вообще не пользуются социальными сетями².

Эта статистика означает, что в социальных сетях содержатся огромные объемы информации о гражданах, существенная часть которой является открытой и одновременно с этим представляет интерес для правоохранительных органов. Поэтому целесообразно рассмотреть вопрос о возможностях использования методов анализа социальных сетей в сфере профилактики правонарушений.

Учитывая специфику информации, размещаемой в социальных сетях, перспективным выглядит выявление лиц, склонных к совершению преступлений, и сетевых сообществ, распространяющих идеи антисоциального поведения.

Исходной информацией для осуществления анализа социальных сетей с целью выявления граждан, склонных к совершению правонарушений, является информация о гражданах, совершивших преступления или административные правонарушения определенного вида или иным причинам попавших в сферу интереса правоохранительных органов.

¹ Дмитрий Чернышенко: Сегодня в России насчитывается около 130 миллионов интернет-пользователей – это практически 90% населения // Правительство России : сайт. URL: <http://government.ru/news/46639/> (дата обращения: 26.01.2023).

² Онлайн-практики россиян: социальные сети // Фонд «Общественное мнение» : сайт. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12495> (дата обращения: 27.01.2023).

Для исследуемых лиц необходимо выявить общих и возможных друзей¹, а также общих и возможных групп социальной сети². Так как объемы информации, размещенной в социальных сетях, очень велики, то эффективный анализ и мониторинг социальных сетей невозможны без использования автоматизированных информационных систем. Большинство социальных сетей позволяют получать доступ к данным о пользователях и группах через программные интерфейсы³. Перечисленные методы анализа социальных сетей были реализованы автором в виде программы для ЭВМ⁴.

С гражданами, склонными к совершению правонарушений, целесообразно проводить профилактическую работу силами, например, участковых уполномоченных или инспекторов по делам несовершеннолетних.

После установления сетевых сообществ, пропагандирующих ценности преступного мира, целесообразно предпринимать действия по блокированию таких сообществ путем подачи жалоб администрации социальной сети или, в случае отсутствия желаемого результата, в Роскомнадзор.

¹ Галушин П.В. О выявлении латентных связей в социальных сетях для решения задач оперативно-розыскной деятельности органов наркоконтроля // Национальный и международный уровни противодействия наркоугрозе в зоне действия Организации Договора о коллективной безопасности : материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф., Красноярск, 21–22 апреля 2016 г. Ч. 2. Красноярск : Сибирский юридический институт ФСКН России, 2016. С. 116–120.

² Галушин П.В. Анализ структуры групп в социальных сетях в целях раскрытия и расследования преступлений // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXI Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Красноярск, 05–06 апреля 2018 г. / отв. ред. Н.Н. Цуканов. Ч. 2. Красноярск : Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 106–108.

³ Галушин П.В. Возможности автоматизированного доступа к информации, предоставляемые социальными сетями // Национальный и международный уровни противодействия наркоугрозе и взаимодействие в сфере реабилитации и ресоциализации наркопотребителей : материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. И.А. Медведев. Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2015. С. 60–63.

⁴ Галушин П.В. Анализ связей социальной сети «VKontakte» : свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2018663680 от 01.11.2018. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_39304709_49510629.PDF (дата обращения: 01.02.2020).

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ СПЕЦИАЛИСТА В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД

Выполнение возложенных государством задач на оперативные подразделения полиции в ряде случаев невозможно без оказания им помощи специалистами, обладающими научными, техническими и иными специальными знаниями. В связи с указанным положением законодатель закрепил в ст. 6 Оперативно-розыскного закона¹ право оперативных сотрудников использовать помощь специалистов при организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), при этом не определяя статус специалиста при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД).

Сотруднику оперативного подразделения полиции важно понимать язык следов (материальных, идеальных, «цифровых»), обнаруженных на месте происшествия или при проведении оперативно-розыскных мероприятий, для получения криминалистически значимой информации (обстоятельства, способ и механизм совершения преступления, моделирование криминалистического портрета неустановленного преступника и т.д.), для чего он вправе прибегнуть к помощи специалиста.

Возникает вопрос, является ли специалист субъектом ОРД?

Законодатель (ст. 1 и 13 ФЗ «Об ОРД») и большинство исследователей к субъектам ОРД относят оперативные подразделения либо оперативные подразделения и их должностных лиц (руководителей и сотрудников оперативных подразделений).

Специалисты не могут раскрывать преступления в отличие от оперативных подразделений, на которые законодатель в ст. 2 ФЗ «Об ОРД» прямо возложил такую задачу. Лица, обладающие специальными познаниями, как правило, осуществляют судебно-экспертную деятельность, в ходе которой в соответствии со ст. 2 ФЗ

¹ Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 15.01.2023).

«О государственной судебно-экспертной деятельности»¹ оказывают содействие сотрудникам оперативных подразделений путем разрешения вопросов, требующих специальных познаний. Таким образом, законодатель в ряде нормативных правовых актов подчеркивает, что специалисты играют вспомогательную роль в решении задач ОРД, поэтому субъектами осуществления данной деятельности не являются.

Специалист, осуществляющий на основании задания оперативного сотрудника органа внутренних дел сбор образцов для сравнительного исследования (дактилоскопирование, фотографирование лица, представляющего оперативный интерес, и его подошв обуви, образцов буккального эпителия, почерка и т.д.) или исследование предметов и документов (почерковедческое исследование анонимного письма, поступившего в дежурную часть территориального органа внутренних дел) приобретает самостоятельный статус.

На основании вышеизложенного нужно сделать вывод о том, что сотрудник ЭКП полиции оказывает помощь сотруднику оперативного подразделения органов внутренних дел в рамках криминалистического обеспечения ОРД ОВД. При этом специалист выступает не в качестве субъекта ОРД (согласно требованиям ФЗ «Об ОРД», субъектами ОРД являются оперативные подразделения, к которым специалисты/экспертные подразделения не относятся), а субъекта криминалистического обеспечения ОРД ОВД.

С.И. Давыдов

О КРИМИНАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ КАК ОБЪЕКТЕ ТЕОРИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вопрос о том, что является объектом теории оперативно-розыскной деятельности (ОРД), остается до конца не разрешенным. Казалось бы, сложилось и устоялось мнение, что к объекту теории ОРД следует отнести:

¹ Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/12123142/> (дата обращения: 15.01.2023).

- 1) преступность;
- 2) деятельность оперативных подразделений по борьбе с преступностью оперативно-розыскными средствами и методами;
- 3) правовое регулирование этой деятельности.

Думается, требует уточнения один из указанных трех элементов объекта теории ОРД – преступность.

Правильно ли используется в данном случае термин «преступность» и охватывает ли он круг явлений, которые являются объектом изучения в оперативно-розыскной науке, да и в практике. На сегодняшний день пока не сложилось четкого представления о преступности как об объекте теории ОРД. При проведении диссертационных исследований, посвященных разработке частных методик раскрытия преступлений, в качестве объекта исследования указывается, как правило, преступная деятельность в уголовно-правовом смысле, т.е. действия, имеющие признаки преступления в соответствии с УК РФ.

Иногда в понятие «преступная деятельность» включаются и действия, связанные с подготовкой, сокрытием преступлений, но не являющиеся преступными. В ряде научных и учебных изданий для обозначения объекта исследования используется термин «криминальная среда». Актуальность вопроса в том, что ОРД как наука должна быть нацелена на изучение явлений не только криминального характера, включая преступную деятельность, но и других явлений, не имеющих явных признаков криминала. Это вытекает из потребности оперативно-розыскной практики, сущностными чертами которой являются разведывательно-поисковый характер, инициативность.

В процессе ОРД оперативный сотрудник осуществляет поиск, получение информации не только о преступлениях и лицах, к ним причастных, но и, как принято говорить, «информации, представляющей оперативный интерес». Во многих случаях такая информация не свидетельствует напрямую о фактах преступной деятельности, но указывает на возможную, вероятную связь с ней объекта оперативного интереса. Эти обстоятельства и обуславливают потребность в более точном определении объекта теории ОРД.

Методологической предпосылкой решения проблемы является достаточно точное высказывание основоположников теории ОРД А.И. Алексеева и Г.К. Синилова: «...познание в оперативно-розыскной деятельности направлено на специфический объект. Это – преступле-

ние и все, что с ним связано, ему предшествует и сопутствует»¹. Отметим, что речь идет не только о научной, но и практической познавательной деятельности.

Вот здесь и возникает вопрос: каков круг явлений, сопутствующих преступности и являющихся объектом научного и практического интереса в ОРД? Вопрос остается нерешенным, и мало кто к нему обращается в настоящее время.

Одним из первых в 1986 г. С.С. Овчинский предложил обозначить специфические явления, которые сопутствуют преступности, термином «криминальная активность». По его мнению, это понятие более широкое, чем преступная деятельность. Криминальная активность может проявляться в солидарности с преступниками, их поддержке (без участия в преступлении), тяготении к преступной среде; моральной готовности к участию в совершении преступлений, установлении устойчивых связей с антиобщественными элементами и т.п.² Криминальную активность как один из элементов объекта теории ОРД выделяет и В.И. Елинский, отмечая, что это та модель в преступности как социальном явлении, на познание которой должны быть направлены усилия ученых и практик³.

Полагаем более правильным говорить не о криминальной активности, а о ее внешнем проявлении – криминальном поведении как отражении криминальной активности. Криминальное поведение включает в себя наряду с преступными и другие связанные с ними деяния и более точно отражает объект оперативно-розыскного научного и практического познания.

¹ Алексеев А.И., Синилов Г.К. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности. М. : ВНИИ МВД СССР, 1972. С. 14.

² Об этом см. в кн.: Елинский В.И. Основы методологии теории оперативно-розыскной деятельности. М. : Изд-ль Шумилова И.И., 2001. С. 62.

³ Там же. С. 62.

О.С. Давыдова

ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЮРО РЕГИСТРАЦИИ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ ПО РОЗЫСКУ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ ЛИЦ

Бюро регистрации несчастных случаев (БРНС) функционируют как самостоятельные подразделения в структуре органов внутренних дел (ОВД) для оперативного реагирования в круглосуточном режиме на поступающие сообщения о лицах, без вести пропавших, неопознанных трупах и другой информации, связанной с несчастными случаями.

Деятельность БРНС имеет свою специфику, она отличается от поисковой деятельности, которая проводится оперативно-розыскными подразделениями в рамках розыскных дел¹. Поисковые и идентификационные мероприятия силами БРНС осуществляются в неотложном порядке еще до поступления официальных письменных сообщений и заявлений в ОВД.

В среднем за сутки в БРНС Алтайского края поступает 40-50 обращений по телефону о лицах, без вести пропавших, по которым немедленно принимаются меры по их розыску. Наряду с этим на БРНС возлагается задача по установлению личности граждан по неопознанным трупам и лиц, которые не могут сообщить о себе сведения в силу возраста или состояния здоровья. Многие из числа пропавших без вести, как известно, становятся жертвами преступлений или несчастного случая, а примерно треть пропавших могут находиться в лечебных учреждениях или быть захороненными как неопознанные лица.

В связи с этим информационное обеспечение деятельности БРНС на первоначальном этапе розыска без вести пропавших лиц приобретает особое значение. Выделим некоторые проблемы в этой сфере, которые затрудняют БРНС осуществление розыскных и идентификационных мероприятий.

Во-первых, отсутствие методических рекомендаций о тактике построения беседы с заявителями по телефону с целью получения от них

¹ Давыдов С.И., Кальницкий В.В., Малыгин С.С., Чететин А.Е. Основы оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие / под ред. А.Е. Чететина. Барнаул : Изд-во Барнаульского юридического института МВД России, 2003. С. 6–15.

объективной информации. Крайне сложно достоверно установить личность заявителя и убедиться, что человек не преследует корыстных и иных неблагоприятных целей. Как правило, заявляют о без вести пропавшем лице его близкие родственники, а также люди, осуществляющие уход за одинокими пожилыми людьми. Однако иногда заявители лишь представляются таковыми, а фактически ими не являются.

Невозможно непосредственно наблюдать за поведенческими реакциями заявителя. Крайне сложно определить и учитывать его психологическое, эмоциональное состояние, истинные мотивы обращения. Между тем от него требуется получить максимально полные сведения об обстоятельствах исчезновения лица, чтобы сделать выводы – имеются ли признаки криминального события, каковы возможные причины безвестного отсутствия лица.

Надо также определить при телефонном опросе заявителя, какие семейные обстоятельства сложились у пропавшего без вести; выявить его индивидуальные особенности, признаки его внешности. Кроме этого, требуется детально установить: возможный маршрут его передвижения; состояние его здоровья; наличие при себе средства связи; номер телефона и т.д. Практика проведения таких опросов пока нарабатывается методом проб и ошибок.

Вторая проблема связана с формированием в БРНС базы учета несчастных случаев. В значительной степени она пополняется данными из медицинских учреждений. Однако медицинские работники не обладают знаниями о том, как правильно описать признаки внешности человека.

Например, из медицинского учреждения сотрудник БРНС получает сообщение о поступлении больного, который не может сообщить сведения о себе. Соответственно, необходимо описать его внешность, что вызывает трудности у медицинских работников. А значит, и в базу данных может быть внесена недостоверная информация. По этой причине остается проблемным вопрос о системе обучения медицинских работников правильному описанию внешности человека в целях его идентификации.

Н.С. Дергач

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ КВАРТИРНЫХ КРАЖ

В последнее время обнаружился дисбаланс сил и возможностей правоохранительных органов и организованных групп. Некоторые нормы, предусмотренные действующим законом, не соответствуют характеру и масштабам современной преступности. Вместе с тем идет интенсивное накопление знаний в области криминалистики. На практике в связи с этим возникает необходимость передачи следователям разработанных криминалистикой методик расследования, отражающих передовой опыт и достаточных для решения конкретных задач.

Проблема состоит в том, что методы, применяемые правоохранительными органами по оздоровлению криминальной ситуации в стране, не соответствуют предъявляемым требованиям. Имеющиеся в их распоряжении материально-технические и финансовые ресурсы, уровень подготовки специалистов значительно отстают от объективных потребностей, а также от возможностей современной криминальной среды. «Процесс активной криминализации отдельных видов посягательств, а также их декриминализации значительно опережает создание соответствующих методик расследования»¹.

Необходимо обратить внимание на особенность тактики производства следственных действий на первоначальном этапе, раскрыть алгоритм их производства, а также выявить и проанализировать положительные и отрицательные стороны в работе следователей на первоначальном этапе расследования квартирных краж.

Одним из таких методов является криминалистическое моделирование. Метод моделирования непосредственно связан с другими методами познания, такими как наблюдение, эксперимент, описания, математически-кибернетическим методом. Он используется в тех случаях, когда затруднено, невозможно или нецелесообразно непосредственное познание самого исследуемого объекта.

¹ Гармаев Ю.П. Методика расследования преступлений: правоприменительная практика и комментарии законодательства. М., 2003. С. 3.

Термин «модель» весьма многозначен, ибо применяется во многих сферах человеческой деятельности. В частности, философская энциклопедия определяет термин «модель» следующим образом: модель (фр. *modele*, от лат. *modulus* – мера, образец, норма) в логике и методологии науки – аналог (схема, структура, знаковая система) определенного фрагмента природной или социальной реальности, порождения человеческой культуры, концептуально-теоретического образования и т.п. – оригинала модели. Этот аналог служит для хранения и расширения знания (информации) об оригинале, конструирования оригинала, преобразования или управления им. С гносеологической точки зрения модель – это «представитель», «заместитель» оригинала в познании и практике¹.

Исследование объектов посредством использования их моделей называется моделированием. Изучая модели, мы получаем новую информацию об оригинале и благодаря этой информации можем познать структуру и функции самого оригинала. Под криминалистической моделью понимается искусственно созданная материальная или идеальная система, воспроизводящая и заменяющая значимые для криминалистического познания оригиналы различных объектов, явлений и процессов, связанных с преступлением и его расследованием, позволяющая получить об оригинале информацию, необходимую для успешного решения практических, научных и дидактических криминалистических задач². Одна из главных характеристик моделирования – его опосредованность. Модель в процессе познания выступает в качестве «среднего звена» между объектом познания, существующим в реальности, и субъектом, его познающим. Модель – всего лишь инструмент исследования, а не сама реальность, одно из возможных средств познания.

¹ Философская энциклопедия. 2023. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4535/МОДЕЛЬ (дата обращения: 01.03.2023).

² Лузгин И.И. Криминалистика. 2023. URL: https://elib.psu.by/bitstream/123456789/4480/1/luzgin_kriminalistika_1.pdf (дата обращения: 01.03.2023).

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЛЕДОВ ВЫСТУПАЮЩИХ ДЕТАЛЕЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ НА МЕСТАХ ИХ ОБНАРУЖЕНИЯ

С каждым годом наблюдается тенденция неуклонного роста использования транспортных средств человеком. В данном контексте не исключением становится и использование транспорта в преступной деятельности.

Правильное восстановление отпечатков следов, полученных с помощью замеров на месте преступления, фотографирования и снятия слепков, служит способом сохранения улик для последующего сравнения с шинами и габаритами предполагаемого транспортного средства, оставившего эти следы.

Основными задачами предварительного криминалистического исследования следов выступающих деталей транспортных средств на местах их обнаружения являются такие обстоятельства, как:

- выяснение конкретной марки транспортного средства, которым были оставлены следы;
- определение направления движения транспортного средства;
- фиксация стороны повреждения объекта криминалистического исследования¹.

В процессе реализации данных задач возникают определенного рода трудности. Как правило, к ним относят:

- проблемы, связанные с правильным определением марки транспортного средства;
- трудности, возникающие в процессе криминалистического исследования отдельных выступающих деталей транспортных средств;
- трудности, связанные с проведением исследования шин транспортных средств с имеющимися повреждениями, дисков транспортного средства, частей транспортного средства, отделившихся при столкновении, а также соответствующей технической оснащенности,

¹ URL: <https://elib.pnzgu.ru/files/eb/doc/e76he1by0f0o.pdf>

прежде всего, установки демонтажа автомобильных шин, их прокатки и пр.

Кроме того, при решении задач, стоящих перед экспертом¹ в процессе предварительного криминалистического исследования следов выступающих деталей транспортных средств на местах их обнаружения, может возникнуть ряд проблем:

1) принятие объективного решения нуждается в учете значительного числа факторов влияния, а в большинстве случаев одновременно действуют несколько видов причинно-следственных связей;

2) отсутствуют аналитические зависимости между факторами влияния (причинами) и определенным следствием, а применение существующих экспертных методов приводит к значительным трудностям, заключающимся в необходимости учета разнородных факторов, как количественных (скорость автомобиля), так и качественных (вид дорожного покрытия).

В практике последних лет эксперты сталкиваются с трудностями идентификации транспортных средств в связи с изменениями маркирования транспортных средств предприятиями-изготовителями. В частности, это проявляется, когда объектами исследования являются пластиковые (полимерные) кузовные элементы автомобилей, а также элементы остекления.

Достаточно весомой проблемой в работе специалиста является и отсутствие достоверной справочной базы для получения информации о транспортном средстве, покинувшем место происшествия.

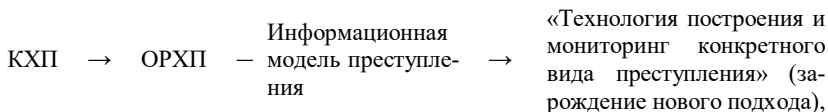
Стоит отметить отсутствие методических рекомендаций по данному вопросу, в результате чего у криминалистов возникает затруднение при выборе справочного материала для идентификации характеристик транспортного средства по имеющимся в их распоряжении отпечаткам шин.

¹ Плесовских Ю.Г. Судебно-экспертное исследование: правовые, теоретические, методологические и информационные основы производства. М. : Юрист, 2008. 240 с.

ТИПОВАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ КОНКРЕТНОГО ВИДА ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ЧТО ДАЛЬШЕ?

1. При обобщении отечественной и зарубежной литературы, а также результатов собственных исследований¹ констатируем появление следующего эволюционного витка в развитии представлений о юридической конструкции преступления (как в оперативно-разыском, так и в криминалистическом смысле).

2. Развитие идей о юридической конструкции преступления проходит следующие эволюционные этапы:

где КХП (криминалистическая характеристика преступления) как юридическая конструкция, моделирующая оконченное преступление, т.е. описание преступления по факту его совершения. Далее появляется оперативно-розыскная характеристика (ОРХП), но не как разновидность или ответвление от КХП, а как инструмент, описывающий недостающие стадии развития преступления, то, что охватывается понятием «зарождение замышляемого, подготавливаемого и совершаемого преступления»². В начале 2000-х гг. появляется следующее представление о юридической конструкции – информационная модель преступления, родоначальниками которой выступили Н.С. Полевой,

¹ Драпезо Р.Г., Гольдшмидт Е.С. Социально-криминалистический профиль индивидуальности убийц, применяющих огонь как орудие (способ) сокрытия преступления // Психология и право. 2020. Т. 10, № 1. С. 55–72.

² То, что до сих пор не осмыслено учеными после выхода в свет статьи А.Ю. Шумилова: Шумилов А.Ю. О допустимости и месте оперативно-разыскной характеристики преступления в современной оперативно-разыскной деятельности и ее развитии в профессиональном сыске: взгляд сыскалога // Оперативник (сыщик). 2013. № 4 (37). С. 19–23.

Е.П. Ищенко, В.Я. Колдин¹ и другие ученые. Ее отличия от КХП и ОРХП заключались в следующем: а) построение максимально возможного количества корреляций между фактическими данными с целью выдвижения надежных версий; б) вычленение признаков, обладающих поисковыми качествами; в) выявление признаков, которые должны обладать чувствительностью к любому рода изменениям, могущим произойти в процессе мониторинга оперативной обстановки.

3. Примерно с 2018 г. появляются зачатки следующего научного подхода, который предварительно можно назвать как «технология построения и мониторинг конкретного вида преступления».

4. При этом мониторинг будет относиться как к технологии построения модели преступления², описывающей ее статику по материалам уголовных дел, фактически осуществляя ретроспективное «наблюдение» (мониторинг) за конкретным видом преступления, так и к технологии мониторинга за информационной моделью преступления во времени, а возможно, и в пространстве (например, мониторинг оперативной обстановки), который включает в себя мониторинг временных связей и автокорреляций.

5. «Технология построения и мониторинг конкретного вида преступления» может представлять синергетическую совокупность трех исходных моделей (протомodelей) преступлений конкретного вида: 1) статичная протомodelь (общая конструкция КХП, ОРХП, созданные по факту совершенных преступлений); 2) протомodelь, по терминологии А.Ю. Шумилова, вероятного преступления (динамичная конструкция ОРХП); 3) условно-динамичная протомodelь (построенная на базе так называемых «событийных рядов», позволяющих отслеживать и изучать преступления во времени и пространстве).

6. Таким образом, «Технология построения и мониторинг конкретного вида преступления» представляет собой информационную модель преступления в ее статичной и условно-динамичной формах, элементы и связи которой должны содержать в себе потенциальные сведения поисково-разыскного, ориентирующего, упреждающего, тактического и доказательного характера и решать задачи по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений.

¹ Ищенко Е.П., Колдин В.Я. Типовая информационная модель преступления как основа методики расследования // Правоведение. 2006. № 6. С. 128–144.

² Бессонов А.А. Технология построения криминалистической характеристики преступлений // Российский следователь. 2018. № 7. С. 3–7.

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРАХ

Перечень уголовных наказаний, предусмотренный ст. 44 Уголовного кодекса Российской Федерации, в 2011 г. был дополнен таким наказанием, как принудительные работы. На практике данный вид наказания суды стали применять в 2017 г. Принудительные работы относятся к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденных от общества, и, согласно ст. 60.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УИК РФ), осужденные к принудительным работам отбывают наказание в специальных учреждениях – исправительных центрах. В данных учреждениях совместно могут содержаться осужденные неоднократно и осужденные впервые, а также осужденные за преступления различной степени тяжести.

В некоторых случаях не все осужденные к принудительным работам осознают, что исправительный центр – это учреждение уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС), а не просто общежитие, поэтому многие из них допускают нарушения порядка и условий отбывания принудительных работ, а также пенитенциарные правонарушения (включая различные преступления).

В штате исправительных центров не предусмотрено должностей оперативного состава, что свидетельствует об отсутствии в данных учреждениях сотрудников, наделенных правом на осуществление оперативно-розыскной деятельности в целях решения задач, установленных в ст. 2 Федерального закона № 144-ФЗ от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности»².

Указанное обстоятельство создает объективные сложности при проведении оперативно-розыскных мероприятий, заведении дел оперативного учета и работе с лицами, оказывающими содействие, в

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 29.12.2022).

² Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

борьбе с пенитенциарной преступностью. Учитывая данные обстоятельства, осужденные, отбывающие наказание в исправительных центрах, замышляющие, подготавливающие, совершающие либо ранее совершившие преступления, в большинстве случаев остаются без внимания со стороны оперативно-розыскных органов.

Кроме того, в уголовно-исполнительном законодательстве отсутствуют нормы, предусматривающие возможность осуществления оперативно-розыскной деятельности в исправительных центрах, что, несомненно, является проблемой нормативного регулирования в сфере осуществления оперативно-розыскной деятельности при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества.

По результатам проведенного исследования и выявленных проблем, связанных с осуществлением оперативно-розыскной деятельности в исправительных центрах, возможно предложить пути их решения:

1. Установить в разд. II «Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества» УИК РФ норму, предусматривающую осуществление оперативно-розыскной деятельности в исправительных центрах, по аналогии со ст. 84 УИК РФ, и закрепить основные задачи, решаемые оперативными подразделениями УИС при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества.

2. Рассмотреть возможность внесения изменений в типовую структуру исправительного центра и типовое штатное расписание исправительного центра, утвержденных приказом ФСИН России от 5 августа 2022 г. № 462 «Об утверждении типовых структуры и штатного расписания исправительного центра»¹, в части включения в них оперативного подразделения и должностей оперативного состава.

¹ Приказ ФСИН России от 5 августа 2022 г. № 462 «Об утверждении типовых структуры и штатного расписания исправительного центра». URL: <https://base.garant.ru/12123142/> (дата обращения: 15.01.2023).

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ФАКТОРОВ ОБСТАНОВКИ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Одной из особенностей расследования преступлений в сфере компьютерной информации является сложность установления места совершения названного деяния. Решением данной задачи может стать как определение места фактического нахождения лица в момент или период осуществления акта преступного действия, так и выявление места нахождения аппаратных и программных средств, непосредственно используемых для совершения преступления¹. Преступные действия реализуются с использованием различных информационных ресурсов, систем, интернет-сайтов, сетей связи, которые, наряду с иными средствами взаимодействия субъектов в информационной среде, образуют так называемое «цифровое пространство»². Все чаще совершаются в цифровом пространстве иные, общеуголовные, преступления с использованием информационных технологий. Вышесказанное дает основания для отнесения цифрового пространства к числу факторов, формирующих обстановку совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики. Обстановка преступления, совершенного с использованием информационных технологий, включает место, время и условия, в которых происходит процесс совершения преступления³.

¹ См.: Олиндер Н.В. Время и место совершения преступления как элемент криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11-1 (122). С. 91.

² См.: Пережогина Г.В. Общая характеристика преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий // Преступления, совершаемые с использованием информационных технологий: проблемы квалификации и особенности расследования / под науч. ред. Е.В. Смахина, Р.Д. Шарапова, В.И. Морозова. Тюмень, 2021. С. 13–14.

³ См.: Кудряшова О.А. Криминалистическое значение обстановки совершения преступления // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2011. № 27 (244). С. 53.

В силу п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ доказыванию по уголовному делу подлежит множество обстоятельств: совпадают ли место начала противоправного деяния и место наступления преступных последствий; использовался ли удаленный доступ к компьютерной информации; статично ли место расположения преступника либо при реализации преступных действий лицо использует сетевой интерфейс, находясь, к примеру, при этом в движении в транспортном средстве, пересекающем государственную границу¹, и др. Криминалистическая характеристика преступления выполняет иную функцию: выступает в качестве поискового средства в тех случаях, когда между ее элементами прослеживаются связи, подлежащие установлению в ходе расследования преступлений². Наличие на месте происшествия технических средств, косвенно указывающих на вероятность владения лицом специальными навыками обращения с ними, расположение следов преступления, по которым может быть установлена связь со способом совершения деяния, – все это позволяет реализовать познавательный потенциал криминалистической характеристики преступления. В связи с этим наибольший интерес представляют такие формулы, как «место происшествия – следы преступления – личность преступника», «место происшествия – способ подготовки / совершения / сокрытия – личность преступника». Сказанное не исключает возможности установления иных связей между элементами криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием информационных технологий.

В заключение отметим, что изменения, внесенные 15 декабря 2022 г. в п. 25.2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», а также в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», свидетельствуют о внимании судейского корпуса к вопросам установления места совершения преступления применительно к уголовно-правовой квалификации и доказыванию.

¹ См.: Поляков В.В. Место происшествия как элемент криминалистической характеристики компьютерных преступлений // Юридическая наука и образование в России и Азии. Методика преподавания права : материалы I Российско-Азиатского правового конгресса. Барнаул, 2–3 октября 2014 г. / под ред. В.В. Сорокина и А.А. Васильева. Барнаул, 2014. С. 372–376.

² См.: Князьков А.С. О критериях значимости криминалистической характеристики преступления // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 304. С. 128.

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ
ФСИН РОССИИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ
ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ**

Положения ст. 13 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») предоставляют право осуществления оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) на территории Российской Федерации (далее – РФ) оперативным подразделениям различных государственных органов, в том числе входящих в структуру Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России), исключительно в пределах их полномочий, установленных законодательными актами.

Анализ нормативных правовых актов, регламентирующих компетенцию оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России)¹, позволяет констатировать отсутствие правовых норм, устанавливающих их полномочия в сфере проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) за пределами пенитенциарных учреждений и на прилегающих к ним территориях, на которых установлены режимные требования. Также требуется закрепление в открытом ведомственном нормативном правовом акте перечня оперативных подразделений ФСИН России, правомочных осуществлять ОРД, их полномочий, структуры и отдельных аспектов

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ; Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”»; Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»; Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» и др.

организации их работы (в настоящее время указанный нормативный правовой акт находится в стадии обсуждения¹).

Мы полагаем, что указанные правовые пробелы снижают эффективность борьбы оперативных подразделений ФСИН России с преступностью, не позволяют в полной мере осуществлять борьбу с пенициарными преступлениями (прежде всего совершаемыми лицами, отбывающими наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества; осужденными, содержащимися в колониях-поселениях), а также с преступлениями экономической и коррупционной направленности (совершаемых персоналом ФСИН России и работниками коммерческих организаций, вступающих в договорные отношения с учреждениями (органами) ФСИН России) путем самостоятельного (вне взаимодействия с иными оперативно-розыскными органами) проведения ОРМ с изъятием документов, предметов, материалов; проникновением на частную территорию; обследованием помещений и транспортных средств за пределами учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС).

В то же время правовые нормы ФЗ «Об ОРД» позволяют осуществлять указанные выше действия оперативным подразделениям других государственных органов в пределах их полномочий (например, оперативным подразделениям МВД России в соответствии со ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»²).

Подводя итог изложенному, следует заключить, что в целях устранения выявленных нами правовых пробелов в деятельности оперативных подразделений ФСИН России по проведению ОРМ за пределами учреждений (органов) УИС необходимо внести изменения в ст. 14 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»³, наделив их соответствующими полномочиями.

¹ Проект Приказа ФСИН России «Об утверждении перечня оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, и их полномочия по осуществлению оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2023).

² Федеральный закон «О полиции» от 02.07.2011 № 3-ФЗ (с изм. на 28 апреля 2023).

³ Закон РФ от 21.07.1993 г. № 5473-1 (с изм. и доп.).

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ СИНТЕТИЧЕСКИХ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Опасность неконтролируемого обращения наркотических средств общеизвестна. Данные официальной статистики Министерства внутренних дел Российской Федерации свидетельствуют о том, что в январе–декабре 2022 г. выявлено 177,7 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. При этом по сравнению с январем–декабрем 2021 г. на 7,2% выросло число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств¹. На результаты выявления и раскрытия наркопреступлений оказывает существенное влияние перестройка наркорынка, а именно: появление большого количества синтетических наркотиков, а также изменение формы их сбыта с контактного на сбыт с использованием информационно-коммуникационных технологий.

В «Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года»² отмечено, что одной из угроз национальной безопасности в сфере оборота наркотиков, а также в области противодействия их незаконному обороту в среднесрочной и долгосрочной перспективе является увеличение предложения на рынке сбыта (в целях незаконного потребления) синтетических наркотиков, произведенных на территории Российской Федерации с применением веществ, часто используемых при производстве, изготовлении и переработке наркотических средств и психотропных веществ и находящихся в законном обороте, а также рост спроса на такие наркотики³.

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/>

² Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

³ Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 // СПС «КонсультантПлюс».

Анализ практики указывает на то, что в ближайшие годы синтетические наркотики будут представлять еще большую опасность и распространенность ввиду следующих основных причин:

- возможность производства в огромных количествах и относительная дешевизна по сравнению с затратами на производство традиционных наркотиков растительного происхождения;

- возможность производства в различных формах, а также оперативный синтез новых модификаций, имеющих более высокую активность;

- синтетические наркотики распространяются посредством сети Интернет, что обеспечивает участникам наркобизнеса относительную обезличенность;

- производство синтетических наркотиков может осуществляться в подпольных лабораториях вблизи мест конечного потребления;

- снижение возраста потребления наркотиков, обусловленное популярностью их в молодежной среде;

- компактность синтетических наркотиков, обеспечивающая удобство транспортировки и легкость сокрытия;

- быстрое наступление наркозависимости от синтетических наркотиков и простота потребления.

Необходимо отметить, что оценка современной наркоситуации показывает, что одной из главных тенденций ее развития является рост потребления синтетических наркотиков. В сложившейся обстановке основными направлениями противодействия незаконному обороту синтетических наркотиков должны стать профилактика и раннее выявление незаконного потребления таких наркотических средств, а также разработка эффективных форм и методов, направленных на противодействие преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств в сети Интернет.

Я.А. Климова

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТРЕШ-СТРИМОВ

Одним из трендов современности стало фиксирование насильственных действий посредством снятия видеоматериалов в прямом эфире

(«стримы»), а также путем дальнейшего их опубликования в социальных сетях или рассылка видео через мессенджеры.

Такой контент получил название «треш-стримы» – особый жанр на видеохостингах: в них ведущий совершает с собой, однако чаще со своими гостями опасные для здоровья или просто унижительные действия, часто подпадающие под отдельные статьи Уголовного кодекса РФ.

Проблему треш-стриминга в России подняли после того, как жестокость на трансляциях стала появляться чаще. Печальную известность приобрели жестокие видео: одно было снято в Подмосковье, когда видеоблогер избил свою беременную подругу во время прямого эфира, вышвырнув ее без одежды на мороз, где она и умерла; трагедия в Смоленске – там, чтобы увеличить количество просмотров своего канала, треш-стример заставил пенсионера выпить лошадиную дозу спирта, после которой тот скончался¹. Особую опасность представляет тот факт, что нередко в роли таких «ведущих» выступают несовершеннолетние. Подростки стали проявлять недетскую жестокость в соцсетях. Так, в Ярославле во время треш-стрима несовершеннолетние участники изнасиловали женщину и разгромили ее квартиру. Во время онлайн-трансляции в одной из соцсетей несколько молодых людей за donаты (виртуальные деньги), получаемые от зрителей, били в квартире 30-летней женщины посуду, ломали двери и бытовую технику, вступали с хозяйкой, находившейся в состоянии опьянения, в половую связь².

Особую сложность для расследования таких преступлений представляет отсутствие законодательного запрета на проведение «треш-стримов». Об актуальности проблемы свидетельствует намерение Совета Федерации совершенствовать законодательство в целях противодействия треш-стримам. Высказываются различные мнения о том, как положить конец появлению и распространению в России подобных трансляций: о необходимости введения уголовной ответственности за

¹ Блогера приговорили к шести годам из-за смерти девушки во время стрима URL: <https://www.rbc.ru/society/27/04/2021/6088418a9a794712ab28c1c1> (дата обращения: 09.02.2023); Смоленский пенсионер умер в прямом эфире треш-стрима URL: <https://www.tvc.ru/news/show/id/202866> (дата обращения: 09.02.2023).

² В школе надо знакомить с Уголовным кодексом» – треш-стрим и изнасилование. URL: <https://regnum.ru/news/society/3226754.html> (дата обращения: 09.02.2023).

подобные действия; о создании реестра для треш-стримеров, попадание в который повлечет ограничения использования интернета и связи; о создании механизма, согласно которому совместно с Росмониторингом будет возможно запустить в банках систему блокировки донатов¹.

Несмотря на наличие законодательных лакун, уже сейчас можно выделить криминалистический аспект треш-стримов, рассматривая их в качестве специфического способа совершения насильственных преступлений. Ключевая особенность заключается в том, что фактически преступление совершается в прямом эфире, транслируется с использованием сети Интернет и его цель – это создание контента, унижающего человеческое достоинство, который доступен для просмотра неограниченному кругу лиц.

Отдельно следует сказать о личности треш-стримеров. Как правило, это безработные молодые люди и девушки с низким уровнем культуры и образования, не имеющие постоянного источника дохода, желающие прославиться: получить огромное количество «лайков», одобрение публики и собрать больше донатов. Для них характерны особый цинизм, жестокость, неадекватность поведения.

Таким образом, дальнейшее криминалистическое исследование треш-стримов позволит разработать новые средства и методики расследования преступлений.

Л.П. Климович

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Судебная экономическая экспертиза – одна из самых востребованных экспертиз, назначаемых по уголовным делам с целью получения доказательственной информации о механизме, обстоятельствах совер-

¹ В Госдуме попросили главу Минцифры заблокировать донаты для треш-стримеров. URL: <https://ria.ru/20220529/donaty-1791502466.html> (дата обращения: 10.02.2023).

шения преступления и преступных последствиях. Вместе с тем, как показывает следственная практика, практически всегда возникают сложности, связанные с подготовкой к назначению экспертизы. Используя компетентностный подход в профессиональной деятельности¹, нами проведен анализ проблем взаимодействия следователя и эксперта-экономиста. Выделено 4 группы факторов и условий, которые оказывают влияние на эффективность (результативность) деятельности, направленной на получение новой доказательственной информации посредством назначения и производства судебных экономических экспертиз.

Первая группа – это внешние факторы, они обусловлены спецификой внешней среды, в которой совершено преступление. Активное развитие и внедрение цифровых технологий в различные бизнес-процессы, практически тотальный переход всех субъектов экономической деятельности к технологиям автоматизированного бухгалтерского учета, развитие электронного документооборота в хозяйственной деятельности – все эти нововведения последних лет являются прогрессивными с позиции развития в стране цифровой экономики, усиления налогового администрирования и повышения эффективности мероприятий налогового контроля. Но в то же время следует признать, что новые механизмы контроля бизнеса со стороны государства, формируемые посредством активного вовлечения первого в процессы цифровизации, могут повлечь за собой отток части финансов в сферу ненаблюдаемой экономики и появление новых схем совершения и сокрытия преступлений. Это, в свою очередь, уже сегодня ставит перед правоохранителями задачи своевременного выявления таких преступлений.

Вторая группа факторов обусловлена тем, что внешняя среда и современная ситуация предъявляют повышенные требования к уровню профессиональной компетенции следователя и иных субъектов доказывания. Речь идет, прежде всего, о необходимости практического использования навыков и умений оперативно ориентироваться в различных потоках экономической информации, в том числе существующей в цифровом формате, для установления юридически значимой информации. Решению такой задачи должно содействовать повышение качества образовательной подготовки будущих юристов посредством освоения ими блока экономических и экономико-правовых дисциплин.

¹ Миронова А.В. Обоснование компетентностного подхода к проблеме профессионального саморазвития // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. № 3.

Третья группа факторов связана с качеством профессиональных компетенций судебных экспертов-экономистов в части использования ими стандартизированных подходов к процессу экспертного исследования. С этой целью должны пройти сертификацию и валидацию экспертные методики СЭЭ, содержащие типовые универсальные структурные элементы, присущие любой методике такой экспертизы.

Четвертая группа факторов и условий повышения результативности взаимодействия субъектов в процессе назначения, производства и оценки материалов СЭЭ направлена на совершенствование уголовно-процессуальных норм в части расширения полномочий специалиста в процессе расследования уголовных дел экономической направленности. Для оказания содействия в собирании, исследовании и оценке доказательств, для дачи заключения и показаний целесообразно закрепить в ст. 58 УПК РФ норму о привлечении в качестве специалистов сотрудников специальных государственных органов. По таким делам это могут быть специалисты органов финансового (бюджетного, налогового, банковского) контроля.

Д.А. Книс

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РАЗВИТИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ МЕТОДИКИ

Оперативно-розыскная методика, соединяя в себе все части теории оперативно-розыскной деятельности (далее – теория ОРД), представляет собой совокупность как теоретических, так и практических направлений развития и совершенствования всей оперативно-розыскной деятельности, при этом объединяя многочисленные источники как правовых и других наук, так и социальной деятельности, направленной на борьбу с криминальной активностью, ее негативными проявлениями и последствиями.

Уровень и дальнейшие перспективы развития методики выявления предупреждения и раскрытия преступлений должны отражать современные реалии, что, с одной стороны, включает исследование способов и механизмов совершения различных преступлений, вклю-

чая те, которые находятся на этапе формирования, а с другой стороны, моделирование как традиционных, так и инновационных оперативно-розыскных средств и методов борьбы с криминальными явлениями.

Оперативно-розыскные методики выявления, предупреждения и раскрытия преступлений являются самостоятельным объектом исследования теории ОРД, проводимого в целях выработки теоретических положений различной степени абстракции. Теория ОРД, как и любая отрасль науки, призвана постоянно совершенствовать методические основы выявления, предупреждения и раскрытия преступлений, познавая объективные закономерности возникновения и развития криминальной ситуации, а также проявлений криминальной активности, выражающейся в криминальном поведении.

В достаточной степени дискуссионными тенденциями становления и развития оперативно-розыскной методики являются их структурная неоднородность и алгоритмизация. В этой связи достаточно давно ведутся научные изыскания с целью определения наиболее общих структур оперативно-розыскных методик, с помощью которых возможно было бы оперативным путем выявлять, предупреждать и раскрывать большинство преступлений, в частности, в качестве таковой рассматривают оперативно-розыскную характеристику преступлений. Данная проблема требует системного решения путем создания специфичных частных оперативно-розыскных методик, но существующих в единой системе методического и методологического обеспечения выявления, предупреждения и раскрытия преступлений аппаратами уголовного розыска.

При этом необходимо отметить, что ОРД в полной мере реализует свои возможности только в сфере криминалистики как при изучении криминального поведения, преступных деяний, так и криминальных ситуаций¹.

Еще одной наиболее актуальной проблемой формирования оперативно-розыскной методики, на наш взгляд, является выявление, предупреждение и раскрытие компьютерных и иных преступлений, связанных

¹ Халиков А.Н. Перспективы развития криминалистической методики расследования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 3(89). С. 129.

с электронными или цифровыми объектами. Все это требует дальнейших разработок в интегративных связях оперативно-розыскной деятельности, криминологии, криминалистики, психологии и уголовного процесса по оптимальным способам выявления, предупреждения и раскрытия, а также документирования соответствующих преступлений, связанных с информационно-телекоммуникационными технологиями.

Исследования в сфере оперативно-розыскной методики требуют значительного обобщения характеристик лиц, представляющих оперативный интерес. В то же время другая часть исследований должна быть направлена на установление общих положений выявления и раскрытия отдельных видов преступлений, что исходит как из общих закономерностей оперативно-розыскной методики, так и из специфики подготовки, совершения и сокрытия отдельных видов преступлений и способов их выявления, предупреждения и раскрытия.

А.С. Князьков

О ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМАХ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКЕ

Теоретическая и практическая продуктивность любого, в том числе криминалистического знания в немалой степени зависит от его систематизации. Причем в методологическом плане положения, которые объективно должны находиться в той или иной части совокупного знания, в своем соотношении подчиняются двум требованиям, позволяющим говорить, во-первых, о том, что мы имеем дело с системой, а во-вторых, применительно к гуманитарному знанию, к которому относятся такая их отрасль, как криминалистика, о том, что эта система является открытой. Первая закономерность состоит в том, что положения, которые находятся в одной части (в одном элементе системы), не должны дублировать положения, находящиеся в другой его части (в другом элементе). Вторая закономерность проявляется в том, что находящиеся в разных элементах системы положения должны определенным образом соотноситься друг с другом, оставаясь при этом в своем

содержании. Разумеется, в различных видах систем нарушения указанных закономерностей проявляют себя в качественно различающихся признаках: так, например, признаки нарушений в системе «человеческий организм» будут проявлять себя иначе, чем признаки нарушений закономерностей в системе «экологический объект».

Однако нельзя не видеть, что для систем природного происхождения признаки нарушений закономерностей функционирования системы являют себя непосредственно. Именно это лежит в основе построения механизмов криминалистического познания применительно к методике расследования тех или иных преступлений, поскольку «следовая картина», например в науке, нарушений правил оказания медицинской помощи будет существенно отличаться от нарушений экологических правил, скажем, нарушения режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов.

Иное дело обстоит с такими системами, как научное знание. Здесь действуют иные, специфические закономерности взаимоотношения их элементов, и результат таких взаимоотношений не представлен субъекту в чувственно-образной форме. Именно данное обстоятельство позволяет отдельным авторам предлагать разные результаты изучения одной и той же системы научных знаний. Это видно на примере дискуссий о числе разделов отечественной криминалистики: от двух предлагаемых разделов до пяти (например, предложение А.Г. Филиппова выделять, помимо традиционных частей криминалистики, также раздел «Организация расследования преступления»)¹.

При этом нужно сказать, что система «научные знания» по-иному «сигнализирует» о нарушении закономерностей взаимоотношения своих элементов, и признаки таких нарушений носят иной характер: очевидно, что эта проблема еще ждет своего исследователя. Началом ее решения можно предложить рассмотрение взаимоотношений между положениями криминалистической тактики и криминалистической методики, содержащих один и тот же операнд, а именно тактический прием. Дело в том, что нередко в исследованиях, посвященных разработке частных криминалистических методик, можно встретить утверждение, что автором сформированы новые тактические приемы. Признаком нарушения закономерностей взаимоотношения положений

¹ Криминалистика : учебник / под ред. А.Г. Филиппова. М. : Высшее образование, 2007. С. 262–305.

названных разделов криминалистики применительно к категории «тактический прием» является предложение в таких исследованиях считать тактическим приемом обстоятельства, которые не обладают производительным (операциональным) началом, учитывая, что тактический прием есть способ воздействия на материальные и идеальные объекты с целью изменения их состояния, позволяющего получить криминалистически значимую информацию.

Соответственно, в криминалистической методике речь должна идти всего лишь об ином содержании операционального способа действия, обусловленного «следовой картиной» расследуемого преступления.

В.А. Коглина

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В настоящее время нет такой отрасли науки и техники, которая бы не развивалась за счет внедрения достижений научно-технического прогресса, искусственного интеллекта, а также автоматизации основных этапов и процессов. Судебная экспертология и судебно-экспертная деятельность не стали исключением. В данной научной области и на практике активно используют возможности 3D-сканирования и моделирования, оснащают лаборатории автоматизированными рабочими местами эксперта, исследуют новые виды объектов (цифровые следы; изделия, изготовленные при помощи аддитивных технологий).

В связи с тем, что преступники берут на вооружение новейшие разработки в области техники, преступления могут носить латентный характер, тем самым предъявляя более высокие требования к компетентности правоохранительных органов, в том числе к лицам, обладающим специальными знаниями: специалисту, эксперту. Таким образом, мы считаем необходимым определить основные векторы внедрения информационных технологий в судебно-экспертную деятельность, ее развития в эпоху перманентно нарастающей цифровизации¹:

¹ Демин К.Е. Об интеграции специальных знаний при получении доказательственной информации, содержащейся в компьютерных сетях // Интеграция и дифференциация знаний в судебно-экспертной деятельности (посвящается памяти

1. Разработка и совершенствование существующих цифровых коллекций следов и баз данных. Наряду с применением натуральных коллекций необходимо внедрять электронные базы данных, например, изделий массового производства, поддельных денежных билетов, к которым доступ имели бы не только сотрудники одного подразделения, но и сотрудники, которые могут находиться на большом удалении от какого-либо федерального центра. Данные коллекции будут служить наглядным справочным материалом, который содержит основные способы имитации элементов защищенной полиграфической продукции или современные способы изготовления изделий массового производства, что позволит оперативно получать необходимую информацию для производства судебной экспертизы, а также добиться однообразия при описании объектов и составлении заключения эксперта.

2. Внедрение средств искусственного интеллекта (нейронные сети) в производство судебной экспертизы, а также при составлении заключения эксперта. При этом необходимо подчеркнуть, что в данном аспекте не стоит говорить о замене специальных знаний эксперта математической, самообучаемой моделью: нейронная сеть может выполнять ориентирующую, вспомогательную роль при производстве многообъектных, комплексных экспертиз, служить помощником при составлении заключения эксперта.

3. Разработка десктопных приложений для целей судебно-экспертной деятельности¹. К достоинствам их использования стоит отнести оптимизацию работы экспертно-криминалистических подразделений, доступность в любое время, простоту использования, наполняемость информацией, исходя из текущего запроса сотрудников.

доктора юридических наук, профессора Татьяны Витальевны Аверьяновой) : сб. материалов по итогам Всероссийского круглого стола. М. : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2021. С. 21–26.

¹ Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2021668409 Российская Федерация. «Десктопное приложение “ExpertLab”» (справочник эксперта (на примере трасологических исследований)): № 2021666966: заявл. 25.10.2021; опубл. 15.11.2021 / И.О. Несмиянова, О.А. Харламова; заявитель Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя.

Учитывая вышеперечисленное, сделаем вывод, что развитие судебно-экспертной деятельности идет по пути информатизации и автоматизации отдельных этапов производства судебной экспертизы, что позволит правоохранительным органам быть на шаг впереди преступной деятельности. Однако не стоит забывать, что производство судебной экспертизы основано на применении специальных знаний эксперта, которые необходимо постоянно совершенствовать, следить за тенденциями науки и техники, повышать квалификацию в наиболее востребованных, в том числе новых видах судебных экспертиз.

М.В. Кондратьев

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ В ВЫЯВЛЕНИИ И РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ СБЫТОМ НАРКОТИКОВ

В последнее время незаконный сбыт наркотиков все глубже проникает в информационное пространство, призывая тем самым правоохранительные органы к совершенствованию методов оперативно-розыскной работы, а также поиску новых источников получения оперативно значимой информации¹.

С уверенностью можно отметить, что добывание оперативно-розыскных данных сегодня может осуществляться не только на платформах ведомственных и официальных ресурсов. Для этих целей в полной мере должны быть использованы так называемые «альтернативные» источники информации, содержащиеся в глобальной сети Интернет в открытом доступе.

В целях своевременного выявления и дальнейшего раскрытия преступлений рассматриваемой категории сотрудникам оперативных подразделений необходимо располагать актуальными на определенный момент времени знаниями о таких источниках.

¹ Кондратьева В.В. Проблемы организации расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 5 (13). С. 70–80.

Так, принадлежность используемого наркосбытчиком абонентского номера к конкретному оператору сотовой связи можно установить при помощи интернет-сайта www.gossvyaz.ru. Для этого на главной странице сайта необходимо последовательно выбрать вкладки «Деятельность», «Ресурс нумерации», «Направления», «Выписка из реестра российской системы и плана нумерации», ввести интересующий абонентский номер, инициировать поиск (вкладка «Искать») и получить результат проверки. Аналогичный оперативный поиск также можно произвести на интернет-сайте www.phoneverify.org (прямая ссылка: www.phoneverify.org/info/phoneid).

Для организации дальнейших оперативно-розыскных мероприятий большое значение имеет установление модели коммуникационного устройства (мобильный телефон, смартфон, планшетный компьютер). Одним из самых удобных для этого открытых сервисов является www.imei.info. Для этого в поисковом окне на главной странице сайта нужно ввести IMEI мобильного устройства, нажать вкладку «Check» и получить искомый результат.

Определение провайдера услуг доступа к сети Интернет возможно при помощи интернет-ресурса www.xinit.ru. Для этого на главной странице указанного интернет-сайта необходимо перейти по вкладкам «Whois», «Домен/IP-адрес» и ввести интересующий IP-адрес, используемый наркоторговцем. В полученной текстовой информации будут отображены наименование интернет-провайдера, которому был выделен искомый диапазон IP-адресов, а также геолокация известного IP-адреса.

При последующем направлении официального запроса выявленному интернет-провайдеру возможно установление точного адреса использования оконечного оборудования для доступа в интернет, т.е. конкретного места, где лицо осуществляло вход в сеть в противоправных целях.

Определение активности абонентского номера возможно при помощи сайта www.smsc.ru. После регистрации пользователя на данном ресурсе на главной странице необходимо выбрать вкладки «Отправить», «HRL-запрос», в разделе «Список телефонов» ввести интересующий абонентский номер и выбрать «Отправить». Затем следует перейти во вкладку «История» и обратить внимание на раздел «Статус» напротив интересующего абонентского номера. Если в разделе «Статус» наблюдается запись красного цвета «Невозможно доставить» или

«Недоступный номер», то номер считается неактивным (неиспользуемым). При наличии записи «Доставлено» абонентский номер следует считать используемым (активным) в настоящее время.

Установление банка-эмитента по номеру карты (принадлежности банковской карты) осуществляется с использованием ресурсов www.binov.net и www.fraudassets.com по банковскому идентификационному номеру (БИН – первые шесть цифр номера карты).

И.Т. Кривошеин

МЕТОДОЛОГИЯ СУБЪЕКТНОЙ ИДЕОЛОГИИ КАК СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

XX век в отечественной философии и науке предстает как время великого мирозидания и великого мироразрушения, продолжающегося познания человека как самого загадочного существа на Земле.

В отличие от философии диалектического материализма признание человека существом, органично связанным со Вселенной, означает новый поворот в познании человека, необходимость поиска адекватного меняющимся философско-познавательным взглядам на природу человека теоретико-методологического подхода, задействования иных познавательных методов и средств, формирования иной концептуально-познавательной среды, создание иного категориального аппарата, адекватного меняющимся взглядам и знаниям. Природа субъектной идеологии столь же сложна, как и природа человека. Сложность природы субъектной идеологии в ее уникальной двойственности, заданной уникальностью самого человека. Уникальность человека проявляется как склонность к восприятию и постижению мира, его необъяснимая склонность воспринимать не только чувственный, видимый мир, но непостижимым образом постигать мир невидимый.

Понимание уникальности человека уходит своими корнями вглубь человеческой истории. Уже древнегреческие мыслители, познавая действительность и мир человека, выделяли мир видимый и мир невидимый. По своей значимости и значительности это было величайшее открытие, обусловившее кардинальный поворот в культуре философской

мысли, в понимании неоднозначности мира человека, его несводимости к чувственно-созерцательному мировосприятию. Это открытие положило начало полемике, обрекшей мир мыслителей на многие века поиску аргументов, оправдывавших либо доминирование мира чувственного, либо бездоказательного, но тем не менее существующего мира невидимого. Идея существования мира невидимого сохранилась благодаря исключительно глубокой вере в него, о мире невидимом пишут как об одной из граней реального бытия человека. «Все наши мудрые и божественные учителя сходились в том, что видимое поистине есть образ невидимого. Все это достаточно хорошо известно, за многие века существования взгляда вера в Бога, вера в существование Души, несмотря на тяжкие испытания, оказалась много более жизнеспособной, чем иные «всесторонне обоснованные научные теории»¹.

В XVIII в., эпохе Просвещения, доминирование в познании жизни человека материального, экономического, усиление познания человека с внешней стороны сопровождалось утратой интереса к познанию внутреннего, духовного мира человека. XX век стал показателем философско-познавательной несостоятельности диалектического материализма. Продемонстрировав теоретико-методологическую незрелость диалектико-материалистических идей, познавательную неадекватность существующих в отечественной философии и в науке познавательных методов и средств познания, диалектический материализм стал для многих отечественных философов временем разочарований, диктующих необходимость возвращения мысли к постижению таинственной силы Разума и Души, мира видимого и невидимого, их места и роли в жизни человека. В этой исходно существующей познавательной расслоенности скрыта величайшая загадка человека. Ни современная наука, ни философия, ни религия не могут в полной мере выявить тайну человека»². Не случайно и в наше время продолжают сохраняться вопросы: «Что такое человек? Можно ли считать его *уникальным* созданием на Земле? Почему в отличие от других природных существ он наделен всепониманием? Какова природа человека? Что

¹ Кузанский Н. Об ученом незнании. М. : Академический Проект, 2011. С. 24.

² Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения / редкол.: И.Т. Фролов и др. ; сост. П.С. Гуревич. М. : Политиздат, 1991. С. 3.

определяет суверенность его духа? В чем драма человеческих отношений и человеческого существования? От чего зависят смысл и ценность человеческой жизни? Подобного рода вопросы в той или иной аранжировке обнаруживаются в философских текстах разных эпох»¹. Эти вопросы в равной степени характерны и для философского, и для научного познания. Игнорирование истории ведет к жестокому наказанию – к оскудению мысли.

А.А. Крынин

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ СОВЕРШЕНИЯ ДИСТАНЦИОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА

Говоря о способах совершения дистанционных мошенничеств, стоит отметить, что преступники не просто изобретают новые способы обмана граждан, но и совершенствуют уже существующие. Криминалистической характеристике появляющимся новым способам совершения дистанционного мошенничества посвящено большое число научных работ, однако вопросам совершенствования уже известных способов уделяется меньше внимания.

На сегодняшний момент одним из доработанных способов дистанционного мошенничества является способ «Родственник попал в беду», который вновь обрел свою актуальность во второй половине 2022 г. Рассматриваемый способ направлен в основном на такие категории граждан, как пожилые люди и пенсионеры.

Данная категория граждан избирается не случайно, поскольку мошенники прекрасно понимают, что при выходе на пенсию большинство людей имеют какие-либо денежные сбережения. При этом пожилые люди больше, чем иные, расположены помочь финансово своему родственнику, попавшему в беду².

¹ Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения / редкол.: И.Т. Фролов и др. ; сост. П.С. Гуревич. М. : Политиздат, 1991. С. 3.

² Сычева А.В. Некоторые вопросы криминалистической характеристики «дистанционных» мошенничеств, совершенных в отношении пожилых людей // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 135–140.

Однако проблемой, с которой столкнулись мошенники, стало то, что многие пожилые люди не обладают навыками использования мобильных приложений онлайн-банков либо, находясь в очень преклонном возрасте, не могут самостоятельно покинуть жилище для осуществления перевода в банкомате, но, в свою очередь, легко поддаются обману и имеют желание «поделиться» своими сбережениями.

В связи с этим мошенники доработали данный способ, организовав свою курьерскую службу под стать «курьерам-закладчикам», участвующим в совершении незаконного сбыта наркотических средств, при этом используя те же самые платформы для их подбора.

Участие курьера в совершении дистанционного мошенничества заключается в следующем: мошенник, при осуществлении телефонного разговора с пожилым человеком, используя методы социальной инженерии, представляется полицейским и информирует потерпевшего о том, что его родственник совершил преступление, но за уплату определенной денежной суммы родственник может уйти от ответственности. Чаще всего сообщается о совершении родственником дорожно-транспортного преступления, сопряженного с причинением смерти, тем самым указав потерпевшему на неизбежность последующего лишения свободы задержанного.

Добившись согласия от потерпевшего передать определенную денежную сумму, лжеполицейский связывается с курьером и сообщает ему детали преступления. Курьер, получив от потерпевшего деньги, часть суммы переводит мошенникам, а часть суммы оставляет себе за проделанную работу.

В условиях контакта участника преступления с потерпевшим, а также в связи с тем, что курьер зачастую не имеет должной подготовки по конспирации своей преступной деятельности, повышаются возможности к раскрытию подобных преступлений, что статистически в лучшую сторону отразится в следующем отчетном периоде. Вместе с тем стоит учесть, что истинный мошенник, как и ранее, останется безнаказанным, а на скамье подсудимых будут оказываться лишь исполнители чужого преступного плана.

В связи с этим необходимо всестороннее исследование способов совершения дистанционного мошенничества, а также их видоизменений, которое позволит поддерживать в актуальном состоянии криминалистическую характеристику данной категории преступлений для целей формирования частной методики расследования названных преступлений.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Согласно статистическим сведениям ФКУ «ГИАЦ» МВД России, в 2021 г. нераскрытыми остались 933 308 преступлений¹, в 2022 г. – 904 509 преступлений², что составило соответственно 46,5 и 45,9% от всех зарегистрированных преступных деяний.

По большинству указанных нераскрытых преступлений в отмеченный период было принято решение о приостановлении предварительного расследования по основаниям, закрепленным п. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, и уже в следующем году (новом отчетном периоде) они стали относиться к категории преступлений прошлых лет.

Раскрытие преступлений прошлых лет остается приоритетным направлением деятельности правоохранительных органов, которые, несмотря на приостановление предварительного расследования, продолжают проведение оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), направленных на установление причастных к деяниям лиц, вплоть до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности и прекращения производства по уголовным делам. Результатом такой работы стало раскрытие в 2021 г. 47 463, в 2022 г. – 46 959 преступлений прошлых лет.

Организация раскрытия рассматриваемых преступлений имеет свои особенности:

1. На первоначальном этапе необходимо изучить имеющиеся материалы, в которых были отражены результаты мероприятий (действий), направленных на раскрытие преступления весь предшествующий период (уголовное дело, дело оперативного учета, материалы надзорного производства и др.). Исследование всех материалов необходимо поручить одному оперативному сотруднику для восстановления полной картины происшедшего; отыскать все возможные ранее полученные

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2315310>

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 года. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/4683439>

вещественные доказательства и определить возможность их повторного (дополнительного) экспертного и иного исследования в целях получения дополнительной информации; прибегнуть к опросу лиц, которые ранее осуществляли работу по раскрытию преступления и могут располагать сведениями, не нашедшими отражение в документах, и поделиться обоснованными предположениями о событии преступления и возможном преступнике; проверить всех ранее заподозренных лиц (основных свидетелей, в том числе подтверждающих чьи-либо алиби) по всем имеющимся учетам ОВД (других учреждений) для получения характеризующей их информации, установления фактического местонахождения (проживания, пребывания). Факт смерти заподозренного лица, нахождения в местах изоляции (ФСИН и других органов) может быть благоприятным условием для проведения ОРМ; запланировать проведение комплекса дополнительных, а также повторных ОРМ в отношении указанных лиц с целью установления причастности к совершению преступления.

2. На основном этапе при непосредственном проведении ОРМ следует учитывать, что они, в большей мере направлены на проверку достоверности результатов ранее проведенных мероприятий, получение ранее скрываемых сведений, чем на восстановление картины преступления, поскольку со дня совершения преступления может пройти не один год, а нередко и десятилетия, что негативно сказывается на «идеальных следах» преступления, а именно на показаниях свидетелей и очевидцев, в памяти которых стираются либо видоизменяются важные обстоятельства совершенного общественно опасного деяния, которые могут иметь значение для раскрытия преступления.

3. На заключительном этапе оценивается возможность возобновления предварительного расследования на основе вновь собранных материалов.

А.В. Кулаевский

ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЯ «УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ»

Актуальность исследования понятия «установление лица, совершившего преступление» обусловлена дискуссионным толкованием в криминалистике самого термина «установление лица, совершившего

преступление». Следовательно, при установлении лица, совершившего преступление, необходимо исходить из криминологических характеристик преступника и его криминалистических свойств.

Личность преступника характеризуется биологическими, социальными и психологическими свойствами. С развитием цифровых технологий личность преступника трансформируется, приобретая новые навыки при совершении преступлений.

Совершая преступление в цифровой среде, преступник оставляет «цифровые следы» и «цифровые отпечатки». О массовости рассматриваемого явления свидетельствует и статистика. Так, за 2021 г. правоохранительные органы зарегистрировали 2004,4 тыс. преступлений. Из них 517 тыс. совершены с использованием информационно-коммуникационных технологий¹. Соглашаясь с позицией С.В. Милюкова, который указывал, что социальные свойства можно определить как совокупность сфер – общегражданской, национальной, семейной, бытовой и производственной, определим, что данные лица, совершившие преступление, оставленные в цифровой среде, могут быть определены как социальные².

Таким образом, данные лица, совершившие преступление, в соответствии с п. 1 ст. 3 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» могут именоваться персональными данными и являются признаком для установления преступника³.

С учетом отличительных свойств лица, совершившего преступление, а также с учетом современных способов совершения преступления предлагается дополнить проанализированные классы отличительным признаком – наличием у лица, совершившего преступление, персональных данных, которые могут выражаться и в «цифровом следе»,

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года // МВД.РФ. 2022. 18 янв. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 10.01.2023).

² Милюков С.В. Современные возможности использования свойств человека при установлении личности в раскрытии и расследовании преступлений. М. : Юрлитинформ, 2013.

³ О персональных данных : Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 19.05.2021).

«цифровом отпечатке». С учетом вышеизложенного предлагаем следующее определение:

Установление личности преступника – это комплекс действий, включающий в себя поиск, получение, осмысление информации о личности преступника, установление его персональных данных, изучение его свойств с целью проверки причастности его к совершению преступления и последующего предъявления обвинения.

Е.С. Мазур, С.И. Сапожникова

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

В настоящее время отмечается увеличение количества профессиональных уголовных правонарушений, совершенных медицинскими работниками, и, как следствие, встает вопрос о быстром их выявлении и качественном расследовании.

Тенденция к возрастанию числа профессиональных правонарушений медицинских работников связана с рядом факторов: с развитием новых медицинских технологий, диагностики, тактики и методов лечения, медицинской техники и способов ее применения, увеличением числа новых, оригинальных лекарственных препаратов и дженериков¹.

Вопрос о существующих проблемах в расследовании уголовных дел о профессиональных правонарушениях, совершенных медицинскими работниками, невозможно решить без установления четких оснований наступления ответственности и определения предмета доказывания, особенно в части установления факта осуществления медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей.

Как нам видится, указанная проблема может быть разрешена только благодаря интеграции усилий юридического и медицинского сообществ по выработке и законодательному закреплению ряда положений,

¹ Мазур Е.С. Проблемы расследования ятрогенных преступлений и пути их решения // Материалы криминалистических чтений / под ред. О.В. Кругликовой. Барнаул, 2018. С. 54.

характеризующих правомерную и неправомерную, в том числе и преступную, деятельность медицинских работников при осуществлении ими своих профессиональных обязанностей. В частности, в законе отсутствует определение понятия преступления, совершенного медицинским работником при осуществлении своей профессиональной деятельности¹.

Анализ материалов судебно-медицинской экспертизы и решений следственных органов и суда по обвинению медицинского персонала в профессиональных правонарушениях позволяет классифицировать профессиональные правонарушения следующим образом:

- преступления против жизни и здоровья (например, по ст. 109 УК РФ);
- преступления против здоровья населения и общественной нравственности (например, по ст. 228.2 УК РФ «Нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ»);
- экологические преступления (например, ст. 247 УК РФ «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов»);
- преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (например, ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями»).

Кроме того, расследование преступлений, совершенных медицинскими работниками, существенно затрудняется вследствие высокой корпоративности медицинских работников, что обусловлено подчиненностью всех без исключения бюро СМЭ департаментам, министерствам и ведомствам здравоохранения субъектов РФ по месту нахождения.

В связи со сложностями формирования независимой экспертной комиссии, на формирование которой уходит по несколько месяцев, зачастую возникает сложность в проведении судебно-медицинской экспертизы по отношению к медицинским работникам, следствием чего является затягивание сроков расследования.

Выходом из этого было бы создание независимой судебной экспертизы, позволяющей преодолеть корпоративный интерес.

¹ Мазур Е.С., Ахмедшин Р.Л., Александрова Я.Д. Криминалистическая характеристика ятрогенных преступлений // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 220–225.

О НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЯХ ЛИЦ, СКЛОННЫХ К ПРОЯВЛЕНИЮ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Согласно концепции противодействия терроризму в Российской Федерации¹, одними из основных задач в данной сфере являются:

– выявление причин и условий, способствующих возникновению и распространению терроризма;

– выявление, предупреждение и пресечение действий лиц и организаций, направленных на подготовку и совершение террористических актов и иных правонарушений террористического характера;

– привлечение к ответственности субъектов террористической деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации;

– противодействие распространению идеологии терроризма и активизация работы по информационно-пропагандистскому обеспечению антитеррористических мероприятий.

Вышеперечисленные задачи возможно частично решить путем привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления террористического и экстремистского характера с использованием сети Интернет. Приговоры по уголовным делам указанной категории в дальнейшем могут быть использованы для проведения информационно-пропагандистских мероприятий и ограничения доступа граждан к информационным ресурсам, распространяющим материалы террористического характера и экстремистской направленности.

По экспертным оценкам, в русскоязычном сегменте сети Интернет насчитывается около 30 тыс. сайтов, имеющих признаки экстремистской и террористической деятельности. Радикализация несовершеннолетних в основном происходит на форумах указанных сайтов, группах в социальных сетях и мессенджерах. Молодые люди не только легче поддаются идеологическому и психологическому воздействию, но и при определенных обстоятельствах не подлежат уголовной ответственности, в связи с чем лидеры экстремистских организаций в своей деятельности ориентируются преимущественно на молодежь, при этом

¹ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: Утверждена Президентом РФ 05.10. 2009 г. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

повышенное внимание они проявляют к отличающимся высокой степенью организованности неформальным объединениям националистов, организациям футбольных болельщиков, активно вовлекая их членов в свои ряды, провоцируя на совершение преступлений экстремистской направленности, в том числе в ходе проведения спортивных и культурных мероприятий¹. Значительная часть правонарушений радикального характера в сети Интернет также совершается несовершеннолетними.

Чаще всего субъектами преступлений экстремистской направленности и террористического характера, совершенных с использованием сети Интернет являются следующие категории граждан:

- организаторы и участники неформальных молодежных движений радикальной направленности, особенно движений националистического и анархического толка;

- лица, ранее привлекавшиеся к уголовной или административной ответственности за правонарушения экстремистской направленности, в том числе находящиеся в розыске;

- неофиты (лица, сменившие вероисповедание);

- представители средств массовой информации, в том числе имеющие статус иностранного агента;

- представители политической блогосферы;

- участники радикальных фанатских группировок.

Организация профилактического наблюдения за интернет-ресурсами данных категорий лиц позволит правоохранительным органам своевременно реагировать на проявления экстремизма и терроризма в сети Интернет и предотвращать совершение более тяжких преступлений, в том числе насильственной направленности.

¹ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369>

АНОНИМНЫЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сеть Интернет уже давно используется как средство совершения преступлений и организации анонимных коммуникаций. С момента развития пользовательских информационно-коммуникационных технологий они активно внедрились в обиход каждого пользователя компьютерных гаджетов и средств связи. Активно рекламируемая интернет-мессенджерами технология сквозного шифрования провоцирует преступные элементы к использованию в своих целях современных средств коммуникаций. Объективным преимуществом является отсутствие в мессенджерах цензуры и неприменение существующих механизмов блокировок трафика приложений. Таким образом, незаконный контент мигрировал из открытых источников сети Интернет в интернет-мессенджеры и Даркнет. Но использование сети Даркнет требует установки специальных браузеров и подключения к оверлейным сетям, а мессенджеры доступны практически по умолчанию. Тому примером является организация бесконтактного сбыта наркотиков с применением Telegram-каналов и поддерживаемых технологий анонимных ботов. В настоящее время нет проблем с поиском таких каналов, хотя и бытует мнение об абсолютной анонимности переписки. Механизм бесконтактного сбыта сводится к последовательности следующих действий: поиск и подключение к незаконному каналу сбыта наркотиков; запрос прайса; заказ требуемого товара; оплата через электронный кошелек преимущественно криптовалютой; сообщение места закладки товара¹.

Рассмотрим предпосылки преимущественного использования интернет-мессенджеров в схемах преступной деятельности. Для начала

¹ Князьков А.С. Проблемы производства обыска и выемки по делам о незаконном сбыте наркотических средств, осуществляемом путем использования электронных и информационно-телекоммуникационных сетей // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей / ред. О.И. Андреева, С.А. Елисеев, А.С. Князьков, Л.М. Прозументов, М.К. Свиридов, В.А. Уткин. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. Ч. 82. С. 168–170.

обозначим самые популярные мессенджеры интернета. К ним относятся: Telegram (проект Павла Дурова); WhatsApp (компания Meta); Viber (компания Viber Media); Signal (компания Viber Media); Snapchat (компания Snap Inc). Данные приложения доступны пользователям Android и iOS, скачиваются с официального магазина и не требуют оплаты, просты в управлении, привязаны к номеру абонента, поддерживают список контактов. Все мессенджеры используют алгоритмы сквозного (end-to-end) шифрования, что гарантирует конфиденциальность переписки на уровне абонентов без разглашения содержимого третьим лицам. Многие мессенджеры, например Telegram, позволяют создавать развитые чат-боты, автоматизируя процессы бесконтактных продаж. Работа мессенджеров на территории Российской Федерации в данный момент не ограничивается.

Однако кроме очевидных преимуществ в приложениях интернет-мессенджеров можно отметить ряд уязвимостей:

- привязка ID пользователя к номеру телефона;
- гипотетическая возможность оператора сервиса читать переписку;
- вероятность организации атак деанонимизации абонента;
- блокирование или техническое противодействие работе сервиса, контроль фактов пересылки сообщений.

Таким образом, растущей популярности использования интернет-мессенджеров в организации преступной деятельности можно противопоставить возможности оперативно-технического противодействия. Основанием для этого является требование ряда федеральных законов к операторам связи предоставлять уполномоченным правоохранительным органам информацию, необходимую для выполнения возложенных на них задач. В случае неисполнения таких обязанностей деятельность сервисов может быть ограничена, что подтверждается фактом блокирования, например, работы Instagram. Технические системы обеспечения оперативно-розыскных мероприятий также способны осуществлять деанонимизацию пользователей мессенджеров. Методы компьютерно-технической экспертизы позволяют получать информацию непосредственно с изъятых компьютерных устройств, что исключает необходимость дешифрования переписки.

ЗНАЧЕНИЕ РАБОТ И.П. ПАВЛОВА В РАЗВИТИИ СУДЕБНОГО ПОЧЕРКОВЕДЕНИЯ

Великий русский физиолог И.П. Павлов являлся приверженцем рефлексорной теории, согласно которой ведущая роль в любых проявлениях высшей нервной деятельности человека принадлежит внешним раздражителям, которые формируют либо безусловно-рефлекторные, либо условно-рефлекторные реакции¹. Ученый в своих трудах пытался объяснить механизм осознанных произвольных движений человека. Формирование определенных двигательных навыков, обеспечение «постоянства» этого процесса, по его мнению, достигаются за счет повторения одного и того же движения вновь и вновь. При однообразной, повторяющейся обстановке выполнения движения оно все более фиксируется, совершаясь с каждым разом все легче и автоматичнее. Вырабатывается так называемый «динамический стереотип», поддержка которого составляет со временем все меньший труд. Сам же двигательный навык становится трудно изменяемым, преодолеваемым новой обстановкой, новыми раздражителями².

Несомненно, в судебном почерковедении стали особо актуальными научные положения, выдвинутые И.П. Павловым. В первую очередь, это было вызвано тем, что почерковедческая экспертиза, начиная с этапа своего становления, нуждалась в научном обосновании. Вследствие этого первоначально исследование навыков природы двигательных актов, в том числе и письма, было основано на законах формирования динамического стереотипа. Учение о динамическом стереотипе в последующем повлияло на выделение таких свойств почерка, как «индивидуальность», «динамическая устойчивость», «избирательная изменчивость», следовательно, дало возможность говорить об идентификационной и диагностической значимости почерка. Свойства почерка сегодня составляют теоретическую основу всего судебного почерковедения, определяют значение почерка как объекта исследования в криминалистике.

¹ См.: Анохин П.К. Системные механизмы высшей нервной деятельности. М., 1979. С. 5.

² Павлов И.П. Условный рефлекс. Киев, 1953. С. 22.

Индивидуальность почерковых объектов, являющаяся отражением индивидуальности отдельно взятого человека, и их устойчивость от воздействий окружающего мира послужила основанием возникновения идентификационной почерковедческой экспертизы. Динамическая природа навыка, описанная в трудах этого ученого, позволила говорить о возможности исследования факторов, влияющих на постоянство отображения признаков почерка. Выявление этих корреляций породило самостоятельное направление исследования – диагностическая почерковедческая экспертиза, которая достаточно часто проводится на практике и является востребованной в плане создания новых экспертных методик.

Для развития диагностических исследований огромную роль также сыграло учение И.П. Павлова об общих типах высшей нервной деятельности. На базе природных свойств формируется характер человека, поэтому и разгадка отображения свойств личности в рукописи кроется в учении о типах высшей нервной деятельности. И.П. Павловым была предпринята одна из первых попыток типизации личности, а так как его выводы были сделаны на основании многочисленных экспериментов и подтверждены на практике, то позднее многие ученые – при создании почерковедческих методик определения свойств личности обращались к положениям определенных физиологией типов высшей нервной деятельности и их особенностях.

Таким образом, положения о навыковой сущности движений и врожденной типизации человека, разработанные И.П. Павловым, позволили сформировать научную базу судебной почерковедческой экспертизы. В дальнейшем последователи физиолога смогли доказать объективность и достоверность проводимых исследований по почерку, сделав почерковедческую экспертизу традиционной для криминалистики.

Р.А. Нейман

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА КАК ЭЛЕМЕНТ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА И ПРОИЗВОДСТВА АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ

Немаловажной составляющей оперативно-розыскной характеристики любого преступления является личность преступника. Последнему при-

сущи различные черты, способствующие успешному совершению преступлений конкретной направленности. Рассмотрим личность преступника, занимающегося незаконным оборотом алкогольной продукции.

Доступность различного рода информации, развивающейся крайне прогрессивно, сделала реальным факт обладания преступниками знаниями не только об особенностях уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но и о возможных способах документирования их преступной деятельности.

Как правило, преступления, связанные с незаконным оборотом алкогольной продукции, совершаются группой лиц. Роли лиц варьируются от участника до организатора в зависимости от объемов и способов производства и оборота алкогольной продукции. Рассмотрим некоторые из них.

Организаторы. Именно они изначально выбирают данный вид незаконной деятельности в связи, например, с близостью их места проживания с границами со странами СНГ, из которых можно наладить необходимые поставки. Далее, в зависимости от имеющегося бюджета, ими подыскиваются помещения для хранения продукции или же для размещения производственных цехов, налаживаются основные каналы поступления и сбыта контрафактного алкоголя либо сырья для его производства. Возраст организаторов составляет 26–38 лет, высокий образовательный уровень (около 68% имеют высшее образование), около 30% имеют легальный бизнес, в некоторых случаях помогающий скрывать следы преступной деятельности. Мотивация корыстная. Ярко выражена антисоциальная направленность личности¹.

К следующему типу целесообразно отнести участников, осведомленных о незаконности осуществляемой ими деятельности. Данные лица занимаются поддержанием функционирования основных и поиском дополнительных каналов сбыта; доставкой немаркированного алкоголя либо сырья для его изготовления, доставкой продукции непосредственно клиенту; решением иных вопросов, связанных с текущим функционированием нелегального оборота алкоголя; либо непосредственно задействованы на производстве. Как правило, это лица мужского пола, развитые физически, но с низким уровнем образования, в

¹ Мамедов Ш.С. Незаконный оборот алкогольной продукции и криминологическая характеристика субъекта преступления // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 6. С. 133–145.

возрасте от 18 до 50 лет, более половины которых ранее привлекались к уголовной ответственности. Мотивация корыстная, сопряжена зачастую с трудностями официального трудоустройства и меньшим уровнем дохода, нежели при работе в рассматриваемой сфере.

Еще одним типом личности преступников рассматриваемой сферы являются лица, неосведомленные о незаконности осуществляемой ими деятельности. В отличие от предыдущей категории эти люди либо не знают вовсе о том, что участвуют в противоправной деятельности, либо в малой степени догадываются об этом. Как правило, это водители, грузчики, механики, наладчики оборудования – обеспечивающий персонал. В целом по возрасту и уровню образования рассматриваемые лица схожи с предыдущей категорией, но зачастую среди них меньше ранее судимых, а уровень образования несколько выше.

Рассмотренные категории личностей преступников весьма условны, классификация довольно обобщена, но применима так или иначе к большинству случаев совершения рассматриваемых преступлений.

А.А. Нуждин

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В ПРОЦЕССЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

Сущность, значение и необходимость взаимодействия должностных лиц органов предварительного расследования с сотрудниками уголовно-исполнительной системы в процессе расследования и предупреждения пенитенциарных преступлений целесообразнее рассматривать путем анализа соответствующих теоретических, эмпирических и правовых основ.

Изучение правовой базы взаимодействия необходимо для правильной организации рассматриваемой деятельности. Понимание теоретического базиса взаимодействия важно для организации взаимодействия с целью получения максимально эффекта. Не стоит забывать,

что апробированные на практике теоретические аспекты взаимодействия часто приобретают форму правовых и становятся обязательными к применению.

Суть взаимодействия должностных лиц органов предварительного расследования и уголовно-исполнительной системы заключается в комплексном сочетании средств и методов, которыми располагает следователь (дознатель), с информацией, имеющейся у сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы для целенаправленного и эффективного предупреждения пенитенциарных преступлений¹. Обстоятельства, которые заставляют (обязывают) должностных лиц вступать во взаимодействие, можно определить в разных аспектах как необходимость координации усилий в предупреждении пенитенциарных преступлений; возможность реализации следователем (дознателем) материалов, полученных в ходе предварительного расследования, в предупредительных целях; оказание помощи со стороны должностных лиц уголовно-исполнительной системы на стадии возбуждения уголовного дела; организация «оперативного сопровождения» расследования; использование результатов режимных мероприятий и оперативно-розыскной деятельности с максимальной эффективностью; необходимость содействия должностным лицам органов предварительного расследования при производстве следственных и иных процессуальных действий; важность использования «специальных знаний» сотрудников уголовно-исполнительной системы; возможность проведения совместных мероприятий по выявлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений.

Анализ практики расследования пенитенциарных преступлений позволил выделить следующие формы взаимодействия должностных лиц органов предварительного расследования и уголовно-исполнительной системы: совместная подготовка материалов для организации предупредительной деятельности, разработка совместного плана мероприятий; проведение совместных предупредительных действий непроцессуального характера; участие следователей (дознателей) в

¹ Шурухов Н.Г. Факторы, обуславливающие потребность, и специфика правовых оснований взаимодействия следователей, дознавателей с уполномоченными лицами оперативных подразделений ФСИН России // Экономика. Право. Общество. 2022. Т. 7, № 4 (32). С. 95.

служебных совещаниях (собраниях) сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы; обмен опытом в сфере организации предупредительной деятельности; помощь в устранении выявленных обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений; подготовка совместных материалов информационного характера по вопросам предупреждения пенитенциарных преступлений.

Указанные выше формы взаимодействия в настоящее время практически не используются, однако они доказали свою эффективность в сфере предупреждения преступлений (в том числе пенитенциарных) практикой их использования и должны быть закреплены на законодательном уровне.

К.Ю. Ополонина

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Сегодня в Республике Казахстан, к сожалению, наблюдается тенденция роста регистрации киберпреступлений. Данный факт обуславливается тем, что большинство населения страны перешло на дистанционный формат работы, многие совершают онлайн-покупки на просторах Всемирной паутины, пользуются услугами интернет-банкингов и других финансовых интернет-приложений. Отметим, что сфера интернета в Республике Казахстан освоена не в совершенстве и как следствие не имеет достаточной защищенности. В совокупности все вышеперечисленные факторы приводят к тому, что все больше в последние годы возрастает количество регистрации уголовных правонарушений в сфере информатизации и связи, а равно – киберпреступлений.

Подтверждая актуальность темы данной научной статьи, обратимся к статистике совершения киберпреступлений на территории Казахстана. Анализ статистических данных показывает, что всего за период

с 2018 по 2021 г. в Республике Казахстан было совершено 364 уголовных правонарушения в сфере информатизации и связи, и 43 911 интернет-мошенничеств¹.

Так, в качестве примера рассмотрим киберпреступление, совершенное на территории Казахстана группой лиц, носящей название GoldenFalcon. Деяние было совершено посредством перехвата информации. Жертвами хакерской атаки стали как отдельные лица (журналисты, исследователи), так и организации правительственного уровня².

Криминалистическая характеристика киберпреступлений имеет прямую связь с таким элементом, как особенность следовой информации или следовой картины. Акцентируем внимание, что раскрытие киберпреступлений на территории Республики Казахстан путем получения следов является одним из способов борьбы с преступлениями. Так, в 2022 г. было раскрыто более 1 000 киберпреступлений с использованием следовой картины.

В Послании Президента страны народу Казахстана «Казахстан – 2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев» в качестве долгосрочного приоритета определена национальная безопасность, одной из составляющих которой является информационная безопасность³.

В этой связи исследование криминалистической характеристики киберпреступлений приобретает важное значение.

Необходима комплексная координация мер по защите информации в общегосударственном масштабе и на ведомственном уровне для обеспечения целостности и конфиденциальности информации.

¹ Статистические данные – сведения об уголовных правонарушениях за 2018–2021 годы. URL: <https://qamqor.gov.kz> (дата обращения: 09.02.2022).

² URL: <https://knews.kg/2019/11/25/k-masshtabnoj-hakerskoj-operatsii-v-kazhastane-mogut-byt-prichastny-siloviki/>

³ Казахстан – 2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев // Послание Президента страны народу Казахстана 1997 года. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K970002030_/info

А.П. Пинчук

О СИСТЕМЕ ОТРАСЛИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПРАВА

В оперативно-розыскной науке имеется немало работ, посвященных проблеме отраслевой принадлежности оперативно-розыскной деятельности¹.

Вопрос о доказанности существования отрасли оперативно-розыскного права (далее – ОРП) на сегодняшний момент положительно не решен. Наша позиция: ОРП – отрасль российского права, поскольку отвечает единственному критерию отраслеобразования – наличию предмета правового регулирования².

Однако любая отрасль права – это высшая ступень организации однородных правовых норм, крупнейшая ячейка системы права. В этой связи теория права разработала типовую модель структуры любой отрасли права. Мы считаем, что недостаточно с уверенностью утверждать о существовании отрасли как некоего «ареала обитания» правовых норм. Необходимо подтвердить данный тезис, «заглянув внутрь» и убедившись, что отрасль ОРП обладает *системностью*, т.е. состоит из институтов, включающих в себя однородные правовые нормы.

Сегодня требованиям системности отвечают все существующие права отрасли. Попытки придать системный вид оперативно-розыскному праву вызваны необходимостью упорядочить оперативно-розыскной правовой нормативный массив, что окажет определенное влияние на науку, обнажит имеющиеся, но затерянные ввиду неупорядоченности норм проблемы.

Понимая ОРП как совокупность оперативно-розыскных норм открытого и закрытого характера, полагаем, что система ОРП будет выглядеть шире, чем если ее строить на нормах только ФЗ «Об опера-

¹ Например: Кузнецов Е.В. Теоретические основы формирования отрасли оперативно-розыскного права : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2014. 282 с.

² Давыдов С.И., Пинчук А.П. О критериях выделения самостоятельной отрасли оперативно-розыскного права // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3 (55). С. 10–18.

тивно-розыскной деятельности». Учитывая, что в науке не установлены точные критерии деления отрасли на институты, можно предположить, что действующий Закон об ОРД позволяет выделить такие институты ОРП, как соблюдение прав и свобод человека и гражданина; институт оперативно-розыскных мероприятий (с 6-й по 9-ю статью); институт оперативно-розыскного статуса органов, осуществляющих ОРД; институт содействия граждан; институт социальной и правовой защиты оперативно-розыскных органов и конфиденентов, институт финансового обеспечения ОРД; институт контроля и надзора за ОРД.

Однако при этом выпадают институты, нормы которых имеют закрытый характер, – оперативная проверка, оперативно-технические мероприятия, оперативно-розыскное производство (дела оперативного учета, литерные дела и т.д.), о чем писал, например, А.Ю. Шумилов¹.

При этом полагаем, что более наглядна структура ОРП представлена в проекте Оперативно-розыскного кодекса В.Ф. Луговика². Видно, что ученый оперативно-розыскное право строит по пандектному принципу сродни строению уже устоявшихся отраслей права, таких, например, как уголовное и гражданское право.

Это позволяет говорить о том, что при надлежащем внимании со стороны научного сообщества оперативно-розыскные нормы могут быть приведены в систему (т.е. наделены свойством системности) и даже систематизированы с точки зрения кодификации.

Подход к данному вопросу позволяет упорядочить правовые нормы, что по опыту упорядочения издавна существующих отраслей права позволит выявить проблемы, внимание на которые ранее не было обращено.

¹ Проблемы формирования уголовно-розыскного права (Право и сыск): Авторский сборник научных работ / авт.- сост. А.Ю. Шумилов. Вып. 4. М. : Изд-ль Шумилова И.И., 2001. С. 27.

² Луговик В.Ф., Лихарев В.В. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации. М. : Проспект, 2015. 64 с.

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ СЛОЖНОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Развитие информационных технологий вызвало появление и быстрое развитие такого негативного явления, как высокотехнологичная преступность. С криминалистических позиций к высокотехнологичным преступлениям могут быть отнесены противоправные деяния, совершаемые полноструктурным способом с применением специально созданных или модифицированных в преступных целях программных или программно-аппаратных средств, осуществляемые с использованием информационных сетей преступной группой и сопровождаемые противодействием расследованию¹. Расследование этих преступлений сталкивается со значительными трудностями методического, организационного, технического характера. В связи с этим для построения частной криминалистической методики расследования данных преступлений представляет интерес привлечение концепции криминалистической сложности расследования, позволяющей, согласно формулировке В.Д. Зеленского, отразить «реально необходимые силы, средства для установления истины, способы, объем и интенсивность их применения»². Методологическая значимость данной концепции отмечалась А.С. Князьковым, справедливо связавшим ее с требованиями к методическим рекомендациям «акцентировать внимание на те обстоятельства расследования, в которых выражается организационная его сложность»³.

Полагаем, что повышенная криминалистическая сложность расследования высокотехнологичных преступлений обусловлена негатив-

¹ Поляков В.В. Источники и принципы формирования частной методики расследования высокотехнологичных преступлений // *Lex russica*. 2022. Т. 75, № 6. С. 85–96.

² Зеленский В.Д. Теоретические вопросы организации расследования преступлений. Краснодар : КубГАУ, 2011. С. 39.

³ Князьков А.С. Тактико-криминалистические задачи расследования следственно-оперативной группой многоэпизодной преступной деятельности // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 426. С. 239.

ным воздействием ряда факторов, характерных для данного вида преступных деяний. Первая группа факторов связана с особенностями высокотехнологичных преступлений, входящих в его криминалистическую характеристику. Эти факторы включают в себя тщательное сокрытие преступления, дистанционный характер преступного посягательства, проявляющийся в разнесенности «следовой картины» по разным местам, новизну и сложность используемых компьютерных средств преступления, наличие в числе соучастников специалистов в сфере информационных технологий и т.д.

Вторая группа факторов обусловлена спецификой расследования высокотехнологичных преступлений, определяющих особенности криминалистической характеристики расследования. Полагаем, что к ним нужно отнести формирование сложных проблемных и конфликтных ситуаций, вызванных применением различных приемов противодействия расследованию со стороны подозреваемых (обвиняемых) и связанных с ними лиц, недостаточностью или отсутствием у субъектов расследования специальных знаний в сфере цифровых технологий, необходимостью сложных и трудоемких судебных компьютерно-технических экспертиз, доказывания совокупности преступлений и т.д.

С позиций классификации преступных деяний по степени криминалистической сложности указанные факторы приводят к тому, что расследование высокотехнологичных преступлений должно быть признано особо сложным. Этот вывод должен учитываться при организации следственных и оперативно-розыскных действий на различных этапах их расследования.

А.С. Скоревич

ИНТЕНСИВНОСТЬ ДОПУСТИМОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ТАКТИКЕ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

В рамках исследования психологического воздействия в тактике производства допроса был собран эмпирический материал в количестве 5 011 наблюдений. Каждое наблюдение соответствует определенному параметру взаимодействия участников допроса. Для анализа ре-

зультативности применения психологического воздействия в зависимости от степени его интенсивности было отобрано 67 наблюдений соответствующих параметров взаимодействия (таблица).

		5.1.1	5.1.2	5.1.3	5.2.1	5.2.2	5.2.3	5.2.4	%	5.1.1	5.1.2	5.1.3	5.2.1	5.2.2	5.2.3
7.1	1	1	0	0	0	0	0	0		10					
10.17	1	0	0	0	0	1	0	0						3,6	
13.3	1	0	0	0	0	1	0	0						3,6	
14.2	1	0	0	0	0	1	0	0						3,6	
17.1	8	0	4	0	1	1	2	0		57,1			25	3,6	14,3
17.3	3	1	0	0	1	1	0	0		10			25	3,6	
17.4	1	0	0	0	0	1	0	0						3,6	
17.5	1	0	0	0	0	1	0	0						3,6	
17.6	1	0	1	0	0	0	0	0			14,3				
17.8	1	0	0	0	0	1	0	0						3,6	
17.9	6	2	0	0	0	3	1	0		20				10,7	7,1
18.1	28	4	1	1	2	10	9	1		40	14,3	33,3	50	35,7	64,3
18.2	10	2	0	1	0	6	1	0		20		33,3		21,4	7,1
18.3	3	0	1	1	0	1	0	0			14,3	33,3		3,6	
20.4	1	0	0	0	0	0	1	0							7,1
		10	7	3	4	28	14	1		10	7	3	4	28	14

Примечание. Тактическое воздействие: неощутимое (5.1.1), оощутимое (5.1.2), подавляющее (5.1.3), ровное (5.2.1), нарастающее (5.2.2), ослабевающее (5.2.3). Ответ: полный (17.1), пространный (17.3), не по теме (17.4), бессвязный (17.5), односложный (18.1), развернутый (18.2), составной (18.3). Расслабленная поза (7.1). Манипуляция с предметом (10.17). Высокая громкость голоса (13.3). Средний темп речи (14.2). Встречный вопрос (17.6). Незнание (17.9). Пассивность (20.4).

Тактическая составляющая психологического воздействия¹ определялась как рациональный и эффективный способ организации деятельности² допрашивающего. Была использована порядковая шкала градации оказываемого тактического воздействия: «неощутимое», «ощутимое», «подавляющее». Тактическое воздействие, охарактеризованное как «неощутимое», представляло собой неформальный стиль общения. Воздействие «ощутимое» представляло собой стремление занять доминирующую позицию в коммуникации. Воздействие «подавляющее» представляло собой установку допрашивающего на конфронтацию.

¹ Ахмедшин Р.Л. Тактика коммуникативных следственных действий. Томск, 2014. С. 23.

² См., напр.: Белкин Р.С. Курс криминалистики. Т. 1. М., 1997. С. 345; Грамович Г.И., Порубов Н.И. Криминалистика. Минск, 2007. С. 162.

Как следует из представленных данных, наиболее распространенной реакцией на неощутимое тактическое воздействие был односложный ответ. Такая реакция требует наименьшей затраты усилий. В 20% наблюдений реакцией была реплика «не знаю» или «не помню». Такая реакция представляет собой пассивное противодействие, совершаемое не из желания препятствовать, а от отсутствия желания содействовать. Также в 20% наблюдений был дан развернутый ответ на вопрос. Такая реакция наблюдалась в случаях заинтересованности допрашиваемого в исходе дела. На оощутимое тактическое воздействие наиболее распространенной реакцией (57,1%) был полный ответ. Также встречались односложный и составной ответы или встречный вопрос. Вероятно, оощутимое воздействие наиболее результативно ввиду стимуляции когнитивной и вербальной деятельности допрашиваемого. На подавляющее тактическое воздействие равновероятно (33,3%) встречались все три варианта объема ответной реплики. Можно предположить наличие корреляции с иными ситуационными параметрами коммуникации.

Относительно динамики оказания тактического воздействия отметим следующее. Наиболее предсказуемая (исходя из распределения) реакция допрашиваемого наблюдалась при оказании ровного воздействия. Наибольшая вариативность реакций наблюдалась при нарастающем воздействии. Вероятно, такое воздействие вызывает стресс, приводящий к мобилизации ресурсов и оказанию противодействия допрашиваемым. Оказание ослабевающего давления способствует получению простого и притом полного ответа на поставленный вопрос. Этому, вероятно, способствует расслабление допрашиваемого благодаря устранению необходимости обороняться.

А.Б. Соколов

СЛЕДСТВЕННАЯ СИТУАЦИЯ КАК ОСНОВА УПОРЯДОЧИВАНИЯ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Расследование преступления представляет собой процесс познания противоправного деяния путем осуществления следователем (дознава-

телем) деятельности, основанной на положениях уголовно-процессуального закона, направленной на поиск, обнаружение, фиксацию, исследование и оценку доказательств с целью установления обстоятельств произошедшего. Результативность рассматриваемой деятельности предопределена знаниями положений уголовно-процессуального права, точным диагностированием сложившейся следственной ситуации¹, обладанием следователем сведениями, составляющими информационную основу для выдвижения версий, а также обоснованным алгоритмом действий для их разрешения.

Анализ доктринальных положений, раскрывающих сущность следственной ситуации, позволяет указать на то, что исследуемая криминалистическая категория, по нашему мнению, может представлять собой совокупность результатов поисково-познавательной деятельности, отражающей информационное состояние процесса расследования преступления на определенный момент, анализ и оценка которых позволяют следователю принять обоснованное, целесообразное решение².

Учитывая сказанное, следственная ситуация выступает основой упорядочивания (организации) деятельности по расследованию преступлений и выражается в осуществляемой следователем мыслительной деятельности. При этом мыслительная деятельность следователя характеризуется осознанием мотива, побуждающего его к определенной форме активности, и цели как предполагаемого результата реализации такой формы активности (целеопределение). Сущность процесса целеопределения состоит в формировании образа будущего результата действий и принятии этого образа в качестве основы для последующей практической деятельности.

На основе совокупности результатов поисково-познавательной деятельности, отражающей информационное состояние процесса расследования преступления, осуществляется выдвижение и проверка версий для устранения противоречий между знанием и незнанием (проблемной ситуации) обстоятельств противоправного деяния. На данном этапе определяется последовательность реализации процессуальных и

¹ Соколов А.Б. Расследование краж имущества граждан, совершаемых группами несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011. С. 86–112.

² Иващенко М.А. Следственные ситуации и их значение для методики расследования преступлений // Российская юстиция. 2020. № 11. С. 38–41.

непроцессуальных способов получения информации с учетом специфики обстоятельств, подлежащих установлению (в том числе предмета доказывания). Таким образом, по сути, создается структура деятельности по расследованию преступления (алгоритм действий).

В свете сказанного полагаем, что следственная ситуация выступает основой упорядочивания мыслительной деятельности следователя, придающей расследованию преступления целенаправленный характер, активизирующей стремление лица, осуществляющего уголовное преследование, добиться планируемого результата.

О.А. Соколова

ЗНАЧЕНИЕ КОМПЛЕКСНОСТИ ПРИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ СВОЙСТВ И СОСТОЯНИЙ ЧЕЛОВЕКА

Комплексность или комплексный подход имеет большое значение для всестороннего и объективного изучения свойств и состояний человека, попавшего в орбиту уголовного судопроизводства. Как известно, диагностические исследования с применением криминалистических методов позволяют получить различные данные об изучаемом человеке, которые в последнее время интегрируются в обобщенный «криминалистический портрет»¹. Его систему можно представить в виде словесного, функционально-динамического и трасологического портретов. Однако поскольку человек является сложным биосоциальным существом, в данном случае для целостного его восприятия к «криминалистическому портрету» следует добавить и другую информацию из различных областей знания, содержащую сведения о его других свойствах и состояниях, условно представленные в следующих видах портретов: биологическом, психологическом, психиатрическом и др.

Так, следы биологического происхождения позволяют провести ДНК-анализ в рамках молекулярно-генетической экспертизы, биологическое исследование запаховых следов человека (ольфакторный метод) и т.п. Эти и другие методы диагностического исследования следов

¹ Соколова О.А. Криминалистическая диагностика человека по его следам и изображениям : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 22–23.

биологического происхождения позволяют диагностировать различные свойства и состояния человека. Отметим, что обеспечение достоверности в диагностических исследованиях следов крови и пота человека при применении биологических методов является главным условием, особенно при применении ольфакторного метода с использованием собак-детекторов. Значение методов психологии и психиатрии для изучения свойств и состояний человека в настоящее время не вызывает сомнений. Они достаточно полно разработаны и представлены в соответствующих научных направлениях. Результаты судебной психиатрической экспертизы позволяют установить свойства и состояния человека. Более полный объем информации о последних дают результаты комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз. Что касается психологических исследований, то отдельные положения, в частности, оценки результатов психофизиологической экспертизы, остаются дискуссионными. В последнее время актуальной становится психолого-лингвистическая экспертиза по материалам видеозаписи, носящая комплексный характер, исследующая как вербальные, так и невербальные признаки человека. В ходе ее производства устанавливаются признаки, указывающие на необычное состояние, например, волнения, психологического воздействия, заученности текста по видеозаписи в устной речи человека. Востребованным направлением в диагностике свойств и состояний человека является письменная речь, изучаемая в рамках автороведческих исследований. Не менее актуальным направлением является криминалистическая фоноскопия, позволяющая диагностировать свойства и состояния человека по голосу, по фонограммам устной речи, а также проводить исследования видеозаписей с запечатленным изображением человека¹. С учетом развития компьютерных технологий и нейронных сетей внимания заслуживает проблема, связанная с фальсификацией фотовидеоизображений человека, в частности так называемые «дипфейки», подлежащая комплексному исследованию, в том числе с использованием специальных знаний портретной, фототехнической и компьютерных экспертиз.

Таким образом, формирование концепции комплексного портрета требует интеграции различных областей знаний в рамках исследова-

¹ Галяшина Е.И. Развитие судебных речеведческих экспертиз в России // Эксперт-криминалист. 2010. № 4. С. 10–14.

ний на «стыке» смежных наук, взаимопроникновение и взаимное обогащение методов которых позволяет объединить их усилия для решения практических задач.

И.С. Фоминых

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕТОДА ПРОЕКТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КРИМИНАЛИСТИКИ

Дидактический метод проектов, пользующийся в последнее время в нашей стране повышенной популярностью практически во всех видах образования, нельзя отнести к нововведениям в области педагогики. Считается, что своим появлением он обязан американскому философу и педагогу Джону Дьюи (*John Dewey*), разработавшему его основы совместно со своим учеником Уильямом Килпатриком (*William Heard Kilpatrick*) в 1920-х гг. Справедливости ради отметим, что этот метод достаточно широко практиковался российским и советским педагогом-экспериментатором Станиславом Теофиловичем Шацким еще с 1905 г.¹ Таким образом, сейчас мы наблюдаем своеобразный ренессанс этого метода, обусловленный целым рядом причин. Представляется необходимым выделить две из них. Во-первых, это желание педагогического сообщества найти эффективные методы обучения в сложившихся современных реалиях. Во-вторых, массовое внедрение в процесс обучения информационных технологий, облегчающих коммуникацию в проектных группах в случаях совместной реализации различных проектов.

Эффективность метода, с точки зрения познавательной деятельности обучающихся, во многом объясняется его эвристической сущностью. В рамках этого метода, являющегося частично-поисковым, обучающиеся «...самостоятельно решают сложную проблему не от начала и до конца, а лишь частично. Преподаватель привлекает учащихся к выполнению отдельных шагов поиска. Часть знаний сообщает препо-

¹ Бершадская Д.С. Педагогические взгляды и деятельность С.Т. Шацкого / под ред. А.Н. Волковского и М.П. Малышева. М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1960. С. 119.

даватель, часть студенты добывают самостоятельно, отвечая на поставленные вопросы или разрешая проблемные задания»¹. Метод удачно соединяет академические и прагматические знания при условии соблюдения соответствующего баланса между ними².

При изучении криминалистики этот метод может быть успешно использован, на взгляд автора, в следующих направлениях.

1. Любая деятельность обучающихся, связанная с обнаружением, изъятием и фиксацией различных материальных следов, по сути своей является именно проектной работой, осуществляемой как индивидуально, так и в малых группах.

2. Проведение таких учебных следственных действий, как осмотр места происшествия, обыск, следственный эксперимент, и ряда других на криминалистическом полигоне тоже вполне соответствует всем требованиям метода проекта.

3. Наиболее полную реализацию метод может найти при изучении вопросов методики расследования отдельных видов преступлений. Автор практикует такую форму его реализации, как учебное расследование по фабуле, построенной на основе реального преступления. Обучающиеся делятся на группы по три-пять человек в каждой. На первом этапе им выдается ровно та же информация, которой располагал следователь на момент начала расследования дела. Задача группы – попытаться «расследовать» данное преступление, проходя все необходимые для этого этапы. В процессе криминалистического анализа имеющихся фактических данных, выбора необходимых следственных действий и определения тактики их проведения, конструирования тактических комбинаций операций применительно к условно-реальному расследованию, обучающимся приходится задействовать и другие методы (исследовательские, поисковые, проблемные), что полностью соответствует методу проектов, предполагающему его использование.

¹ Левитан К.М. Юридическая педагогика : учебник. М. : Норма, 2008. С. 237.

² Новые педагогические и информационные технологии в системе образования : учеб. пособие для студ. пед. вузов и системы повыш. квалиф. пед. кадров / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева, А.Е. Петров ; под ред. Е.С. Полат. М. : Академия, 2002. С. 66.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК СУДЕБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Формирование криминалистических методик судебного исследования преступлений сопряжено с рядом проблем.

Проблема первая: концепция развития. На сегодняшний день возможны два подхода, в рамках которых может развиваться направление «Криминалистическое обеспечение судебного исследования преступлений»:

1) первый подход сопряжен с тезисом о том, что криминалистическое обеспечение судебного исследования преступлений находится в тесной связке с обеспечением досудебного производства, охватывая перенос криминалистических разработок в область «траектории уголовного дела». Основной недостаток такой позиции заключается в том, что судебная процедура, по сути, отождествляется с проверкой материалов уголовного дела;

2) второй подход предполагает полную автономию судебного производства и последующую за этим необходимость в формировании теоретических и методологических начал концепции криминалистического обеспечения судебного исследования преступлений.

Проблема вторая: термины и определения. Представляется корректным применить в отношении группы криминалистических методик, охватывающих стадии судебного производства, в качестве родового понятие «судебное исследование преступлений».

Одно из первых упоминаний в отечественной специальной литературе термина «судебное исследование» встречается в работе Л.Е. Владимирова, определившего его предмет «в качестве задачи исследования истины в области фактов»¹. Позднее понятие «судебное исследование» было введено в аппарат науки криминалистики Р.С. Белкиным. Стоит отметить, что сегодня преобладает широкий или, по выражению

¹ Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Части: Общая и Особенная. 3-е изд., изм. и законч. СПб. : Кн. маг. «Законоведение», 1910. С. 5.

Е.Р. Россинской, «расширительный подход»¹ к определению судебного исследования. Однако сказанное отнюдь не исключает и толкования термина «судебное исследование» в его узком, буквальном значении применительно лишь к судебным стадиям.

Проблема третья: развитие «судебной криминалистики» предопределено сущностными отличиями между досудебным и судебным производствами. Непринятие данного научного тезиса и составляет главную проблему, препятствующую полноценному криминалистическому обеспечению второй (судебной) части уголовного процесса. Перечислим те отличительные черты, которые лежат между предварительным расследованием и судебным разбирательством уголовных дел:

1. Преваляирование «эффекта публичности» (по Г.А. Зорину²).
2. Возможность апробирования теории «воплощенного познания» в качестве исследовательского инструментария.
3. Несовпадение пределов судебного исследования с пределами доказывания, осуществляемого в ходе предварительного расследования.
4. Имеющаяся у сторон прерогатива, позволяющая самостоятельно избирать тактику представления судебной информации.
5. Коллизионность судебного разбирательства уголовных дел.

Т.И. Шаповалова

РАССЛЕДОВАНИЕ УМЫШЛЕННОГО УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ ИМУЩЕСТВА ПУТЕМ ПОДЖОГА: СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНЫЕ АСПЕКТЫ

На современном этапе умышленное уничтожение или повреждение имущества путем поджога относится к числу одних из самых распро-

¹ Россинская Е.Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 5. С. 33–34.

² Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. Мн. : Амалфея, 2000. С. 339.

страненных общественно опасных деяний. В последние годы участились случаи поджогов автомобилей из хулиганских побуждений. Обращение к статистике зарегистрированных преступлений – умышленного уничтожения или повреждения имущества путем поджога – показывает, что в 2019 г. зарегистрировано 10 202 преступления¹, в 2020 г. – 9 519 преступлений², в 2021 г. – 7 636 преступлений³.

С одной стороны, стоит констатировать снижение динамики данной преступности. Однако большая часть данных преступлений не раскрывается, что негативно сказывается на обеспечении общественного порядка правоохранительными органами, а также привлечении виновных лиц к ответственности.

Так, в частности, доля нераскрытых преступлений в 2019 г. составил 82%, в 2020 г. – 79%, в 2021 г. – 77%. То есть фактически не раскрытыми остаются больше чем половина преступлений.

Чтобы определить причину пожара, план расследования должен включать сбор информации о пожарно-технических характеристиках объекта и сущности производственной и иной деятельности на нем, определение фокуса и механизма пожара, понимание степени проявления деструктивных факторов пожара с учетом разрушительных результатов тушения пожара.

Остальные вопросы, включенные в план расследования и подлежащие разъяснению в ходе расследования, обычно связаны с задачами выявления лиц, совершивших поджог, причин нарушения правил пожарной безопасности, форм вины, мотивов и целей преступного поведения, причинности, личности преступников, характера и степени ущерба, причиненного огнем, и условия, которые способствовали пожару.

Расследование преступлений, сопровождаемых пожарами, представляет собой значительную сложность, в основном, в связи с разрушением в ходе горения (подавления, демонтажа) следов преступления. Особенно сложно определить причину пожара и обстоятельства его возникновения, без которого, как правило, невозможно установить элементы преступления, его квалификацию, идентификацию преступников.

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2021 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/>

² Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/>

³ Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2019 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/>

Экспертиза является наиболее сложной и востребованной на сегодня формой исследования вещественных доказательств. Исследование пожаров является одной из функций судебно-экспертных учреждений федеральной противопожарной службы «Испытательная пожарная лаборатория» (СЭУ ФПС ИПЛ) и заключается в сборе, анализе и обобщении данных по реальным пожарам. Современные возможности судебной экспертизы существенно расширены. С другой стороны, сохраняется ряд проблем. Так, например, часто встречающейся проблемой является правильное определение круга и содержания вопросов эксперту.

С.В. Шошин

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ, РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ОСОБЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

В современных условиях, связанных с некоторыми международными конфликтами, обусловленными использованием вооруженных сил некоторых государств, инновационным становится вопрос об актуальности разработки комплекса вопросов выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершенных транснациональными группами правонарушителей на территориях, где введены особые правовые режимы (например, чрезвычайной ситуации среднего уровня реагирования и т.д.).

Актуальными становятся проблемы выявления, раскрытия и расследования транснациональных преступлений в сфере банковских отношений. Санкции, введенные в отношении целого ряда российских банков, привели к отсутствию возможности проводить международные транзакции в традиционном формате. Сегодня для реализации таких трансграничных платежей требуется привлечение иностранных посредников (из числа банковских структур). Истребование материалов и информации из подобных иностранных банков урегулировано иностранными правовыми режимами, что зачастую увеличивает время на сбор такой информации. В силу международных договоров о правовой помощи

традиционно любое государство оставляет за собой право отказать в направлении инициатору собранного в порядке исполнения такого поручения материала, руководствуясь вопросами обеспечения национальной безопасности. Это также рекомендуется включать в число потенциально возможных результатов при планировании расследования. Соответствующую научную проблему можно сформулировать в качестве постановки вопроса для исследований в будущем. Необходимые для исследования по конкретному уголовному делу финансовые и иные документы вполне могут быть в самых разных странах мира, находящихся порой на значительном расстоянии друг от друга.

С развитием криминальных проявлений растет число проблем, связанных с дефектностью правового статуса (в условиях современной России) криптовалют. Не все государства сегодня готовы в надлежащем объеме исполнять международные просьбы по договорам о правовом сотрудничестве. При направлении экстренных экстраординарных запросов о такой помощи через консульства (генеральные консульства) далеко не всегда можно ожидать надлежащего качества их исполнения. Причина – в особенности международных отношений. Можно поставить вопрос о соответствующей законодательной инициативе. Коррелирует здесь и проблема мошенничества в сфере компьютерных игр, требующих международных платежей (транзакций). Рекомендуется создать соответствующую криминалистическую методику расследования преступлений. Здесь актуально будет учесть точку зрения ученого из Республики Беларусь Л.Л. Мельник¹.

Реальностью становятся и проблемы, связанные с деятельностью сект, в расследовании транснациональных преступлений. Сложности, возникшие в отношениях некоторых церковных структур (например, РПЦ) с иными организациями, обуславливают новый спектр вопросов в сфере взаимодействия с иностранными религиозными организациями. Актуально и серьезное развитие соответствующих экспертных методик исследования, применяемых по подобным делам.

В условиях неординарных правовых режимов процесс организации и планирования предварительного следствия может оказаться сопряжен и с иными недостаточно исследованными проблемными моментами.

¹ Мельник Л.Л. Методика расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалют и электронных денег: генезис, современное состояние, перспективы развития // Юстиция Беларуси. 2021. № 4(229). С. 43–47.

Д.К. Шаухар

ТИПИЧНЫЕ СИТУАЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ФАКТУ ГРАБЕЖЕЙ, СОВЕРШЕННЫХ НА ОТКРЫТОЙ МЕСТНОСТИ

Эффективность раскрытия и расследования разбоев и грабежей во многом зависит от правильной оценки и разрешения следователем сложившейся конкретной следственной ситуации по уголовному делу. Следственные ситуации, возникающие в процессе расследования, отличаются большой широтой и многообразием. Однако устойчивая повторяемость образующих факторов позволяет типизировать следственные ситуации¹.

Следственные ситуации классифицируются по различным признакам. Традиционным считается деление следственных ситуаций на простые и сложные (проблемные). По мнению Л.Я. Драпкина, ситуация является простой, если имеющейся в распоряжении следователя информации достаточно для построения ее однозначной модели. Если же существующая информационная неопределенность требует построения нескольких моделей, то следственная ситуация является сложной².

Если преступник задержан с поличным на месте преступления или сразу же после его совершения, перед нами простая следственная ситуация. В этом случае возможны два варианта поведения преступника: дача признательных показаний и содействие следствию или же отказ от дачи показаний либо дача недостоверных сведений. Это классический пример благоприятной и неблагоприятной следственной ситуации, их так же можно классифицировать как бесконфликтная и конфликтная следственные ситуации. В таких случаях расследование протекает довольно быстро, так как лицо не успевает скрыть следы преступления, при нем обнаруживаются похищенные вещи, и оно тотчас опознается потерпевшим.

¹ Криминалистика : учебник / О.В. Чельшева, К.И. Сотников, Е.В. Кузбагарова и др. СПб. : СПбУ МВД России, 2017.

² Драпкин Л.Я. Понятие и классификация следственных ситуаций // Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Свердловск, 1975. С. 30.

Проблемная ситуация – это «своеобразное противоречие между знанием и незнанием, средствами, находящимися в распоряжении следователя, и целями его деятельности, специфическое соотношение известного и неизвестного, при котором искомое не дано и непосредственно не содержится в исходных данных, но находится в неоднозначной предположительной связи с уже установленными фактами, в какой-то мере ограничивающими и направляющими процесс формирования решений по делу и поиск дополнительной информации»¹. Для проблемных ситуаций характерны информационная неопределенность и наличие недостаточных средств для расследования преступления.

Необходимо давать четкую оценку сложившейся следственной ситуации. Такая оценка поможет правильно составить дальнейший алгоритм расследования уголовного дела, рассмотреть возможные версии, в случае необходимости отказаться от некоторых из них.

Подводя итоги, можно прийти к выводу, что следственные ситуации и их определение являются неотъемлемой составляющей методики расследования преступлений. Расследуя уголовные дела о грабеже, совершенном на открытой местности, необходимо быть готовым к работе с различными видами ситуаций.

¹ Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987. С. 45.

НАШИ АВТОРЫ

Агабекян Алла Липаритовна – старший преподаватель кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

Акунченко Евгений Андреевич – доцент кафедры деликтологии и криминологии Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент

Акчурин Александр Владимирович – заместитель начальника Академии ФСИН России по научной работе, доктор юридических наук, доцент.

Алпатова Светлана Юрьевна – доцент кафедры уголовного права юридического факультета Академии ФСИН России, кандидат юридических наук.

Аминев Фарит Гизарович – профессор кафедры судебно-экспертной деятельности Краснодарского университета МВД России, профессор кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий, академик РАЕН, заслуженный юрист Республики Башкортостан, доктор юридических наук, профессор.

Анриенко Юрий Александрович – заместитель начальника кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.

Антонова Елена Юрьевна – заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Хабаровского государственного университета экономики и права, доктор юридических наук, профессор.

Архипов Андрей Валерьевич – судья Томского областного суда, доцент кафедры уголовного права Западно-Сибирского филиала РГУП, кандидат юридических наук.

Ахмедшин Рамиль Линарович – профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Бабурин Василий Васильевич – профессор кафедры криминологии и профилактики преступлений Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Байтеленова Самал Галымовна – научный сотрудник центра по исследованию проблем уголовной политики и профилактики преступности Научно-исследовательского института Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, м.ю.н.

- Баранов Александр Михайлович** – профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.
- Баянов Александр Иванович** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Бобовкин Станислав Михайлович** – доцент кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.
- Бойко Юрий Леонидович** – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Алтайского филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент.
- Бондаренко Наталья Сергеевна** – судья Свердловского районного суда г. Красноярска.
- Боярская Александра Владимировна** – доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, кандидат юридических наук.
- Бубербаев Нурлан Дюсентаевич** – соискатель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Валеев Марат Тагирович** – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Васеловская Александра Викторовна** – доцент кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Ведренцева Светлана Васильевна** – аспирант 3-го курса Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Вельтмандер Алексей Тимурович** – председатель Зырянского районного суда Томской области, кандидат юридических наук.
- Веснина Екатерина Павловна** – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Алтайского государственного университета.
- Витовская Евгения Сергеевна** – преподаватель кафедры уголовного права Кузбасского института ФСИН России.

- Волчечкая Татьяна Станиславовна** – директор НОЦ Ситуалогии и экономико-правовой регионалистики, профессор образовательно-научного кластера Института управления и территориального развития, доктор юридических наук, профессор.
- Воронин Олег Викторович** – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Воронин Сергей Эдуардович** – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Хабаровского пограничного института ФСБ России, доктор юридических наук, профессор.
- Гаас Нина Николаевна** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России.
- Гаврилов Денис Иванович** – преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России.
- Галушин Павел Викторович** – доцент кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники Сибирского юридического института МВД России, кандидат технических наук.
- Гладышева Ольга Владимировна** – заведующая кафедрой уголовного процесса Юридического факультета Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани.
- Глазков Михаил Борисович** – преподаватель кафедры исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и правового обеспечения деятельности УИС ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России.
- Головастова Юлия Александровна** – профессор кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент.
- Горшкова Вера Сергеевна** – начальник организационно-методического отделения ЭКЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю.
- Гришко Александр Яковлевич** – профессор кафедры уголовного права и криминологии Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, профессор кафедры уголовного права и криминологии Рязанского филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.
- Грушин Федор Владимирович** – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, доцент.

- Давыдов Сергей Иванович** – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.
- Давыдова Ольга Сергеевна** – инспектор-дежурный бюро регистрации несчастных случаев ГУ МВД России по Алтайскому краю.
- Давыдовская Марина Владимировна** – адъюнкт Академии управления МВД России.
- Дамм Ирина Александровна** – заведующая кафедрой деликтологии и криминологии Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Демченко Василий Александрович** – старший преподаватель кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.
- Дергач Николай Сергеевич** – доцент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Дизер Ольга Александровна** – преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, капитан полиции.
- Долгушина Любовь Викторовна** – заведующая кафедрой судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, кандидат химических наук, доцент.
- Долматов Александр Олегович** – доцент кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Драпезо Роман Григорьевич** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Кемеровского государственного университета.
- Дудко Нина Алексеевна** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Еремеев Сергей Геннадьевич** – доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России, кандидат психологических наук, доцент.
- Ермакова Алина Леонидовна** – адъюнкт Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова, старший лейтенант полиции.

- Ермакова Ольга Владимировна** – доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Ефименко Александр Александрович** – доцент кафедры организации исполнения наказаний ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, кандидат педагогических наук, майор внутренней службы.
- Жаксылыкова Наргиза Болатбековна** – преподаватель кафедры уголовного процесса Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова, магистр национальной безопасности и военного дела.
- Задорожная Вера Александровна** – доцент кафедры судебной и правоохранительной деятельности Юридического института Южно-Уральского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Захарова Светлана Сергеевна** – доцент института Академии ФСИН России по кафедре уголовного права, кандидат юридических наук, доцент.
- Зеленова Олеся Михайловна** – инспектор группы кадров, воспитательной и социальной работы с личным составом ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, аспирант Юридического института Томского государственного университета.
- Земсков Игорь Николаевич** – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний.
- Иванов Игорь Владимирович** – старший преподаватель кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; аспирант кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева.
- Изгагина Татьяна Юрьевна** – старший научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в деятельности таможенных органов и на транспорте НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации.
- Исаков Владислав Сергеевич** – аспирант кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Исакова Татьяна Валерьевна** – доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.
- Калашников Виктор Сергеевич** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Кемеровского государственного университета, кандидат юридических наук.

- Капустин Кирилл Вячеславович** – старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности юридического факультета Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат юридических наук.
- Каракулов Тимофей Геннадьевич** – председатель Чаинского районного суда Томской области.
- Карелин Дмитрий Владимирович** – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Каретников Константин Викторович** – преподаватель кафедры организации режима в уголовно-исполнительной системе Кузбасского института ФСИН России.
- Килимбаев Роман Валерьевич** – старший преподаватель кафедры уголовного права Академии ФСИН России, кандидат юридических наук.
- Климачков Александр Вячеславович** – старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Барнаульского юридического института МВД России.
- Климова Яна Александровна** – доцент кафедры криминалистики УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.
- Климович Лариса Петровна** – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮИ СФУ, доктор юридических наук, доцент.
- Книс Дмитрий Александрович** – начальник кабинета специальных дисциплин кафедры физической подготовки, адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России.
- Князьков Алексей Степанович** – заведующий кафедрой криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.
- Коглина Виктория Александровна** – преподаватель кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, старший лейтенант полиции.
- Кондратьев Максим Валерьевич** – адъюнкт кафедры оперативно-разыскной деятельности в ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России.
- Константинова Виктория Александровна** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, кандидат юридических наук, доцент.

- Корнаков Иван Игоревич** – аспирант кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, аспирант.
- Корнева Татьяна Сергеевна** – старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.
- Корнеев Сергей Александрович** – преподаватель кафедры уголовного права юридического факультета Академии права и управления ФСИН России, кандидат юридических наук.
- Кривошеин Иван Титмофеевич** – доцент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Кришиневиц Светлана Сергеевна** – заместитель заведующего кафедрой уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.
- Крынин Алексей Андреевич** – преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России.
- Кудрявцева Анна Васильевна** – судья Санкт-Петербургского городского суда, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.
- Кузнецов Михаил Юрьевич** – адвокат Коллегии адвокатов г. Новокузнецка Кемеровской области № 42/48.
- Кукарцев Вячеслав Николаевич** – доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Куклин Денис Сергеевич** – соискатель кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, старший преподаватель кафедры теории права Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.
- Кулаевский Андрей Витальевич** – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Алтайского государственного университета.
- Куричков Дмитрий Олегович** – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России.
- Куряхова Татьяна Владимировна** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.

- Лелик Наталия Борисовна** – начальник кафедры служебно-боевой и тактико-специальной подготовки ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент.
- Лифанова Лилия Геннадьевна** – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Лобач Дмитрий Владимирович** – доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.
- Лозинский Игорь Владиславович** – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Лонь Сергей Леонтьевич** – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Лошкобанова Яна Валерьевна** – доцент кафедры уголовного процесса юридического факультета Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Лукка Агния Павловна** – адвокат, адвокатский кабинет Лукка Агнии Павловны.
- Лукьянова Алина Александровна** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России.
- Мазур Екатерина Сергеевна** – профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор медицинских наук, доцент.
- Макеев Николай Николаевич** – заведующий кафедрой судебной, административной и прокурорской деятельности Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат юридических наук, доцент.
- Мамонтова Алёна Андреевна** – преподаватель кафедры организации исполнения наказаний ФЕК ДПО Томский ИПКР ФСИН России.
- Маслов Вилли Андреевич** – начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Машинникова Наталья Олеговна** – доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Института права, социального управления и

безопасности Удмуртского государственного университета, кандидат юридических наук.

Мезинов Дмитрий Анатольевич – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Мелков Андрей Михайлович – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности ОВД Барнаульского юридического института МВД России.

Миллер Андрей Валерьевич – адвокат, член Адвокатской палаты Томской области.

Михайлов Александр Александрович – заместитель начальника Департамента транспорта, дорожной деятельности и связи Томской области, кандидат юридических наук.

Михеенков Егор Геннадьевич – доцент кафедры экономики, политологии, социологии и права ФКОУ ВО Сибирский государственный медицинский университет, кандидат исторических наук, доцент.

Молбасин Сагынган Игенович – научный сотрудник Центра по исследованию проблем уголовной политики и профилактики преступности НИИ Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова.

Молоков Вячеслав Витальевич – начальник кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники Сибирского юридического института МВД России, кандидат технических наук, доцент.

Мухамадиева Гульнар Жаксыбековна – начальник кафедры уголовного права и криминологии Карагандинской академии МВД Казахстана им. Б. Бейсенова, кандидат юридических наук.

Мухамеджанова Аида Дарыкуловна – научный сотрудник Центра по исследованию проблем уголовной политики и профилактики преступности НИИ Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова.

Наумов Александр Андреевич – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Кемеровского государственного университета.

Негодина Олеся Анатольевна – доцент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Нейман Роман Андреевич – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности Барнаульского юридического института МВД России.

- Никитина Ирина Александровна** – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Новиков Егор Евгеньевич** – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Университета ФСИИ России, кандидат юридических наук, доцент.
- Новикова Марина Викторовна** – доцент кафедры уголовного права Института экономики и права Курганского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Нуждин Андрей Александрович** – начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Академии ФСИИ России, кандидат юридических наук, доцент.
- Ольховик Николай Владимирович** – заведующий кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Опацкая Стелла Павловна** – ассистент кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Ополонина Кристина Юрьевна** – старший преподаватель кафедры криминалистики Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова, подполковник полиции, магистр юридических наук.
- Павленко Андрей Анатольевич** – доцент кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности УИС ФКУ ДПО Томский институт повышения квалификации работников ФСИИ России, кандидат юридических наук, доцент.
- Петров Александр Васильевич** – профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.
- Пичук Антон Павлович** – преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Алтайского государственного университета.
- Писаревский Илья Игоревич** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук.
- Плаксина Татьяна Алексеевна** – профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

- Плохова Валентина Ивановна** – профессор кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.
- Поляков Виталий Викторович** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Пропостин Андрей Александрович** – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Рахматулин Закир Равильевич** – доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права Юридического института Сибирского федерального университета; доцент кафедры правовых и социально-экономических дисциплин Ачинского филиала Красноярского ГАУ, кандидат юридических наук, доцент.
- Савушкин Сергей Михайлович** – заместитель начальника Томского института повышения квалификации работников ФСИН России по учебной и научной работе, кандидат юридических наук, доцент.
- Сапожникова Светлана Ивановна** – магистрант кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Сафронов Дмитрий Михайлович** – докторант научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Саяхова Елена Рифгатовна** – начальник отдела обеспечения судопроизводства по административным делам Верховного суда Республики Башкортостан.
- Семенцов Владимир Александрович** – профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани.
- Семенюк Руслан Александрович** – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.
- Серезкина Мария Александровна** – преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, подполковник внутренней службы.
- Сидоренко Елена Васильевна** – доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.

- Скаков Айдаркан Байдекович** – профессор кафедры уголовного права и организации исполнения наказаний Костанайской академии МВД Казахстана им. Ш. Кабылбаева, доктор юридических наук, профессор.
- Скоревич Алёна Сергеевна** – аспирант кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Сороходова Александра Сергеевна** – преподаватель кафедры исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и правового обеспечения деятельности УИС ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России.
- Соколов Андрей Борисович** – заместитель начальника кафедры криминалистики Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
- Соколова Ольга Александровна** – профессор кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.
- Сорокина Анастасия Владиславовна** – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Института философии и права Новосибирского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Стародубцева Мария Александровна** – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Алтайского государственного университета.
- Ступина Светлана Александровна** – доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, кандидат юридических наук, доцент.
- Таричко Ирина Юрьевна** – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, кандидат юридических наук, доцент.
- Татьянина Лариса Геннадьевна** – заведующая кафедрой уголовного процесса и правоохранительной деятельности Института права, социального управления и безопасности Удмуртского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.
- Тепляшин Павел Владимирович** – профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России, доктор юридических наук, доцент.
- Титаренко Андрей Павлович** – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Алтайского филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент.

- Титов Павел Михайлович** – старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
- Ткач Александр Сергеевич** – аспирант кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.
- Трофимов Дмитрий Олегович** – сотрудник АНО «Диалог Регионы».
- Тыдыкова Надежда Владимировна** – доцент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Усеев Ренат Зинурович** – доцент кафедры режима и охраны в уголовно-исполнительной системе Самарского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.
- Уткин Владимир Александрович** – заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.
- Федоров Александр Федорович** – профессор кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент.
- Федотова Евгения Николаевна** – доцент кафедры уголовного права юридического факультета Академии ФСИН России, кандидат юридических наук.
- Филиппова Ольга Валерьевна** – заведующая кафедрой «Уголовно-правовые дисциплины» ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления», кандидат юридических наук, доцент.
- Фоминых Илья Сергеевич** – доцент кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Хорошева Анна Евгеньевна** – директор ТК ООО «Северное сияние», кандидат юридических наук, доцент.
- Чемерилова Елена Николаевна** – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.
- Черемин Никита Викторович** – преподаватель кафедры организации охраны и конвоирования в УИС Кузбасского института ФСИН России.
- Черненко Тамара Геннадьевна** – заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Кемеровского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

- Чернышев Дмитрий Борисович** – старший преподаватель кафедры уголовного права Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук.
- Чубраков Сергей Валерьевич** – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Томского государственного университета, кандидат юридических наук.
- Чулунов Евгений Алексеевич** – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии права и управления ФСИН России.
- Шаблинская Диана Викторовна** – доцент кафедры уголовного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.
- Шаповалова Татьяна Ивановна** – доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, кандидат юридических наук, доцент.
- Шатохин Михаил Юрьевич** – преподаватель кафедры уголовного права Новосибирского юридического института (филиала) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».
- Шаухар Данияр Канатулы** – преподаватель кафедры уголовного процесса Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова.
- Шевченко Константин Владимирович** – старший преподаватель кафедры служебно-боевой и тактико-специальной подготовки ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, подполковник внутренней службы.
- Шерстяных Александра Сергеевна** – доцент кафедры информационно-правовых дисциплин и специальной техники Сибирского юридического института МВД России, кандидат технических наук, доцент.
- Шеслер Александр Викторович** – профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.
- Шеслер Софья Сергеевна** – кандидат юридических наук, доцент Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.
- Шкуренко Иван Александрович** – преподаватель кафедры организации исполнения наказаний ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, майор внутренней службы.
- Шошин Сергей Владимирович** – доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии юридического факультета Саратовского национального

исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, кандидат юридических наук, доцент.

Юлин Максим Александрович – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Алтайского государственного университета.

Ясельская Вероника Владимировна – доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Агабекян А.Л. Добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда как обстоятельство, смягчающее наказание: теория и практика	3
Алпатов С.Ю. Иные меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним	4
Антонова Е.Ю. Признаки лица, занимающее высшее положение в преступной иерархии	6
Архипов А.В. Общественная опасность хищения	8
Бабурин В.В. Парадоксы необходимой обороны	10
Бондаренко Н.С. Явка с повинной как обстоятельство, смягчающее наказание	12
Васеловская А.В. Уголовно-правовые средства охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних	14
Вельтмандер А.Т. Отдельные аспекты, связанные с квалификацией деяния и назначением наказания по ст. 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации	16
Веснина Е.П. Эволюция признака «использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет» в преступлениях против личности	18
Витовская Е.С. О дисбалансе между оценкой общественной опасности и наказуемостью преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ	20
Демченко В.А. Медицинский работник как субъект преступлений, связанных с причинением вреда пациентам	22
Дизер О.А. Отграничение провокации преступления от фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности	23
Долматов А.О. О пределах изучения и учета личности несовершеннолетнего при назначении уголовного наказания	25
Ермакова О.В. Проблема отбора обязательных признаков конкретного состава преступления	28

Захарова С.С. Меры уголовно-правового воздействия по уголовному законодательству Республики Армения	30
Калашников В.С. Малозначительность деяний по преступлениям против собственности	32
Килимбаев Р.В. Институт неоконченного преступления в контексте принципа законности	33
Корнеев С.А. Уголовный закон как средство укрепления российской государственности	35
Куклин Д.С. Типовые схемы совершения мошенничества в сфере трудовых отношений	37
Куричков Д.О. К вопросу о понятии незаконного сбыта наркотиков	39
Лобач Д.В. Уголовная ответственность за мародерство в Российском уголовном законодательстве: некоторые правовые проблемы	40
Лозинский И.В. К вопросу о дальнейшем совершенствовании норм Уголовного кодекса Российской Федерации, охраняющих общественные отношения в сфере государственных либо муниципальных закупок	42
Лукка А.П. Проблема объекта и предмета преступления, предусмотренного ст. 238.1 Уголовного кодекса Российской Федерации	44
Молбасин С.И. Правовые основы регионального сотрудничества Республики Казахстан в вопросах борьбы с терроризмом	46
Мухамеджанова А.Д. Правовая политика Республики Казахстан в борьбе с терроризмом	48
Наумов А.А. К вопросу о субъекте преступного нарушения требований охраны труда	50
Никитина И.А. Уголовно-правовое регулирование экономических отношений	52
Ольховик Н.В. Уголовно-правовые средства обеспечения возмещения ущерба потерпевшему условно-досрочно освобожденным от отбывания наказания	54
Опацкая С.П. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ	56
Плаксина Т.А. Пенализация причинения смерти по неосторожности	57

Плохова В.И. Правовые последствия изменений ст. 286 УК РФ	60
Саяхова Е.Р. Проблемы противодействия коррупции в судебной системе	61
Сорокина А.В. К вопросу о соучастии в преступлении со специальным субъектом	63
Стародубцева М.А. Уголовно-правовые аспекты противодействия идеологии терроризма в образовательной среде	66
Ступина С.А. Уголовная ответственность за коллаборационизм в период СВО	68
Трофимов Д.О. «Период мобилизации» как одно из особых военных обстоятельств, закрепленных в уголовном законе	70
Тыдыкова Н.В. Об отграничении насильственных действий сексуального характера от преступлений против жизни и здоровья	71
Федотова Е.Н. Уголовная политика государства в части применения наказания в виде лишения свободы на определенный срок	73
Черненко Т.Г. Конфискация транспортного средства	75
Чулунов Е.А. Проблемные вопросы исправительных работ	77
Шатохин М.Ю. Уголовная ответственность за мелкое хищение: вопросы правоприменения	79
Шерстяных А.С. Мошенничество с токенами	81
Шеслер А.В., Шеслер С.С. Уголовно-правовая оценка действий организатора преступления	83
Шеслер А.В. Уголовно-правовое значение концепции личности преступника в работах В.Д. Филимонова	86
Юлин М.А. Средства индивидуальной мобильности с позиции предмета угона транспортных средств (ст. 166 УК РФ)	88

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Агабекян А.Л. Развитие Республики Армения в период с начала «бархатной» революции по настоящее время: достижения, перспективы	91
Валеев М.Т. Пенализация общественно опасных деяний в эпоху цифровизации	93
Глазков М.Б. Особенности исполнения наказания в виде ограничения свободы в закрытых административных территориальных образованиях	95

Головастова Ю.А. Кодификация российского уголовно-исполнительного законодательства: проблемы и перспективы	97
Гришко А.Я. Уголовно-правовая легализация пенитенциарного рецидива	98
Грушин Ф.В. Закон об уголовно-исполнительной системе: возможное содержание	100
Ефименко А.А. Некоторые особенности учебно-воспитательного процесса в воспитательной колонии	102
Зеленова О.М. Понятие и основные черты диспозитивности как межотраслевой категории	104
Исаков В.С. К вопросу о сроках уголовного наказания в виде принудительных работ	106
Каракулов Т.Г. Этические проблемы лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград	108
Каретников К.В. Внутренняя изоляция осужденных в условиях ВК как мера профилактики групповых правонарушений	110
Лелик Н.Б. К вопросу об организации службы временных караулов по конвоированию и охране не осужденных и лиц, содержащихся под стражей	112
Лелик Н.Б., Шевченко К.В. Проблемы организации пропускного режима в учреждениях УИС	114
Мамонтова А.А. Отношение осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, к труду как одно из оснований применения мер поощрения	115
Маслов В.А. Борьба с рецидивной преступностью: проблемы и перспективы	117
Михеенков Е.Г. Особенности подготовки сотрудников исправительно-трудовой системы НКВД РСФСР в Сибири в 1920-х гг.	119
Новиков Е.Е. О возможности замены неотбытой части лишения свободы штрафом	121
Павленко А.А. Парадигма пыток и ее отражение в пенитенциарной практике	122
Пропостин А.А. Структура мер уголовно-правового характера	125

Рахматулин З.Р. Элементы системы правоприменительного усмотрения в уголовно-исполнительном праве	126
Савушкин С.М. Место клиентоцентричности в уголовно-исполнительных отношениях	128
Сережкина М.А. Создание института пробации в России	131
Скаков А.Б., Мухамадиева Г.Ж. Исполнение наказаний по прогрессивной системе и пробация – перспективы развития УИС	132
Скорородова А. С. Призыв на военную службу осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества	135
Тепляшин П.В. Научное наследие А.Л. Ременсона в ракурсе коммуникативной теории наказания (коммуникативного ретрибутивизма)	137
Титаренко А.П. К вопросу об особенностях предупреждения радикализации осужденных в местах лишения свободы	139
Ткач А.С. Уголовное наказание и его цели: морально-этический аспект	141
Усеев Р.З. Вопросы уголовно-исполнительной правосубъектности и правоприменительной деятельности исправительных учреждений в опросах сотрудников (на примере исправительных учреждений УФСИН России по Республике Марий Эл)	143
Уткин В.А. «Сияющий град на холме» в «Концепции 2030» как ренессанс «всеобщей тюремизации» в «Концепции 2020»	145
Филиппова О.В. Государственные программы в сфере предупреждения рецидивной преступности	147
Черемин Н.В. Детерминанты совершения правонарушений осужденными, пользующимися правом передвижения без конвоя или сопровождения	149
Чубраков С.В. Средства принуждения в механизме уголовно-исполнительного регулирования	151
Шаблинская Д.В. Уголовное наказание в условиях модернизации охранительной функции уголовного законодательства Республики Беларусь	154
Шкуренко И.А. О некоторых проблемах привлечения осужденных к лишению свободы к ответственности за совершение мелкого хулиганства	156

КРИМИНОЛОГИЯ

Акунченко Е.А. Основные субъекты предупреждения коррупционной преступности в избирательном процессе	158
Байтеленова С.Г. Некоторые тенденции террористических и экстремистских преступлений в Республике Казахстан	160
Бубербаев Н.Д. Криминологическая характеристика личности современного преступника (на материалах города Астаны)	162
Дамм И.А. Состояние и перспективы декларирования доходов и расходов в сфере высшего образования в целях противодействия коррупции	164
Еремеев С.Г. Психологическая характеристика личности сексуальных маньяков (педофилов)	166
Карелин Д.В. Структура судимости несовершеннолетних	169
Корнаков И.И. Проблематика выделения «позитивистской школы» в криминологии	170
Семенюк Р.А. Проблемы профилактики мошенничеств, совершаемых посредством мобильной связи	172
Стародубцева М.А. Основные способы распространения идеологии терроризма в образовательных организациях	174
Федоров А.Ф. Современное состояние и предупреждение дорожно-транспортных преступлений	176

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР; ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Андриенко Ю.А. Актуальные вопросы соотношения досудебного и судебного производства по уголовным делам	178
Баранов А.М. Уголовный процесс – стратегия развития	180
Боярская А.В. Переходные конструкции в упрощенных производствах: проблемы унификации	184
Воронин О.В. Некоторые направления совершенствования правовых средств пенитенциарного надзора прокуратуры	186
Гаас Н.Н. Особенности участия адвоката-защитника при производстве опознания лица с использованием системы видео-конференц-связи	188

Гаврилов Д.И. Применение мер пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога	190
Гладышева О.В. Межстадийные пространства как элемент современной системы уголовного судопроизводства	191
Давыдовская М.В. Обеспечение прав участников следственных действий как общее правило их производства	194
Дудко Н.А. Производство в суде с участием присяжных заседателей: вопросы терминологии	196
Ермакова А.Л. Сроки применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве: актуальные вопросы и проблемы законодательства	197
Жаксылыкова Н.Б. Проблемные вопросы процессуального соглашения в законодательстве Республики Казахстан	199
Задорожная В.А. Преодоление цифрового неравенства в контексте цифровизации уголовного судопроизводства	201
Исакова Т.В. К вопросу о развитии примирительных процедур в уголовном процессе	203
Константинова В.А. Судебные решения переходных конструкций в упрощенных производствах: проблема унификации	205
Корнева Т.С. Особенности реализации принципа законности в организации и деятельности прокуратуры	207
Крипиневич С.С. Индивидуальное судебное регулирование и его применение в отечественном уголовном судопроизводстве	210
Кудрявцева А.В., Петров А.В. Использование доказательств, полученных в гражданском процессе при рассмотрении и разрешении уголовных дел	212
Кузнецов М.Ю. Невосполнимость процессуальных нарушений как стимул для надлежащего собирания и представления доказательств	214
Куряхова Т.В. Институт возвращения уголовного дела прокурору: современное состояние и правовые позиции Конституционного Суда РФ ...	216
Лифанова Л.Г. Несовершенство нормативного регулирования вопросов о разглашении данных предварительного расследования	218
Лонь С.Л. О законности электронных документов в уголовном судопроизводстве	220

Лошкобанова Я.В. Народное представительство в уголовном судопроизводстве России	223
Лукьянова А.А. Меры пресечения: о законотворческой тенденции к установлению срока	225
Макеев Н.Н. Проблематика правового регулирования прокурорской деятельности	227
Машинникова Н.О. Понятие о должном в уголовном судопроизводстве Российской Федерации	229
Мезинов Д.А. Уголовно-процессуальное значение изучения мотивационной сферы личности обвиняемого в производстве по уголовному делу	233
Миллер А.В. К вопросу об иных основаниях недопустимости повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела	235
Михайлов А.А. Принцип непосредственности в уголовном процессе континентальных стран	237
Новикова М.В. Использование объяснений в процессе доказывания по уголовным делам	240
Писаревский И.И. Проблемы доказывания вины по ст. 312 УК РФ в процедуре банкротства гражданина	241
Сафронов Д.М. О мнимых и действительных основаниях обращения органов предварительного расследования к контролирующим и надзирающим органам при производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан	243
Семенцов В.А. Учение о подозрении в отечественном уголовном судопроизводстве	245
Сидоренко Е.В. Основания раскрытия личности свидетеля (потерпевшего), защищенного псевдонимом, в суде первой инстанции	247
Таричко И.Ю. Социальная ценность государственной идеологии в уголовном процессе	249
Татьянина Л.Г. Признание следователем недопустимым доказательства при производстве предварительного следствия	251
Титов П.М. Государственный обвинитель по уголовным делам частного обвинения	254
Чемерилова Е.Н. Использование видеоконференцсвязи при оказании правовой помощи по уголовным делам: постановка проблемы	256

Чернышев Д.Б. Молчаливое свидетельство как форма выражения свидетельских показаний	259
Ясельская В.В. Обеспечение права на защиту при проведении дистанционного допроса свидетеля на стадии предварительного расследования	261
Изгагина Т.Ю. Противодействие коррупции на транспорте как фактор укрепления законности	263

КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Акчурин А.В. Криминалистическая характеристика пенитенциарных преступлений	267
Аминев Ф.Г. Геномная регистрация и геномная паспортизация населения: что актуальнее?	269
Ахмедшин Р.Л. О проблеме этического начала в криминалистической тактике	271
Баянов А.И. «Центр» как элемент информационно-логической структуры места происшествия	273
Бобовкин С.М. К вопросу о почерковедческом исследовании граффити	275
Бойко Ю.Л. Роль объема сведений о личности преступника для формирования версий	277
Ведренцева С.В. Первоначальные следственные действия при расследовании убийств, совершенных общеопасным способом	279
Волчецкая Т.С. Криминалистические особенности треш-стримов как одной из форм насилия в молодежной среде	280
Воронин С.С. К вопросу о криминалистической казуистике	283
Галушин П.В. Возможности использования методов анализа социальных сетей для профилактики правонарушений	285
Горшкова В.С. К вопросу о статусе специалиста в криминалистическом обеспечении оперативно-розыскной деятельности ОВД	287
Давыдов С.И. О криминальном поведении как объекте теории оперативно-розыскной деятельности	288

Давыдова О.С. Проблемы информационного обеспечения деятельности бюро регистрации несчастных случаев по розыску без вести пропавших лиц	291
Дергач Н.С. Криминалистическое моделирование на первоначальном этапе расследования квартирных краж	293
Долгушина Л.В. Проблемы предварительного исследования следов выступающих деталей транспортных средств на местах их обнаружения	295
Драпезо Р.Г. Типовая информационная модель конкретного вида преступления: что дальше?	297
Земсков И.Н. Проблемы осуществления оперативно-розыскной деятельности в исправительных центрах	299
Иванов И.В. Криминалистическое значение пространственных факторов обстановки совершения преступлений с использованием информационных технологий	301
Капустин К.В. Проблемные вопросы осуществления оперативно-розыскной деятельности оперативными подразделениями ФСИН России за пределами пенитенциарных учреждений	303
Климачков А.В. Основные направления противодействия незаконному обороту синтетических наркотических средств	305
Климова Я.А. Криминалистический аспект треш-стримов	306
Климович Л.П. Актуальные вопросы назначения и производства судебных экономических экспертиз	308
Книс Д.А. О некоторых проблемах развития оперативно-розыскной методики	310
Князьков А.С. О тактических приемах в криминалистической тактике и криминалистической методике	312
Коглина В.А. Основные направления цифровизации судебно-экспертной деятельности	314
Кондратьев М.В. Использование возможностей сети «Интернет» в выявлении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков	316
Кривошеин И.Т. Методология субъектной идеологии как сущность человека	318
Крынин А.А. К вопросу о способах совершения дистанционного мошенничества	320

Кукарцев В.Н. Актуальные вопросы организации раскрытия преступлений прошлых лет	322
Кулаевский А.В. Проблемы понятия «установление лица, совершившего преступление»	323
Мазур Е.С., Сапожникова С.И. Проблемы расследования уголовных дел о профессиональных правонарушениях медицинских работников	325
Мелков А.М. О некоторых категориях лиц, склонных к проявлению терроризма и экстремизма в сети «Интернет»	327
Молоков В.В. Анонимные интернет-коммуникации в преступной деятельности	329
Негодина О.А. Значение работ И.П. Павлова в развитии судебного почерковедения	331
Нейман Р.А. Личность преступника как элемент оперативно-розыскной характеристики незаконного оборота и производства алкогольной продукции	332
Нуждин А.А. Взаимодействие должностных лиц в процессе предупреждения пенитенциарных преступлений (уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты)	334
Ополонина К.Ю. Криминалистическая характеристика киберпреступлений в республике Казахстан	336
Пинчук А.П. О системе отрасли оперативно-розыскного права	338
Поляков В.В. К вопросу о криминалистической сложности расследования высокотехнологичных преступлений	340
Скоревич А.С. Интенсивность допустимого психологического воздействия в тактике производства допроса и результативность его применения	341
Соколов А.Б. Следственная ситуация как основа упорядочивания мыслительной деятельности следователя в расследовании преступления	343
Соколова О.А. Значение комплексности при криминалистическом изучении свойств и состояний человека	345
Фоминых И.С. К вопросу об использовании метода проектов при изучении криминалистики	347
Хорошева А.Е. Некоторые особенности формирования криминалистических методик судебного исследования преступлений	349

Шаповалова Т.И. Расследование умышленного уничтожения или повреждения имущества путем поджога: судебно-экспертные аспекты	350
Шошин С.В. Некоторые проблемы выявления, раскрытия и расследования транснациональных преступлений в условиях особых правовых режимов	352
Шаухар Д.К. Типичные ситуации первоначального этапа расследования преступлений по факту грабежей, совершенных на открытой местности	354
Наши авторы	356

Научное издание

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Часть 95

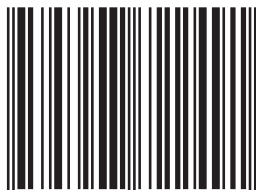
Сборник статей

Редактор В.Г. Лихачева
Компьютерная верстка А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 29.12.2023 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 10,7. Усл. печ. л. 9,9. Тираж 500 экз. Заказ № .

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-907722-49-1

9 785907 722491 >